

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (28)
2019

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Бурятия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Ф.Ш. Хузин – член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2019

© Журнал «Поволжская археология», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **V. L. Yanin** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2019

© Mari State University, 2019

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2019

Номер журнала посвящается
90-летию со дня рождения А.Х. Халикова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия)</i> К 90-летию со дня рождения А.Х. Халикова (1929–1994).....	8
<i>Смагулов Е.А. (Алматы, Казахстан)</i> К вопросу о возрасте города Туркестан.....	17
<i>Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия), Васютин С.А. (Кемерово, Россия)</i> Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина.....	32
<i>Касенова А.Д. (Алматы, Казахстан)</i> Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе.....	47
<i>Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. (Алматы, Казахстан)</i> Элитные погребения периода улуса Джучи, изученные в Актюбинской области	61
<i>Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия)</i> Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. «Джума Мечеть»	78
<i>Руденко К.А. (Казань, Россия)</i> Культурно-хронологический аспект бытования славяноидной керамики в XIII–XIV вв. в Булгарской области Золотой Орды (по материалам Лаишевского селища)	96
<i>Грибов Н.Н. (Москва, Россия)</i> Средневековая гончарная посуда с примесью раковины из Нижегородского Поволжья.....	114
<i>Бадеев Д.Ю., Соловьёва Л.Н. (Москва, Россия)</i> Предметы из дерева с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара (по материалам раскопов CLXXIX, CXCI)	130
<i>Хазиев А.И. (Казань, Россия)</i> Неполивная керамика Казани и Казанского Кремля по материалам работ Н.Ф. Калинина.....	144
<i>Карпов Э.И., Старков А.С. (Казань, Россия)</i> Наконечники стрел посадской части города-крепости Свияжск по материалам раскопа «Татарская слободка»	158

К 100-летию российской академической археологии

Белозёрова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. (Москва, Россия)

К юбилею Института Археологии РАН:
 московская секция РАИМК–ГАИМК.....172

Баранов В.С. (Казань, Россия)

К 50-летию создания Болгарского государственного
 историко-архитектурного музея-заповедника.....189

Валеев Р.М. (Казань, Россия)

Археологическое наследие Татарстана
 и проблемы его изучения и сохранения.....202

Могаричев Ю.М. (Симферополь, Россия),

Ергина А.С. (Санкт-Петербург, Россия)

Фресковые росписи пещерной церкви Южного монастыря Мангуца:
 специфика иконографии и особенности композиционного решения.....210

АлАсаад Ш. (Дамаск, Сирия)

Современное состояние и перспективы развития
 музея – археологического объекта «Босра» 224

Хроника

Яворская Л.В. (Москва, Россия), Бочаров С.Г. (Казань, Россия)

Междисциплинарный научный семинар с международным участием
 «Археобиологические исследования в Болгаре
 и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» 237

Список сокращений 243

Правила для авторов 245

*The issue is dedicated to the 90th anniversary
of the birth of A. Kh. Khalikov*

CONTENTS

Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation)
The 90th Anniversary of A. Kh. Khalikov(1929–1994).....8

Smagulov E.A. (Almaty, Kazakhstan)
Revising the Age of the Turkestan City 17

*Seregin N.N. (Barnaul, Russian Federation),
Vasyutin S.A. (Kemerovo, Russian Federation)*
Turkic «Memorial» Objects of the Ust-Karasu Complex (Central Altai):
based on the materials of the A.S. Vasyutin`s excavations 32

Kasenova A.D. (Almaty, Kazakhstan)
Research in the Turkic Stone Statues of Saryarka
at the Present Stage 47

Bissembaev A.A., Akhatov G.A. (Almaty, Kazakhstan)
Elite Burial Monuments of Juchi Ulus Period Studied in the Aktobe Region.....61

Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation)
Monumental Constructions of Bilyar: a new look. “Juma Mosque” 78

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation)
Cultural and Chronological Aspect of Slavonic Ceramics Utilization
in the 13th – 14th Centuries in the Bolgar Region of the Golden Horde
(on the basis of Laishevo settlement materials).....96

Gribov N.N. (Moscow, Russian Federation)
Medieval Pottery Ware with an Admixture of Crushed Shell
from Nizhny Novgorod Volga Region 114

Badeev D.Yu., Solovyeva L.N. (Moscow, Russian Federation)
Items Made of Wood from the Territory of the Craft and Commercial Area
at Bolgar During the Golden Horde Period
(on materials of excavations CLXXIX, CXCII).....130

Khaziev A.I. (Kazan, Russian Federation)
Non-Glazed Ceramics from Kazan and the Kazan Kremlin
on the Basis of Works by N.F. Kalinin 144

Karpov E.I., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation)
Arrowheads from the Suburban Area of the Fortress Town of Sviyazhsk
on the Basis of “Tatarskaya Slobodka” Excavation Area 158

To the 100th Anniversary of Russian Academic Archaeology

Belozerova I.V., Gaydukov P.G., Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation)

Anniversary of the Institute of Archaeology
of the Russian Academy of Sciences: Moscow Section of the Russian /
State Academy for the History of Material Culture.....172

Baranov V.S. (Kazan, Russian Federation)

The 50th Anniversary of Bolgar State Historical
and Architectural Museum-Reserve.....189

Valeev R.M. (Kazan, Russian Federation)

Archaeological Heritage of Tatarstan and the Issues
of its Study and Preservation 202

Mogarichev Yu.M. (Simferopol, Russian Federation),

Ergina A.S. (Saint Petersburg, Russian Federation)

The Murals of the Cave Church of the South Mangup Monastery:
the specifics of the iconography and the features of the composition 210

AlAsaad Sh. (Damascus, Syria)

Current State and Development Prospects of “Bosra” Museum
and Archaeological Site 224

Chronicle

Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation),

Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation)

Interdisciplinary Scientific Seminar with International Participation
“Archaeobiological Studies in Bolgar and the Settlements
of the Golden Horde: issues and prospects” 237

List of Abbreviations. 243

Submissions. 245

УДК 902/904 (092)

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.8.16>

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Х. ХАЛИКОВА (1929–1994)

© 2019 г. Ф.Ш. Хузин

В статье раскрыта роль доктора исторических наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Татарстан, профессора Альфреда Хасановича Халикова в развитии первобытной и средневековой археологии Волго-Уральского региона. Имя А.Х. Халикова, выдающегося советского археолога, одного из основателей казанской археологической школы, широко известно не только среди научной общественности России. Его труды, посвященные древней и раннесредневековой истории предков финского, венгерского, болгарского и тюркских народов, хорошо знают и за рубежом. Крупный специалист в области этногенеза и этнической истории тюркских и финно-угорских народов, он создал общую концепцию развития местного населения региона, начиная с «седой древности» и заканчивая эпохой присоединения края к Русскому государству в середине XVI века.

Ключевые слова: археология Татарстана, профессор А.Х. Халиков, финно-угроведение, болгароведение, охрана памятников, Казанская археологическая школа.

Имя члена-корреспондента Академии наук Татарстана, доктора исторических наук, профессора А.Х. Халикова стоит в числе выдающихся советских и российских археологов, внесших значительный вклад

в изучение древней и средневековой истории финно-угорских и тюркоязычных народов Восточной Европы. Четверть века тому назад, в 1994 г., он обрел вечный покой. Альфреду Хасановичу было тогда всего 65 лет, но в археологии он успел сделать много: им опубликовано, в том числе и за рубежом, более 500 работ, из них около 30 монографий, научно-популярных книг, учебных пособий. Многие из них до сих пор являются настольными книгами специалистов. Научные концепции по истории древней и средневековой истории края, созданные А.Х. Халиковым на основе анализа огромного количества новых археологических материалов, особенно те работы, которые относятся к области этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья, выдержали в основе своей проверку временем. Ярким свидетельством того, что труды А.Х. Халикова востребованы и сегодня, являются многочисленные публикации, осуществленные его ученика-

ми и коллегами после смерти ученого (Моця, Халиков, 1997; Халиков, 2005; 2011; Халикова, Халиков, 2018).

Он родился 30 мая 1929 г. в деревне Курманаево Нурлатского района Республики Татарстан в семье учителей. Его родители – отец Халиков Хасан Сибгатович (1904–1947) и мать Ахметова Газиза Гиляевна (1907–1988), оказавшиеся в этой деревне по партийной работе, давали уроки татарским крестьянам по программе ликвидации неграмотности. Вернулись Халиковы в Казань в 1930 г. Хасан Сибгатович защитил диссертацию, получил диплом кандидата физико-математических наук и до конца своей короткой жизни работал в звании доцента Казанского университета. Газиза Гиляевна преподавала биологию в средней школе.

Альфред Халиков начал интересоваться археологией в школьные годы. Будучи учеником 8 класса он познакомился с первым профессиональным археологом Татарстана Н.Ф. Калининым, посвятившим всю свою жизнь изучению первобытной и средневековой истории Среднего Поволжья. Н.Ф. Калинин работал тогда в Центральном музее республики, организовывал со школьниками экскурсии по Казанскому кремлю, улицам в исторической части города. Обследовали также памятники археологии в окрестностях города. Халиков нередко делал самостоятельные выезды на древние памятники, собирал подъемный материал. Именно тогда зародилась у него любовь к своей будущей профессии.

После окончания средней школы А.Х. Халиков поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Здесь под руководством того же Калинина он начал

серьезно заниматься археологией, участвуя во время летних каникул в разведках и раскопках, помогая своему учителю обработать добытый материал. Еще будучи студентом четвертого курса он был принят в качестве лаборанта в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Здесь он опять оказался в отделе, где работал Н.Ф. Калинин. Вместе с ним Халиков выезжает в экспедиции, начинает бурную и чрезвычайно плодотворную деятельность по организации и проведению систематических археологических экспедиций в разных районах Татарской республики и сопредельных областей, а в первую очередь, в зоне будущего Куйбышевского водохранилища (Калинин, Халиков, 1954).

К середине 1950-х гг. научные интересы Альфреда Хасановича вполне определились: он будет изучать древнейшее прошлое Казанского Поволжья. Эпохи камня и бронзы в первобытной истории края оставались наименее изученными по сравнению с более поздними периодами. Халиков предпринял широкие раскопки первоклассных памятников эпохи бронзы. Вслед за ними последовали раскопки памятников каменного века. Открытие памятников эпохи палеолита, мезолита и неолита на территории Татарстана и Марийской АССР – полностью заслуга А.Х. Халикова (Халиков, 1958; 1960).

В 1955 г. им была успешно защищена кандидатская диссертация, посвященная истории населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Окрыленный первым большим личным достижением в науке, готовый к новым свершениям, Альфред Хасанович решил расширить диапазон своих исследований как территориально,

так и хронологически. Этого требовала сама логика научных исследований – разработать общую концепцию истории первобытного населения Волго-Камья на основе новых материалов, учитывая самые последние достижения мировой археологической науки.

Новый этап творческого пути Халикова – вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. – примечателен расширением географии полевых исследований. Помимо территории Татарстана, раскопки проводились и в соседних регионах, изучались материалы музейных коллекций практически всей Северо-Восточной Европы и Сибири. Особое внимание ученый уделял памятникам раннего железного века. В результате у него постепенно складывалась схема преемственного развития местных культур от эпохи камня до железного века и раннего средневековья включительно (Халиков, 1962).

Главный итог полевых работ Халикова, проведенных во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов – многократное увеличение объема первоклассных источников, служивших в дальнейшем основой для создания широких обобщений и разработки научных концепций. Он активно включился в исследование проблем этногенеза финно-угров, предложив новые оригинальные идеи, глубоко аргументированные фактами, а иногда и спорные в силу недостаточности источников (Халиков, 1967). Его труды отражали качественно новый уровень развития археологии Волго-Камья. Богатейший материал лег в основу докторской диссертации «Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы», защищенной в 1966 г. в Институте археологии АН СССР.

В 1969 г. в издательстве «Наука» увидела свет монография А.Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья», получившая исключительно положительный отзыв отечественных и зарубежных специалистов. А.Х. Халиков получил международное признание как высококлассный специалист по первобытной археологии Северо-Восточной Европы.

Ученый с широким диапазоном научных интересов А.Х. Халиков проявил себя и как успешный болгаровед. В 1957 и 1960 гг. он совместно со своим другом В.Ф. Генингом исследует один из самых первых памятников ранних болгар на Волге – Больше-Тарханский могильник второй половины VIII – первой половины IX в. Материалы его были опубликованы в 1964 г. (Генинг, Халиков, 1964). Это была не только научная публикация материалов с тщательным описанием обряда погребения и погребального инвентаря, но серьезный труд, в котором были найдены ответы на давно интересовавшие ученых вопросы о времени появления болгар в степях Восточной Европы и проникновения их на Среднюю Волгу.

В 1961 г. А.Х. Халиков и его коллеги начали систематические раскопки Танкеевского могильника второй половины IX – первой половины X в. (Khalikova, Kazakov, 1977). В 1975 г. был открыт и впоследствии широко исследован Больше-Тиганский могильник ранних венгров (Chalikova, Chalikov, 1981). Материалы этих двух памятников оказались ценными для изучения не только болгар, участвовавших в сложении культуры средневековых татар, но и древних мажар и их прародины Magna Hungaria.

Раннебулгарскую проблематику можно назвать ключевой в истории

средневожского региона VIII–IX вв. В обществе ранних булгар вызревали предпосылки возникновения самостоятельной государственности, условия для перехода их к полной оседлости, возникновения городов, распространения среди населения мусульманской религии и т.д. Начало изучению этих процессов заложил А.Х. Халиков. Его без колебаний можно назвать пионером в области булгароведения.

Открытие ранних булгар заставило ученого заняться еще одной проблемой – проблемой первоначального заселения Восточной Европы тюркоязычными племенами. Программную статью на эту тему Альфред Хасанович опубликовал в 1971 г. (Халиков, 1971). Ученый доказывал, что первые тюрки – хунну-гунны и движущиеся с ними племена – на территории Восточной Европы появились в эпоху Великого переселения народов, т.е. не позднее III–IV вв. (Халиков, 1971; 1972). Первыми тюрками на Средней Волге он назвал именковцев, этническая принадлежность которых в последние годы стал предметом острых дискуссий. Работа в этом направлении привела его к поискам древнейших корней тюрков, истоки которых он искал в Прибайкалье, на Алтае, степных просторах Южной Сибири (Халиков, 2011).

С 1967 г. он целиком погружается в болгарскую археологию, начав широкомасштабные раскопки Билярского городища. За двадцать с лишним лет работы объединенной археологической экспедиции ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и Казанского государственного университета Биляр стал не только хорошо изученным, но и эталонным памятником домонгольской Булгарии. Сложившееся в современной историографии пред-

ставление о Биляре как крупнейшем домонгольском городе Булгарии практически целиком зиждется на работах А.Х. Халикова (см. более подробно: Khuzin, Valiulina, Shakirov, 2018).

В трудах А.Х. Халикова 1970–1980-х гг. значительное место занимало изучение проблем происхождения татарского народа. В последние годы именно в этой области наших знаний произошло существенное переосмысление сути происходивших во второй половине XIII – начале XV в. этнополитических процессов. В частности, эпоха Золотой Орды была признана как ключевой этап средневековой татарской истории.

Концепция этногенеза татар Поволжья и Приуралья, разработанная А.Х. Халиковым, наиболее полно изложена в его монографии «Татарский народ и его предки» (1989). Он прямо указывал на ошибочность широко распространенной теории, согласно которой современные татары являются прямыми потомками домонгольских булгар. Признавая болгарский период в качестве ключевого в этногенезе поволжско-уралских татар, завершающий этап их формирования А.Х. Халиков относил к первой половине XVI в. (Халиков, 1989, с. 164). По его мнению, в сложении этнической культуры средневековых татар участвовали, кроме булгар, выходцы из Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств, отмечаются также довольно значительные включения со стороны местного финского и пришлого славяно-русского населения (там же, с. 129). Принципиальные положения концепции А.Х. Халикова находят дальнейшее подтверждение в современных разработках ученых (История татар, 2006, с. 5–6).

Булгаро-татарская проблематика в исследованиях А.Х. Халикова включала и некоторые другие сюжеты, большие и малые. Это исследование древнейшей крепостной стены XII в. и руин ханских мавзолеев на территории Казанского кремля (Халиков, 1979; 1997а); историко-археологические разыскания совместно с украинскими коллегами по древнему торговому пути из Булгара в Киев – по маршруту, описанному арабским географом XII в. ал-Идриси (Моця, Халиков, 1997); изучение остатков знаменитой мечети-крепости XII в. на городище Алабуга (Халиков, 1997б), интересные статьи по проблемам духовной культуры населения Волжской Булгарии, в том числе о времени проникновения и распространения мусульманской религии среди предков татар (Халиков, 1991) и т.д. Ряд статей Альфреда Хасановича, посвященных руническим знакам на сосудах, параллелям в культуре населения Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии (Халиков, 1981а; 1981б; 1983; 1988; 1989б), этимологии названия «татары» и распространении его на просторах Восточной Европы (Chalikov, 1988), эпиграфическим памятникам на горе Балынгуз близ Биллярска (Muhametshin, Khalikov, 1977), архитектурным памятникам домон-

гольских булгар (Khalikov, Sharifullin, 1977) и др., увидели свет в зарубежных изданиях.

Велика заслуга А.Х. Халикова в деле охраны памятников истории и культуры Республики Татарстан. По его инициативе были организованы ежегодные (весной и осенью в период спада воды) выезды в Куйбышевское водохранилище с целью выявления и исследования десятков и сотен разрушающихся памятников археологии. Уникальный опыт охранно-спасательных работ в зонах функционирующих водохранилищ востребован и сегодня (более подробно см.: Ситдинов, Хузин, 2012).

А.Х. Халиков создал свою школу – это не подлежит сомнению, хотя сам он всегда подчеркивал, что существует единая школа казанских археологов, родоначальником которой является Н.Ф. Калинин. Среди его учеников 12 докторов и 8 кандидатов наук успешно продолжают дело своего учителя в академических учреждениях, в высших учебных заведениях, музеях Казани, Москвы, Йошкар-Олы, Пензы, Самары, Уфы, Перми, Петрозаводска. Все они бесконечно благодарны судьбе, связавшей их с легендарным татарским археологом Альфредом Хасановичем Халиковым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Фэн АН РТ, 2009. 188 с.
2. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
3. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. 960 с.
4. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

5. *Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш.* Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Мастер Лайн, 1999. 60 с.
6. *Моця А.П., Халиков А.Х.* Путь из Булгара в Киев: пути, связи, судьбы. Киев: Наукова думка, 1997. 192 с.
7. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. А.Х.* Халиков и охрана историко-культурного наследия Татарстана // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Тр. КАЭЭ. Вып. 8 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 25–31.
8. *Халиков А.Х.* Некоторые вопросы древней истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 г.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 111. Кн. 10. Казань: изд-во КГУ, 1951. С. 115–123.
9. *Халиков А.Х.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 11–44.
10. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.
11. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.
12. *Халиков А.Х.* У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Материалы науч. конф. / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола, 1967. С. 9–36.
13. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
14. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 7–36.
15. *Халиков А.Х.* К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья // Советская этнография. 1972. № 1. С. 100–109.
16. *Халиков А.Х.* Исследование древнейшей крепостной стены Казани // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 201–202.
17. *Халиков А.Х.* Към въпроса за археологическите извори на културата на прабългарите // Проблеми на културата / Отв. ред. Е. Николов. София, 1981а. № 4, с. 9–15.
18. *Халиков А.Х.* Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българско-съветската среща. Т. 2. София, 1981б. С. 36–42.
19. *Халиков А.Х.* Семеновский клад железных изделий // Плиска-Преслав. Шумен, 1983. Т. 3. С. 254–261.
20. *Халиков А.Х.* Булгарская руника в Среднем Поволжье // Археология. (София). 1988. № 2. С. 36–48.
21. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989а. 220 с.
22. *Халиков А.Х.* Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989б. С. 55–65.
23. *Халиков А.Х.* Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 47–60.
24. *Халиков А.Х.* Алабуга – Елабуга: История возникновения города и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга, 1997б. 32 с.
25. *Халиков А.Х.* Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле (по материалам раскопок 1977 г.) // Мавзолеи Казанского кремля: опыт историко-антропологического анализа / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1997а. С. 22–49.
26. *Халиков А.Х.* 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. София: Тангра, 2005. 160 с.

27. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2011. 336 с.
28. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: ФЭН, 2018. 144 с.
29. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 67 с.
30. Chalikov A.H. Zur Herkunft der Entwicklungsgeschichte und der Verbreitung der Bezeichnung «Tataren» im Mittleren Volgaraum und im Uralgebiet // Tatarische Etimologische Studien. II. Szeged, 1988, S. 3–60.
31. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 S.
32. Khalikov A.H., Sharifullin R.F. On the development of architecture in premongolian Volga-Bulgaria // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1977, № 29 (1–2). P. 199–202.
33. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.
34. Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. 50th anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 8–27.
35. Muhametshin D.G., Khalikov A.H. Unpublished Volga Bulgarian inscriptions // Acta Orientalica Hungarica. Budapest, 1977. T. 31, fasc. 1. P. 107–126.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

THE 90TH ANNIVERSARY OF A.KH. KHALIKOV (1929–1994)

F.Sh. Khuzin

The paper attempts to reveal the role of Professor Alfred Khasanovich Khalikov, Doctor of Historical Sciences and Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in the development of the primeval and medieval archaeology of the Volga-Ural region. The name of A.Kh. Khalikov, an outstanding Soviet archaeologist and one of the founders of Kazan archaeological school, is also widely known beyond the Russian scientific community. His works dedicated to the ancient and early medieval history of the ancestors of the Finnish, Hungarian, Bolgar and Turkic peoples are well known abroad. Alfred Khasanovich was a major expert in the field of ethnogenesis and ethnic history of the Turkic and Finno-Ugric peoples, who established the region's local population development concept, from "dateless antiquity" until the period of the region's inclusion in the Russian state in the middle of the 16th century.

Keywords: archaeology of Tatarstan, Professor A.Kh. Khalikov, Finno-Ugric studies, Bolgar studies, protection of monuments, Kazan archaeological school.

REFERENCES

1. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov A. G. (eds.). 2009. *Alfred Khasanovich Khalikov: uchenyi i uchitel' (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) (Alfred Khasanovich Khalikov: Scientist and Teacher (Dedicated to the 80th Anniversary))*. Kazan: "Fan" Publ. (in Russian).
2. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

3. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 1. Narod stepnoi Evrazii v drevnosti (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 1. Peoples of Steppe Eurasia during Prehistory)*. Kazan: "Rukhiat" Publ. (in Russian).
4. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
5. Kuz'minykh, S. V., Starostin, P. N., Khuzin, F. Sh. 1999. *Al'fred Khasanovich Khalikov. Ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti (Alfred Khasanovich Khalikov. Essay on the Life and Scientific Activity)*. Kazan: "Master Lain" Publ. (in Russian).
6. Motsia, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Put' iz Bulgara v Kiev: puti, sviazi, sud'by (Journey from Bolgar to Kiev: Routes, Links and Fates)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
7. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 8. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 25–31 (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. 1951. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 111. Book 10. Kazan: Kazan State University Publ., 115–123 (in Russian).
9. Khalikov, A. Kh. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 11–44 (in Russian).
10. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).
12. Khalikov, A. Kh. 1967. In Arkhipov, G. A., Kazantsev, D. E. (eds.). *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola, 9–36 (in Russian).
13. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Khalikov, A. Kh. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).
15. Khalikov, A. Kh. 1972. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 100–109 (in Russian).
16. Khalikov, A. Kh. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 goda (Archaeological Discoveries of 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 201–202 (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. 1981. In Nikolov, E. (ed.). *Problemi na kulturata (Problems of culture)* 4. Sofia: "BAN", 9–15 (in Bulgarian).
18. Khalikov, A. Kh. 1981. *Pliska – Preslav. Prab"lgarskata kultura (Pliska - Preslav. Proto-Bulgarian culture. 2)*. Sofia, 36–42 (in Russian).
19. Khalikov, A. Kh. 1983. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 3. Shumen, 254–261 (in Russian).
20. Khalikov, A. Kh. 1988. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2. Sofia, 36–48 (in Russian).
21. Khalikov, A. Kh. 1989. In *Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)*. Shumen; Sofia: "BAN" Publ., 55–65 (in Russian).
22. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (The Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Bilyar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar – Capital of Pre-Mongol Bulgaria)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 47–60 (in Russian).

24. Khalikov, A. Kh. 1997. *Alabuga – Elabuga: Istoriia vozniknoveniia goroda i issledovaniia Elabuzhskogo gorodishcha v 1993 godu (Alabuga - Elabuga: History of the Foundation of the Town and Study of Elabuga Hillfort in 1993)*. Elabuga (in Russian).
25. Khalikov, A. Kh. 1997. In Khakimov, R. S. (ed.). *Mavzolei Kazanskogo kremlia (Kazan Kremlin Mausoleums)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 22–49 (in Russian).
26. Khalikov, A. Kh. 2005. *500 russkikh familii bulgaro-tatarskogo proiskhozhdeniia (500 Russian Surnames of Bolgar-Tatar Origin)*. Sofia: “Tangra” Publ. (in Russian).
27. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia. (Fundamentals of the Ethnic Genesis of Middle Volga and Cis-Ural Peoples)*. Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).
28. Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. In *Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).
29. Khuzin, F. Sh., Khamidullin, B. L. 2015. *Al'fred Khalikov*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
30. Chalikov, A. H. 1988. In *Tatarische Etimologische Studien*. II. Szeged, 3–60 (in German).
31. Chalikova, E. A., Shalikov, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum (in German).
32. Khalikov, A. H., Sharifullin, R. F. 1977. In *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 29 (1–2). Budapest, 199–202 (in English).
33. Khalikova, E. A., Kazakov, E. P. 1977. In *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest. 21–221 (in French).
34. Khuzin, F. Sh., Valiulina, S. I., Shakirov, Z. G. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 8–27 (in English).
35. Muhametshin, D. G., Khalikov, A. H. 1977. In *Acta Orientalica Hungarica*. Vol. 31, fasc. 1. Budapest, 107–126 (in English).

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в номер 27.02.2019 г.

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ ГОРОДА ТУРКЕСТАН¹

© 2019 г. Е.А. Смагулов

В статье рассматривается проблема определения возраста средневекового города Туркестан. В 2000 г. в Казахстане был широко отмечен 1500-летний юбилей. С тех пор в результате систематических археологических работ были получены новые свидетельства о более ранней дате возникновения первых построек, которые стали древней цитаделью города. Как оказалось, застройка цитадели начинается с монументального крестообразного в плане здания. Оно имело, вероятно, 2–3 этажа, толстые пахсовые стены цокольного этажа были пронизаны щелевидными бойницами. На следующем этапе к нему пристраивается здание из длинных коридорообразных сводчатых помещений с открытым двориком в центре. Вся цитадель обводится пахсовой крепостной стеной с бастionsами на углах. Полученный комплекс артефактов и наблюдений позволяет датировать время возведения первых построек цитадели древнего Ясы II–I вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, строительный горизонт, крепостная стена, своды, арки, цитадель, кушаны, сарматы, бастсион, фортификация, пахса.

В археологии Казахстана проблема установления возраста города Туркестан никогда не формулировалась как задача перспективных археологических исследований на городище. Уже первые археологические исследования, проведенные здесь, «обслуживали» задачи реставрации архитектурной доминанты города – мавзолея / ханаки Ходжи Ахмеда Яссави. Первым профессиональным археологом, проводившим здесь в 1928 г. археологические раскопки, был Михаил Евгеньевич Массон. Он археологическими методами определил уровень полов ханаки, погребенных под поздними отложениями «культурного слоя», и занимался изучением структуры ее фундаментов (Массон, 1929, с. 40; Смагулов, 1998, с. 93–97). Нужно вспомнить, что с тех пор систематических археологических исследований на городище не проводилось,

а если и велись какие-то раскопки, то они были «привязаны» к задачам реставрации тех или иных архитектурно-археологических памятников в охранной зоне мавзолея-ханаки Ходжи Ахмеда Яссави.

Однако Т.Н. Сенигова, проводя в 70-х годах прошлого века систематические исследования в «охранной зоне» мавзолея, помимо традиционных реставрационных задач ставила и научно-исследовательские цели, касающиеся истории культуры всего городища. В частности, ею был осуществлен стратиграфический раскоп на территории «кокандского арка». Был начат большой раскоп на холме Культобе, в расчете достичь древнейших культурных слоев. Но этот раскоп после непродолжительных работ был заброшен, поскольку как тогда посчитала руководитель работ, на глубине 1,5–1,8 м от уровня современной

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Археология Туркестана: от древности до Ходжа Ахмеда Яссави» AP05133405 МОН РК.

дневной поверхности они дошли до искусственного стилобата (Сенигова, 1976, с. 105–121; Сенигова, Бурнашева, 1977, с. 49–55).

В 80-е гг. прошлого века исследования в г. Туркестане по заданиям реставрационного ведомства были продолжены. В 1982 г. сверх «реставрационной программы», но при поддержке руководителей реставрационной службы мы заложили небольшой стратиграфический раскоп на ближайшем к стенам средневекового города обрывистом краю холма Культобе, т. е. чуть в стороне от раскопа Т.Н. Сениговой (рис. 1). Здесь на глубине 7 м раскоп достиг материка, зафиксировав при этом семь последовательных культурных слоев. Этот-то новый для городища Туркестан материал и послужил основой для последующих предварительных публикаций (Смагулов, 1985, с. 222–223; 1987, с. 579–580; 2017, с. 73–75).

Полученные тогда данные и предварительные заключения отодвинули дату возникновения города Туркестан сразу почти на 700 лет «в глубь веков». Ведь до того фактически не было никаких оснований, кроме легенд и прочих «преданий старины далекой», говорить о городе ранее XII в., т. е. ранее жизни здесь Ходжи Ахмеда Яссави: ни свидетельств письменных источников, ни комплекса археологических артефактов. Не было даже аргументированной локализации самого этого города Яссы, бывшего, судя по упоминаниям письменных источников, предшественником позднесредневекового города Туркестан.

Тогда же возникли сомнения в адекватности предложенной даты, но на наши предложения дополнительно провести более широкомасштабные целенаправленные исследовательские

работы на том же холме Культобе с целью надежного обоснования выдвигаемой даты или даже ее углубления, – конструктивного ответа не последовало. Так, в 2000 г. г. Туркестан отметил 1500-летие. Для обоснования иной даты в то время аргументов попросту не было. Да и эта дата «появилась» фактически без особых затрат от устроителей пышных юбилеев: для определения даты зарождения города вообще не выделялись какие-либо средства, она была установлена как бы попутно, при решении реставрационных задач. В то время как у соседей на цели обоснования даты возникновения исторических городов работали многолетние специальные хорошо финансируемые археологические экспедиции, проводились международные симпозиумы... Один из последних примеров государственного подхода – определения даты возникновения города Казани в Татарстане (Хузин, Ситдинов, 2002, с. 18–27; Ситдинов, 2006; Казань в средние века..., 2006).

Стратиграфический раскоп, начатый в 1982 г. на Культобе, в 300 м от ханаки-мавзолея площадью около 70 кв. м в самых нижних 10–12 ярусах вскрыла аморфный золистый слой (более 1,5 м толщиной) без признаков каких-либо построек. Основными находками были редкие фрагменты керамических сосудов ручной лепки, обломки каменных ладьевидных зернотерок и прочих каменных орудий – отбойников, терочников и т.п.

Поскольку находки не были «привязаны» к полам построек, то первый (самый древний) строительный горизонт (СГ1) выделен условно и представляет собой почти полуметровую толщу культурного слоя, лежащего на материке. Отметим,

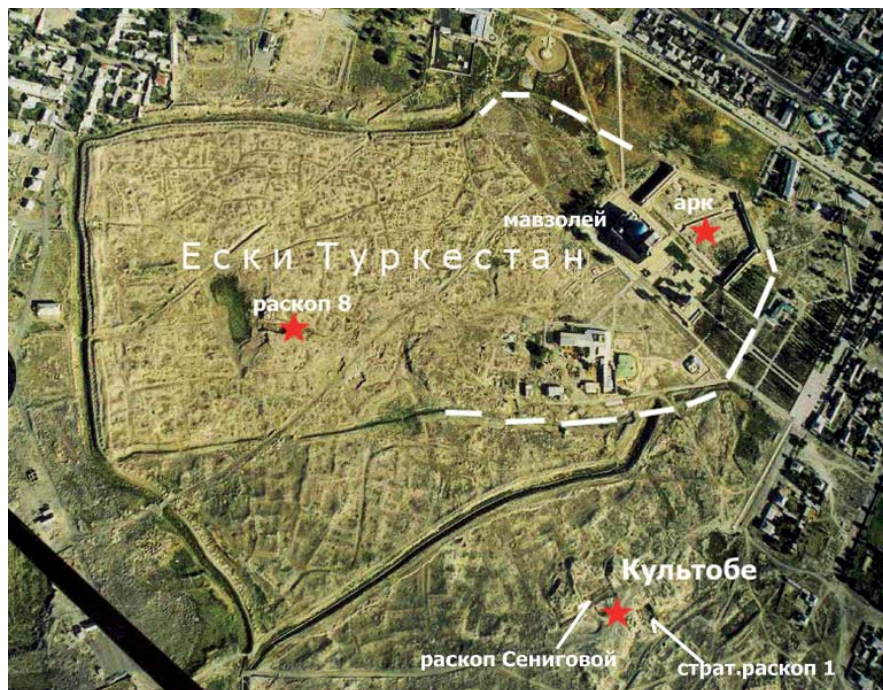

Рис. 1. Аэрофото городища Ески Туркестан.

Fig. 1. Eski Turkestan fortified settlement aerophoto.

что подобные субстратные золистые аморфные слои характерны для стратиграфии многих средневековых городищ сырдарьинского региона (Отрар, Шойтобе и пр.). Собственно, всех городищ, где изучалась полная стратиграфия.

Такую же «пачку» золистых прослоек общей толщиной 0,5 м выявил М.С. Мерциев в 1962 г. в основании стратиграфии культурного слоя шахристана Тараза. Этот слой был очень беден находками и его перекрывал галечный слой в 10–20 см толщиной. Автор предположил, что галька – это следы разлива р. Талас. Слой был отнесен М.С. Мерциевым к первым векам н. э., хотя в субстратных слоях Тараской стратиграфии можно ожидать выявления раннекушанских материалов, которые можно датировать первыми веками до н. э. (Мерциев, 1968, с. 38, 44).

В комплексе керамики, объединенной нами в условный «строительный горизонт 1» Культобе (СГ1), тогда насчитывалось всего 23 фрагмента профилей частей сосудов. Во «втором строительном горизонте» (8–9 ярусы), перекрывавшем СГ1, были выявлены остатки пяти помещений с мощными стенами толщиной до 1,4 м, сложенных из кирпича-сырца размером 40×20×9–10 см. В помещениях прослеживаются узкие невысокие суфы.

Керамические формы, полученные из этих двух субстратных слоев Культобе, по целому ряду морфологических признаков были близки типам керамики из нижнего слоя городища Минг-Урюк в Ташкентском оазисе, из нижнего горизонта городища Ак-тобе I Чардаринского. Подобная керамика происходит из XIV строительного горизонта стратиграфического раскопа Отрара, из слоев городища

Костобе южное и Ботайтобе и могильника у с. Чага Туркестанского района. Эти аналогии позволяли датировать время отложения I–II строительных горизонтов Культобе временем II этапа Отрарско-Каратауской культуры (IV–VI вв.) (Смагулов, 2017, с. 70 и сл.).

Расположенный еще выше СГЗ содержал погребение коня, которое включает Культобе в круг древнетюркских древностей. Эта находка придавала большую уверенность в датировке I–II строительных горизонтов серединой I тысячелетия н. э. В погребении были обнаружены железное стремя, одноколычатые удила, которые разрушились при изъятии из грунта, а также серебряная гладкая бляшка и костяной наконечник стрелы (рис. 2). Подобные по форме стремяна распространяются в степях Евразии в VI–VII вв. Все немногочисленные погребения коней среднеазиатско-казахстанского региона с аналогичными стремянами датируются исследователями концом VI–VII вв., т. е. временем завоевательных походов Тюркского каганата (Степи Евразии..., 1981, с. 37).

Аналогичное по форме стремя и железные одноколычатые удила были обнаружены в погребении под Самаркандом (Спришевский, 1951, с. 39–40). Другое подобное стремя случайно обнаружено при строительстве ташкентского канала (Древняя и средневековая культура Чача, 1979, с. 38, рис. 13) и при раскопках в Пенджикенте (Распопова, 1981, с. 100, рис. 70: 2). Аналогичные по форме, но бронзовые, гладкие бляшки без орнамента встречены на ближайших городищах Сидак и Каратобе, в слоях VII–VIII вв. (Смагулов, 2011, с. 283, рис. 53), и в слое VII в. на городище Пенджикент в Таджикистане. Эти и другие находки фрагментов конского убора в регионе

аналогичны инвентарю погребений алтайских тюрок VI – первой половины VII в. могильника Кудэрге (Гаврилова, 1965), на что уже указывалось исследователями (Распопова, 1981, с. 97–98).

Отметим, что традиция отдельного погребения коня имеет свои истоки в хунно-сяньбийской эпохе на Алтае. Проявлялась она наиболее интенсивно на ранней стадии формирования тюркской культуры, а именно во второй половине VI – первой половине VII в. н. э. (Серегин, 2017, с. 36–48).

Если принять, как наиболее вероятную, дату для третьего строительного горизонта Культобе первую половину VII в., то, поскольку II и I строительные горизонты залегают ниже, время их отложения вполне может быть отнесено к IV–VI вв., чему не противоречит анализ имеющихся из этих горизонтов керамических комплексов.

По мнению специалистов, в IV–V вв. в Средней Азии происходят кардинальные изменения форм материальной культуры, и, прежде всего, изменился характер такого важного этнокультурного показателя, как жилище. Распространение этих инноваций принято связывать с продвижением на рубеже IV–V вв. вверх по Сырдарье носителей джетыясарской культуры, населения древних пересыхающих русел, давших импульс смещению носителей культуры каунчи во внутренние оазисы Средней Азии (Вайнберг, 1999, с. 255). Л.М. Левина датировала время массового распространения джетыясарских керамических форм вверх по Сырдарье, на территорию средне-сырдарьинских Отрарско-каратауской и Каунчинской культур, концом III – началом IV в. Причем эта инвазия культурных признаков была столь су-

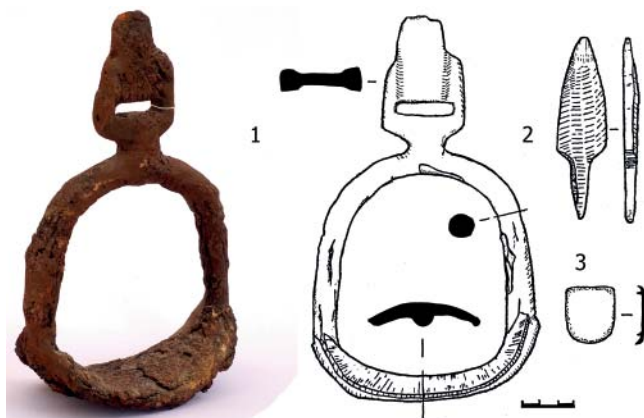

Рис. 2. Стремя из погребения коня в третьем строительном горизонте Культобе.

Fig. 2. Stirrup from the horse burial in the Kultobe building horizon.

шественна, что значительно изменила облик самих культур, и дальнейшее их развитие характеризуется уже как следующий, третий этап, со своим характерным комплексом признаков (Левина, 1981, с. 174). С этим продвижением населения связывается распространение погребальных сооружений в виде склепов в Фергане, и на Средней Сырдарье (Матбабаев, 1998, с. 71). По аргументированному мнению Р.Х. Сулейманова, в формировании третьего строительного горизонта городского храма городища Еркурган, и в облике культуры этого периода всего Южного Согда, проявились инновации «джетыасарской архитектурно-строительной традиции» (Сулейманов, 2000, с. 143). Автор сопоставляет планировку некоторых зданий с планировкой интерьеров джетыасарских наземных погребальных склепов (тип 3), исследованных Л.М. Левиной на высохших руслах Сырдарьи (Левина, 1996). Этим распространением носителей присырдарьинских культур во внутренние оазисы Средней Азии объясняется формирование архитектурного облика раннесредневековых замков, а также распространение крестовидных в плане культовых сооружений (Сулейманов, 2000, с. 259, 265).

За прошедшие с той поры годы археология расширила и углубила понимание историко-культурных процессов, происходивших в регионе в ту отдаленную эпоху. Получены четкие данные о присутствии в первых веках до н. э. на средней Сырдарье населения «сарматского круга». Например, в стратиграфии городища Шаштобе (Ташкентский оазис) четко документируется могильник «пришельцев с северо-запада – из Приуралья и Приаралья», который размещается на развалинах бургулюкского поселения, а этот горизонт перекрывается монументальной постройкой культуры Каунчи (Филанович, 1991, с. 77–87; Филанович, 1999, с. 124–125).

В это же время здесь наблюдаются процессы активного заселения всех ирригационных районов, появление множества новых поселений и их систем, т. е. это явление можно охарактеризовать как «урбанистический взрыв». Скорее всего, эта миграция имела аналогичные последствия и ниже по Сырдарье. Здесь плотно заселяются прежде слабо освоенные удобные для земледелия земли по течению р. Арысь (Отрарский оазис) и еще ниже, в Туркестанском оазисе.

Повсеместно происходит трансформация основного вида оседлого

Рис. 3. Фрагмент застройки древней цитадели Яссы. Крестовидный замок.

Fig. 3. Element of the building development in the ancient Yassy citadel. Cross-shaped castle.

жилища. Если в Согде, Чаче, Фергане в VI–III вв до н. э. были традиционные жилища «земляночного типа» (Омельченко, 2004, с. 62–68), то со II в. до н. э. распространяются наземные дома, в которых «интерьер жилых помещений... так же, как и в Хорезме, был организован, прежде всего, П-образной или Г-образной суфой, не характерной ранее для жилищ этих областей... Интерьер жилых комнат стал иным: вдоль трех или четырех стен тянулись кирпичные суфы, посредине помещался открытый очаг-кострище, на одной из суф устраивался тандыровидный очаг» (Неразик, 1986, с. 37). Действительно, отмеченные детали интерьера жилых помещений не известны в городских жилищах античной Средней Азии. В то же время они характерны для жилищ самых ранних слоев городищ джетыясарской культуры, сформировавшейся в Приаралье на нижних руслах Сырдарьи. Здесь многолетними стационарными исследованиями установлено, что, по крайней мере,

с последних веков до н. э. сильно укрепленные крепости застраивались «жилыми секциями», характерными признаками которых было наличие в центре на полу открытого типа очаг-алтаря, невысоких суф лежанок по периметру стен (Левина, 1996, с. 25–26, рис. 10, 29, 27–30, илл. 15–17, 35), т. е. появление на поселениях стационарных наземных построек с подобными признаками интерьера уже само по себе может быть хронологическим индикатором первых веков до нашей эры.

Вполне вероятно, что интерьер святилищ с напольными алтарями-подиумами, так же, как и «парадных залов» в цитаделях Согда, своими истоками имеет интерьер более ранних жилых помещений приаральских культур. Именно среди традиционных жилых помещений джетыясарской культуры первых веков до нашей эры и нашей эры видит, например, Л.В. Гуревич «ближайшие прототипы» для «кушанских» культовых квадратных помещений с суфой и ал-

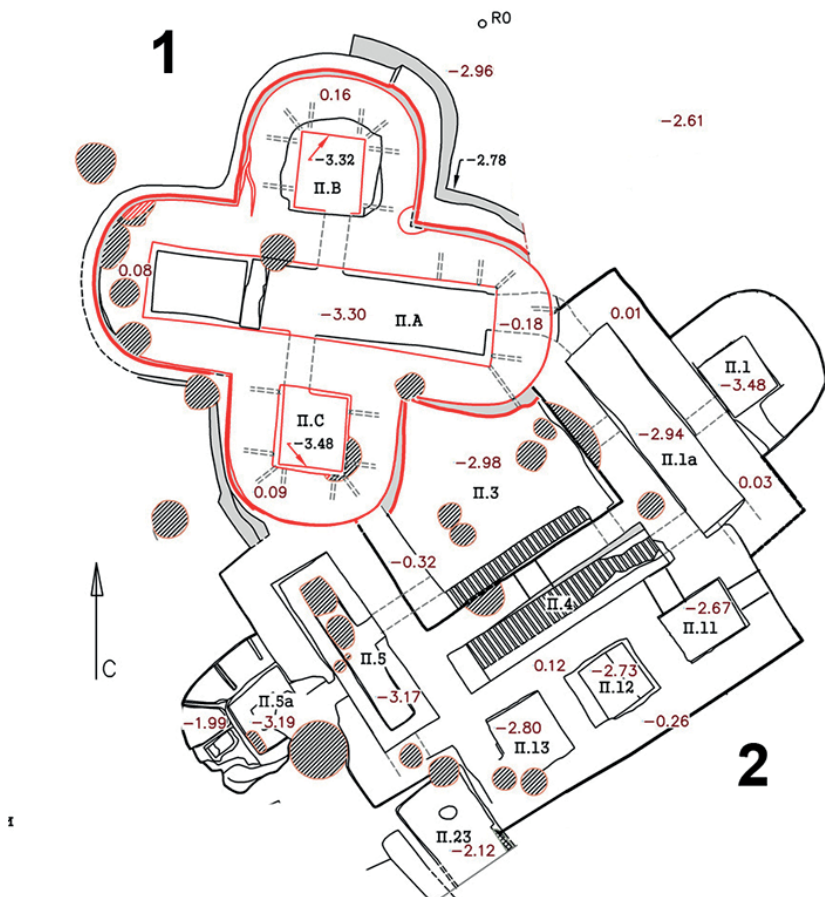

Рис. 4. План древнейшего «крестовидного» замка цитадели двух строительных этапов.

Fig. 4. Layout of the ancient "cross-shaped" castle of the citadel in two building stages.

тарем-подиумом в центре (Зартепе) (Гуревич, 1990, с. 73).

В самом г. Туркестан систематическими раскопками под наслоениями холма Культобе вскрыт горизонт, существование которого по стратиграфическим данным и комплексу находок можно отнести к периоду II в. до н. э. – III в. н. э. Собственно, здесь начато вскрытие древнейшей цитадели города Яссы (Смагулов, 2013а, с. 493–518; Смагулов, 2013б, с. 197–215).

На данном этапе археологических исследований вскрыта большая часть застройки древней цитадели. Здесь

завершена расчистка неплохо сохранившегося основания замка цитадели (высота сохранившихся стен 3,2–3,4 м) (рис. 3, 4), выявлен протяженный (40 м) участок древней крепостной стены (II–I вв. до н. э.), изучается застройка древней цитадели. Установлено, что цитадель существовала продолжительное время, пережила несколько этапов реконструкции и была заброшена после разгрома и сильного пожара. Позже ее руины были забутованы и сверху построена уже раннесредневековая цитадель с замком. В ходе раскопок получен вы-

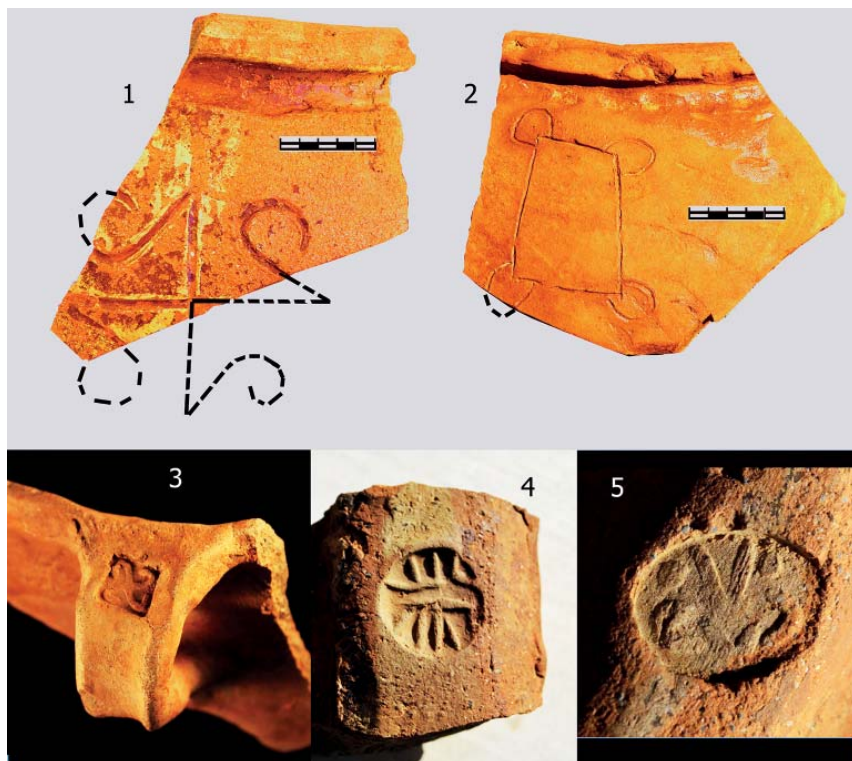

Рис. 5. 1, 2 – тамгообразные знаки последнего этапа цитадели (III в.н.э.);
3, 4, 5 – оттиски гемм на керамике I–II вв.н.э.

Fig. 5. 1, 2 – tamgha-like symbols from the last citadel horizon (III century A.D.);
3, 4, 5 – gemma imprints on ceramics of the I–II centuries A.D.

разительный комплекс археологических данных, датирующих основные этапы реконструкции архитектурных сооружений. Комплекс уникальных находок проливает свет на культовую, обрядовую сторону жизни древнего Ясы во II в. до н. э – III в. н. э. (Смагулов, 2014, с. 183–190).

Среди обломков массовой керамики, например, привлекают внимание четко прочерченные по сырой глине тамгообразные знаки – эмблемы. Наиболее интересен из них, как мы называем его между собой, «тамга тамплиеров» – знак в виде квадрата с кружками по углам (7 экз.) (рис. 5: 2). Наряду со знаком в виде простого креста или свастики – это самый распространенный знак культобинской

коллекции. Для первоначального этапа цитадели наряду с прочерченными знаками характерны и оттиски гемм с «тамгообразными знаками» (рис. 5: 3, 4, 5).

Во дворе перед главным входом в Замок была поднята золотая «калачиковидная» серьга, инкрустированная гранатами. На полах Замка находились мелкие золотые «потеряшки» – нашивки на одежду, всякий мелкий золотой бисер... (рис. 7: 1, 2). Но эта находка может обосновать дату одной из последних реконструкций всего замка. Наиболее ранние образцы аналогичных изделий, широко бытовавших в среде степных сарматских племен, встречены в погребениях 1-й половины III в. н. э., но большая часть

Рис. 6. Восточный участок древней крепостной стены цитадели с пристройками.

Fig. 6. Eastern section of the ancient citadel wall with extensions.

находок присутствует в комплексах середины – 2-й половины III в. н. э.² Найденная золотая серьга вполне может быть еще одним «хронологическим репером» для датировки времени древних реконструкций замка на последних этапах его существования. Кстати, происхождение подобных ювелирных украшений специалисты традиционно связывают с ювелирными центрами Средней Азии.

Дату последней реконструкции цитадели подтверждают и кушанские монеты, найденные на верхних полах внутри замка. Одна из них, лучше со-

хранившаяся, происходит из пом. 13 СГ2, из заполнения которого происходят также фрагменты двух хумов с уникальными тамгами (рис. 5: 1, 2). Монета найдена в обмозке одного из уровней позднего пола. Она сильно потерта, бактрийская надпись неразличима (рис. 7: 3), но по ряду признаков она определена как монета кушанского царя Хувишки (середина II в. н. э.)³. Относится монета к типу «с правителем, сидящим «по-турецки», с воздетой левой рукой на Av. На Rv изображение в круглом ободке из перлов стоящего божества, простершего

Рис. 7. Золотые «потеряшки» и кушанская монета с верхних полов замка.

Fig. 7. Gold "lost things" and Kushan coins from the upper floors of the castle.

правую руку над «четырёхзубой» тамгой / гербом царского рода / правителя». По своему стратиграфическому положению эта кушанская монета может датировать завершение первого строительного периода СГ2 замка.

На более раннем полу другого помещения замка второго этапа получен комплекс артефактов: наконечник стрелы с опущенными жальцами, ребристая фаянсовая бусина, миниатюрный идол, янтарная подвеска с оправленными золотом концами, бирюзовый бисер и пр., который может быть уверенно отнесен ко II в. до н. э. – I в. н. э.

Ведется поиск и расчистка крепостной стены цитадели. Местами крепостная стена оказалась скрыта почти до основания, местами сохранилась на высоту 3–4 м! (рис. 6). Пока

установлено, что крепостная стена цитадели имела три периода реконструкций. Выявленные и замеренные три ее угла строго выдерживают 120° . На южном углу расчищен выступающий за стену трехкомнатный двухэтажный бастион, со второго этажа которого велась активная оборона.

В СВ углу крепостной стены расчищен так называемый «угловой дом». На полах этого пятикомнатного дома зафиксированы остатки мощного пожара, угли балок перекрытия, развалы многочисленных сосудов, главным образом, хумов... Среди них собран комплекс интересных находок, включающий трех алебастровых идолов (Смагулов, 2014, с. 183–190).

Полная научная интерпретация комплекса новых историко-культурных материалов и наблюдений, по-

Рис. 8. Под арками замка.

Fig. 8. Under the castle arches.

лученных при исследовании древнейшей цитадели Туркестана, будет уместна после завершения раскопок этой части городища. Пока же отметим, что теперь ничто не мешает отнести время возведения самого раннего сооружения в цитадели – крестообразного замка к первым векам до н. э.

Совместно со специалистами-реставраторами начаты работы по разработке планов и проектов консервационных мероприятий вскрытых массивов древней застройки цитадели, частичной реконструкции и музеефикации отдельных объектов Древнего Туркестана. Но прежде необходимо определиться с основными положениями общей Концепции – что

мы хотим видеть на этом месте, на месте, где некогда высились неприступные стены древнего Ясы? Ведь развитие туристического кластера, это не только строительство дорог, туалетов и гостиниц, но и создание аутентичных уникальных объектов древней истории, которые могли бы привлекать туристов. В мире происходит осознание простой истины, что исторический опыт каждого народа уникален и бесценен. И на основе этого растет интерес к прошлому разных стран и народов. В том числе и к древностям Казахстана.

Полученные материалы и наблюдения позволяют утверждать, что цитадель Древнего Туркестана это уникальный по сохранности и значимости архитектурно-фортификационный памятник. Комплекс полученных в последние годы архитектурно-археологических данных позволяет датировать время возникновения древнейших зданий его цитадели первыми веками до н. э. (II–I вв.). Более древнего архитектурного сооружения в иных древних городах Казахстана мы пока попросту не знаем. Они, конечно же, были, но их археологические следы пока не открыты и не изучены. А в Туркестане уже можно пройти под арками и сводами (рис. 8), возведенными в первых веках до нашей эры.

Благодарности

² Пользуюсь случаем выразить благодарность В. Малашеву за оперативную консультацию.

³ В определении монеты существенную помощь оказал Дж. Ильясов, которому я весьма признателен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука», 1972. 213 с.
2. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М.: Восточная литература, 1999. 359 с.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 113 с.
4. Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье) / Отв. ред. А.М. Лесков. М.: Наука, 1990. С. 67–89.
5. Древняя и средневековая культура Чача / Отв. ред. Г.В. Шишкина. Ташкент: Фан, 1979. 184 с.
6. Казань в средние века и раннее новое время. Материалы всероссийской научной конференции. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань, 2006. 276 с.
7. Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1981. С. 170–177.
8. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.
9. Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в г. Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества Т. XIX, 1929. 26 с.
10. Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 29 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1998. С. 70–76.
11. Мерциев М.С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 37–50.
12. Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев. Ташкент: Фан, 1986. С. 3–14.
13. Омельченко А.В. К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Кашкадарьи) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2004. С. 62–68.
14. Распопова В.Д. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 136 с.
15. Сенигова Т.Н. Уникальное культовое сооружение Аулие Кумчик-Ата в районе г. Туркестана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 105–121.
16. Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Новые данные о городище Туркестан // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1977. № 2. С. 49–55.
17. Серегин Н.Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1 (17). С. 114–121.
18. Ситдиков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2006. 288 с.
19. Смагулов Е.А. Городище Туркестан // Казахская ССР. Краткая энциклопедия в 4-х томах. Т. 1 / Гл. ред. Р.Н. Нургалиев. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 222–223.
20. Смагулов Е.А. Археологические исследования в г. Туркестане // Археологические открытия 1985 г. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 579–580.
21. Смагулов Е.А. Михаил Евгеньевич Массон и археология Туркестана // Новости археологии. 1998. Вып. 1. С. 93–97.

22. Смагулов Е.А. Сколько лет Туркестану? // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 3. Алма-Ата: Казахстан, 1988. С. 93–97.
23. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ, 2011. 434 с.
24. Смагулов Е.А. Из истории кангюйской архитектуры: здания крестообразной планировки // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 493–518.
25. Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана: итоги раскопок 2011–2012 гг. // Поволжская археология. 2013б. № 1 (3). С. 197–215.
26. Смагулов Е.А. Находки образцов культовой пластики на средней Сырдарье (южный Казахстан) // Религия в истории народов России и Центральной Азии : материалы II Международной научной конференции / Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 183–190.
27. Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2017. 342 с., илл.
28. Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: АН УзССР, 1951. С. 33–42.
29. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с.
30. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб: Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 343 с., 87 л. ил.
31. Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних кочевников (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизации. Мат. Международ. конф. / Археологические изыскания. Вып. 61 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 124–125.
32. Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 25. Ташкент :Фан, 1991. С. 77–87.
33. Хузин Ф.Ш., Ситдиқов А.Г. Казань тысячелетняя // Восточная коллекция. 2002. № 4 (11). С. 18–27.

Информация об авторе:

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

REVISING THE AGE OF THE TURKESTAN CITY

E.A. Smagulov

The paper deals with a issue of dating of a medieval Turkestan city. Its 1500th anniversary has been celebrated in Kazakhstan on a nationwide scale in 2000. Since then, as a result of systematic archaeological excavations an ancient citadel has been discovered and the new evidence obtained suggesting that the first solid buildings of the city are dated back to an earlier age and original castle, the core of the ancient citadel has been excavated. The castle and all fortifications were made of rammed clay and sun-dried earth brick. As it turned out construction of the citadel began with a monumental cross-shaped castle, which during the period of its existence has lived through two main construction periods and several stages. It had 2–3 floors, thick rammed clay walls of the first floor were originally perforated with slot-like loopholes. The next step was building of the long corridor-shaped vaulted rooms

---

The work is done in the framework of the project "Archaeology of Turkestan from the ancient times to the time of Khoja Ahmed Yassawi" AP05133405 of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

with an opening in plan. The whole citadel was fortified with rammed clay wall and bastions in the corners. A complex of artifacts and observations allow us to date the first buildings of the ancient Yassy citadel back to the 2nd–1st centuries B.C.

Keywords: archaeology, building horizon, rampart, rammed clay, vaults, arches, citadel, the Kushans, the Sarmatians, bastion, fortifications.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., et al. 1972. *Drevnii Otrar (topografiia, stratigrafiia, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Vainberg, B. I. 1999. *Etnogeografiia Turana v drevnosti (Ethnogeography of Turan in Antiquity)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
3. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).
4. Gurevich, L. V. 1990. In Leskov, A. M. (ed.). *Kul'turnye svyazi narodov Srednei Azii i Kavkaza (drevnost' i srednevekov'e) (Cultural Relations of the Peoples of Central Asia and the Caucasus (Antiquity and the Middle Ages))*. Moscow: "Nauka" Publ., 67–89 (in Russian).
5. In Shishkina, G. V. (ed.). 1979. *Drevniaia i srednevekovaiia kul'tura Chacha (Ancient and Medieval Chach Culture)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
6. In Khuzin, F. Sh., Zagidullin, I. K. (eds.). 2006. *Kazan' v srednie veka i rannee novoe vremia (Kazan in the Middle Ages and Early Modern Times)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
7. Levina, L. M. 1981. In Itina, M. A. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and Art of Ancient Khorezm)*. Moscow: "Nauka" Publ., 170–177 (in Russian).
8. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
9. Masson, M. E. In *Izvestiia Sredneaziatskogo geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Central Asian Geographical Society) XIX* (in Russian).
10. Matbabaev, B. Kh. 1998. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan) 29*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 70–76 (in Russian).
11. Merschiev, M. S. 1968. *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 37–50 (in Russian).
12. Nerazik, E. E. 1986. In Alekseev, V. P. (ed.). *Materialy k etnicheskoi istorii naseleniia Srednei Azii (Materials on the Ethnic History of the Population of Central Asia)*. Tashkent: "Fan" Publ., 3–14 (in Russian).
13. Omel'chenko, A. V. 2004. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan) 34*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 62–68 (in Russian).
14. Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda (Metal Articles of Early Medieval Sogd)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Senigova, T. N. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan Based on Archaeological Sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 105–121 (in Russian).
16. Senigova, T. N., Burnasheva, R. Z. 1977. In *Izvestiia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriiia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Social Sciences) 2*. 49–55 (in Russian).
17. Seregin, N. N. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia (Theory and Practice of Archaeological Research) 1* (17). 114–121 (in Russian).
18. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskiy Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

19. Smagulov, E. A. 1985. In Nurgaliev, R. N. (ed.). *Kazakhskaia SSR. Kratkaia entsiklopediia v 4-kh tomakh. T. 1 (Kazakh SSR. Brief Encyclopedia in 4 Volumes. Vol. 1)*. Alma-Ata: Main Edition of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 222–223 (in Russian).
20. Smagulov, E. A. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 g. (Archaeological discoveries 1985)*. Moscow: “Nauka” Publ., 579–580 (in Russian).
21. Smagulov, E. A. 1988. In *Novosti arkheologii (News of archaeology)* 1, 93–97 (in Russian).
22. Smagulov, E. A. 1988. In *Pamiatniki istorii i kul'tury Kazakhstana (Historical and Cultural Monuments of Kazakhstan)* 3. Alma-Ata: “Kazakhstan” Publ., 93–97. (in Russian).
23. Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: “ABDI” Publ. (in Russian).
24. Smagulov, E. A. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ., 493–518 (in Russian).
25. Smagulov, E. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 197–215 (in Russian).
26. Smagulov, E. A. 2014. In Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Religiia v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii (Religion in the History of the Peoples of Russia and Central Asia)*. Barnaul: Altay State University Publ., 183–190 (in Russian).
27. Smagulov, E. A. 2017. *Drevnii Turkestan: shtriki k istoricheskomu portretu (Ancient Turkestan: Strokes to the Historical Portrait)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. (in Russian).
28. Sprishevskii, V. I. 1951. In *Trudy Muzeia istorii narodov Uzbekistana (Proceedings of the Museum of History of the peoples of Uzbekistan)* 1. Tashkent : Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 33–42 (in Russian).
29. In Pletneva, S. A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
30. Suleimanov, R. Kh. 2000. *Drevnii Nakhshab: Problemy tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n.e.– VII v. n.e. (Ancient Nakhshab: issues of Uzbekistan Civilization in the 7th Century BC – 7th Century AD)*. Samarkand; Tashkent : “Fan” Publ. (in Russian).
31. Filanovich, M. I. 1999. In Masson, V. M. (ed.). *Izuchenie kul'turnogo nasledii Vostoka. Kul'turnye traditsii i preemstvennost' v razvitii drevnikh kul'tur i tsivilizatsii (The Study of the Cultural Heritage of the East: Cultural Traditions and Continuity in the Development of Ancient Cultures and Civilizations)*. Series Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys) 61. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 124–125 (in Russian).
32. Filanovich, M. I. 1991. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 25. Tashkent: “Fan” Publ., 77–87 (in Russian).
33. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2002. In *Vostochnaya kolleksiya (Oriental Collection)* 4 (11). 18–27 (in Russian).

About the Author:

Smagulov Yerbulat A. Candidate of Historical Sciences, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 572.08;903.5; 903'1

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.32.46>

**ТЮРКСКИЕ «ПОМИНАЛЬНЫЕ» ОБЪЕКТЫ
КОМПЛЕКСА УСТЬ-КАРАСУ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ):
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А.С. ВАСЮТИНА¹**

© 2019 г. Н.Н. Серегин, С.А. Васютин

В статье осуществлена публикация материалов раскопок тюркских «поминальных» объектов памятника Усть-Карасу. Данные сооружения, расположенные в Центральном Алтае, были исследованы Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции под руководством А.С. Васютина в 1983 г., но до сих пор полноценно не были введены в научный оборот. Представлена подробная характеристика и культурно-хронологическая интерпретация трех изученных сооружений – объекта №1 и оградок А-1–2. Выявлены признаки, указывающие на возможность отнесения раскопанных комплексов к раннетюркскому времени – миниатюрные каменные ящички, северная ориентировка внеградных объектов, конструкции в виде многоплитового ящика, а также наземная конструкция в виде курганной насыпи. Хронологию сооружений в рамках второй половины V–VI вв. н.э. подтверждают характеристики обнаруженных изделий, прежде всего железных стремян. По мнению авторов, «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу отражают ранний пласт тюркских традиций, демонстрируя особенности их культуры до создания Первого каганата и, возможно – в первые десятилетия после создания империи.

Ключевые слова: археологический комплекс, «поминальные» объекты, Алтай, тюрки, раннее средневековье, стремяна, хронология.

Введение

Важной составляющей культурного комплекса тюрков Центральной Азии являются сооружения «поминального» характера, представленные оградками и разнообразными сопроводительными объектами (изваяниями, балбалами, стелами, каменными кольцами и др.). К настоящему времени исследована представительная серия подобных памятников, большая часть которых расположена на территории Алтая (Серегин, Шелепова, 2015, с. 138–166). К сожалению, материалы раскопок тюркских оградок далеко не во всех случаях полноценно введены в научный оборот. В связи с

этим актуальным направлением работ в настоящее время является публикация результатов полевых исследований прошлых лет, в ходе которых зачастую получены важные сведения об особенностях обрядовой практики номадов раннего средневековья.

Одним из немногих специалистов, занимавшихся целенаправленным изучением тюркских «поминальных» комплексов, являлся А.С. Васютин. Важным результатом полевых исследований, осуществляемых им на протяжении нескольких лет в Центральном и Восточном Алтае в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг., стала представительная серия ранне-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00536а «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.))»).

Рис. 1. Карта расположения комплекса Усть-Карасу.

Fig. 1. Map of the location of the Ust-Karasu complex.

средневековых оградок, раскопанных на ряде памятников. Некоторые итоги работ археолога представлены в нескольких статьях (Васютин, 1983а; 1985; 1994; 2009; и др.), а также в кандидатской диссертации (Васютин, 1983б). Вместе с тем по разным причинам полная публикация материалов раскопок тюркских оградок так и не состоялась. В настоящее время авторами настоящей статьи проводится работа по систематизации и подготовке к введению в научный оборот этих разноплановых сведений. Одним из первых результатов является данная публикация, посвященная характеристике материалов раскопок тюркских «поминальных» объектов на комплексе Усть-Карасу в Центральном Алтае.

Характеристика результатов раскопок

Археологический комплекс Усть-Карасу расположен в 9 км к востоку от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай, на 685 км Чуйского тракта (рис. 1). Данный памятник выявлен в августе 1982 г. в ходе работ Алтайского отряда Южно-Сибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина. Погребально-поминальный комплекс состоит из 76 курганов и более чем 60 оградок, локализирующихся на правой коренной террасе р. Катунь, разрезаемой высохшим руслом левого притока Катуня – р. Усть-Карасу (рис. 2). По характеру, составу и раз-

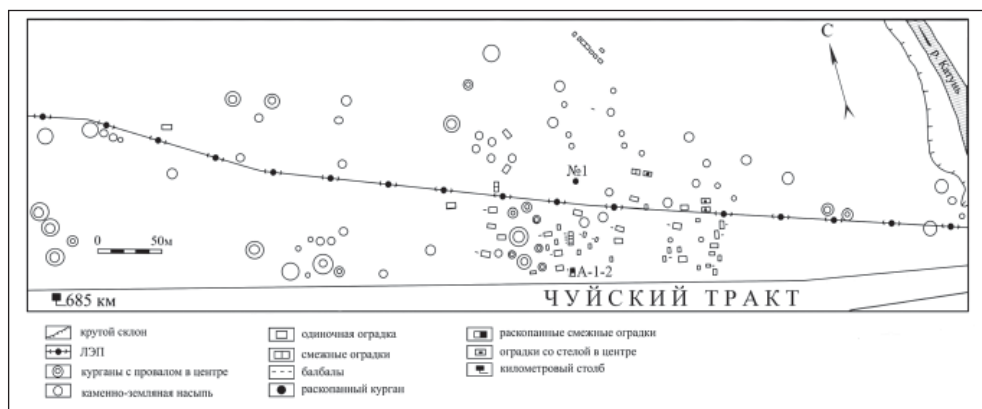

Рис. 2. План комплекса Усть-Карасу.

Fig. 2. Plan of the Ust-Karasu complex.

мерам наземных конструкций выделяются две основные группы курганов. Первая группа представлена сильно задернованными насыпями, сложенными из крупнообломочных пород и булыжников, иногда с провалом в центре, диаметром 10–16 м и высотой 0,4–0,8 м. Вторая включает каменно-земляные насыпи диаметром до 10 м, высотой 0,2 м. Весьма своеобразны тюркские оградки, которые в ряде случаев составляют комплекс пристроенных друг к другу сооружений, либо устроены отдельно. Судя по внешним характеристикам выявленных конструкций, объекты комплекса Усть-Карасу были сооружены в широких хронологических рамках раннего железного века – раннего средневековья.

Небольшие по объему исследования на памятнике проведены отрядом под руководством А.С. Васютина в сентябре 1983 г. Согласно сведениям, представленным в полевом отчете, в работах принимал участие А.М. Илюшин, тогда студент исторического факультета КемГУ, а также студенты Горно-Алтайского пединститута. К настоящему времени в научный оборот введены лишь отдельные находки из

обозначенных ритуальных объектов, представленные без контекста и в общих таблицах (Васютин, 1994, рис. 1: 9–10, 12; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55: 7–8, 11; Васютин А.С., 2003, рис. 1: 16). Фрагментарность публикации определила некоторую путаницу в обозначении объекта при использовании материалов раскопок. К примеру, в статье А.П. Азбелева (2008, с. 61, рис. 2) стремя из Усть-Карасу обозначено как находка из могильника Кок-Паш. Учитывая показательный характер исследованных объектов, а также перспективы дальнейших работ на погребально-поминальном комплексе, очевидной представляется актуальность полной публикации результатов раскопок.

Объект № 1 (в полевом отчете А.С. Васютина обозначен как курган № 1). Расположен в центральной части комплекса. Представляет собой выкладку подпрямоугольной формы с длиной стороны до 3,5 м, высотой 0,1 м. По периметру насыпи фиксируются более крупные камни, составляющие своего рода ограду. В центре сооружения на уровне материка расчищен каменный ящичек,

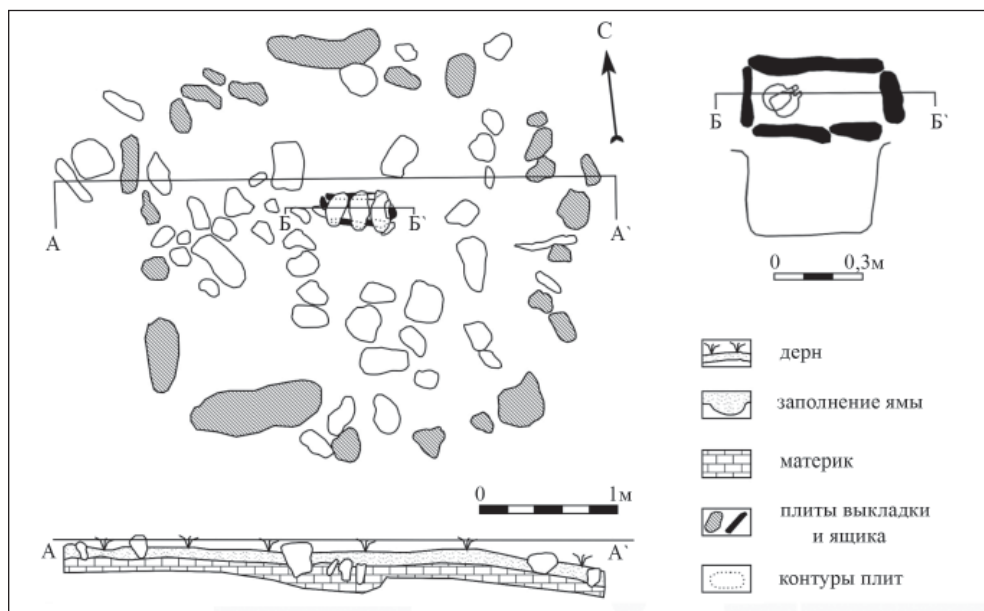

Рис. 3. Усть-Карасу. План объекта № 1.

Fig. 3. Ust-Karasu. Plan of the object № 1.

перекрытый небольшими плитками (рис. 3). На дне ящика обнаружена пара железных пластинчатых стремян с Т-образной подножкой (рис. 4). Первое имеет следующие размеры: высота – 20,8 см, ширина – 16,2 см, толщина 0,37–0,42 см. Отверстие в пластине узкое, вытянутой формы – 1,38×0,5 см. Ширина подножки – до 0,4 см. Параметры второго стремени: высота – 19,6 см, ширина – 16,5 см, толщина – 0,35–0,4 см. Отверстие в пластине узкое, вытянутой формы, – 1,45×0,5 см. Ширина подножки – до 0,4 см. В обоих случаях пластинчатое «ушко» предметов изготовлено на короткой и широкой «шейке». Отмечается утончение верхнего края пластины, что определило плохую сохранность этой части стремян.

Оградки А-1–2. Объекты расположены в южной части погребально-поминального комплекса Усть-Карасу. До раскопок они фиксировались в виде единого сооружения со стенка-

ми, ориентированными по сторонам света. После зачистки установлено, что данная конструкция представляет собой две рядом стоящие оградки (рис. 5). Объекты частично разрушены. К северу от оградок установлены три балбала, а также сооружена небольшая кольцевая выкладка. Оградка А-1 имеет размеры 1,6×1,1 м. В ходе раскопок на уровне материка обнаружены кость животного и две железные пряжки, одна из которых – без язычка. В центре сооружения зафиксированы остатки деревянного столба, сохранившегося в виде сильно концентрированного древесного тлена. Размеры оградки А-2 – 1,9×1,7 м. В центре конструкции расчищены три каменных ящичка, пристроенных друг к другу и углубленных на 0,3 м от современной поверхности. В ящичках обнаружены железные удила, петельчатое стремя с плоской подножкой и пряжка (рис. 6). Отметим размеры стремени: высота – 16,3 см, ширина –

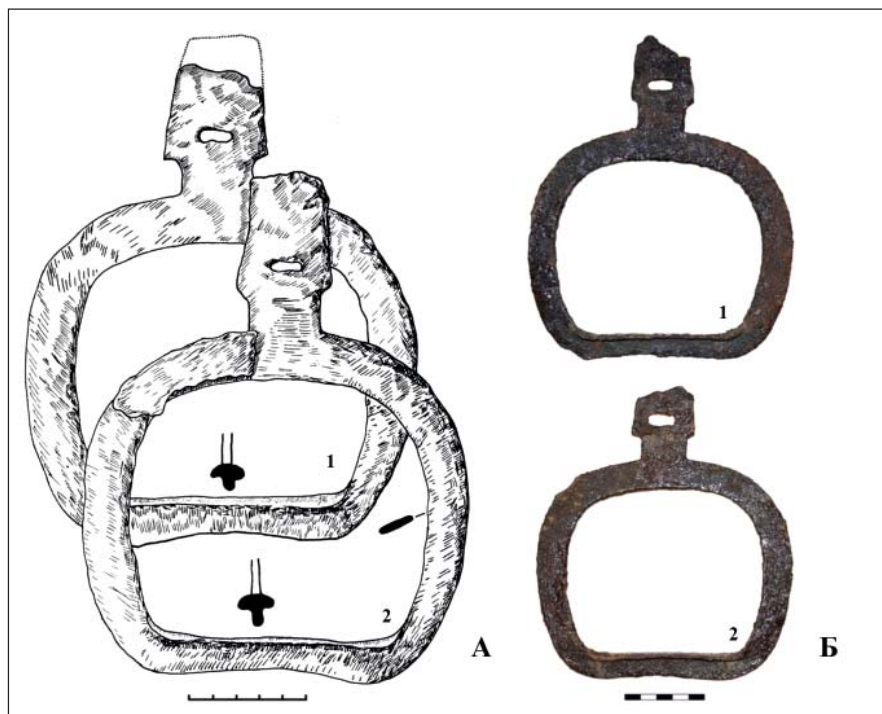

Рис. 4. Стремяна из объекта № 1 комплекса Усть-Карасу.

Fig. 4. Stirrups from object № 1 of the Ust-Karasu complex.

12,6 см, толщина прута – до 0,8 см. Петля стремени вертикально-вытянутая, высотой 4,6 см, шириной до 3 см.

Культурно-хронологическая интерпретация материалов раскопок

Возможности уточнения времени создания объектов комплекса Усть-Карасу связаны с анализом зафиксированных конструкций, а также изделий, обнаруженных в ходе раскопок².

Отличительной особенностью объекта № 1 является отсутствие вертикально установленных плит, характерных для большей части тюркских оградок. Не очевидной является и форма насыпи, которую только с определенной долей условности, учитывая расположение крупных камней по периметру, можно обозначить как подпрямоугольную. По внешним показателям данное сооружение больше напоминало курган, что и было отме-

чено в полевом отчете А.С. Васютина. Вместе с тем к настоящему времени известна серия тюркских объектов «поминального» характера в виде насыпей, которые по различным характеристикам могут рассматриваться как «ритуальные» курганы либо округлые оградки. Важно отметить, что серия таких сооружений расположена в одной группе со «стандартными» погребениями и оградками, и, кроме того, в ходе их раскопок зафиксированы датирующие предметы либо органические материалы, позволившие получить радиоуглеродные даты (Кубарев, 1979, рис. 19; Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI: 24–25; Соенов и др., 2009, с. 80–81, рис. 13–23; Кубарев, 2018, с. 87 и др.). Особая группа тюркских оградок округлой формы, близких по наземным конструкциям к курганным

насыпям, достаточно уверенно относится к раннему этапу культуры тюрков (Могильников, 1994; Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001, с. 468–469, рис. 1–2; Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016; и др.).

Показательной характеристикой объекта № 1, демонстрирующей связь с традициями возведения тюркских оградок, является небольшой каменный ящичек из плит, сооруженный на уровне материка в центральной части насыпи. Подобные конструкции зафиксированы в ходе исследования целого ряда тюркских оградок на памятниках Кудыргэ, Кок-Паш, Мендур-Соккон и др. (Гаврилова, 1965, табл. IV; Васютин, 1985, с. 75; Соенов, Эбель, 1997, рис. II; Илюшин, 2000, рис. I–V; и др.). Судя по имеющимся материалам, традиция сооружения миниатюрных каменных ящичков в оградках существовала уже на раннем этапе культуры тюрков во второй половине V – первой половине VI в. н. э. Об этом свидетельствует время бытования находок, главным образом, предметов вооружения и конского снаряжения, обнаруженных в таких объектах. Вполне обоснованным, хоть и требующим дальнейшего подтверждения конкретными материалами, представляется предположение о том, что каменные ящички в тюркских оградках являются отголоском погребально-поминальных традиций населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210). При этом имеющиеся вещественные материалы демонстрируют распространение подобных конструкций при сооружении раннесредневековых оградок вплоть до VII – начала VIII в. н. э. (Кубарев, 1984, с. 54, 167–168).

Объект, получивший обозначение А-1–2, представляет собой две рядом стоящие подквадратные оградки. Неполнота зафиксированных конструкций, очевидно, объясняется разрушенностью комплекса. Анализ имеющихся сведений показывает, что рядом стоящие оградки сооружались тюрками на протяжении длительного периода – со второй половины V и вплоть до X в. н. э. (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 209; Серегин, Шелепова, 2015, с. 68). Судя по сохранившимся стенкам объектов комплекса Усть-Карасу, они представляли собой многоплитовые ящики, что может рассматриваться как ранний признак, характерный в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого каганата (Войтов, 1996, с. 61, 70).

Весьма редкую характеристику обрядовой практики тюрков представляют собой три небольших каменных ящичка, обнаруженных в ходе раскопок оградки А-2. В рассматриваемом объекте они были устроены внутри, у западной стенки сооружения. Особенности распространения подобных конструкций у кочевников раннего средневековья представлены выше. Отметим, что случаи фиксации двух и более каменных ящичков в тюркских оградках единичны (Илюшин, 2000, рис. 3).

Значительно большее распространение у раннесредневековых кочевников получила традиция установки деревянного столба в центре оградки, отмеченная в ходе исследования объекта А-1. Данная черта обрядовой практики фиксируется у тюрков с периода сложения культуры кочевников и на протяжении практически всего периода ее существования, не

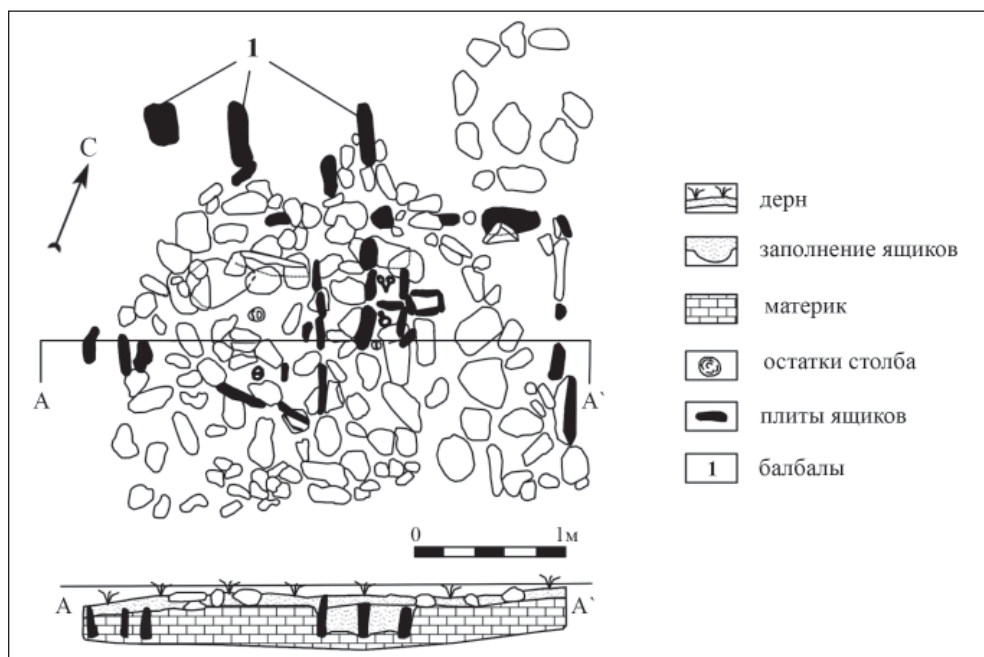

Рис. 5. Усть-Карасу. План оградок А-1-2.

Fig. 5. Ust-Karasu. Plan of the enclosures A-1-2.

являясь четким хронологическим признаком.

Определенное значение для определения времени сооружения объектов А-1-2 имеют такие элементы конструкции, как балбалы и кольцевая выкладка, возведенные с северной стороны от оградок. Известно, что классическим направлением при размещении «внеоградных» конструкций (изваяний, стел, балбалов) у тюрков является восток. Отклонения от этого «стандарта», судя по имеющимся материалам, характерны для объектов, сооруженных на ранних этапах существования тюркского культурного комплекса. Об этом, в частности, свидетельствуют датирующие находки, зафиксированные в ходе раскопок подквадратных и округлых оградок на памятниках Кара-Коба-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш и др., где зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу, и реже – к югу от

основного комплекса (Васютин, 1985, с. 75; Мамадаков, 1994, с. 59, рис. 2: 7-12; Могильников, 1994, рис. 6-7, 16-19; и др.). Вариабельность ориентировок в данном случае может быть обусловлена своего рода поиском форм обрядовой практики в начальные периоды формирования и развития археологической культуры тюрков, а также определенным влиянием традиций населения Алтая предшествующего времени.

Основой для уточнения хронологии «поминальных» объектов комплекса Усть-Карасу являются предметы, обнаруженные в ходе раскопок. Большая часть изделий зафиксирована в каменных ящичках объектов № 1 и А-2, и лишь две железные пряжки найдены в южной части оградки А-1 вне каких-либо конструкций.

Наиболее показательными являются железные стремена, представленные двумя типами находок. Изделия,

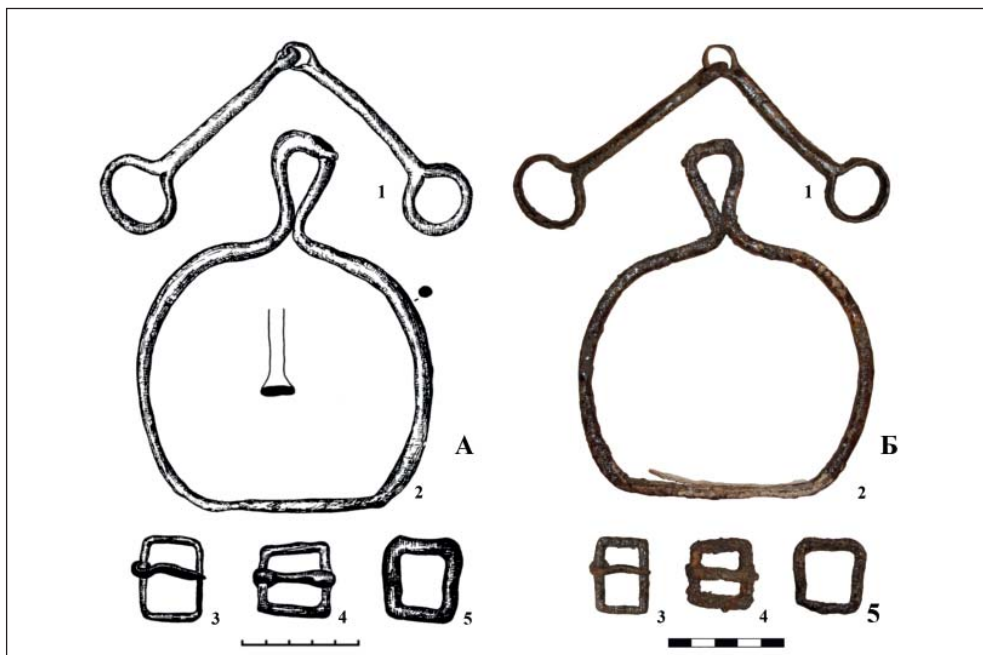

Рис. 6. Находки из оградок А-1–2 комплекса Усть-Карасу.

Fig. 6. Finds from the enclosures A-1-2 of the Ust-Karasu complex.

обнаруженные в каменном ящике объекта № 1 (рис. 4), относятся к группе плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой. Судя по имеющимся сведениям, распространение таких предметов у кочевников Центральной Азии произошло в жузжанское время и может быть отнесено к концу IV–V в. н. э. (Цэвээндорж, Цэрэндагва, Эрдэнэ-Очир, 2003, т. 28; Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014, рис. 1; Төрбат и др., 2016, с. 96)³. Основной массив известных стремян данной группы происходит из погребальных и «поминальных» памятников тюрков Алтая и сопредельных регионов, датирующихся в рамках второй половины V – начала VII в. (Спришевский, 1951, рис. 3; Гаврилова, 1965, табл. XIV: 7; Грач, 1982, рис. 2: 6–7; Могильников, 1994, рис. 13: 2, 3; 14: 2; Гричан, Плотников, 1999, с. 77; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003,

рис. 53: 8; Төрбат и др., 2016, рис. 3). Известны находки, происходящие из более северных и западных территорий (Новиков, 1988, рис. 2; Измайлов, 1990, рис. 1; Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Тишкин, Семибратов, Ситников, 2018, рис. 2); также несколько подобных изделий зафиксировано в Забайкалье (Дашибалов, 2006, рис. 1–2). Наиболее поздним комплексом, включающим Т-образные стремяна (при этом уже не плоские, а изготовленные из округлого в сечении прута), вероятно, является погребение второй половины VII – начала VIII в. н. э., исследованное на Тянь-Шане (Табалдиев, 1996, рис. 13; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 66). Отметим, что до сих пор неразработанной остается проблема изучения типологической вариативности данной группы изделий. Проведение такой работы позволит более детально рассматри-

вать вопросы хронологии стремян, а также специфику их распространения в центрально-азиатском регионе.

К редким показателям обрядовой практики следует отнести обнаружение в объекте № 1 комплекса Усть-Карасу двух парных изделий. Во всех без исключения памятниках Алтая кызыл-ташского этапа культуры тюрков (вторая половина V – первая половина VI в. н. э.) присутствовало по одному стремяни. Такая же ситуация отмечена в ходе раскопок части объектов эпохи Первого Тюркского каганата на сопредельных территориях. Судя по всему, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах отражает особенность первоначального использования стремян как приспособления для посадки на лошадь (подножки). В связи с этим изделия из объекта № 1 по совокупности характеристик могут быть отнесены ко второй половине V–VI вв. н. э.

Примером традиции помещения только одного стремяни в «поминальный» объект является предметный комплекс оградки А-2. Зафиксированная находка (рис. 6: 2) демонстрирует другую группу вещей – петельчатые стремяна. К датирующим признакам предмета следует отнести прямую плоскую и узкую подножку, характерную для ранних изделий. Хронологическим маркером также выступает вертикально-вытянутая петля стремяни. В целом данную находку следует рассматривать как одно из наиболее ранних петельчатых стремян, обнаруженных на территории центрально-азиатского региона. Датировка изделия определяется в рамках второй половины V – первой половины VI в. н. э. Предметы более позднего времени (эпохи Первого каганата) харак-

теризуются появлением таких признаков, как выгнутая, более широкая подножка, ребро жесткости (нервюра), округлость дужек и приплюснутость ушка-петли.

Железные удила с петельчатыми окончаниями и петельчатым соединением звеньев, обнаруженные в оградке А-2 без псалиев (рис. 6: 1), а также железные пряжки (рис. 6: 3–5) не являются узко датирующими изделиями. Отметим, что подобные находки зафиксированы в комплексах тюрков, начиная с ранних этапов развития их культуры (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1, 3).

Заключение

Объекты, исследованные на памятнике Усть-Карасу, демонстрируют различные характеристики традиции возведения «поминальных» сооружений тюрками раннего средневековья. Подобные комплексы получили распространение на обширных территориях центрально-азиатского региона в середине – второй половине I тыс. н. э. (Грач, 1961; Кубарев, 1984; Ермоленко, 2004; Серегин, Шелепова, 2015; Идэрхангай, 2017; и др.). Характерными показателями, указывающими на датировку объекта № 1 и оградок А-1–2, являются миниатюрные каменные ящички, северная ориентировка внеградных объектов, многоплитовая ограда, а также наземная конструкция в виде курганной насыпи. Представляется возможным утверждать, что исследованные комплексы отражают период «поиска» форм обрядовой практики, а также некоторую преемственность с традициями населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени, фиксирующиеся на раннем кызыл-ташском этапе культуры раннесредневековых тюрков (вторая половина V – первая полови-

на VI в. н. э.). Данная хронология подтверждается характеристиками обнаруженных изделий, время бытования которых может быть определено в рамках второй половины V–VI вв. н. э. Таким образом, «поминальные» объ-

екты комплекса Усть-Карасу отражают ранний пласт тюркских традиций, демонстрируя особенности их культуры до создания Первого каганата и, возможно, в первые десятилетия после провозглашения империи.

Примечания

² Предметы, обнаруженные в ходе исследований А.С. Васютина на комплексе Усть-Карасу, находятся в собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск). Выражаем благодарность главному хранителю музея С.М. Кирееву за возможность работы с данными материалами.

³ Появление стремян относится исследователями к более раннему времени и связывается с территорией Северного Китая (Комиссаров, Худяков, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев П.П.* Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А.В. Виноградов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–68.
2. *Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
3. *Васютин А.С.* Ещё раз о Кудыргэ // Степи Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб: ГЭ, 2003. Книга II. С. 224–227.
4. *Васютин А.С.* Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983а. С. 192.
5. *Васютин А.С.* Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1983б. 16 с.
6. *Васютин А.С.* О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1985. С. 73–79.
7. *Васютин А.С.* Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременими и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1994. С. 55–68.
8. *Васютин А.С.* Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 87–94.
9. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
10. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 113 с.
11. *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Вост. лит-ра, 1961. 94 с.
12. *Грач В.А.* Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
13. *Гричан Ю.В., Плотников Ю.А.* Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций / Отв. ред. В.И. Ожогин. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.
14. *Дашибалов Б.Б.* Ранние стремени из Забайкалья: к вопросу о связях хори-монголов (сяньби) и корейцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 136–140.

15. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
16. *Идэрханзай Т.-О.* Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология, интерпретация: Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
17. *Измайлов И.Л.* Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: НГУ, 1990. С. 61–70.
18. *Илюшин А.М.* Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
19. *Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
20. *Комиссаров С.А., Худяков Ю.С.* Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
21. *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–161.
22. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
23. *Кубарев Г.В.* Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 79–89.
24. *Мамадаков Ю.Т.* Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
25. *Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.
26. *Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
27. *Могильников В.А.* Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
28. *Новиков А.В.* Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография: археология и история / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ. 1988. С. 47–54.
29. *Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 174–182.
30. *Серегин Н.Н., Шелепова Е.В.* Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
31. *Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А.* Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. № 1/2. С. 74–95.
32. *Соенов В.И., Эбель А.В.* Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

33. *Спришевский В.И.* Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана / Отв. ред. М.Э. Воронец. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

34. *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

35. *Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М.* Вторая находка раннего железного стремени в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2. С. 138–145.

36. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

37. *Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернад В.* «Монгол алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи-2015 / Гл. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. С. 172–176.

38. *Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г.* «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи – 2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. С. 95–96.

39. *Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы.* Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 456–470.

40. *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.

41. *Цэвээндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н.* Санамсаргүй хөндөгдсөн нэгэн булшны тухай // Түүхийн сэтгүүл. 2003. Том IV. Fasc 2. С. 23–28.

42. *Шульга П.И., Горбунов В.В.* Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–101.

43. *Эрэгзэн Г., Ишицэрэн Л.* Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсгалын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Т. XXXIV. С. 264–276.

Информация об авторе:

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент. Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); vasyutin2012@list.ru

TURKIC «MEMORIAL» OBJECTS OF THE UST-KARASU COMPLEX (CENTRAL ALTAI): BASED ON THE MATERIALS OF THE A.S. VASYUTIN'S EXCAVATIONS²

N.N. Seregin, S.A. Vasyutin

The paper contains the publication of materials from the excavations of the Turkic «memorial» objects of the Ust-Karasu site. These structures, located in Central Altai, were

---

This paper was funded by the RFBR, project No. 18-09-00536a «The chronology of the archaeological complexes of the Altai of the Xiongnu-Xianbei period and the early Middle Ages (II century BC – XI century AD)».

investigated by the Altai party of the South Siberian archaeological expedition under the leadership of A.S. Vasyutin in 1983, but so far have not been fully introduced into scientific circulation. A detailed description and a cultural and chronological interpretation of the three structures studied are presented – object №1 and enclosures A-1–2. There are signs indicating the possibility of attributing the excavated complexes to the Early Türkic time – miniature stone boxes, northern orientation of out-of-enclosures objects, structures in the form of a multi-plate box, as well as ground construction in the form of a kurgan embankment. Chronology of buildings, established the second half of the the 5th – 6th centuries AD, confirms the characteristics of the detected items, especially iron stirrups. Memorial objects of the Ust-Karasu complex are considered by the authors to reflect the early stratum of the Türkic traditions, demonstrating the characteristics of their culture before the creation of the First Kaganate and, possibly, in the first decades after the creation of the empire.

Keywords: archaeological complex, «memorial» objects, Altai, Turks, early Middle Ages, stirrups, chronology.

REFERENCES

1. Azbelev, P. P. 2008. In Vinogradov, A. V. (ed.). *Issledovanie arkhelogicheskikh pamyatnikov epokhi srednevekov'ia (Study of the Archaeological Monuments of the Middle Ages)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 56–68 (in Russian).
2. Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo peregeleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
3. Vasiutin, A. S. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages) II*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 224–227 (in Russian).
4. Vasiutin, A. S. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkhelogicheskie otkrytiia 1981 g. (Archaeological Discoveries in 1981)*. Moscow: "Nauka" Publ., 192 (in Russian).
5. Vasiutin, A. S. 1983. *Kul'tovye pamyatniki drevnikh tiurok Gornogo Altaia (VII–X vv.) (Cult Monuments of the Ancient Turks of Gornyy Altai (7th–10th cc.))*. PhD Diss. Kemerovo (in Russian).
6. Vasiutin, A. S. 1985. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkhelogiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia) 23*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 73–79 (in Russian).
7. Vasiutin, A. S. 1994. In Martynov, A. I. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I–II tys. n.e. (Ethnic and Cultural Processes in Southern Siberia and Central Asia in the 1st - 2nd Millennia AD)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 55–68 (in Russian).
8. Vasiutin, A. S. 2009. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research) 5*. Barnaul: Altai State University, 87–94 (in Russian).
9. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Ancient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art Publ. (in Russian).
10. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyрге kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyрге Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).
11. Grach, A. D. 1961. *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy (Ancient Turkic Statues of Tuva)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
12. Grach, V. A. 1982. In Vasil'evskii, R. S. *Arkhelogiia Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 156–168 (in Russian).
13. Grichan, Yu. V., Plotnikov, Yu. A. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations) 2*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 76–77 (in Russian).
14. Dashibalov, B. B. 2006. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 5 (4)*, 136–140 (in Russian).

15. Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovyye kamennyye izvayaniya kazakhstanskikh stepey (tipologiya. semantika v aspekte voyennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval Stone statues of Kazakh Steppes (Typology, Semantics in Terms of Military Ideology and Traditional Worldview))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
16. Iderkhangai, T.-O. 2017. *Tiurkskie ogradki Mongol'skogo Altaia: sistematizatsiia, khronologiya, interpretatsiia (Turkic Enclosures of the Mongol Altai: Systematization, Chronology, Interpretation)*. PhD Diss. Barnaul (in Russian).
17. Izmailov, I. L. 1990. In Khudiakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 61–70 (in Russian).
18. Iliushin, A. M. 1990. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Altaia (Protection and Use of the Archaeological Sites in Altai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 117–119 (in Russian).
19. Iliushin, A. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamiatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 157–169 (in Russian).
20. Komissarov, S. A., Khudiakov, Yu. S. 2007. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: “Fan” publ., 246–266 (in Russian).
21. Kubarev, V. D. 1979. In Pogozheva, A. P. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studie in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 135–161 (in Russian).
22. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia (Ancient Turkic Statues of Altai)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Kubarev, V. D. 2018. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) (2)*, 79–89 (in Russian).
24. Mamadakov, Yu. T. 1994. In Kiriushin Iu. F. (ed.). *Arkheologiya Gornogo Altaia (Archaeology of mountain Alatai)*. Barnaul: Altai University Publ., 58–63 (in Russian).
25. Mamadakov, Yu. T., Gorbunov, V. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory) 2*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 115–129 (in Russian).
26. Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri (Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia) 3–4*. Gorno-Altai: “AKIN” Publ., 203–218 (in Russian).
27. Mogil'nikov, V. A. 1994. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia (Archaeological and Folklore sources on the History of the Altai)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 94–116 (in Russian).
28. Novikov, A. V. 1988. In Tomilov, N. A. (ed.). *Istochniki i istoriografiia: arkheologiya i istoriia (Sources and Historiography: Archaeology and History)*. Omsk: Omsk State University Publ., 47–54 (in Russian).
29. Seregin, N. N., Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2016. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai) 22*. Barnaul: Altai State University Publ., 174–182 (in Russian).
30. Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n.e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia (Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd Half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation)*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).
31. Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Konstantinov, N. A., Shtanakova, E. A. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia) 1–2*. 74–95 (in Russian).
32. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory) 2*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 103–115 (in Russian).

33. Sprishevskii, V. I. 1951. In Voronets, M. E. (ed.). *Trudy Muzeia istorii narodov Uzbekistana (Proceedings of the Museum of History of the peoples of Uzbekistan)* 1. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic, 33–42 (in Russian).
34. Tabaldiev, K. Sh. 1996. *Kurgany srednekovykh kochevykh plemen Tian'-Shania (Burial Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tien Shan)*. Bishkek: "Aibek" Publ. (in Russian).
35. Tishkin, A. A., Semibratov, V. P., Sitnikov, S. M. 2018. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2. 138–145 (in Russian).
36. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 6. Barnaul: Altai State University, 14–32 (in Russian).
37. Terbat, Ts., Baiarkhyi, N., Lepets, S., Bernard, V. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2015 (Mongol Archaeology-2015)*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tyykh, 172–176 (in Mongolian).
38. Terbat Ts., Erdene-Ochir N., Batsykh D., Enkhbaiar G. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2015 (Mongol Archaeology-2015)*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tyykh, 95–96 (in Mongolian).
39. Khudiakov, Yu. S., Borisenko, A. Yu., Kypchakova, K. Y. 2001. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)* 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 456–470 (in Russian).
40. Khudiakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh. 2009. *Drevnie tiurki na Tian'-Shane (Ancient Turks in the Tien Shan)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
41. Tseveendorzh, D., Tserendagva, Ya., Erdene-Ochir, N. 2003. In *Tyykhiin setgyyl (Historical journal)* IV (2). 23–28 (in Mongolian).
42. Shul'ga, P. I., Gorbunov, V. V. 1998. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 99–101 (in Russian).
43. Eregzen, G., Ishtseren, L. In *Arkheologiin sudlal (Archaeological Investigations)* XXXIV. 264–276 (in Mongolian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Candidate of historical sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation. nikolay-seregin@mail.ru

Vasyutin Sergei A. Doctor of Historical Sciences, docent. Kemerovo State University. Krasnaya Street, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; vasyutin2012@list.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ САРЫАРКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2019 г. А.Д. Касенова

В статье анализируется история современного периода изучения средневековых каменных изваяний Сарыарки (Казахский мелкосопочник) с начала 1990-х гг. до настоящего времени. Полевые изыскания в основном проводились исследовательской группой под руководством Ж.К. Курманкулова. В этот период вышли обобщающие и специальные работы (Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулов). Л.Н. Ермоленко была создана иконографическая классификация средневековых изваяний, систематизированы их атрибуты, выделены типы кыпчакских «святых мест». Исследовательница предложила реконструкцию семантики тюркского комплекса «изваяние – оградка – балбалы» и кыпчакских «святых мест» с изваяниями. В своих работах она обосновывает своеобразие западнотюркских изваяний, поднимает вопросы о ландшафтном контексте средневековых памятников с изваяниями, о влиянии природных факторов на сохранение изваяниями первоначального положения, обсуждает проблему изначального вида изваяний и др. На основе анализа современного состояния изученности каменных изваяний Сарыарки автор статьи формулирует основные задачи дальнейших исследований: изучение сооружений с изваяниями методом раскопок, редокументирование изваяний с использованием новейших методов, оборудования и компьютерных технологий, проведение петрографических исследований, создание электронной базы данных и т.д.

Ключевые слова: археология, Сарыарка, средневековье, тюркский, кыпчакский, изваяние, оградка, балбал, святилище.

Сарыарка – историко-географический регион, который соотносится с Казахским мелкосопочником. В административном отношении это территория Карагандинской области и прилегающих районов четырех областей: Костанайской, Акмолинской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской.

Природные ресурсы Сарыарки способствовали тому, что уже с эпохи бронзы здесь возникла традиция сооружения монументальных памятников, которая существовала вплоть до средневековья. История изучения средневековых изваяний на территории Сарыарки насчитывает более полусотни лет. Средневековые каменные изваяния составляют здесь значительную часть памятников монументальной скульптуры всех эпох (рис. 1, 2).

В целом историю изучения средневековых изваяний Сарыарки можно разделить на три этапа. Содержанием первого этапа (вторая половина XIX – первая половина XX в.) было накопление общих сведений о каменных изваяниях («бабах»).

На втором этапе (1946–1980-е гг.) происходило формирование источниковой базы и предпринимался частичный анализ данных, началось специальное изучение каменных изваяний.

Третий этап начался с последнего десятилетия XX в. и продолжается до настоящего времени. Особенностью современного этапа изучения каменных изваяний Сарыарки является использование цифровых технологий для документирования памятников, что характерно и для всей археологической науки.

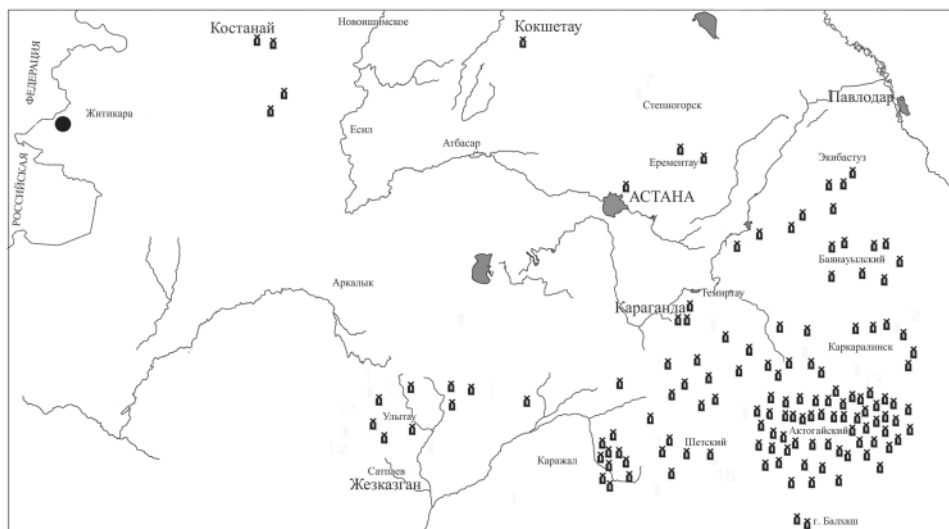

Рис. 1. Карта распространения тюркских изваяний в Сарыарке.

Fig. 1. Map of distribution of Turkic statues in Saryarka.

Начало этого этапа определенным образом связано с политическим событием – обретением Казахстаном независимости. В 1990-е гг., несмотря на создание специального научного академического учреждения – Института археологии им. А.Х. Маргулана, масштабы археологических исследований в Сарыарке существенно сократились, в основном по причине экономических трудностей в стране. Но даже в этой ситуации Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Ж. Курманкулова продолжила работы в Сарыарке. Время с 1991 по 2000 г. было периодом адаптации научных структур к новым условиям рыночной экономики. Начиная с 2004 г. развитие казахстанской археологии обеспечивается стабильным ростом экономики Республики Казахстан. При этом полевые исследования проводятся в основном за счет грантов и хозяйственных договоров, хотя существуют определенные проблемы, связанные с субподрядной практикой работ.

На протяжении современного этапа в Сарыарке исследовано свыше 200 средневековых изваяний, в том числе 40 из них редокументированы.

Что касается публикаций, то в последние десятилетия вышло немало обобщающих и специальных работ, посвященных средневековой монументальной скульптуре Сарыарки (Ермоленко, 1991; 1995; 2002; 2004; 2008; Ермоленко, Курманкулов, Баяр, 2005; Ермоленко, Курманкулов, 2012; Ермоленко, Евдокимов, 2013; Досымбаева, Нускабай, 2012; Дмитриев, Жусупов, 2018; и др.).

Одним из первых обобщающих исследований стала кандидатская диссертация Л.Н. Ермоленко. В работе введены в научный оборот 37 тюркских и 38 кыпчакских изваяний Сарыарки (Ермоленко, 1991). Все рисунки обмерные, выполнены в масштабе 1:10, как правило, в нескольких проекциях.

В диссертации была предложена иконографическая классификация средневековых изваяний и культо-

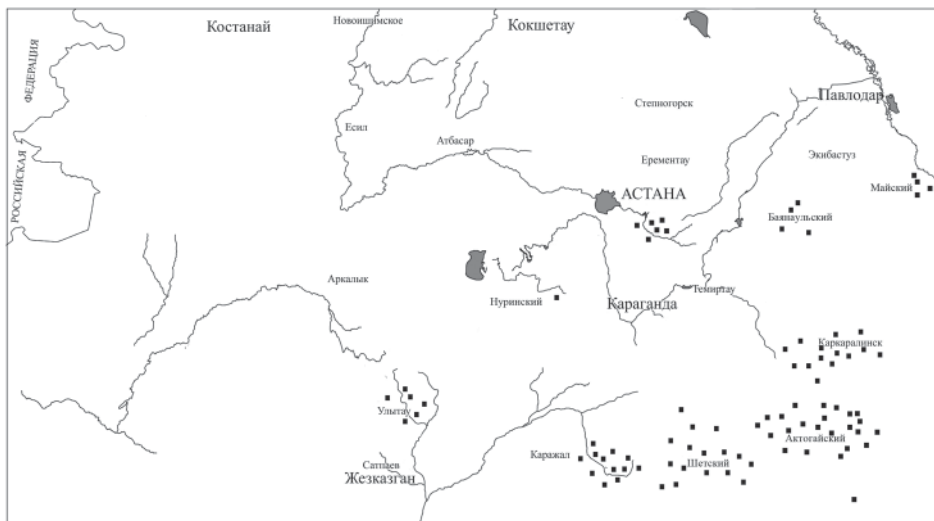

Рис. 2. Карта распространения кыпчакских изваяний в Сарыарке.

Fig. 2. Map of distribution of Kipchak statues in Saryarka.

вых сооружений, систематизированы атрибуты изваяний. В значительной мере эти разработки опубликованы в монографии автора, вышедшей в 2004 г. (Ермоленко, 2004).

Вслед за Я.А. Шером (Шер, 1966, с. 25, 26), А.А. Чариковым (Чариков, 1979, с. 179–181) и В.Д. Кубаревым (Кубарев, 1984, с. 20, 21) Л.Н. Ермоленко основала классификацию на таких признаках, как полнота передачи человеческой фигуры, инвариантное положение рук и характерные атрибуты. В группу древнетюркских изваяний исследователь включила изваяния с сосудом в одной руке и оружием либо без него, в группу кыпчакских – изваяния с сосудом в обеих руках. В отличие от предшественников, Л.Н. Ермоленко не выделила в отдельную группу изваяния, изображающие только голову человека (погрудные), а отнесла их к двум разным группам – древнетюркской и кыпчакской по иконографическому признаку (приему изображения черт лица) и виду культового сооружения

(Ермоленко, 1991, с. 52–54, 81, 82) (рис. 3, 4).

Л.Н. Ермоленко причислила известные ей тюркские оградки Сарыарки к разряду малых (по систематизации В.Д. Кубарева), разделив их на одиночные и комплексные – рядом расположенные, состоящие из нескольких (от 2 до 10) оградок (Ермоленко, 2004, с. 68, табл. 10; и др.).

Исследователь выделила четыре типа кыпчакских «святилищ»: курганообразное сооружение, в котором залегает четырехугольная ограда с изваяниями внутри (I тип); вплотную к сооружению первого типа пристроена курганообразная конструкция большего диаметра (II тип); комплекс из двух возведенных рядом прямоугольных сооружений, обведенных ровиком. Внутри сооружений установлены изваяния (III тип); каменная насыпь, с восточной стороны которой установлены изваяния (IV тип) (Ермоленко, 2004, табл. 19).

Большое внимание Л.Н. Ермоленко уделила проблеме семантики

Рис. 3. Разрушенная тюркская ограда с изваянием в местности Теректы аулие.
Фото Ж.К. Курманкулова.

Fig. 3. Destroyed Turkic fence with a statue in Terekty aulie. Photo by Zh.K. Kurmankulov.

изваяний. Следует отметить, что в публикациях других исследователей, по преимуществу, рассматривались отдельные аспекты семантики тюркских изваяний и оградок (смысл сосуда, изображенного в руке изваяния, вопрос о соотношении изваяния с образом врага или умершего, назначение изваяния, оградки, балбалов и т.д.). Историография этой проблемы проанализирована в обобщающей статье В.Д. Кубарева (Кубарев, 2001). В.Д. Кубаревым была продолжена реконструкция обряда, связанного с сооружением оградки, изваяний и балбалов (Кубарев, 1984, с. 79–81, рис. 16). По мнению исследователя, в этом поминальном обряде оградка символизировала жилище, изваяние передавало облик умершего, а балбалы служили коновязями, к которым привязывали своих коней участники поминок.

Л.Н. Ермоленко исходит из того, что оградка, изваяние и балбалы пред-

ставляют собой культовый комплекс. Сравнивая строение этого комплекса со структурой некоторых культовых сооружений тюркоязычных народов, исследователь делает вывод о том, что комплекс «оградка – изваяние – балбалы» воплощает представления тюрков о мироздании (Ермоленко, 1991, с. 120–125). Впоследствии В.Е. Войтов также сопоставил с моделью мироздания структуру культово-поминальных памятников древнетюркской элиты на территории Монголии (Войтов, 1996, с. 112–120).

Однако основным назначением комплекса Л.Н. Ермоленко считает то, что он был связан с идеей и практикой жертвоприношения богу войны (Ермоленко, 1991а, с. 148–150). При этом исследователь придерживается традиционного представления о том, что балбалы являются символами врагов погибшего героя. Эта точка зрения, как известно, основана на данных письменных источников – китайских

Рис. 4. Кыпчакское святилище с изваянием на территории кладбища Ермакбай.
Фото Ш. Абдикаликова.

Fig. 4. Kipchak sanctuary with a statue on the territory of Ermekbay cemetery.
Photo by Sh. Abdiklikov.

хроник и древнетюркских надписей. С.Г. Кляшторный, проанализировав случаи употребления в древнетюркских текстах слова «балбал» в смысле объекта, обозначающего убитого врага, уверенно отождествил «балбалы» рунических надписей с археологическими объектами (Кляшторный, 1978, с. 250–252).

Л.Н. Ермоленко, вслед за С.С. Сорокиным и В.Д. Кубаревым, предполагает возможность традиционного назначения балбалов как знаков участия сородичей в поминальном обряде (Ермоленко, 1991, с. 124). В недавно вышедшей работе автор пишет: «Балбалы, установленные перед «безоружными» изваяниями, возможно, означали людей, которые должны были составить окружение умершего в ином мире» (Курманкулов, Ермоленко, 2014, с. 40, 41).

Кроме семантики тюркских комплексов с изваяниями Л.Н. Ермоленко предприняла попытку реконструировать семантику кыпчакских «святилищ» с изваяниями. Исследователь предположила, что структура культовых сооружений с кыпчакскими изваяниями также «повторяет» модель мироздания. По ее мнению, смысл самого обряда мог быть связан с представлениями, близкими тем, которые отражены в предании о рождении Буку-хана (Ермоленко, 1991, с. 165). В 1994 г. вышла статья Л.Н. Ермоленко, посвященная этому вопросу. Автор, ссылаясь на В.В. Радлова, указала на сходство преданий о рождении предка уйгуров Буку-хана и легенды родоначальника кыпчаков – Кипчака. Исследователь сопоставила содержание фольклорных памятников с особенностями топографии и состава кып-

Рис. 5. Кыпчакское изваяние из урочища Кызылы. Фото Ж.К. Курманкулова.

Fig. 5. Kipchak statue from Kyzylly locale.
Photo by Zh.K. Kurmankulov.

чакских и половецких «святилищ». В результате она сделала вывод о том, что эти культово-поминальные памятники «сооружались в честь умерших, причисленных к мифическим предкам» (Ермоленко, 1994, с. 163).

В работе 1995 г. Л.Н. Ермоленко соотнесла сведения рунических надписей о системе обозначения сторон света у тюрков и пространственную ориентацию элементов комплекса «оградка – изваяние – балбалы». Автор объяснила факт направленности оградок сторонами или углами по сторонам света тем, что в древнетюркском понятии «угол» и «сторона» обозначались одним и тем же словом. С этим же обстоятельством она связывает наличие тюркских изваяний, передняя сторона которых

была выполнена «на стыке граней» (Ермоленко, 1995, с. 194). Исследователь развивает идею В.Д. Кубарева о закономерности в количестве плит, из которых составлены стенки оградки, и выделяет 4 варианта количественного соотношения плит в стенках оградок (Ермоленко, 1995, с. 192, 193). Л.Н. Ермоленко пришла к выводу, что комплекс «оградка – изваяние – балбалы» структурно воспроизводит «модель мира» средневековых кочевников (Ермоленко, 1995, с. 194).

Л.Н. Ермоленко поставила вопрос о культурно-хронологической неоднородности изваяний с сосудом в обеих руках. Исследователь выявила признак отличия тюркских изваяний с сосудом в двух руках от «уйгурских», «кыпчакских» и «половецких». Сосуд расположен на уровне груди тюркских изваяний, а у остальных – возле живота (Ермоленко, 2002, с. 191, 192). Автор ставит вопрос о смысле жестов рук средневековых изваяний, привлекая этнографические материалы.

Несколько статей Л.Н. Ермоленко, вышедших в начале 2000-х гг., посвящены проблеме первоначального вида средневековых изваяний. Этому вопросу в разное время касались разные исследователи, которые предполагали возможность раскрашивания и одевания изваяний (Кызласов, 1969, рис. 3: 1; Федоров-Давыдов, 1976; Кубарев, 1984, с. 27; и др.). Л.Н. Ермоленко выявила конкретные признаки, свидетельствующие о раскраске изваяний или одевании их: частично изображенные (незавершенные) детали, отсутствие рук в сочетании с изображением обнаженного тела, моделирование верха головы как основы для головного убора, углубления для крепления накладных деталей, таких как косы, посох (Ермоленко, Курманку-

Рис. 6. Тюркское изваяние из урочища Борили. Фото Ж.К. Курманкулова.

Fig. 6. Turkic statue from Borili locale.
Photo by Zh. K. Kurmankulov.

лов, 2002, с. 84–86; Ермоленко, 2003, с. 238; 2007, с. 128).

В 2004 г. была опубликована обобщающая монография Л.Н. Ермоленко, в которой представлены классификации средневековых изваяний Казахских степей, культовых сооружений – древнетюркских оградок и кыпчакских святилищ, проведена систематизация реалий (Ермоленко, 2004, с. 22–38). Классификационные построения, принципы которых разработаны автором еще в кандидатской диссертации, были скорректированы на основе новых материалов.

В приложении к книге Л.Н. Ермоленко, выполненном в соавторстве с Ж.К. Курманкуловым, в научный оборот введено 121 сарыаркинское изваяние, 6 из которых были опубликованы

А.Х. Маргуланом (Маргулан, 2003, рис. 24: 1, 62: 2, 3, 67, 74, 88: 6, 95). Однако рисунки изваяний в публикациях А.Х. Маргулана не обмерные и, как правило, выполнены в одной проекции, вместо рисунков нередко даны фотографии.

В другой монографии Л.Н. Ермоленко «Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии» были проанализированы военные аспекты семантики древнетюркских изваяний, в частности, изображение на их лицах гримасы ярости (Ермоленко, 2008, с. 54–58; 110, 111).

Ряд работ автора, изданных в 2000-е гг., посвящен обоснованию своеобразия западнотюркской скульптуры по сравнению с восточнотюркской. Так, Л.Н. Ермоленко анализирует специфические аксессуары западнотюркских изваяний – посох (Ермоленко, Курманкулов, Баяр, 2005) и подвешенную к поясу комбинированную сумочку (Ермоленко, 2017). В объемистой статье она рассматривает такой элемент иконографии лица, как «бородка» (вертикальная полоска на подбородке), который редко встречается в восточнотюркской скульптуре (Ермоленко, Курманкулов, 2012а, с. 97). Автор предположила, что «бородка» отвечала моде, существовавшей в западной части азиатских степей (Ермоленко, Курманкулов, 2012а, с. 107).

Кроме того, на примере оградки с изваяниями из Улытау Л.Н. Ермоленко поднимает вопрос о ландшафтном контексте средневековых памятников. В статье, написанной совместно с Ж.К. Курманкуловым, сделан вывод о том, что древнетюркские оградки из урочищ Коргантас и Ногербек дара-

сы сооружались с учетом топографических особенностей окружающего пространства. При этом связанные с ними изваяния были ориентированы на гору, выделяющуюся высотой, формой местоположения (в восточном направлении от оградок, на развилке ущелья и т.д.), в чем авторы видят свидетельство почитания гор (Ермоленко, Курманкулов, 2012б, с. 152). В результате Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкулов предложили для изучения ландшафтного окружения оградок с изваяниями проводить панорамную фотосъемку (Ермоленко, Курманкулов, 2012б, с. 152).

Изучая каменные изваяния *in situ*, Л.Н. Ермоленко обратила внимание на влияние природных факторов на первоначальную позицию изваяний. Она предположила, что основной причиной того, что изваяния постепенно «выталкиваются» из земли и, в конце концов, оказываются поваленными, является процесс «морозного пучения» (Ермоленко, Курманкулов, 2013а, с. 22).

В последнее десятилетие Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкулов ввели в научный оборот несколько уникальных средневековых изваяний Сарыарки. В связи с публикацией кыпчакского изваяния из урочища Кызлы (рис. 5) авторы обсуждают проблему истоков половецкой скульптуры (Ермоленко, Курманкулов, 2013б, с. 160, 161).

Изваяние из Кызлы стало предметом специального рассмотрения еще в одной статье коллектива авторов. Выявленная на статуе деталь была трактована Э.Р. Усмановой в аспекте возрастного переходного ритуала (Усманова, Ермоленко и др. 2016, с. 95, 96, 102).

Большая коллективная статья посвящена тюркскому изваянию из урочища Борили (рис. 6). Исключительность этого изваяния состоит в том, что в его иконографии сосуд заменен топором. Авторы предлагают различные объяснения смысла этого атрибута и семантики самого образа, приводя аналогии из согдийского и китайского искусства (Ермоленко, Соловьев, Курманкулов, 2016; 2018).

В последнее десятилетие средневековые изваяния северной Сарыарки изучает А.М. Досымбаева, ранее исследовавшая средневековые святилища с изваяниями Жайсан и Мерке в Семиречье. Исследователь значительное внимание уделяет актуализации археологического наследия (Досымбаева, 2017, с. 96). Она провела раскопки комплексов оградок с изваяниями в долине р. Кумай (комплексы Кос батыр, Карагайлы 1–4), музеефицировала один из объектов, создав археолого-этнографический комплекс «Кумай» (Досымбаева, Нускабай, 2012; и др.).

Проведенные А.М. Досымбаевой археологические раскопки оградок значимы, так как древнетюркские оградки Сарыарки до сих пор исследованы недостаточно. На эту проблему также обращают внимание Е.А. Дмитриев и Д.С. Жусупов, которые ввели в научный оборот результаты исследований древнетюркского комплекса оградок Танабай (Дмитриев, Жусупов, 2018, с. 144, 145).

Анализ истории изучения средневековых изваяний Сарыарки на современном этапе позволяет заключить, что к настоящему времени найдено значительное количество изваяний *in situ*, которые систематизированы и теоретически осмыслены в разных аспектах. В результате анализа, про-

веденного автором настоящей статьи, определен ряд проблем, требующих решения. В первую очередь, необходимо продолжить работу по выявлению изваяний, поскольку до сих пор не обнаружены свыше 80 изваяний, рисунки и / или фотографии которых опубликованы в посмертном издании обобщающей работы А.Х. Маргулана (Маргулан, 2003). Изваяния, уже введенные в научный оборот, необходимо редокументировать на уровне требований современной полевой методики. В этой связи заслуживает внимания значительный опыт фиксации изображений на камне, накопленный исследователями петроглифов. Так, широко применяемый ими контактный метод микалентного копирования, адаптирован специалистами для документирования такой разновидности монументальных памятников как оленные камни (Миклашевич, Мухарева, Бове, Солодейников, 2014). Развертки микалентных копий с оленных камней прорисовываются на компьютере с использованием графических редакторов (AdobePhotoshop, CorelDraw). Данный способ создания графической документации лучше всего подходит для прямоугольных в сечении объектов, поэтому применение его для объемных экземпляров древней и средневековой скульптуры Сарыарки затруднительно. В этом отношении большими преимуществами обладают бесконтактные методы копирования, также использующиеся при документировании наскальных рисунков. В их числе метод фотосъемки скальной плоскости фрагментами с последующим сведением их в одно целое (Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, с. 370). Использование этого метода для фиксации изваяний имеет те же ограничения, как и в слу-

чае метода микалентного копирования.

Наиболее подходящими для фиксации изваяний, обладающих объемными характеристиками, на наш взгляд, являются такие способы, результатом которых может быть трехмерная визуализация объекта. В частности, эффективными могут быть используемые при фиксации наскальных изображений фотограмметрическая обработка фотографий и 3D-сканирование (Зоткина, Ковалев, Шалагина, 2018, с. 173, 174).

Анализ научной документации сооружений с изваяниями Сарыарки показывает, что, в основном, планы памятников сделаны глазомерным способом. Поэтому, в первую очередь, требуется создать инструментальные планы всех сохранившихся сооружений с изваяниями, используя для этого современные геодезические приборы, в частности, электронный тахеометр. Для изучения ландшафтного контекста памятников может быть проведена съемка окрестностей с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) (Золотухин, 2011, с. 63, 64). Важно, что результаты такой съемки могут быть использованы для создания 3D-моделей памятников (Шуберт, 2016, с. 124, 125). Собранные таким образом материалы можно задействовать для создания электронной базы данных об археологических памятниках монументальной скульптуры Сарыарки.

В дальнейшем необходимо продолжить изучение древних и средневековых сооружений с изваяниями методом археологических раскопок. До сих пор исследовано раскопками незначительное количество подобных памятников, между тем только этим способом можно получить материал

для их датирования естественнонаучными методами. Еще одна актуальная проблема связана с необходимостью охраны и использования памятников с изваяниями как объектов культурного наследия. Она включает в себя задачи консервации, реставрации и музеефикации каменных изваяний Сарыарки в условиях природно-историческо-

го ландшафта. Охарактеризованная проблема связана с наметившейся тенденцией: в 2000-е годы успешно осуществлена музеефикация некоторых памятников Сарыарки – мавзолеев бегазы-дандыбаевской культуры (А.З. Бейсенов) и комплексов тюркских оградок с изваяниями (А.М. Досымбаева).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
2. *Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С.* Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (21). С. 144–154.
3. *Досымбаева А.М.* Сохранение культурного ландшафта в контексте сакральной географии Казахстана // Роль социально-гуманитарных наук в модернизации общественного сознания: сборник докладов Международного круглого стола (24 ноября 2017 года) / Отв. ред. А.В. Сидорович. М.; Астана, 2017. С. 99–109.
4. *Досымбаева А.М., Нускабай А.* Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012. 146 с.
5. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей. Дисс.... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 311 с.
6. *Ермоленко Л.Н.* О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 157–165.
7. *Ермоленко Л.Н.* К вопросу о картине мира древних тюрков (на материале изваяний и оградок) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1995. С. 186–198.
8. *Ермоленко Л.Н.* Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А. Шера / Отв. ред. В.В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 188–192.
9. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
10. *Ермоленко Л.Н.* Еще раз к вопросу о первоначальном виде каменных кочевнических изваяний // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 126–129.
11. *Ермоленко Л.Н.* Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2008. 288 с.
12. *Ермоленко Л.Н.* Комплект сумочек в предметном репертуаре западнотюркских изваяний // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. Вып. 11 / Отв. ред М.А. Дэвлет. М.; Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2017. С. 70–74.
13. *Ермоленко Л.Н.* Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Санкт-Петербург: Изд-во Эрмитажа, 2003. С. 236–239.

14. Ермоленко Л.Н., Евдокимов В.В. Средневековые изваяния из музея археологии Карагандинского университета // Археологические исследования степной Евразии Сборник научных статей / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: «TENGR Ltd», 2013. С. 201–208.
15. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 78–87.
16. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Бородка в иконографии древнетюркских изваяний // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2012а. С. 97–109.
17. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оградки с изваяниями из Улытау (к вопросу о ландшафтном контексте памятников) // Археология Южной Сибири. Вып. 26. К 80-летию А. И. Мартынова / Отв. ред. О.С. Советова, Л.Ю. Китова. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2012б. С. 144–153.
18. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Серия новых кыпчакских изваяний из Сары-арки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013а. № 3 (55). Т. 4. С. 18–23.
19. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы // Известия НАН Респ. Казахстан. Сер. обществ. и гуманитар. наук. 2013б. № 3. С. 155–164.
20. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Баяр Д. Изображения древних тюрков с посохом // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва / Под ред. Л.Ю. Китовой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 76–81.
21. Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И., Курманкулов Ж.К. Древнетюркское изваяние из урочища Борили (Улытау, Центральный Казахстан): предметный комплекс // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 4. С. 102–113.
22. Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И., Курманкулов Ж.К. Древнетюркское изваяние из урочища Борили Улытау, Центральный Казахстан): вопросы интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. №1. С. 49–55.
23. Зоткина Л.В., Ковалев В.С., Шалагина А.В. Возможности и перспективы применения трехмерной визуализации как инструмента анализа в археологии // Научная визуализация. 2018. Т. 10. № 5. С. 172–190.
24. Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник 1974 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 238–255.
25. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
26. Кубарев В.Д. Изваяние, оградки, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.
27. Курманкулов Ж., Ермоленко Л.Н. Ежелгі Сарыарка: тас мүсіндер Древности Сарыарки: каменные изваяния. Saryarka Antiquities: Stone Statues. Караганды, 2014. 168 с.
28. Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау // Сочинения. Т. 3–4. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003. С. 20–46.
29. Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л., Солодейников А.К. Некоторые результаты исследования оленных камней и наскальных изображений в Центральной Монголии в 2012 г. // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2014. С. 76–84.
30. Усманова Э.Р., Ермоленко Л.Н., Мкртычев Т.К., Антонов М.А. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государствен-

ного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 17. С. 94–108.

31. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

32. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2. С. 179–190.

33. Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 369–373.

34. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 138 с.

35. Шуберт Х. 3Д-фотограмметрия с применением БПЛА в процессе археологического исследования // Вестник ОмГУ. Серия Исторические науки, 2016. № 4. С. 124–127.

Информация об авторе:

Касенова Асемгуль Дауреновна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); asema_94@mail.ru

RESEARCH IN THE TURKIC STONE STATUES OF SARYARKA AT THE PRESENT STAGE

A.D. Kasenova

The author analyzes the history of the recent period of studying the medieval stone statues of Saryarka (the Kazakh Uplands) from the early 1990s until now. Field surveys were mainly conducted by a research team led by Zh.K. Kurmankulov. During this period, a number of summarizing and special papers have been published (L.N. Ermolenko, Zh.K. Kurmankulov). L.N. Ermolenko developed an iconographic classification of medieval statues, systematized their attributes, and identified types of the Kipchak “sanctuaries”. The researcher suggested the reconstruction of the semantics of the Turkic complex “statue – fence – balbal” and the Kipchak “sanctuaries” with statues. In her works, she proves the originality of Western Turkic statues, raises questions about the landscape context of medieval sites including statues, the impact of natural factors on the preservation of statue’s original position, discusses the issue of the original appearance of statues, etc. Based on the analysis of the current state of knowledge about Saryarka stone statues, the author of the paper formulates the main objectives of further research: the study of structures with statues using the excavation method, redocumentation of statues using the state of modern methods, equipment and computer technologies, conducting petrographic studies, creating an electronic database, etc.”

Keywords: archaeology, Saryarka, Middle Ages, Turkic, Kipchak, statue, fence, balbal, sanctuary..

REFERENCES

1. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia of the 6th – 8th Centuries)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
2. Dmitriev, E. A., Zhusupov, D. S. 2018. In *Teoriia i praktika arkhelogicheskikh issledovaniï (Theory and Practice of Archaeological Research)* 1 (21). 144–154. (in Russian).
3. Dosymbaeva, A. M. 2017. In Sidorovich, A. V. (ed.). *Rol' sotsial'no-gumanitarnykh nauk v modernizatsii obshchestvennogo soznaniia: sbornik dokladov Mezhdunarodnogo kruglogo stola (24 noiabria 2017 goda) (The Role of Social Sciences and Humanities in the Modernization of Public*

Consciousness: Proceedings of International Round Table (24 November 2017)). Moscow-Astana, 99–109 (in Russian).

4. Dosymbaeva, A. M. Nuskabai, A. 2012. *Tiurkskii arkhelogo-etnograficheskii kompleks Kumai (The Turkic Archaeological and Ethnographic Complex of Kumay)*. Astana (in Russian).

5. Ermolenko, L. N. 1991. *Srednevekovye kamennye antropomorfnye izvayaniya Kazahskikh stepey (Medieval Stone Anthropomorphic Statues of Kazakh Steppes)*. PhD Thesis. Kemerovo. Publ. (in Russian).

6. Ermolenko, L. N. 1994. In Martynov A.I. (ed.). *Etnokulturnyye protsessy v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v I–II tysyacheletii n.e. (Ethnocultural Processes in Southern Siberia and Central Asia in the 1st–2nd Millennia AD)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 157–165 (in Russian).

7. Ermolenko, L. N. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaia arkhelogiia Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo, 186–198 (in Russian).

8. Ermolenko, L. N. 2002. In Bobrov, V. V. (ed.). *Pervobytnaia arkhelogiia. Chelovek i iskusstvo (Prehistoric Archaeology: Humans and Art)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 188–192 (in Russian).

9. Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovyye kamennyye izvayaniya kazahstanskikh stepey (tipologiia, semantika v aspekte voyennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval Stone statues of Kazakh Steppes (Typology, Semantics in Terms of Military Ideology and Traditional Worldview))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

10. Ermolenko, L. N. 2007. In Tishkin, A. A. (ed.). *Kamennaia skulptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Stone Sculpture and Portable Art of Ancient and Medieval Population of Eurasia: Collection of Scientific Papers)* 3. Barnaul: “Azbuka” Publ., 126–129 (in Russian).

11. Ermolenko, L. N. 2008. *Izobrazitel'nye pamiatniki i epicheskaia traditsiia: po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii (Graphical Monuments and Epic Tradition: on the Materials of the Culture of Ancient and Medieval Eurasian Nomads)*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. (in Russian).

12. Ermolenko, L. N. 2017. In Devlet, M. A. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva (Iconographic and Technological Traditions in the Early Forms of Art)*. Moscow, Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 70–74 (in Russian).

13. Ermolenko, L. N. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 236–239 (in Russian).

14. Ermolenko, L. N., Evdokimov, V. V. 2013. In Loman V. G. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia stepnoi Evrazii (Archaeological Studies of Steppe Eurasia)*. Karaganda: “TENGRİ Ltd” Publ., 201–208. (in Russian).

15. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2002. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 11 (3), 78–87 (in Russian).

16. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2012. In Sovetova, O. S., Korol, G. G. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii (Iconographic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia)*. Moscow, Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 97–109 (in Russian).

17. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2012. In Sovetova, O. S., Kitova, L. Yu. (eds.). *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 26. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 144–153. (in Russian).

18. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2013. In *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 3 (55). Vol. 4. 18–23. (in Russian).

19. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences Series)* 3 (289), 155–164 (in Russian).

20. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Bayar D. 2005. In Kitova, L. Yu. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 23. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 76–81 (in Russian).
21. Ermolenko, L. N., Soloviev, A. I., Kurmankulov, Zh. K. 2016. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 44 (4), 102–113 (in Russian).
22. Ermolenko, L. N., Soloviev, A. I., Kurmankulov, Zh. K. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (1), 49–55 (in Russian).
23. Zotkina, L. V., Kovalev, V. S., Shalagina, A. V. 2018. In *Nauchnaia vizualizatsiia (Scientific visualization)* 5. Vol. 10. 172–190 (in Russian).
24. Kliashstorni, S. G. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1974: (Collected Papers on Turkic Studies 1974)*. Moscow: "Nauka" Publ., 238–255 (in Russian).
25. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia (Ancient Turkic Statues of Altai)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Kubarev, V. D. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Altai and Adjacent Territories in the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 2001. S. 24 – 54 (in Russian).
27. Kurmankulov, Zh. K., Ermolenko, L. N. 2014. *Drevnosti Saryarki: kamennyye izvayaniya (Saryarka Antiquities: Stone Statues)*. Karaganda: "Credos Ltd C". Publ. (in Kazakh, Russian, English).
28. Margulan, A. Kh. 2003. *Sochineniia (Works)* Vol. 3–4. Almaty: "Daik-Press" Publ., S. 20–46 (in Kazakh, Russian).
29. Miklashevich, E. A., Mukhareva, A. N., Bove, L. L., Solodeinikov, A. K. 2014. In Tishkin A.A. (ed.). *Drevnie i srednevekovye izvaianiia Tsentral'noi Azii (Ancient and Medieval Statues of Central Asia)*. Barnaul: Altai State University, 76–84 (in Russian).
30. Usmanova, E. R., Ermolenko, L. N., Mkrtychev, T. K., Antonov, M. A. 2016. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 17. 94–108 (in Russian).
31. Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ord'y. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
32. Charikov, A. A. 1979. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2. 179–190 (in Russian).
33. Cheremisin, D. V., Miklashevich, E. A., Bove, L. L. 2013. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 19. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 369–373 (in Russian).
34. Sher, Ya. A. 1966. *Kamennye izvaianiia Semirech'ia (Stone Sculptures of Semirechye)*. Moscow, Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
35. Shubert, Kh. 2016. In *Vestnik Omskogo universiteta (Bulletin of the Omsk University)* 4. 124–127 (in Russian).

About the Author:

Kasanova Asemgul D. Institute of Archaeology after A. H. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; asema_94@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРИОДА УЛУСА ДЖУЧИ, ИЗУЧЕННЫЕ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

© 2019 г. А.А. Бисембаев, Г.А. Ахатов

Территория Западного Казахстана, в период XIII–XIV вв. входившая в состав Улуса Джучи, являлась одним из политических центров того времени, подтверждением чему являются яркие памятники, исследованные в регионе. В статье рассматриваются материалы погребений из могильников Уркач I, Булак III, Салтак I, содержащие захоронения представителей различных кочевых групп, оставленных после монгольского нашествия. При значительной разнице в чертах погребального обряда, являющейся результатом передвижения и смешения значительных масс населения, определенной переселенческой политики, данные погребения объединяет принадлежность к социальной элите развитого средневековья. Погребенные снабжены предметами, изготовленными из золота, их сопровождают усложненные черты погребального обряда. Рассмотренные захоронения, по комплексу сопутствующего инвентаря, относятся к периоду Золотой Орды, XIII–XIV вв. По мнению авторов, данные захоронения, скорее, были совершены именно во второй половине XIII в., так как в их погребальном обряде не прослежены черты культурного и религиозного «нивелирования», что наблюдается в XIV веке под влиянием постепенной исламизации. Разница в обрядовых чертах, по-видимому, отражает характер размещения населения в ранний период Золотой Орды после нашествия, указывая на перемещения самых различных групп кочевого населения, в дальнейшем принявших участие в этногенезе современных тюркоязычных народов.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, Золотая Орда, Улус Джучи, курган, погребальный обряд, средневековье, население, миграция.

На территории Западного Казахстана планомерные археологические работы последних лет значительно расширили источниковую базу памятников средневекового периода, позволяя строить реконструкции различных вопросов жизни населения региона.

Одной из сложных проблем средневековой истории, хорошо известной благодаря письменным источникам, является отражение ситуации в период после монгольского нашествия. Поэтому, введение в оборот погребальных комплексов этого времени в какой-то мере проливает свет на спорные вопросы этно- и культуругенеза

средневековых кочевников. Рассматриваемые комплексы были получены в последние полтора десятилетия, и относятся к категории новых памятников. А полученные при их изучении материалы весьма оригинальны и заслуживают подробного анализа.

Интересное, впускное погребение было изучено при исследовании курганного могильника Уркач I, расположенного в Мугалжарском районе Актюбинской области. Курган № 15, возведенный населением раннего железного века, находился в центральной группе, на вершине водораздельного плато. Могильная яма представляла собой глубокую подбой-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, ИРН проекта BR05236565.

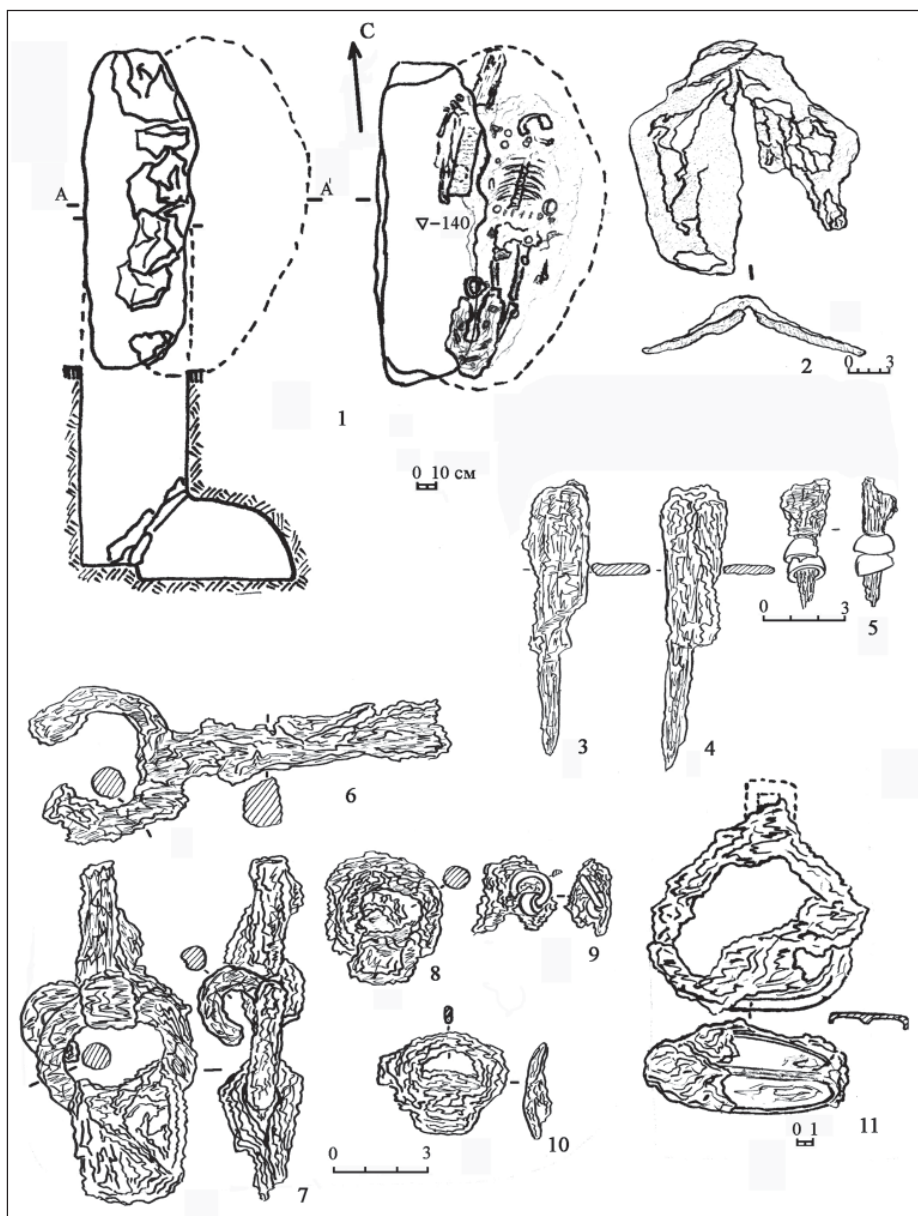

Рис. 1. Погребение 3, курган № 15, могильник Уркач I. 1 – план погребения, 2 – седло, 3–5 – наконечники стрел, 6 – удила, 7–10 – пряжки сбруйных ремней, 11 – стремя; 3–11 – железо, кость.

Fig. 1. Burial 3, mound No. 15, Urkach I. burial ground 1 – layout of the burial 2 – saddle, 3–5 – arrowheads, 6 – bit, 7–10 – buckles for the harness, 11 – stirrup; 3–11 – iron, bone.

ную конструкцию. Вход был заложен каменными плитами, опиравшимися на вертикальные деревянные плахи. Во входной яме была оставлена ступенька-уступ.

На дне подбоя, под остатками покрывала белого цвета лежал скелет взрослого человека, вытянут на спине, головой на север, с небольшим отклонением к востоку (рис. 1: 1). Череп

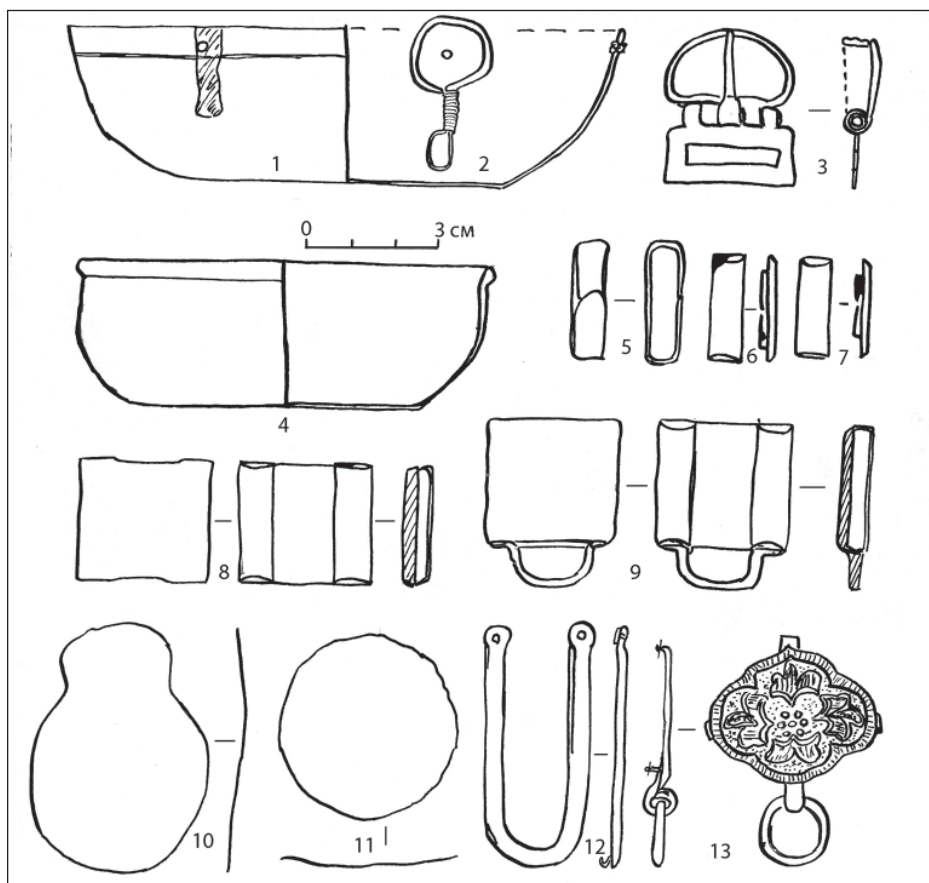

Рис. 2. Погребение 3, курган № 15, могильник Уркач I. 1, 4 – посуда (чаши), 2 – серьга, 3 – пряжка поясного ремня, 5–9, 12, 13 – наборные украшения поясного ремня; 1–13 – золото.

Fig. 2. Burial 3, mound No. 15, Urkach I. burial ground 1, 4 – dishes (bowls), 2 – earring, 3 – belt buckle, 5–9, 12, 13 – set of belt decoration; 1–13 – gold.

погребенного завален на левый висок, руки вытянуты вдоль туловища, кистями у таза. У восточной стенки, напротив бедер, находились остатки заупокойной пищи – трубчатая кость овцы. Овечьи ребра и альчики находились так же за головой скелета. Под костями животного, справа от покойного, располагались остатки берестяного трубчатого колчана, длиной около 1 метра, с узкой горловиной и широким основанием. Тщательная расчистка колчана выявила остатки обтягивающей кожи и систему подвесных ремней, от которой сохранились обрывки и железные мелкие

позолоченные бляшки (дуговидные, крестовидные, трехдырчатые), украшавшие колчан. В верхней части щитка колчана обнаружены «спекшиеся» в комок железные черешковые наконечники стрел. На черешке одного из них обнаружены два костяных колечка (рис. 1: 3–5). Рядом с колчаном находились обломки длинного железного ножа с загнутой рукояткой и остатками ножен на лезвии.

В ногах погребенного, на стопах, лежало деревянное седло с тонкой костяной накладкой на передней луке.

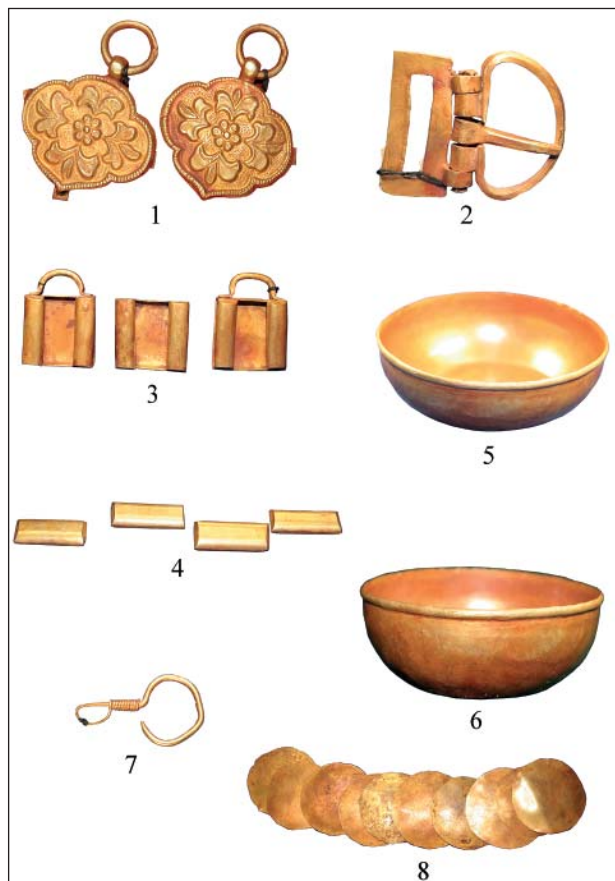

Рис. 3. Погребение 3, курган № 15, могильник Уркач I.

- 1 – золотые подвески пояса,
 2 – золотая пряжка пояса,
 3 – золотые украшения пояса,
 4 – золотые накладки пояса,
 5 – чаша из золота,
 6 – золотая чаша,
 7 – золотая серьга,
 8 – золотые пуговицы.

Fig. 3. Burial 3, mound No. 15, Urkach I. burial ground.

- 1 – Gold belt pendants,
 2 – a gold belt buckle,
 3 – a gold belt decoration,
 4 – a gold lining of a belt,
 5 – a bowl from an electra,
 6 – a gold bowl,
 7 – a gold earring,
 8 – gold buttons.

На седло сверху были брошены остатки ремной сбруи: железные односоставные удила с круглыми в сечении кольцами, подпружная круглая пряжка с прямоугольным приемником, детали уздечного набора с колечками, обломки пряжек. Все предметы очень сильно проржавевшие, плохой сохранности. Рядом с седлом обнаружено железное стремя арочной формы с широкой подножкой и выделенной петлей для привязывания. С внешней стороны подножка имеет бортики и ребро жесткости. На ней сохранились обрывки обматывающей ткани. На поясе погребенного расчищены следы портупейных ремней с элементами поясного набора из золота (рис. 2: 3, 5–9, 12, 13; рис. 3: 1–3, 4): ремная пряжка с прямоугольным приемни-

ком и подвижным язычком, наконечник ремня, прямоугольные обоймы и бляшки с проволочными скобами на тыльной стороне. Ниже поясного ремня находились бляшки-подвески в виде длинной скобы и замочков. На задней стороне бляшек находятся штифты с шайбой. Крепились бляшки посредством заклепки из стержня штифта. На тазе погребенного обнаружена оригинальная бляшка с растительным орнаментом и подвижно закрепленным кольцом. Такая же найдена у основания колчана.

Возле ремной пряжки, слева от скелета, стояла опрокинутая вверх дном золотая чаша. Диаметр по верху – 9,3 см. Вторая чаша немного больше по размеру (диаметр венчика – 12,5 см) из электра, находилась под

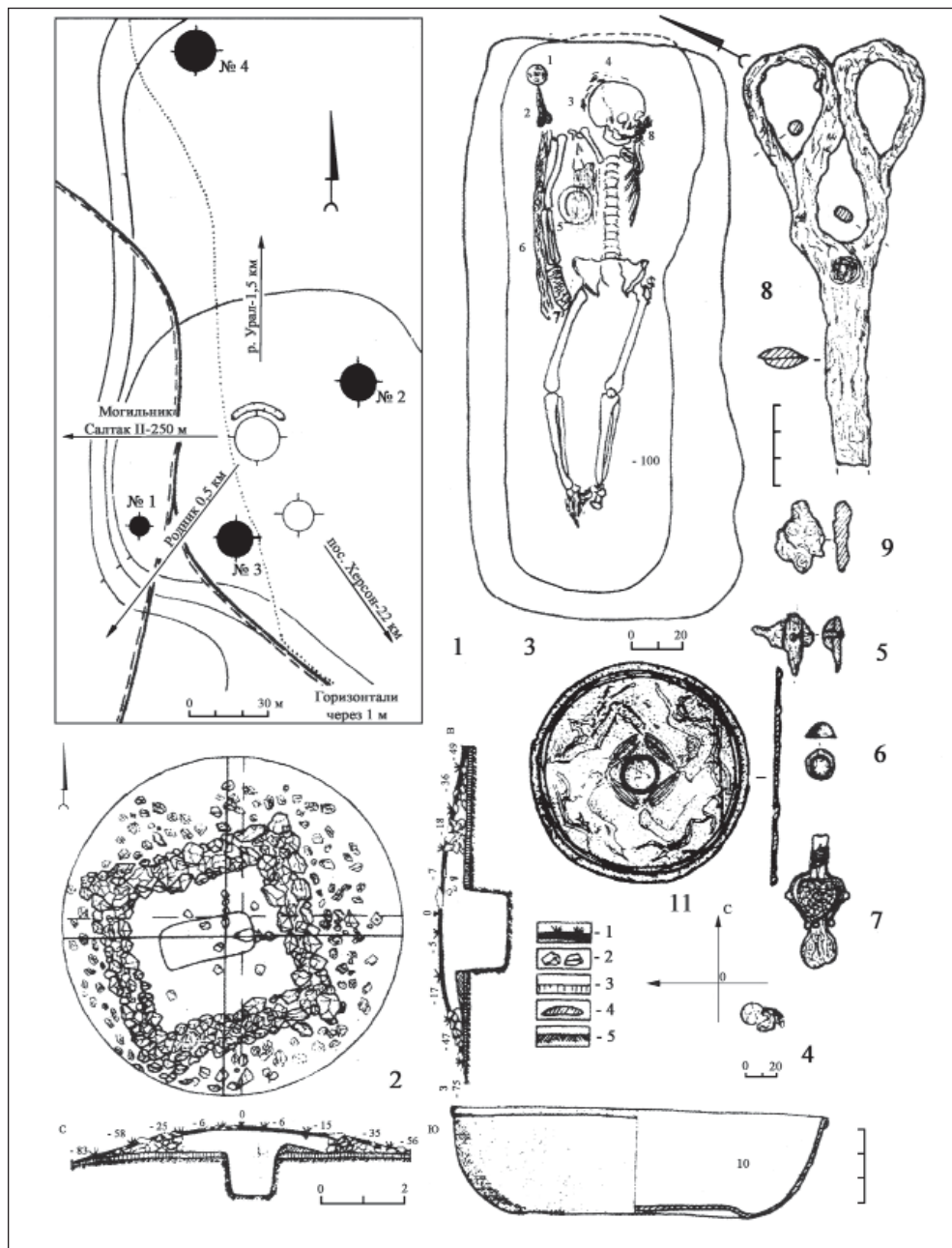

Рис. 4. Курган № 1, могильник Салтак I. 1 – план могильника, 2 – план кургана, 3 – план погребения (1 – зеркало, 2 – ножницы, 3 – подвеска, 4 – шелк и береста, 5 – чашка, 6 – дерево, 7 – «бокка», 8 – ткань), 4 – план детского захоронения, 5, 6, 9 – фрагменты футляра от зеркала, 8 – ножницы, 10 – бронзовая чаша, 11 – бронзовое с серебрением зеркало.

Fig. 4. Mound number 1, burial ground Saltak I. 1 – layout of the burial ground 2 – plan of the mound, 3 – burial plan (1 – mirror, 2 – scissors, 3 – suspension, 4 – silk and birch bark, 5 – cup, 6 – tree, 7 – "boka", 8 – the cloth), 4 – plan for children's burial, 5, 6, 9 – fragments of the case from a mirror, 8 – scissors, 10 – a bronze bowl, 11 – a bronze mirror with silvering.

колчаном (рис. 2: 1, 4; рис. 3: 5, 6). Ниже тазовых костей зафиксированы остатки двух тканевых многослойных мешочков-кошельков, один над другим. В каждом мешочке лежало по четыре бронзовых прямоугольных обломка. У нижнего мешочка имелись деревянные застежки-пуговицы. Вдоль тела погребенного в два ряда, на плечевых костях, на тазе, бедрах и колене находились плоские диски-бляшки из золотой пластины – всего 9 штук. Еще одна, восьмеркообразной формы, находилась у шейных позвонков (рис. 2: 10, 11; рис. 3: 8). Под черепом погребенного обнаружена витая серьга из золотой проволоки (рис. 2: 2; рис. 3: 7). Скелет покойного лежал на истлевшей войлочной подстилке. Набор предметов из золота и общий комплект инвентаря вместе с чертами погребального обряда позволяют отнести захоронение к периоду развитого средневековья.

Еще одно погребение исследовано в могильнике Салтак I, расположенном в Каргалинском районе, в горной местности, на левом берегу Урала. Курган № 1, самый западный, при небольшом диаметре – 8 метров, имел значительную высоту – 0,66 м. На поверхности насыпи выступали крупные камни. После снятия насыпи до уровня погребенной почвы, обозначилась каменная подквадратная конструкция в виде ограды, сложенная из крупных камней безрастворной кладкой. Изучение кладки показало, что камни были уложены в стены шириной от 60 до 100 см по следующему принципу – более крупные плиты до 80 см в длину укладывались в основание, из подобных выводились углы. Выше укладывались камни меньшего размера. Каменная ограда протянута по линии запад-восток с небольшим

отклонением. Высота сохранившихся стен от 45 до 75 см. У юго-западного угла в западной стенке прослежено понижение в кладке с плотно уложенными плитами, шириной около 60 см – подобие «входа» (рис. 4: 1, 2).

В центре кургана, над могильной ямой, почти по середине, на уровне погребенной почвы обнаружен скелет ребенка возрастом полутора-двух лет, скорченный в неестественной позе. Он был практически сложен вдвое, так что правая височная кость находилась на тазовых костях. Инвентаря при скелете не обнаружено (рис. 4: 4).

Могильная яма четких прямоугольных очертаний, находилась в центре конструкции. Засыпь изрыта грызунами, плотная, желтоватого цвета. В яме, на глубине 1 м от погребенной почвы, покоился скелет взрослого человека головой к востоку – северо-востоку. Скелет располагался вытянуто на спине, ноги сведены к стопам, кости левой руки, за исключением кисти, отсутствовали (были вытащены на поверхность кургана грызунами). Скелет располагался в деревянной конструкции, похожей на гробовище, от которой сохранились остатки деревянных плах и тлен у правой руки и на костях (рис. 4: 3).

У восточной стенки, за черепом обнаружено бронзовое посеребренное зеркало диаметром 8,5 см с небольшим изломом по краю. Под зеркалом найдены остатки шелковой материи, бронзовый умбончик и два кусочка дерева от футляра, скрепленные железным штырьком, а так же кусочек железа, напоминающий цветок с обломанными лепестками. Рядом с зеркалом находились железные ножницы, по форме близкие современным. Они сильно окислены, концы

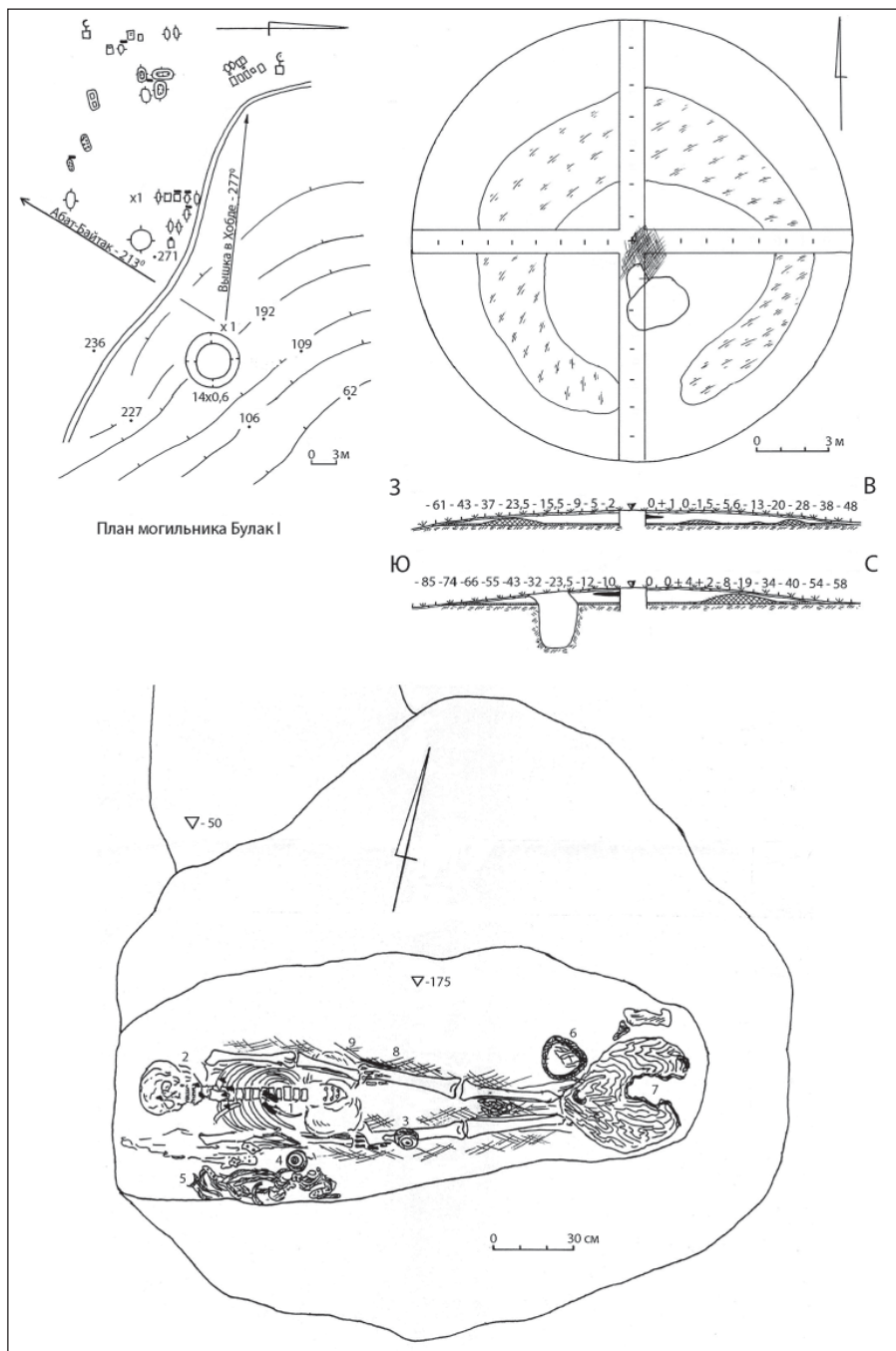

Рис. 5. Курган № 1, могильник Булак III: план могильника, план кургана, план погребения (1 – каменные подвески, 2 – серьга, 3 – чаша, 4 – «колокольчик», 5 – уздечка, 6 – стремя, 7 – седло, 8 – войлок, 9 – куски шелка).

Fig. 5. Mound number 1, Bulak III: layout of the burial ground, 2 – plan of the mound, burial plan (1 – stone pendants, 2 – earring, 3 – bowl, 4 – “bell”, 5 – bridle, 6 – stirrup, 7 – saddle, 8 – felt, 9 – pieces of silk).

режущих частей обломаны (рис. 4: 5, 6, 8, 9, 11).

На черепе и за ним расчищены слоившиеся кусочки бересты от головного убора. У затылка находилась подвеска к шапочке, состоящая из деревянного стерженька с веслообразным расширением книзу и четырех бронзовых проволочных листовидной формы подвесок, прикрученных к деревянному стержню тонкой бронзовой нитью. Такая же нить внутри каждого лепестка образует кружевное плетение с небольшой бусинкой в центре. Края рамки-листка выгнуты из витой проволоки (рис. 4: 7). Между правой рукой и позвоночником у локтевого сгиба лежала перевернутая вверх дном бронзовая чаша с бортиком по верхнему краю. Диаметр чаши по венчику – 14,5 см, диаметр дна – 9 см (рис. 4: 10). На кисти правой руки лежала сплюснутая берестяная трубочка – «бокка», длиной 15 см. Комплекс внешних признаков позволяет отнести данное погребение к периоду XIII–XIV вв.

Следующее, интересующее нас захоронение, происходит из кургана № 1 могильника Булак III, относящегося к бассейну Сары-Хобды Кобдинского района Актюбинской области. Могильник средневековья и нового времени расположен на восточной окраине современного казахского кладбища, на склоне небольшого возвышения, являющегося краем водораздельного плато.

Могильная яма выявлена в южной половине кургана, практически у центра. К северной стенке ямы примыкает небольшая ступенька-уступ, дно которой заглублено на 50 см. Северная и южная стены плавно сужаются ко дну; небольшое сужение наблюдалось и у восточной торцевой стены;

западная стена, за головой скелета, практически отвесная.

На дне могильной ямы, на глубине 175 см расчищен скелет взрослой женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на запад, с незначительным отклонением к югу. Кости рук вытянуты вдоль тела, левая кисть уложена на таз. Ноги сведены к стопам (рис. 5: 1–3).

Справа от скелета, на уровне плечевой кости, у южной стенки, находилась конская сбруя, представленная обрывками сыромятных ремней с большим количеством металлических блях, соединяющих перекрестья ремней или же их украшающие. Здесь же большое количество сильно коррозированных железных предметов, являющихся остатками удил и железных соединительных колец. Часть бляшек узды носит следы позолоты, украшена растительным и зооморфным орнаментом (рис. 7: 1–26; рис. 9: 4, 5). К этому уздечному набору относится золотой колоколовидный предмет с деревянным вкладышем внутри (рис. 8: 4, 5; рис. 9: 1).

На правой бедренной кости, дном вверх, лежала небольшая золотая чаша с припаянным поддоном и плоской боковой ручкой на заклепках (рис. 6: 10, 14; рис. 9: 3). На ноги погребенной было уложено деревянное седло, с прослеживаемой передней лукой и остатками металлической фольги, ее украшавшей. Седлу сопутствовали два стремена; одно – хорошей сохранности, с обрывками ожелезненных в результате коррозии ремней (рис. 8: 7).

В средней части скелета обнаружены две халцедоновые пластины с просверленными отверстиями, каменный амулет, окаменелый зуб ископаемого животного (рис. 6: 15; рис. 8: 6).

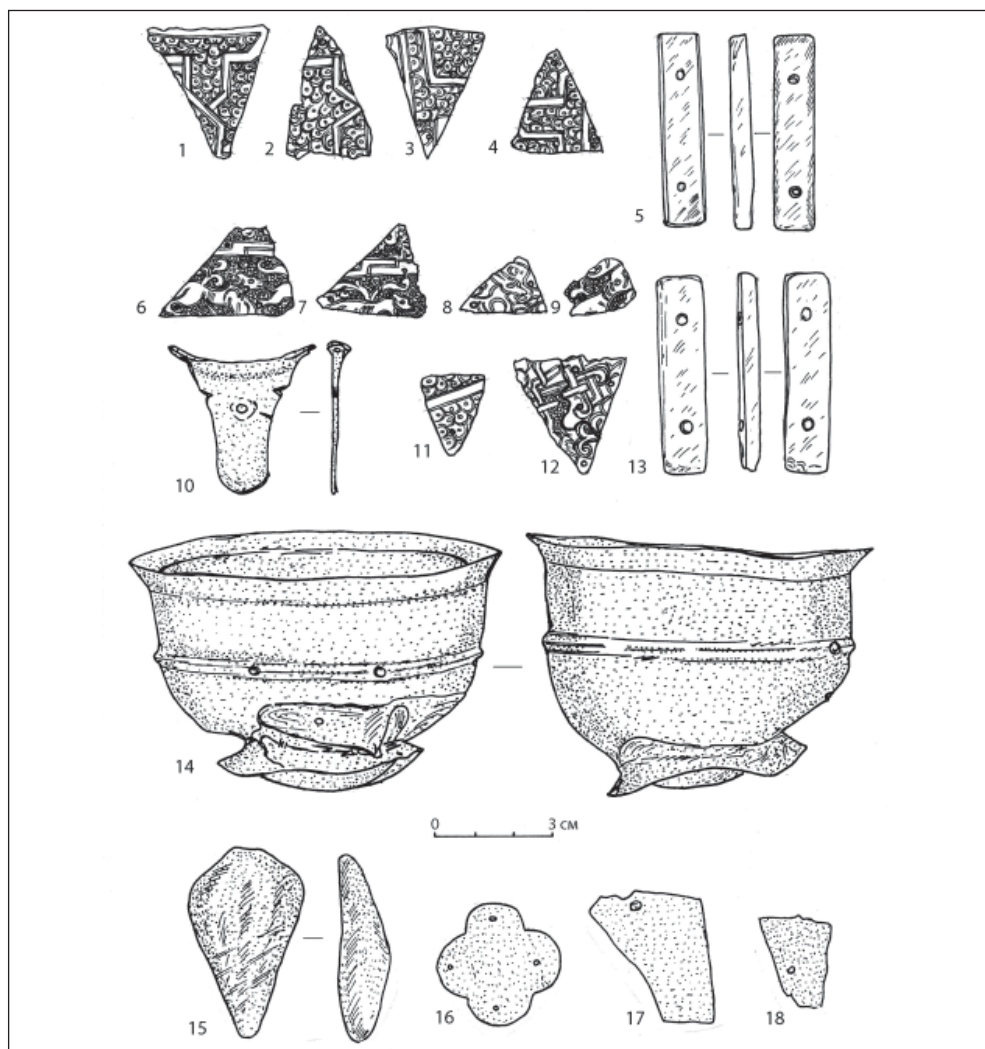

Рис. 6. Курган № 1, могильник Булак III. 1–4, 6–9, 11, 12 – пластины головного убора, 5, 13 – подвески, 10 – ручка чаши, 14 – чаша, 15 – амулет, 16–18 – украшения ремней; 1–4, 6–12, 14 – золото, 5, 13, 15 – камень, 16–18 – бронза с позолотой.

Fig. 6. Mound number 1, Bulak III. 1–4, 7–9, 11, 12 – headgear plates, 5, 13 – pendants, 10 – bowl handle, 14 – bowl, 15 – amulet, 16–18 – belt decoration; 1–4, 6–12, 14 – gold, 5, 13, 15 – a stone, 16–18 – bronze with gilding.

Пластины из халцедона светло-серого цвета, скрытокристаллического состава, с включениями гидрослюды. Они являлись, возможно, частью амулетного набора вместе с найденными рядом камнем светло-зеленого цвета и окаменелым зубом. Размеры пластин $5 \times 1,2$ см и $5,1 \times 1,3$ см. Ближе к торцевым краям имеются сквозные от-

верстия для подвешивания на шнурке (рис. 6: 5, 13).

У левой бедренной кости находились фрагменты железного предмета, вероятно, остатки ножа, в деревянных ножнах (рис. 8: 1). Череп погребенной покрывали остатки многослойной шелковой ткани головного убора, среди которых были обнаружены тонкие

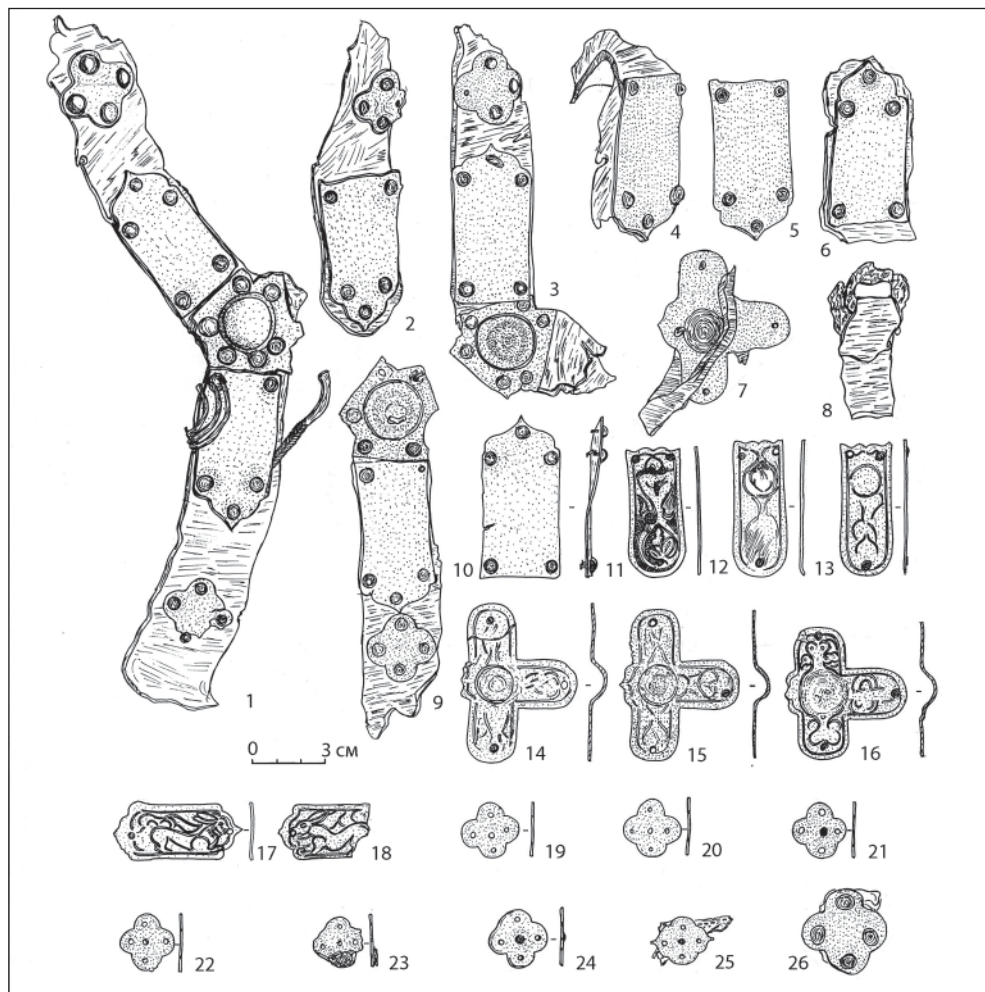

Рис. 7. Курган № 1, могильник Булак III. 1–26 – металлические украшения сбруйных ремней, бронза с позолотой.

Fig. 7. Mound number 1, Bulak III. 1–26 – metal jewelry of harness belts, bronze with gold plate.

золотые пластины с растительным и зооморфным орнаментом и плоские неорнаментированные, серебряные (рис. 6: 1–9, 11, 12, 16–18; рис. 9: 2).

На некоторых компонентах погребального инвентаря следует остановиться подробнее. В частности, пристального внимания требует головной убор из нескольких слоев ткани, украшенный металлическими пластинами. Изначально он был, вероятно, похож на этнографический «жаулык». Тонкие, не превышающие по толщине

0,5 мм треугольные пластины, являются, скорее всего, частями первоначально целого прямоугольного предмета, с предполагаемыми размерами 20×15 см. В «булакской коллекции» пластинки в суммарной площади едва ли составляют четверть первоначального предмета, изрезанного на треугольные куски. Но даже по имеющимся фрагментам можно получить представление о декоративной композиции первоначальной пластины. Часть пластин (четыре штуки) содер-

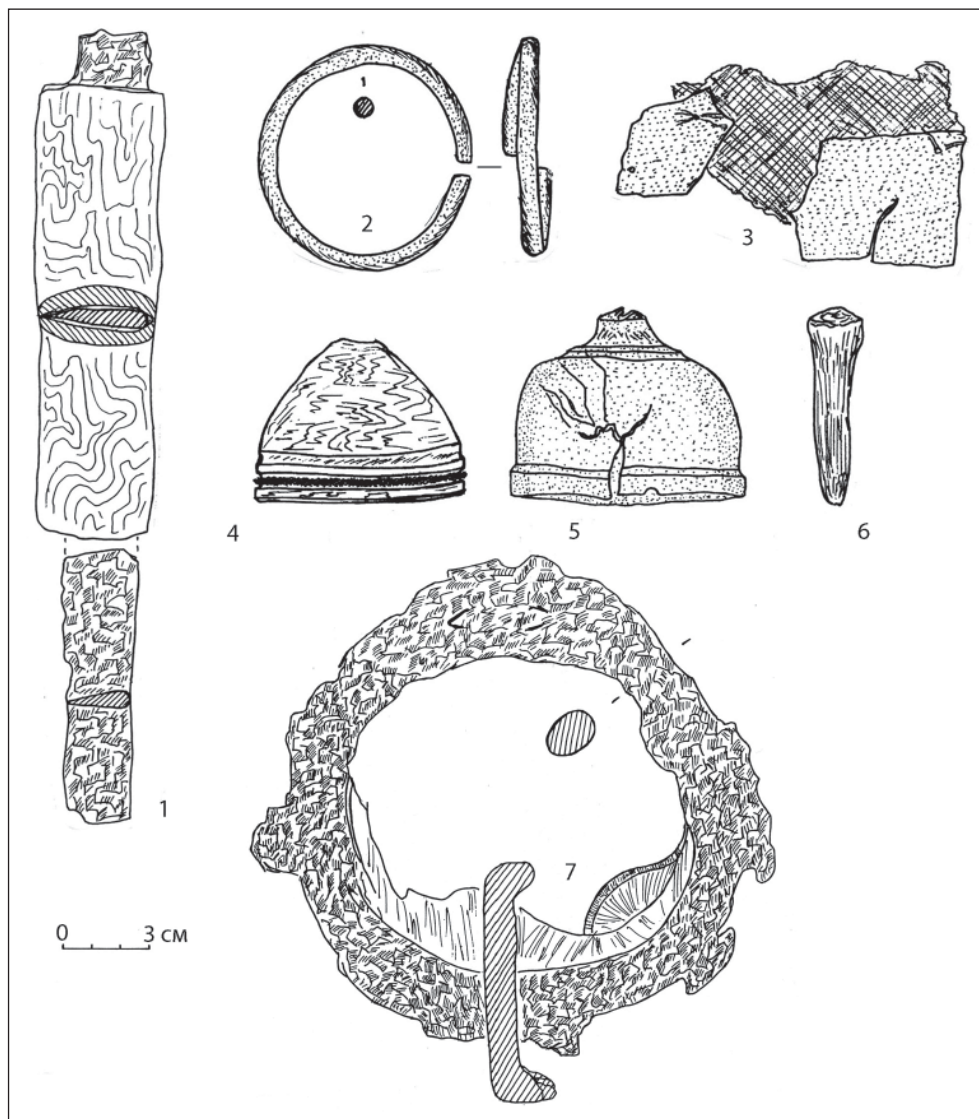

Рис. 8. Курган № 1, могильник Булак III. 1 – остатки ножа в ножнах, 2 – серьга-подвеска, 3 – шелковая ткань с серебряными пластинками, 4 – деревянный вкладыш «колокольчика», 5 – «колокольчик» украшение сбруи, 6 – окаменелый зуб животного, 7 – стремя; 1 – железо и дерево, 2 – бронза, 5 – золото, 7 – железо.

Fig. 8. Mound number 1, Bulak III. 1 – knife remnants in a sheath, 2 – earring-pendant, 3 – silk fabric with silver plates, 4 – wooden liner “bell”, 5 – “bell” decoration of harness, 6 – petrified tooth of an animal, 7 – stirrup; iron and wood, 2 – bronze, 5 – gold, 7 – iron.

жит неполные изображения животных. В одном случае – верхнюю часть тела кошачьего хищника, почти целое изображение собаки, голову травоядного и часть неидентифицированного животного. Остальные 6 пластин

содержат фрагменты с орнаментом, образующим ленту восьмиугольных звезд, плетеные узлы с растительной вязью на «чешуйчатом» фоне. Все пластинки имеют небольшие пробитые отверстия, сделанные при разре-

зании исходного предмета, для пришивания на ткань. Таким образом, можно констатировать, что первоначально это была прямоугольная, большая пластина, с изображениями бегущих по периметру животных, в сюжетном плане, скорее всего, сцена охоты или «звериного гона». Изображение выдавленное, штампованное. Окантовка тела животных и растительный орнамент слегка выпуклые, барельефные.

Наиболее значимым предметом в инвентарной коллекции является золотая чаша с приваренным коническим поддоном. Она по форме напоминает приземистый кубок, имеет выдавленный кольцевой выступ в середине тулова и отогнутый наружу венчик. К чаше была приклепана плоская ручка, с двумя насечками по краям и отверстием посередине, со следами от заклепки.

В комплект конской сбруи входят три концевые бляхи с одним скругленным краем и фигурной противоположной стороной. Они плоские, с тремя отверстиями под заклепки. Один экземпляр имеет четкий растительный орнамент, выполненный чеканкой, на двух – он едва заметен. Оригинально сделаны две пластины, которые также подходят под категорию концевых: узкие торцевые края выполнены фигурно, в узких краях два отверстия, в середине прочеканены изображения зайцев, на одной пластине – головой влево, на другой – вправо (рис. 9: 5).

В уздечном наборе присутствуют четыре трехлопастные соединительные бляхи ремней конского оголовья, изготовленные из бронзы и покрытые серебрением. По форме они близки между собой, но не идентичны. На одном экземпляре хорошо прочеканен

растительный орнамент, на двух рисунков едва заметен и один – неорнаментированный. Со стороны отсутствующей лопасти заметен небольшой куполовидный отросток, в центре выдавленная выпуклость и по краям лопастей три отверстия для заклепок.

Ремни уздечки украшали также 12 трехлепестковых пластин, сходных по форме. Они найдены на головном уборе; выполнены из бронзы и имеют на 7 экземплярах, кроме трех отверстий по лепесткам, еще одно – в центре. Кроме того, в наличии 15 целых экземпляров гладких бляшек «геральдического» облика, имеющих фигурный куполовидный торцевой край и пять отверстий с остатками полусферических заклепок, и один обрывок ремня с небольшой овальной железной пряжкой (рис. 7: 1–26; рис. 9: 4, 5).

Все три рассматриваемых погребения относятся к кругу элитных памятников раннего средневековья. Подобное утверждение базируется не только на присутствии золотых предметов. Тем более, что в захоронении Салтака предметы из драгоценных металлов отсутствуют. Относить эти захоронения к памятникам кочевой элиты позволяет весь комплекс рассматриваемых признаков – элементы погребального обряда и погребальный инвентарь.

Интересно сочетание ранних признаков в инвентарном комплексе ур-качевского захоронения с поздними обрядовыми чертами. Стремя с выделенной подножкой и односоставные удила бытуют в Восточной Европе в огузо-печенежское время. Эти признаки и послужили решающим моментом в определении даты при предварительной публикации комплекса к этому периоду (Бисембаев, Гуцалов, 1996, с. 250–251). Однако на данный

Рис. 9. Курган № 1, могильник Булак III. 1 – золотой колокольчик конской сбруи, 2 – золотые пластины головного убора, 3 – золотая чаша, 4 – ремни, предметы конской сбруи, 5 – бляшка конской сбруи с изображением зайца.

Fig. 9. Mound number 1, Bulak III. 1 – Golden bell of horse harness, 2 – Golden plates of headgear, 3 – golden bowl, 4 – belts, objects of horse harness, 5 – plaque of horse harness with the image of a hare.

момент, после ознакомления с другими работами и опубликованными материалами Южной Сибири и Зауралья, следует рассматривать уркачевский комплекс серединой – второй поло-

виной XIII века, временем установления господства монголов в Западном Казахстане. Довольно массивный золотой наборный пояс, состоящий из прямоугольных обойм и бляшек, а

так же разнообразных по форме подвесок, служил не только демонстрацией экономической состоятельности владельца, но и по традициям тюрко-монгольских племен средневековья отражал положение в военной или административной иерархии (Ковалевская, 1970, с. 144; Руденко, 1962, с. 44). Северный сектор ориентировки покойных присущ монголоязычному населению Южной Сибири, в пользу рассматриваемой даты так же говорят обрядовые черты, связанные с укладкой вместе с покойным предметов конской сбруи – брошенные в ноги седло и сопутствующий комплект для верховой езды. Вероятно, похороненный в уркачевском погребении, был вовлечен в значительные передвижения населения, связанные с монгольским завоеванием.

Оригинальные черты, так же наводящие на мысли о южносибирском происхождении, наблюдаются в кургане № 1 могильника Салтак I. Нехарактерной для коренного населения региона является северо-восточная ориентировка, при господстве в развитом средневековье западной. Каменная ограда в этом плане (ориентировке погребенной) так же не является мусульманским признаком, и находит параллели с памятниками Южной Сибири, но несколько более раннего времени (Кызласов, 1980, с. 80–93; Кызласов, 1983, с. 23). Специфической особенностью данного погребения является детское захоронение, совершенное на уровне погребенной почвы, после засыпания основной могилы. Неестественная скорченность костяка позволяет рассматривать его как жертвоприношение представителя низшей социально-возрастной группы. Характер перемещения этнических групп южносибирского проис-

хождения уже рассматривался в литературе (Боталов, 1992, с. 230–238). Следы пребывания прослежены как в Центральном Казахстане, так и в восточно-европейских степях, поэтому вполне возможно связывать салтакское захоронение с аскизским населением, переселенным монголами в профилактических целях для предупреждения выступлений. Тем более, что подобные переселения монголы практиковали.

Сопровождающий инвентарь весьма характерен для периода XIII–XIV вв. региона и отражает процесс унификации погребальных предметов в захоронениях. Головной убор – шапочка, имела берестяной каркас, войлочную подкладку, шелковую основу темно-золотого цвета. Исполненная в форме колпака, со свисающей назад верхней частью, к которой крепилась ажурная подвеска.

Бронзовое зеркало, посеребрено по тыльной стороне, и имеет изображение четырех бегущих по кругу животных, вероятно, оленей. В пользу этого говорят сегментовидные полосы над головами, которые можно рассматривать как рога. Зеркало хранилось в деревянном решетчатом футляре, от которого сохранились обломки и бронзовая бляшка-умбон. Сам футляр вместе с зеркалом находился в шелковом мешочке золотистого цвета.

В логической цепочке предметов «зеркало – ножницы – бока», наиболее присущих женским захоронениям этого времени, отсутствует провололочная серьга в виде знака вопроса. Но при этом найден элемент, характерный для синхронных мужских погребений – бронзовая чаша. Наличие небольшой по размерам металлической посуды является отголоском обряда помещения в могилу казанов для

подчеркивания социального статуса (Швецов, 1980, с. 192–201). Эта же черта присутствует в погребении Булака. Как подтверждение этому тезису, две золотые чаши сопутствовали воину из Уркача.

Комплекс находок и ряд зафиксированных своеобразных признаков погребального обряда из Булака красноречиво свидетельствуют об элитном характере данного погребения и привлекают к нему внимание. Сложные погребальные аспекты прослеживаются по стратиграфии. Вероятно, подобный прием захоронения (через продолжительное время после сооружения надмогильных конструкций) был отмечен Г.А. Федоровым-Давыдовым в одном из курганов в Нижнем Поволжье, относящемся к XIV веку (Федоров-Давыдов, 1984, с. 98–108). Западная ориентировка погребения – типичный признак развитого средневековья для Западного Казахстана, как принято считать, напрямую связанный с местным домонгольским населением. На сегодняшний день выяснено, что движение кочевых групп на запад, в процессе нашествия, вызвало увеличение численности погребений с ориентировкой в северный сектор, что характерно для традиций монголоязычного населения (Костюков, 1997, с. 12–13). В тоже время, обрядовые черты, связанные с лошадьё и ее атрибутами (предметами узды и сбруи), нехарактерны для кипчакского населения домонгольского времени. По этому признаку булакское погребение сближается с элитным захоронением из Уркача, в котором

сбруйный набор вместе с седлом был брошен в ноги погребенного мужчины, ориентированного головой на север. Сохранившееся стремя по форме и конструкции датируется XIII–XIV вв. На данный момент существует разработанная номенклатурная схема по данному виду инвентаря, многократно тиражируемая в литературе, так что нет смысла повторять все аргументы (Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1958; Иванов, Кригер, 1988). Нарубленные из цельной золотой пластины, служившей первоначально для декора некоего предмета, нашивки на головной убор, возможно, прямое последствие ограбления среднеазиатского региона в результате монгольского нашествия.

Таким образом, можно констатировать, что три рассмотренных захоронения при всей разнице и значительных отличиях между собой, особенно в чертах погребального обряда – культурных и этномаркирующих признаках, относятся к периоду Улуса Джучи, т.е. к XIII–XIV вв. При этом, они, скорее, были совершены именно во второй половине XIII в., так как не прослежены черты культурного и религиозного сравнения, «нивелирования», что наблюдается в XIV в. под влиянием постепенной исламизации. Разница в обрядовых чертах, по-видимому, отражает характер размещения населения в ранний период улуса, после нашествия, показывая перемещения самых различных групп кочевого населения, в дальнейшем принявших участие в этногенезе казахов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1 / Отв.ред. В.В. Ткачев. Самара: Диалог, 1996. С. 245–258.

2. *Боталов С.Г.* Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2. С. 230–239.
3. *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
4. *Ковалевская В.Б.* К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. / Ред. Б.А. Колчин, Я.А. Шер. М.: Наука, 1970. С. 144–155.
5. *Костюков В.П.* Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (К вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 19 с.
6. *Кызласов И.Л.* Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2. С. 80–93.
7. *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
8. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226 с.
9. *Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
10. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
11. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 98–108.
12. *Швецов М.Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 192–201.

Информация об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); abissembaev@mail.ru

Ахатов Газиз Аманжолович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

ELITE BURIAL MONUMENTS OF JUCHI ULUS PERIOD STUDIED IN THE AKTOBE REGION

A.A. Bissembaev, G.A. Akhatov

During 13th – 14th centuries the territory of West Kazakhstan was a part of the Juchi ulus. As evidence of the political importance of the region, many of bright burial monuments have been found and explored. The results of study of Urkach I, Bulak III, Saltak I burials are the subject of the paper. These materials give the authors information about the burial rite of representatives of various nomadic groups left after the Mongol invasion. Despite the movement of the masses of the population and a certain resettlement policy, as well as a significant difference in the style of the burial rite, these burials are united by their belonging to the social elite of the developed Middle Ages. The buried were equipped with objects made of gold. They were accompanied by the complicated features of the burial rite. The inventories found in the burials make it possible the authors to attribute the burial to the period of the Golden Horde, i.e. – 13th – 14th centuries. At the same time, these burial rites were most likely performed in the second half of XIII. Because the burial rite performed

---

This work was financially supported by the MN RK, IRN of the project BR05236565 Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

during the 14th century was subjected to religious “equalization” under the influence of the spread of Islam. Localization of the population after the invasion in the early period of the Golden Horde was reflected in the difference of the burial rites. Further these various groups of nomadic people were taken part in the ethnogenesis of modern Turkic-speaking peoples.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Golden Horde, Juchi ulus, barrow, burial rite, medieval, population, migration.

REFERENCES

1. Bisembaev, A. A., Gutsalov, S.Yu. 1996. In Tkachev, V. V. (ed.). *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of the Archaeology in Western Kazakhstan)* 1. Samara: “Dialog” Publ., 245–258 (in Russian).
2. Botalov, S.G. 1992. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 230–239 (in Russian).
3. Ivanov, V. A., Kriger, V. A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) (Kypchak Barrows in the Southern Urals (12th–14th cc.))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Kovalevskaia, V. B. 1970. In Kolchin, B. A., Sher, Ya. A. (eds.). *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii (Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 144–155 (in Russian).
5. Kostyukov, V. P. 1977. *Pamyatniki kochevnikov XIII–XIV vv. Yuzhnogo Zaural'ya (K voprosu ob etnokul'turnom sostave ulusa Shibana) (Monuments of 13th–15th century Nomads from the Southern Trans-Urals (the Issue of the Ethnocultural Composition of Shiban Ulus))*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
6. Kyzlasov, I. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 80–93 (in Russian).
7. Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Pletneva, S. A. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 151–226 (in Russian).
9. Rudenko, S. I. 1962. *Kul'tura khunnov i noinulinskie kurgany (Hun culture and Noynula kurgans)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
10. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
11. Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In Sunchugashev, Ya. I. (ed.). *Voprosy drevney istorii Yuzhnoy Sibiri (The Issues of Ancient History of Southern Siberia)*. Abakan: Khakassia Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 98–108 (in Russian).
12. Shvetsov, M. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 192–201 (in Russian).

About the Authors:

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Akhatov Gaziz A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko St., 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; g_akhatov@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.78.95>

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ БИЛЯРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД. «ДЖУМА МЕЧЕТЬ»

© 2019 г. Э.Д. Зиливинская

В статье рассматриваются монументальные постройки Биляра, расположенные в цитадели городища. Джума мечеть Биляра и другие общественные постройки были исследованы в 70-х гг. XX в. Тогда же были сделаны их реконструкции, ставшие каноническими. Рассмотрение билярских построек в контексте архитектуры всего мусульманского мира, позволяет внести некоторые коррективы как в интерпретацию зданий, так и в элементы их реконструкции. Анализ остатков мечетей позволяет сделать вывод о том, что сначала была построена деревянная мечеть, а затем ее разобрали и возвели каменную. Обе мечети представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено на нефы рядами колонн. Автор приходит к выводу о том, что такая планировка характерна для мечетей Малой Азии сельджукского периода.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, Биляр, монументальные здания, строительство из дерева, каменные здания, мечеть, минарет, реконструкции.

В результате широкомасштабных раскопок Билярского городища, осуществленных Билярской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова, были исследованы не только жилые постройки, но и несколько монументальных общественных зданий. Материалы раскопок были опубликованы в 70-е гг. XX в., тогда же сделаны графические реконструкции исследованных зданий (Халиков, Шарифуллин, 1976; Халиков, Шарифуллин, 1979; Айдаров, 1976; Айдаров, Забирова, 1979). Эти реконструкции, ставшие каноническими, неоднократно воспроизводились в последующих изданиях (например, Хузин, 2001) вплоть до вышедшей недавно «Истории татар» (История..., 2006). Однако накопившиеся за прошедшие годы материалы, а также появившаяся возможность рассмотрения билярских построек в контексте архитектуры всего мусульманского мира, позволяет внести не-

которые коррективы, как в интерпретацию зданий, так и в элементы их реконструкции.

Наиболее значительными постройками на цитадели Биляра являлись деревянная и каменная мечети. Деревянная мечеть была более ранней по времени. Ее остатки занимали площадь около 1420 кв. м и представляли собой серию ям и канавок, образующих единый комплекс размером 44,5–48×30–32 м (рис. 1). Здание вытянуто с северо-востока на юго-запад с отклонением на юг (азимут 205°). Ямы, которые располагались на площади здания, позволяют предположительно воссоздать его планировку. Восточная (первая) линия ям состояла из трех рядов, общей шириной до 2-х м. Линия вытянута с юго-востока на северо-запад на 44,5 м. Глубина ям колеблется от 30 до 125 см. Западная (десятая) линия напоминает по конструкции восточную. Общая протяженность ее равна 46,5 м. Южная поперечная ли-

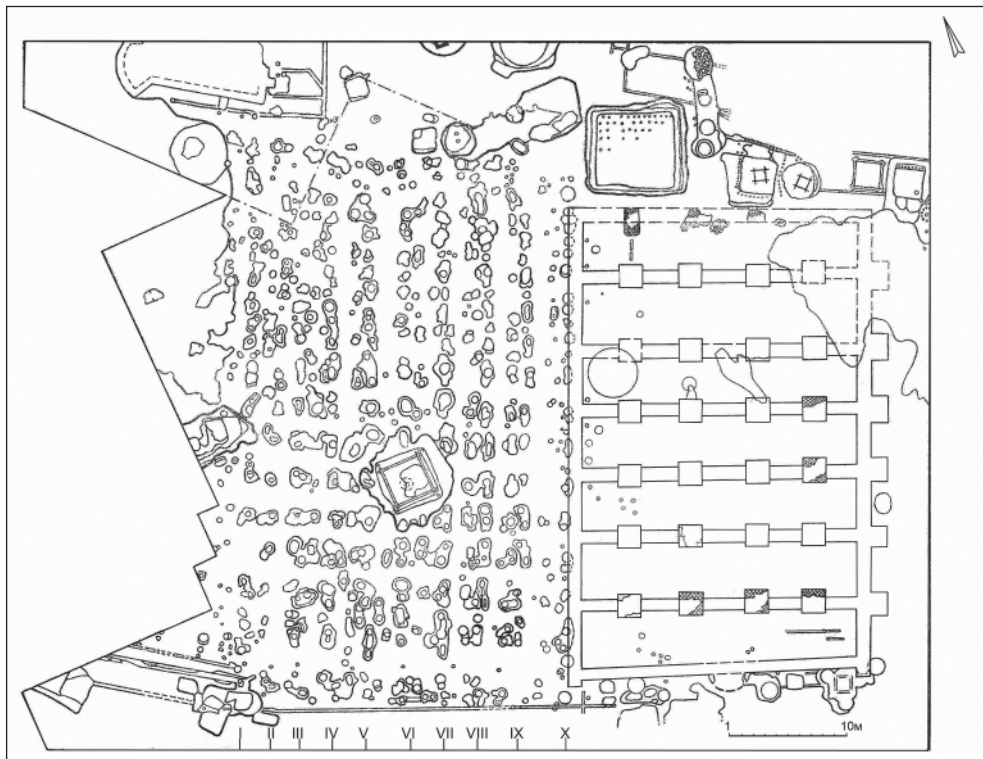

Рис. 1. План раскопа с деревянной и каменной мечетями в цитадели Биляра.

Fig. 1. Layout of an excavation with wooden and stone mosques in Bilyar citadel.

ния представлена ямами средних размеров, очень густо расположенными почти вплоты друг к другу. С юга она ограничена узкой канавкой. Общая длина ее составляет 28,5 м. На концах этой линии (по 7 м с каждой стороны) ямы расположены более разрежено, ширина линии не превышает 100–150 см. В средней части находится компактная группа ям, ширина которых достигает 220–250 см. Это позволило исследователям предположить, что здесь располагался михрабный выступ (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 42). Северная линия отличается от южной наличием большого количества мелких (d 20–40 см) ямок. Ее протяженность 30,2 м, ширина – около 200 см. Предположительно эти линии ям ограничивали контур здания.

Внутри этого контура были прослежены 8 линий ям, идущих параллельно меридиональным стенам. Расстояние между рядами составляет в среднем 150 см. Между центральными линиями 5 и 6 расстояние несколько больше, оно составляет 260–280 см. А.Х. Халиков и Р.Ф. Шарифуллин аргументировано считают, что здесь находился более широкий центральный неф или трансепт, который вел от входа в северной стене к михрабу (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 42). Ямы также образуют 12 поперечных рядов, идущих с юго-востока на северо-запад, но в этом направлении ряды прослеживаются не столь четко. Все ямы имели плоское дно, что говорит о том, что столбы в них были вкопаны, а не вбиты. Исследователи предполагают, что в эти ямы

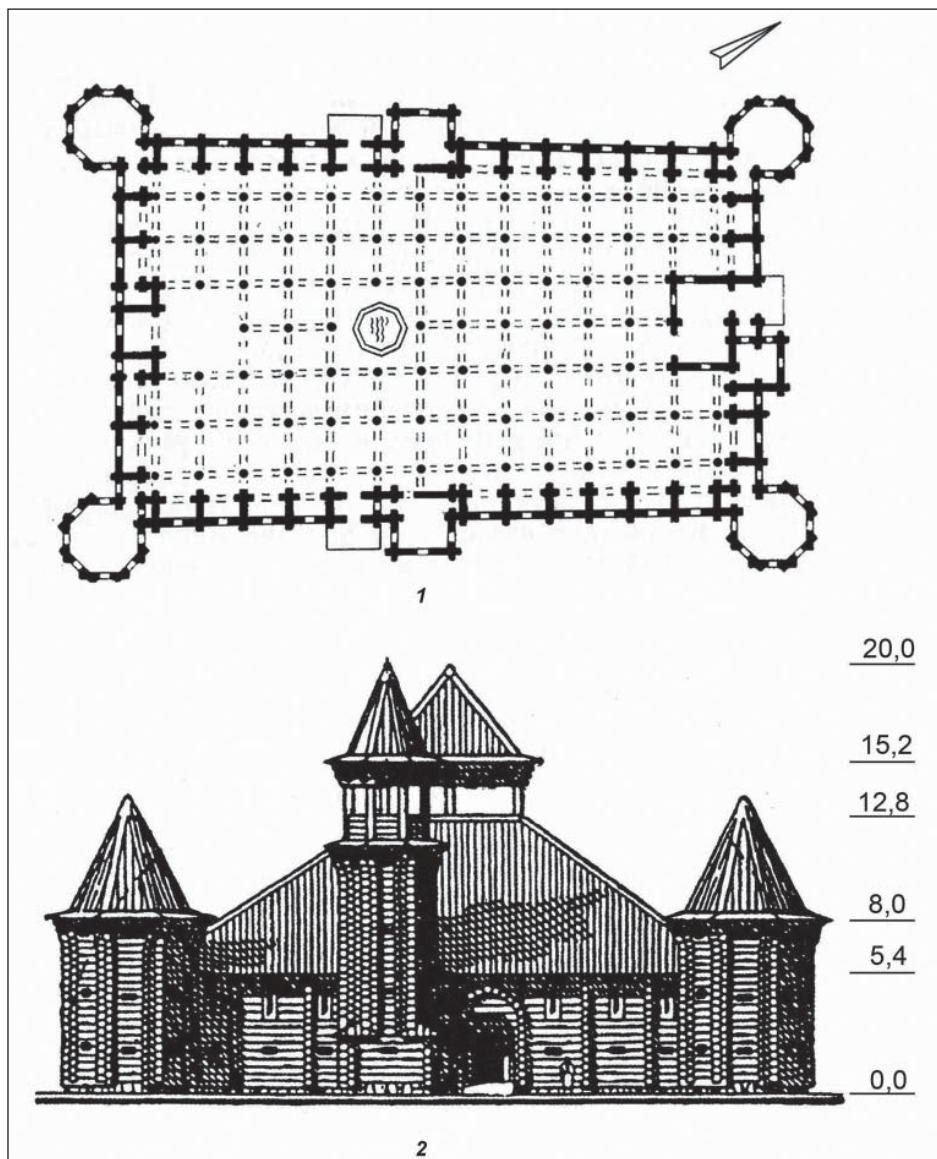

Рис. 2. Реконструкция деревянной мечети: 1 – план; 2 – общий вид (по С.С. Айдаров и Ф.М. Забиров, 1979).

Fig. 2. Reconstruction of a wooden mosque: 1 – layout; 2 – general view (after S.S. Aidarov and F.M. Zabirova, 1979).

были вкопаны короткие столбы, образующие простейший вид фундамента из так называемых «стульев», часто применяемый при деревянном строительстве на Руси и в Волжской Болгарии (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 43). На эти «стулья» опирались вен-

цы бревенчатых стен, укладывались лаги полов, могли быть поставлены деревянные колонны.

В центральной части постройки находилась большая яма, расположенная на 5 линии и частично нарушившая 4 и 6 линии ям.

Размеры ее составляли 420×440 см, глубина – около 240 см. Стенки этой ямы-колодца были укреплены срубом. Также ямы больших размеров прослежены у СЗ, СВ и ЮЗ углов здания. Все они имеют различную форму и размеры. К яме у ЮВ угла примыкают три параллельные узкие канавки, в которых найдены остатки столбов. Исследователи предположили, что это остатки ограды, примыкавшей к южной стене мечети (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 45).

На основании анализа раскопанных объектов С.С. Айдаровым и Ф.М. Забировой была сделана реконструкция здания (Айдаров, Забирова, 1979). Задача это довольно сложная, учитывая то, что в наличие имелись только ямы от «стульев» фундамента. Исследователи предположили, что все имеющиеся ямы относятся к фундаментам двух периодов. Вычислив приблизительный модуль постройки, они создали реконструкцию плана мечети и ее внешнего облика (рис. 2). По С.С. Айдарову и Ф.М. Забировой здание деревянной мечети представляло собой большой колонный зал, разделенный на нефы семью рядами колонн. В шести рядах находилось по 12 колонн, в среднем ряду отсутствовали колонны перед входным проемом, перед михрабом и в центральной части, где находилась яма колодца. Таким образом, в среднем ряду было 6 колонн в северной части и 3 колонны в южной. В южной стене находилась прямоугольная в плане михрабная ниша. Вход в здание был сделан в северной стене, еще два проема находились по центру меридиональных стен. Углы мечети были фланкированы круглыми бревенчатыми башнями. В целом предложенный вариант плани-

ровки соответствует плану археологических остатков, однако некоторые детали вызывают возражения.

Вне всякого сомнения, мечеть представляла собой большой колонный зал, вытянутый с севера на юг. Главный вход, несомненно, был сделан в северной стене, напротив михраба, так как таково расположение его во всех мечетях, за исключением тех случаев, когда здание встроено в городскую застройку и доступ к северной стене невозможен. О боковых входах нам ничего не известно, но они возможны в столь большом (44,5–48×30–32 м) здании. Вызывает сомнение расположение колоннады. При 7 рядах колонн отсутствует проход к михрабу, так как напротив него находится средняя линия колонн. Такой прием не известен ни в одной мечети в пределах мусульманского мира (Hillenbrand, 1994, р. 31–129, 469–498), более того, центральный неф, ведущий к михрабу, часто делали шире остальных для того, чтобы каждый верующий уже от входа мог видеть священную нишу. А.Х. Халиков и Р.Ф. Шарифуллин говорят как раз о том, что рядов колонн было 8, а к михрабу вел широкий (260–280 см) центральный неф (Халиков, Шарифуллин, 1979, р. 42). В предложенной реконструкции михраб закрывает ряд колонн.

Отчасти это произошло потому, что С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова помещают яму колодца на центральной оси здания и все отсчеты ведут от нее. Причем квадратная в плане яма колодца со срубом на реконструкции чудесным образом превращается в восьмиугольный бассейн. По моему мнению, колодец в центре мечети вообще не имеет к ней отношения, а выкопан позднее, когда деревянная

мечеть не существовала. На это указывает его смещение относительно центральной оси здания и тот факт, что стенки колодца не параллельны внешним стенам. С.С. Айдаров утверждает, что наличие колодца, расположенного в молельном зале на его продольной оси находит «аналогии с множеством мечетей средневекового Востока». В качестве единственной аналогии он приводит мечеть XVIII в. в Хиве «относящейся к более раннему старому типу мусульманских храмов, где имеется бассейн, также занимающий 4-х модульное пространство ячеек, открытых сверху в виде светового дворика» (Айдаров, Забирова, 1979, р. 49). Однако расположение бассейна внутри молельного зала совершенно не характерно для всех мусульманских храмов.

В мечетях дворового типа (арабский план) колодец или бассейн обычно находится в центре двора (Hillenbrand, 1994; Petersen, 1996; Stierlin, 1996). В Иране и Средней Азии наряду с дворовыми мечетями существовали местные формы, основанные на доисламских сооружениях сасанидского времени мечети-киоск на западе и мечети-айван на востоке (Herzfeld, 1935; Godard, 1962, р. 340–348). Местное происхождение имели и столпные многокупольные мечети (Прибыткова, 1958, с. 131–134; 1973, с. 38–58; С. Хмельницкий, 1992, с. 71–86). В этих мечетях какой-либо водоем вообще отсутствовал. При сельджуках соединение арабского и местного планов породило четырехайванную планировку, ставшую в XII веке главенствующей в Иране и Средней Азии (Petersen, 1996). В таких мечетях также часто в центре двора находился водоем. Что касается мечети XVIII в. в Хиве, то она очень поздняя, планиров-

ка ее уникальна и не типична для Средней Азии (Хмельницкий, 1992, с. 70–128; 1996, с. 60–103, Маньковская, 1980, с. 102–121; 2014, с. 240–259).

Своеобразное развитие получили мечети в Малой Азии при сельджуках Рума (Benset, 1973; Hillenbrand, 1994, р. 92–100; Stierlin, 1998, р. 24–32). Первоначально здесь строились мечети арабского дворового плана или купольные постройки иранского образца. В XI–XII вв. в мечетях арабского плана начал перекрываться внутренний двор, и большинство мечетей этого периода представляют собой здания базиличной планировки, то есть колонные залы с плоским перекрытием, опирающимся на балки или аркады. Над предмхрабной частью часто возводили небольшой купол, а в качестве пережитка двора в крыше мог находиться световой люк по центру зала или ближе к выходу. В центре этого дворика мог быть небольшой фонтан.

Таким образом, зальная мечеть Биляра по плану более всего напоминает сельджукские мечети Малой Азии, хотя датируется более ранним временем.

И, наконец, недоумение вызывают большие круглые башни на углах здания. При раскопках у СЗ, СВ и ЮЗ углов были найдены большие ямы разной формы и размеров. Эти ямы никак не могут считаться ямами фундамента, так как слишком велики для деревянных «стульев». Более того, мне кажется, было бы неверным рассматривать все ямы на данном участке как одновременные, за пределами здания ямы могли быть выкопаны раньше или позже. Скорее всего, ямы у углов не имеют отношения к зданию мечети. Кроме того, у ЮВ угла подобной ямы не было. С.С. Айда-

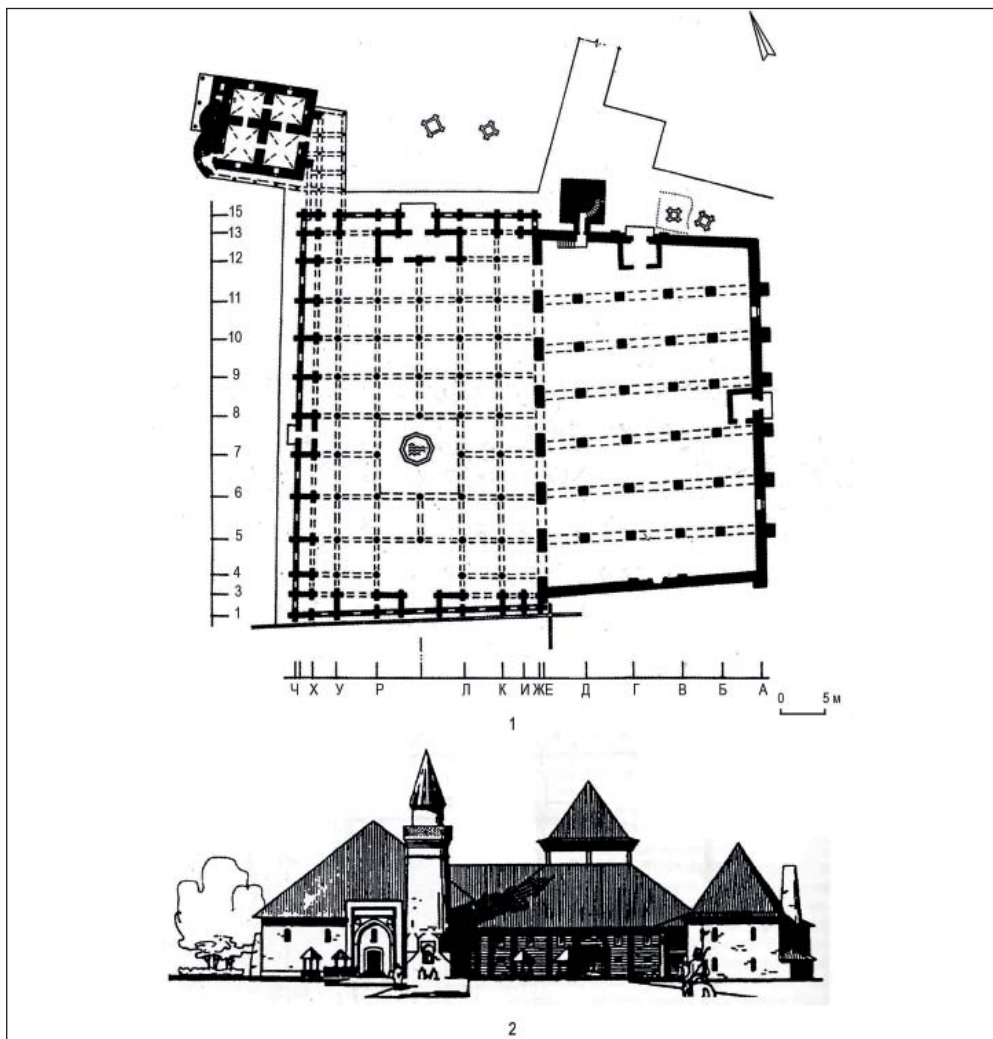
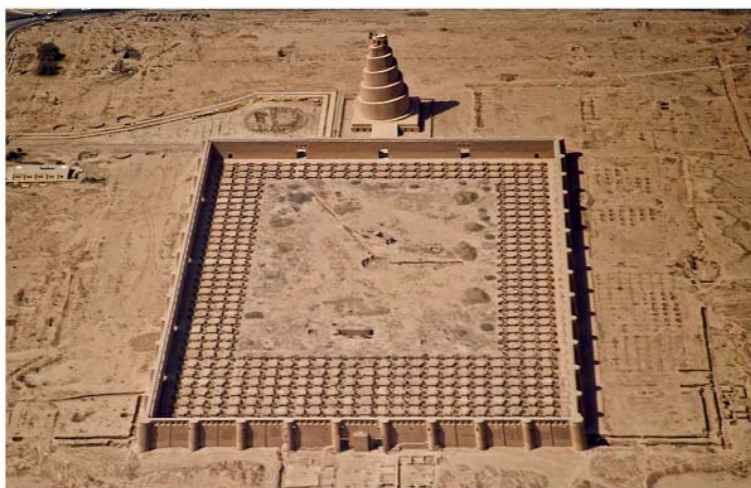

Рис. 3. Комплекс мечети: 1 – реконструкция плана; 2 – общий вид (по С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова, 1979).

Fig. 3. Mosque complex: 1 – reconstructed layout; 2 – general view (after S.S. Aidarov and F.M. Zabirova, 1979).

ров считает эти башни непременно элементом здания мечети, так как «большинство средневековых храмов предназначалось для несения двойной функции: помимо молитвенного назначения они являлись убежищем в случае осады города и должны были в подобной ситуации выполнять роль крепостного сооружения. Убедительными примерами являются стены со-

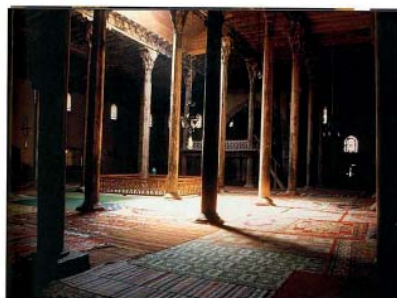
борной мечети в Великих Булгарах и соборная мечеть Мутаваккиля в Самарре, в резиденции правителя арабского халифата под Багдадом, откуда в начале X в. в Волжскую Булгарию по запросу булгарского царя пришло посольство со сведущими людьми по строительству культовых и крепостных сооружений. Обе эти мечети, как и многие аналогичные храмы, ограж-

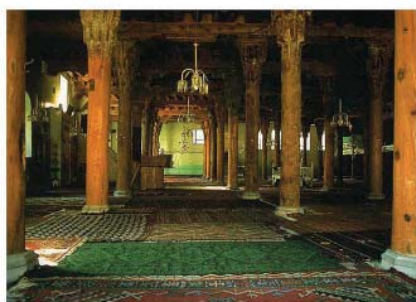
1

2

3

4

5

Рис. 4. Мечети Востока: 1 – в Самарре IX в.; 2–5 – Малой Азии сельджукского периода: 2–3 – Эшрефоглу Джами в Бейшехире; 4 – Улу Джами в Афьоне, интерьер; 5 – мечеть в Дивриги (по Г. Стирлин, 1998);

Fig. 4. Oriental Mosques: 1 – Samarra, 9th century; 2–5 – Asia Minor of the Seljuk period: 2–3 – Esrefoglu Jami in Beyşehir; 4 – Ulu Jami in Afyon, interior; 5 – mosque in Divriği (after G. Stirlin, 1998);

дались стенами и башнями крепостного назначения» (Айдаров, Забиров, 1979, с. 51).

В этом отрывке снова исключительные по своей архитектуре здания выдаются за типические. Огромная (470×400 м) мечеть Мутаваккиля в Самарре действительно окружена стенами, подобными крепостным, так как углы здания фланкированы круглыми башнями, а к стенам пристроены полубашни (рис. 4: 1). Но все они относительно небольшого диаметра и внутри глухие, то есть не могут служить для обороны. Скорее всего, башни являлись обычными контрфорсами, которые должны были поддерживать мощные стены здания. Если рассматривать мечеть Мутаваккиля как крепость, то она являет собой единичный образец такой мечети. Больше подобный прием в мусульманском мире не встречается (Hillenbrand, 1994, p. 31–129, 469–498). Если же предположить, что в Волжскую Булгарию приехали строители из Самарры, имеющие опыт работы с кирпичом, вряд ли бы они смогли руководить постройкой зданий из бревен. Кроме того, мечеть в Самарре относится к совершенно другому типу планировки. Это дворовая мечеть арабского плана.

Что касается мечети Болгара, то угловые башни к ней были пристроены в последнем периоде в 30-е гг. XIV в. (Айдаров, 2001, с. 8–33; Полякова, 2001, с. 150–175). Эти башни, всегда поражавшие воображение исследователей, до сих пор не могут быть достаточно точно интерпретированы. А.С. Башкиров считал их основаниями минаретов (Башкиров, 1928, с. 59–61). В.В. Егерев, отвергая эту гипотезу, отводил им роль контрфорсов (Егерев, 1958, с. 377). Вероятно, скорее, прав В.В. Егерев, так как в

башнях нет никаких следов лестниц и непонятно, зачем при наличии Большого минарета возводить еще четыре. С.С. Айдаров высказал мнение, что башни были пристроены в качестве оборонительных сооружений и должны были служить для защиты от неприятеля (Айдаров, 2001, с. 29–30). Он считает, что ступенчатое расширение низа башни могло служить для рикошетирования сбрасываемых сверху каменных ядер, что позволяет предполагать вверху башен под завершающими их зубцами наличие машикулей. В этом утверждении многое не логично. Прежде всего, от каких врагов должно было обороняться население Болгара в конце 30-начале 40 гг. XIV в.? Исследователями неоднократно отмечалось, что для Золотой Орды характерно отсутствие каких-либо городских укреплений, а время Узбека являлось периодом наибольшего расцвета государства, когда почти не велись войны, и жизнь была спокойной и надежной. Вряд ли правители Болгара уже тогда могли предвидеть наступление смутного времени через каких-нибудь 20 лет.

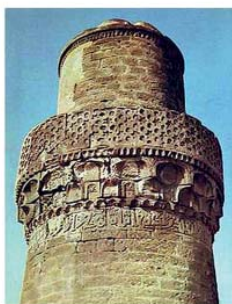
Наряду с сооружением башен, в это же время в мечети были сделаны дополнительные двери и окна, что значительно ослабляло здание в качестве объекта обороны. И, наконец, не совсем понятно, как нужно было доставлять ядра к машикулям, если башни внутри были монолитными. Вероятно, чтобы попасть на них, нужно было каким-то образом залезть на крышу, а уже с нее на верхушки оборонительных башен. Такой способ обороны является довольно нерациональным и малоэффективным.

Таким образом, гипотеза о существовании угловых башен в деревянной мечети Биляра не имеет под собой

1

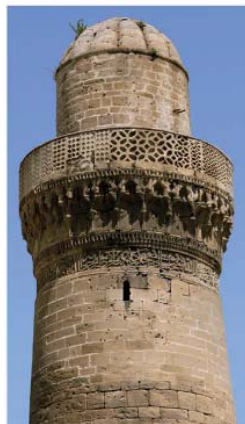
2

3

4

5

6

Рис. 5. Минареты Азербайджана. 1–2 – мечеть Мухаммеда или Сынык-калав в Баку XI в.; 3 – мечеть Биби-Эйбат или Махмуд ибн Са'д в поселке Ханлара в Баку XII в.; 4–5 – минарет Джума-мечети в Баку XV в.; 6 – дворцовая мечеть в Баку XV в. (по Л.С. Бретаницкий, 1966).

Fig. 5. Minarets of Azerbaijan. 1–2 – Muhammad Mosque or Siniggala Mosque in Baku, 11th century; 3 – Bibi-heybat Mosque or Mahmud ibn Sa'ad Mosque in Khanlar village of Baku, 12th century; 4–5 – minaret of Juma Mosque in Baku, 15th century; 6 – Palatial Mosque in Baku, 15th century (after L.S. Bretanitsky, 1966).

веских оснований и является весьма фантастической.

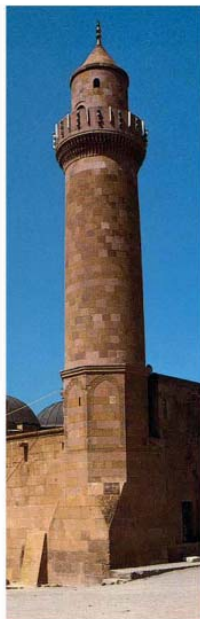
Вызывает некоторые сомнения и объемная реконструкция (рис. 2: 2) первоначального вида мечети (Айдаров, Забиров, 1979, с. 52, рис. 17). Здание, несомненно, должно было иметь скатную крышу. В условиях климата средней полосы плоские крыши, характерные для Ирана, Средней Азии и стран Ближнего Востока, – невозможны. Однако прямоугольные вытянутые здания обычно перекрываются двускатной крышей, а не четырехскатной, как это показано на реконструкции. Также удивительны пропорции здания. Высота стен должна соответствовать высоте столбов, поддерживающих перекрытие. На представленной реконструкции она составляет 5,4 м. В принципе дерева такой высоты можно было найти в окружавших Биляр лесах, но обычно длина бревна в деревянной архитектуре не превышает 4,5 м. Крыша, перекрывающая здание, имеет высоту 7,4 м. Не совсем понятно, какая же система стоек и балок ее поддерживала. Общая высота здания с фонарем на крыше составляет 20 м, что на 4 м ниже Большого минарета в Болгаре и соответствует высоте современного пятиэтажного дома. В русской деревянной архитектуре известны примеры значительных по высоте шатровых церквей, но там шатер перекрывает квадратный или восьмигранный объем, каждая сторона которого не превышает 4–5 м (Ополонников, 1986, с. 13–126). В Биляре мы имеем здание большого объема, крыша которого должна быть более пологой. Высоту 20 м вполне мог иметь изображенный рядом деревянный минарет с шатровым покрытием,

но археологические остатки его не обнаружены.

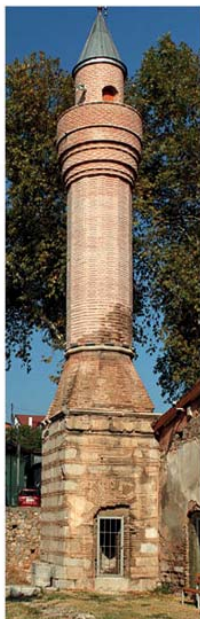
Рядом с деревянной мечетью, к востоку от нее, были исследованы остатки каменной мечети (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 22–27). Каменная мечеть была строго параллельна деревянной (рис. 1, 3: 1). Стены ее были полностью разобраны, и контур их прослежен по траншеям фундамента, которые имели ширину около 1 м и глубину 50 см. Восточная стена расчленена шестью прямоугольными контрфорсами. Южная стена на углах также укреплена прямоугольными выступами-контрфорсами. В средней части ее снаружи находился выступ михрабной ниши, который почти полностью разрушен поздней ямой.

Наружные размеры каменной мечети составляли 26,2–25,8×40,5–41,7 м. Стены ограничивали прямоугольное пространство размерами 24×38 м. Внутри зала были установлены 24 колонны с квадратными основаниями, от которых остались только ямы фундамента. Для лучшей устойчивости основания колонн были связаны в поперечном направлении стенками, от которых остались канавки шириной 100–150 см и глубиной 43–48 см. Эти стенки также создавали ребра жесткости для настилки пола. Поверхность земляного пола была покрыта слоем известкового раствора, поверх которого, возможно, были положены доски.

Колонны были поставлены в 4 ряда, которые разделяли пространство зала на 5 нефов. В каждом ряду было по 6 колонн. Ширина нефов составляла 3,2–3,5 м. Центральный неф, ведущий к михрабу, был более широким – 4 м шириной. В поперечном направлении первая и шестая линии

1

2

3

4

5

Рис. 6. Минареты Малой Азии XII–XIV вв.: 1 – мечеть Алаеддин Джами в Нигде; 2 – мечеть в Изнике; 3 – Джами мечеть в Сивасе; 4 – Гёк-медресе в Сивасе; 5 – Ивли-минар в Анталье (по Г. Стирлин, 1998).

Fig. 6. Minarets of Asia Minor, 12th–14th centuries: 1 – Alaaddin Jami Mosque in Nigde; 2 – mosque in Iznik; 3 – Jami Mosque in Sivas; 4 – Gok Madrasah in Sivas; 5 – Ivli-Minar in Antalya (after G. Stirlin, 1998).

колонн отстояли от широтных стен на 4,2–4,3 м. Расстояние между колоннами в рядах колебалось от 3,5 до 4 м.

В 1,2–1,5 м от западной части южной стены здания находился минарет. От него сохранилась яма фундамента прямоугольной формы размерами 7,2×6,6 м. Она имела глубину 2,8 см. На дне ямы фундамента находились ямы от дубовых свай диаметром 14–15 см, которые располагались рядами с промежутком в 40–50 см. В заполнении фундамента найдены необработанные известковые камни.

Реконструкция здания каменной мечети не представляет большой сложности, так как подобные мечети были широко распространены в Малой Азии в сельджукский период. Обычно это здания призматической формы с гладкими стенами, в которых расположены небольшие окна. Вход оформлен слегка выступающим порталом, а в южной стене находится михраб. Крыши у этих построек плоские или невысокие двускатные (рис. 4: 2, 5: 5). Так выглядят, например, мечеть Махмуд-бея в Касабе близ Кастамону, Улу Джамии в Афьоне (1273 г.) (Benset, 1973, p. 16, fig. 39; L'art, 1981, p. 102, III. 56), Эшрефоглу Джамии в Бейшехире (1296 г.) (Stierlin, 1998, p. 30–31), Улу Джамии в Дивриги (Hillengrand, 1994, p. 96). Вероятно, сходный облик имел и интерьер билярских мечетей (рис. 4: 3–4).

На реконструкции здания каменной мечети, сделанной С.С. Айдаровым и Ф.М. Забировой (Айдаров, Забирова, 1994, с. 57–58, рис. 18–19), четырехскатная крыша почти вдвое превышает высоту стен, а общая высота здания составляет почти 20 м (рис. 2: 2). Не думаю, что такое возможно.

Что касается внешнего облика минарета, то он поддается реконструкции, если учесть сохранившиеся описания исследователей XVIII и XIX вв. Их приводят в своей статье А.Х. Халиков и Р.Ф. Шарифуллин (Халиков, Шарифуллин, 1994, с. 23). В середине XVIII в. В.Н. Татищев отмечал в центре Билярского городища «портал или врата великого храма и столпы» (Татищев, 1962, с. 269). Н. Рычков, побывавший на Билярском городище в 1769 г., обмерил «преогромный каменный столп, построенный из красного кирпича, смешанного с диким камнем» (Рычков, 1770, с. 13). Высота его была более 5¼ аршин (3,7 м), толщина около 7 аршин (4,9 м), окружность до 24 аршин (16,8 м). Один из билярских стариков рассказал Н. Рычкову, что лет 30 тому назад, т. е. в 30-е гг. XVIII в. «каменный столп ... был преогромной величины. Возвышение его представляло вид обыкновенной колокольни и находилось в нем несколько окошек» (Рычков, 1770, с. 18). В дальнейшем все каменные и кирпичные постройки были разобраны местным населением. Профессор Казанского университета Н.А. Толмачев, посетивший Билярск в середине XIX в., застал остатки башни-столпа, восьмигранного в основании. Высота его составляла уже 2 аршина (1,4 м). В 1881 г. В.А. Казаринов увидел лишь канавы от выбранных стен мечети и яму от фундамента минарета (Казаринов, 1884, с. 100–101).

Реконструируя минарет билярской мечети, С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова совершенно верно отмечают его сходство с азербайджанскими минаретами (минарет мечети Мухаммеда в Баку, минарет в Шамхоре, минарет в ханеге на р. Пирсагат и др.) (Брета-

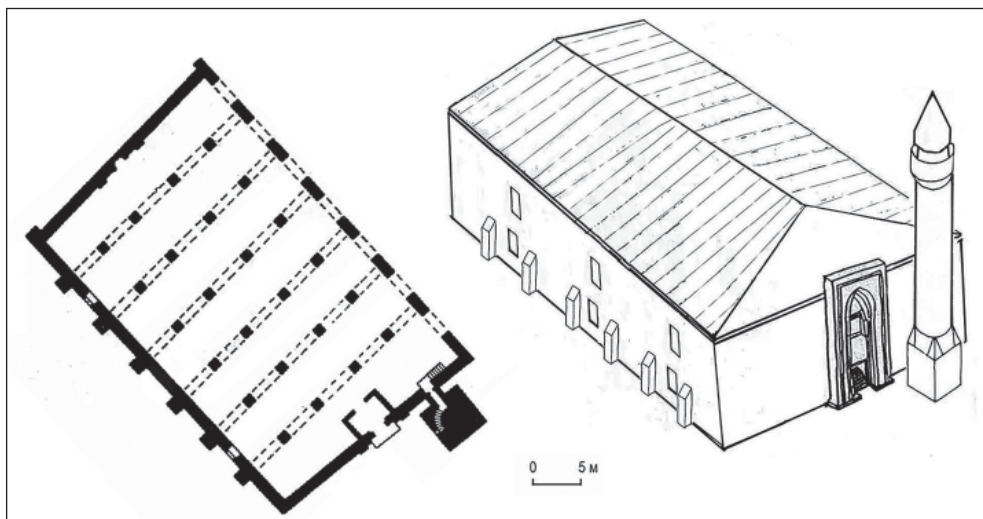

Рис. 7. Вариант реконструкции каменной мечети Биляра.

Fig. 7. Bilyar stone mosque reconstruction option.

ницкий, 1966, с. 88–96, 150–156). Все они имеют трехчастное членение и состоят из квадратного или прямоугольного в плане призматического цоколя, который переходит в восьмигранную призму, на которой уже стоит круглый ствол, завершающийся балкончиком-шарэфэ, перекрытого небольшим дольчатым куполком (рис. 5). Такое же строение имеют минареты Малой Азии сельджукского периода (Hillenbrand, 1994, p. 161–164; Stierlin, 1998, p. 43–44), но, в отличие от азербайджанских, они имеют шатровое покрытие (рис. 6). Минареты подобного облика, как азербайджанские, так и малоазийские, датируются XI–XIV вв. Впоследствии они получили развитие в архитектуре Золотой Орды (Зиливинская, 2010, 2011, с. 36–46; 2014, с. 46–57). Таким образом, можно предложить вариант реконструкции каменной мечети с минаретом, основываясь на малоазийских аналогиях (рис. 7).

Так как исследователи комплекса мечети считают, что как деревянная,

так и каменная мечети были построены в X в., а минареты с трехчастным членением появляются не раньше XI в., С.С. Айдаров предположил, что в XII–XIII вв. минарет был перестроен, а от раннего минарета осталась только яма фундамента. По этой яме он предложил реконструкцию раннего минарета, который имел восьмигранное или круглое основание диаметром 6,5 м, слегка сужающийся кверху ствол и деревянное завершение в виде павильона (Айдаров, Забиров, 1979, с. 55).

Далее следует остановиться на датировке зданий двух мечетей и их соотношении во времени. По мнению исследователей, первой была построена деревянная мечеть (в начале X в.) и через короткий промежуток времени, не позже середины X в., к ней была пристроена каменная мечеть, и они образовали единый комплекс (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 22). Основным доводом в пользу того, что каменная мечеть возникла вслед за деревянной, является отсутствие под

ней более ранних объектов. Западная стена каменной мечети заходит на площадь деревянной и перекрывает ямы от «стульев», т. е. фундаменты восточной стены деревянной мечети. Исследователи сочли этот факт доказательством того, что оба здания существовали одновременно. «Два храмовых помещения комплекса соборной мечети, созданные разновременно и из разных материалов, составляли планировочно единое целое, связываясь смежной каменной стеной. Ленточный фундамент смежной стены совмещен или наложен на первый юго-восточный ряд столбчатого фундамента более ранней деревянной мечети. Налегание каменного фундамента на деревянный свидетельствует о том, что при реконструкции из камня юго-восточная стена деревянной мечети была полностью разобрана и заменена новой смежной стеной обоих помещений, сообщавшихся... проходными проемами в единое пространство», – отмечали С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова (Айдаров, Забирова, 1979, с. 47).

Логика этого утверждения не совсем понятна. Если к деревянной мечети хотели пристроить каменную, то для чего понадобилось разбирать стену деревянной постройки? Вполне достаточно было прорубить дополнительные проходы в стене, чтобы объединить помещения. Да, и как возможно разобрать одну стену деревянного сруба, не затрагивая остальные? И на что опиралась высокая крыша деревянной мечети, когда стена была разобрана? Для того, чтобы создать единый комплекс из различных ма-

териалов с общей каменной стеной, нужно было полностью разобрать деревянную мечеть и отстроить ее заново, объединив с каменной постройкой. В этом случае непонятно, почему стены двух частей единого комплекса не совпадают, и каким образом южная и северная стены деревянной мечети крепились к каменной стене.

Мне представляется, что ситуация была несколько иной. Сначала (в X в.) была возведена деревянная мечеть. Через какое-то время она разрушилась или была разобрана, и к востоку от нее построили новую, каменную мечеть. В этом случае вполне понятно, почему стена каменной мечети заходит на основание деревянной стены. Отсутствие ранних ям или других сооружений под новой мечетью можно объяснить тем, что здесь находилась городская площадь, свободная от застройки.

Обе мечети, и деревянная, и каменная, имеют значительные размеры. Площадь одной – 1420 кв. м, другой – 912 кв. м. Это значит, что в деревянной мечети могло собраться одновременно до 1500 верующих, а в каменной около 1000 человек. Соответственно, если мечети составляли объединенный храмовый комплекс, то там собиралось 2500 верующих. А было ли такое количество мужчин-мусульман в Биляре в X в.? Для сравнения можно отметить, что площадь пятничной мечети Болгара, построенной в золотоордынское время, когда большинство населения Волжской Болгарии исповедовало ислам, насчитывает 928 кв. м. Джума мечеть столичного Сарая имеет площадь 1280 кв. м.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С.* Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 101–112.
2. *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 5–150.
3. *Айдаров С.С., Забирова Ф.М.* О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 46–62.
4. *Башикиров А.С.* Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. 118 с.
5. *Бретаницкий Л.С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва "Наука", 1966. 560 с.
6. *Егерев В.В.* Архитектура города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР. 1958. С. 360–392.
7. *Зиливинская Э.Д.* Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.
8. *Зиливинская Э.Д.* Минареты Золотой Орды // РА. 2010. № 2. С. 98–111.
9. *Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. 252 с.
10. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2005. 1056 с.
11. *Казаринов В.А.* Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. Т. III. Казань, 1884 г. С. 89–127.
12. *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. IX – начало XX в. Ташкент: Фан, 1980. 183 с.
13. *Маньковская Л.Ю.* Формообразование и типология зодчества Средней Азии. IX – начало XX века. Ташкент: Baktria Press, 2014. 496 с.
14. *Ополовников А.В.* Русское деревянное зодчество. Т. 2. Культовое зодчество. М.: Искусство, 1986. 288 с.
15. *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 150–175.
16. *Прибыткова А.М.* О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии в IX–X вв. // Архитектурное наследие. Вып. 11. М.: Стройиздат. 1958. С. 133–144.
17. *Прибыткова А.М.* Строительная культура Средней Азии IX–XII вв. М.: Стройиздат, 1973. 237 с.
18. *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1779 гг. СПб., 1770. 220 с.
19. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.-Л.: Наука, 1962. 500 с.
20. *Толмачев Н.Ф.* Путевые заметки по Чистопольскому уезду Казанской губернии, 1851 / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ., № 4106. 55 лл. 2°, 11 лл. планы.
21. *Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.
22. *Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.
23. *Хмельницкий С.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X веков. Берлин, Рига: Continent Ltd., 1992. 343 с.

24. Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: GamaJun, 1996. 336 с.
25. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 408 с.
26. Benset Ünsal. Turkish Islamik Architecture. Seldjuk to Ottoman. New York, 1973. 238 p.
27. Godard A. L'Art de Iran. Paris: Arthaud, 1962. 525 p.
28. Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London: H. Milford, 1935. 112 p.
29. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia university press, 1994. 645 p.
30. L'Art en Turquie. Friborg, 1981. 268 p.
31. Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. London and New York: Routledge, 1996. 342 p.
32. Stierlin H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol.1. Köln: Taschen, 1996. 240 p.
33. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Taschen, 1998. 238 p.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

MONUMENTAL CONSTRUCTIONS OF BILYAR: A NEW LOOK. “JUMA MOSQUE”

E. D. Zilivinskaya

The paper considers the monumental structures of Bilyar located in the citadel of the fortified settlement. The Juma Mosque of Bilyar and other social buildings were studied in the 1970s. Their reconstructions made in the same period of time become canonical. The consideration of Bilyar buildings in the context of the architecture of the entire Muslim world allows to make certain adjustments both in the interpretation of the buildings and in the elements of their reconstruction. An analysis of the remains of the mosques suggests that an initially constructed wooden mosque was later dismantled and replaced with a stone building. Both mosques were rectangular in plan, and their interior was subdivided into aisles by rows of columns. The author concludes that this type of layout is characteristic of Asia Minor mosques of the Seljuk period.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bilyar, monumental buildings, construction of wood, stone buildings, mosque, minaret, reconstruction.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: “Nauka” Publ., 101–112 (in Russian).
2. Aidarov, S. S. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5–150 (in Russian).
3. Aidarov, S. S., Zabirowa, F. M. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia: Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha (New Developments in Archaeology of the Volga Area: Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 46–62 (in Russian).
4. Bashkirov, A. S. 1928. *Pamiatniki Bulgaro-tatarskoi kul'tury na Volge (The Bulgars-Tatars culture sites on Volga River)*. Kazan (in Russian).

5. Bretanitskii, L. S. 1966. *Zodchestvo Azerbaidzhana XII–XV vv. i ego mesto v arkhitekture Perednego Vostoka (Architecture of Azerbaijan in 12th – 15th Centuries and Its Place in the Architecture of Western Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ., General Department of Oriental Literature (in Russian).
6. Egerev, V. V. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) II. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 360–392 (in Russian).
7. Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
8. Zilivinskaya, E. D. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 98–111 (in Russian).
9. Zilivinskaya, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House (in Russian).
10. In F. Sh. Khuzin (ed.). 2005. *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 2. Kazan: “RukhIL” Publ., (in Russian).
11. Kazarinov, V. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 89–127 (in Russian).
12. Man'kovskaia, L. Yu. 1980. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii. IX – nachalo XX v. (Typological Basics of Central Asia Architecture: 9th — Early 20th Centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
13. Man'kovskaia, L. Yu. 2014. *Formoobrazovanie i tipologiya zodchestva Srednei Azii. IX – nachalo XX veka (Morphogenesis and Typology of Central Asian Architecture. 9th–early 20th centuries)*. Tashkent: “Baktria Press” Publ. (in Russian).
14. Opolovnikov, A. V. 1986. *Russkoe dereviannoe zodchestvo. T. 2. Kul'tovoe zodchestvo (Russian Wooden Architecture. Vol. 2. Cult Architecture)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
15. Poliakova, G. F. 2001. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 150–175 (in Russian).
16. Pribytkova, A. M. 1958. In *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 11. Moscow: “Stroiizdat” Publ., 133–144 (in Russian).
17. Pribytkova, A. M. 1973. *Stroitel'naia kul'tura Srednei Azii IX–XII vv. (Architectural Culture of Central Asia in 9th — 12th Centuries)*. Moscow: “Stroiizdat” Publ. (in Russian).
18. Rychkov, N. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1779 gg. (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1779.)*. Saint Petersburg (in Russian).
19. Tatischev, V. N. 1962. *Istoriia Rossiiskaia (Russian History)*. Vol. 1 Moscow-Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Tolmachev, N. F. *Putevye zametki po Chistopol'skomu uezdu Kazanskoii gubernii, 1851 (Travel Notes on Chistopolsky District of Kazan Governorate, 1851)*. Department of Rare Books and Manuscripts of Nikolai Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University. no 4106.
21. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Investigations of the Great Town)*. Moscow: “Nauka” Publ., 75–100 (in Russian).
22. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 21–45 (in Russian).
23. Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhd u arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: Continent Ltd Publ. (in Russian).

24. Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdru Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (Between the Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th – Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: "Gamajun" Publ. (in Russian).
25. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar Town in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).
26. Benset, Ünsal. 1973. *Turkish Islamic Architecture. Seldjuk to Ottoman*. New York (in English).
27. Godard, A. 1962. *L'Art de Iran*. Paris: Arthaud (in French).
28. Herzfeld, E. 1935. *Archaeological History of Iran*. London: H. Milford (in English).
29. Hillenbrand, R. 1994. *Islamic Architecture*. New-York: Columbia university press (in English).
30. 1981. *L'Art en Turquie*. Friborg (in French).
31. Petersen, A. 1996. *Dictionary of Islamic Architecture*. London and New York: Routledge (in English).
32. Stierlin, H. 1996. *Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba*. Vol.1. Köln: Taschen (in English).
33. Stierlin, H. 1998. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans*. Köln: Taschen (in English).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902/904 903.08

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.96.113>

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ
СЛАВЯНОИДНОЙ КЕРАМИКИ В XIII–XIV ВВ.
В БУЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛАИШЕВСКОГО СЕЛИЩА)**

© 2019 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются материалы селища Лаишевское (Чакма) в Лаишевском районе Республики Татарстан, связанные с находками славяноидной керамики, напоминающей керамику Древней Руси, но с примесью крупной толченой раковины в тесте. Она концентрируется на восточной части поселения, отделенного глубоким и широким оврагом от западной части. Здесь в 1990-х гг. были зафиксированы и исследованы многочисленные объекты из разрушенных многолетней распашкой и водами водохранилища усадеб, существовавших, судя по нумизматическому материалу, в XIV – начале XV в. Автор описывает обстоятельства обнаружения славяноидной керамики, подробно останавливаясь на комплексах находок из раскопок жилищ и хозяйственных построек где она была выявлена. В постройках встречены предметы быта, инструменты, тарная и столовая керамическая посуда, чугунные котлы. Из подъемного материала с этой части селища происходят украшения из бронзы и серебра, предметы религиозного культа. Анализ имеющихся данных показал, что славяноидная керамика встречается в постройках середины – второй половины XIV в., реже – в начале XV в. Наиболее представительные комплексы со славяноидной керамикой происходят из построек 50–60-х гг. XIV в., до эпидемии чумы. Люди, проживавшие в них, судя по находкам крестов-тельников, были христианами.

Ключевые слова: археология, материальная культура, болгары, славяноидная керамика, Золотая Орда, Лаишевское селище.

В начале 2000-х гг. у исследователей средневековых древностей Волго-Вятского междуречья особый интерес вызвала группа лепной и круговой керамики, которая в литературе получила название славяноидной¹. Она интерпретировалась археологами-медиевистами в разных хронологических рамках, этнокультурной парадигме и даже в морфологических характеристиках (Никитина, 2006, с. 114–130).

Впервые определение «славяноидная» прозвучало в отношении позднесредневековой керамики Казанского Поволжья в работах Т.А. Хлебниковой, которая тем самым отделила ее от древнерусской, встречавшейся на памятниках этого

времени в регионе, и, одновременно, подчеркнув ее тесную связь с керамическими традициями древнерусского гончарства. Можно спорить, насколько удачен был этот термин², но тем не менее он вошел в научный лексикон.

В болгарских древностях славяноидная керамика была выделена Т.А. Хлебниковой в 1970-х гг. XX в. и включена ею в XVI этнокультурную группу, бытовавшую, по мнению исследователя, в Казанском и Чувашском Поволжье с XII в. В 1980-х гг. Н.А. Кокориной на основе материалов нескольких археологических памятников (Болгарское, Сюкеевское городища, Русско-Урматское селище и др.) были уточнены данные о ее

распространении на Средней Волге (Кокорина, 1994, с. 191–192, 207, 208, рис. 8; 9) при сохранении общей позиции по датировке XII–XIV вв., хотя большая часть этой керамики происходила с памятников ордынского времени.

В 1970–80-х гг. XX в. была принята точка зрения, что славяноидная керамика изготавливалась в XII–XV вв. и связана в основном с населением Марийско-Чувашского Поволжья³ (Хлебникова, 1988, с. 33). При этом отмечалось, что в большинстве случаев она характерна для золотоордынского времени (Руденко, 2007, с. 351). В последние десятилетия преобладающей стала точка зрения о бытовании этой керамики во второй половине XIV – начале XV в., что подтверждается и новыми открытиями, например, золотоордынского поселения со славяноидной керамикой в нижнем Посурье (Грибов, Ахметгалин, 2010, с. 28).

Разведочные работы, проводившиеся автором в 1990-х гг. на территории Татарстана, показали, что керамика этого вида встречается, как правило, на поселениях (городищах и селищах) Западного и Центрального Закамья, а также южной части Предкамья и восточной – в Предволжье и датируется не ранее XIV в. (Руденко, 2007, с. 352–353).

Особенно выразительный материал для памятников Нижнего Прикамья был обнаружен на Лаишевском селище (Чакма) (рис. 1: I). В 1990-х гг. здесь было изучено несколько построек позднеордынского времени, в которых основную долю находок составляли горшковидные «славяноидные» сосуды (Руденко, 1999, с. 79, 88, рис. 5: 1–3; 2007, рис. 1) (рис. 2). Эта часть поселения, располагавшаяся в восточном секторе Лаишевского

селища (Руденко, 1999, с. 82, рис. 3) (рис. 1: I, сектор F; II), активно функционировала до середины 1360-х гг. и пришла в упадок в результате пандемии чумы, что документируется как материалами II и III Лаишевских могильников (рис. 1: IA), так и наблюдениями по находкам монет, последние из которых чеканены в начале XV в. (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 67, 72; Руденко, 1999, с. 80, 84, рис.4; 2011, с. 103; 2018, с. 131).

Жизнь на Чакме продолжалась и позже, о чем свидетельствуют как находки различных артефактов, так и нумизматический материал, однако предел их бытования ограничивается первой половиной XV в.⁴ В начале XV в. значительная часть жителей с восточной территории селения переселилась к западу за овраг Малая Чакма, положив начало современному городу Лаишеву, что подтверждается и сведениями письменных источников (Руденко, 2011, с. 97, 104). Лаишевское селище в конце XIV – первой трети XV в. прошло тот же путь, что и подавляющее большинство поселений Булгарской области Золотой Орды в Западном Закамье (Мухаметшин, 2011, с. 72).

Обширный материал с Лаишевского селища (несколько сотен предметов из черного и цветного металла, десятки стеклянных бус, сотни фрагментов керамики и т. д.) позволил определить характер поселения, занятия его обитателей, а также связи с соседними поселениями и более отдаленными областями в XI–XIV вв. (Руденко, 1999, с. 101). Жители селища в XIII – начале XV в. занимались ювелирным делом, плавкой железа, кузнечным делом, гончарством. Нумизматический материал подтверждает высокую торговую активность и включение селища

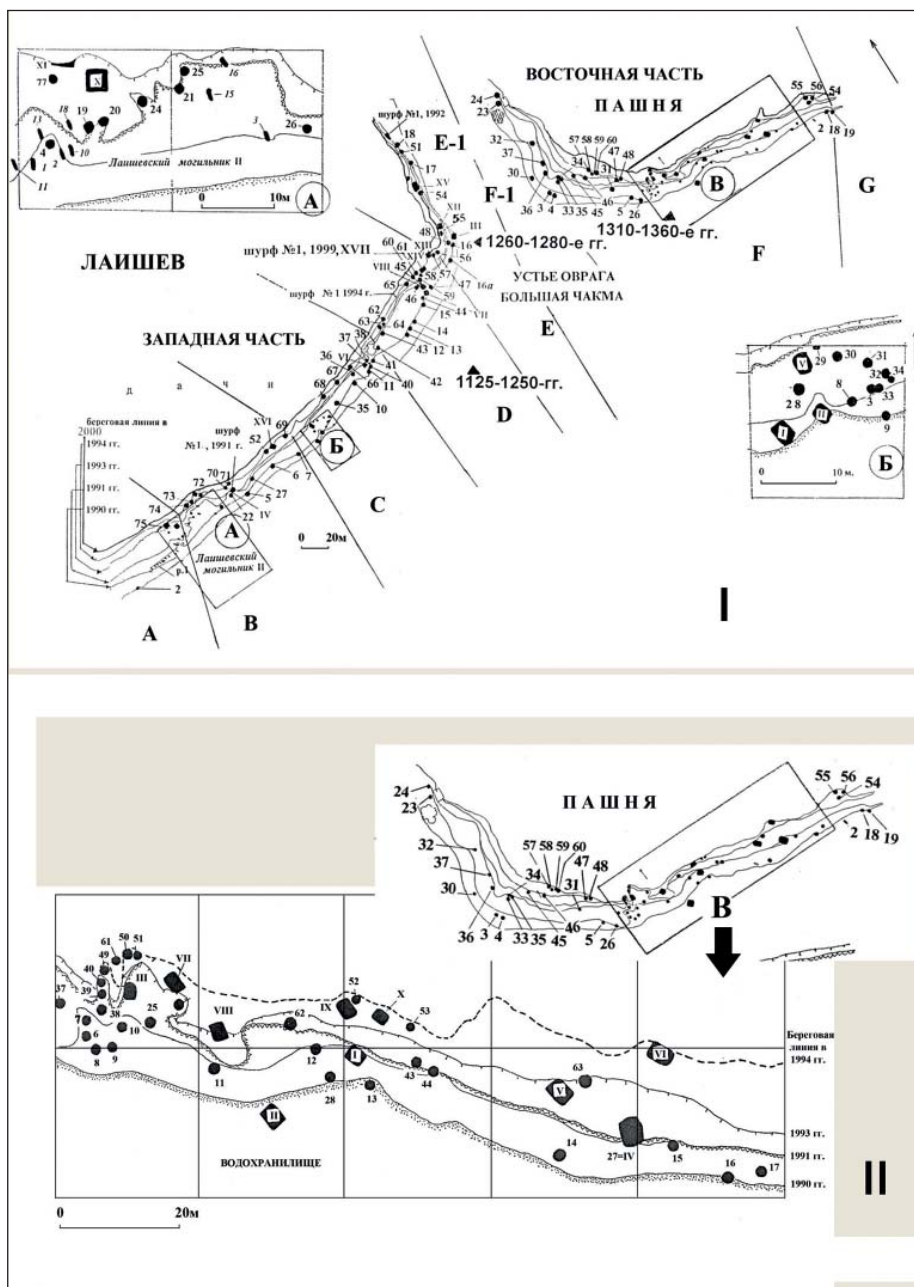

Рис. 1. План селища Лаишевское (Чакма). I – общий план; латинскими буквами обозначены сектора по которым проводилась фиксация материала в 1990-х гг. Даты указаны по нумизматическому материалу; II – восточная часть селища. Прямоугольные пятна – жилые постройки (пронумерованы латинскими цифрами), круглые – ямы.

Fig. 1. Layout of Laishevo (Chakma) settlement. I – general layout; Latin letters indicate sectors used for the allocation of material in the 1990s. The dates are associated with numismatic material; II – eastern part of the settlement. Rectangular spots denote residential constructions (numbered in Latin numerals), and round spots indicate pits.

во внутренний экономический рынок Булгарского улуса (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 72). В середине XIV в. это был крупный торгово-ремесленный центр нижнего Прикамья⁵.

Интерес представляют материалы⁶ из подъемного материала и раскопок восточной части селища (рис. 1), среди которых обнаружено большое количество фрагментов и археологически целых форм славяноидной керамики. Эта часть селища по находкам монет и датирующим предметам функционировала в XIV в., хотя у устья оврага (рис. 1: II) исследованы остатки усадьбы, возникшей в XIII в. и собран подъемный материал, подтверждающий наличие здесь культурного слоя конца домонгольского времени.

Рассмотрим сначала закрытые комплексы из раскопок, где обнаружена славяноидная керамика (рис. 2: II). Она получена из заполнения котлованов нескольких жилых и хозяйственных построек, изученных раскопками. Хозяйственные сооружения были простой формы – квадратные или круглые в плане, последние иногда большой глубины – до 2 м, при диаметре от 2 до 2,5 м. Как правило, находок в них немного. Мелкие фрагменты по большей части славяноидной керамики.

В яме № 12 (рис. 2: I–2) (Руденко, 1994, с. 108) были найдены два фрагмента венчиков славяноидной керамики от горшков с диаметром горла 15 см. Они оба блоковидные, но в одном случае венчик с утолщением, во втором – приостренный (АКУ-267/279-1,2). Еще один фрагмент – стенка кругового сосуда с мелким песком в тесте, украшенного линейным орнаментом (АКУ-267/289). В яме № 24 обнаружено всего два фрагмента

керамики (АКУ-267/275,276) – часть плоскодонного донца с примесью толченой раковины и венчик кругового красноглиняного сосуда, вероятно, кружки.

Исключение составляет яма № 17 (рис. 1: II, № 17), в верхней части заполнения которой обнаружен развал славяноидного горшка (диаметр венчика 19–19,5 см, высота – 13 см, диаметр дна – 9 см), а также фрагмент стенки горшка с примесью толченой раковины в тесте и с орнаментом в виде волны, а также часть венчика от кругового сосуда с примесью крупнозернистого песка, с вертикальной шейкой и многорядной «волной» по плечу (рис. 2: II–11–13).

Поблизости от ямы № 17 находилась яма № 56, на дне которой были найдены: часть венчика красноглиняного кувшиновидного сосуда, венчик горшка с большой примесью песка, украшенного оттисками мелкого гребенчатого штампа по шейке, а также небольшими вдавлениями палочкой по срезу венчика. Здесь же находился обломок донца диаметром около 12 см от крупного славяноидного сосуда

Эти ямы относятся к усадьбе с тремя жилищами (№№ IV, V, VI). Одно из них (№ IV) было практически полностью смыто. В постройке V были найдены части толстостенного плоскодонного сосуда с включениями мелкого шамота и крупной толченой раковины в тесте; венчик его блоковидный.

Разнообразный инвентарь происходит из постройки VI (рис. 2: I–3). На дне котлована найдены донце и венчик от славяноидного сосуда с низким раздутым туловом и низким вертикальным утолщенным венчиком с плоским срезом. В верхней части стенки сразу под венчиком сделано

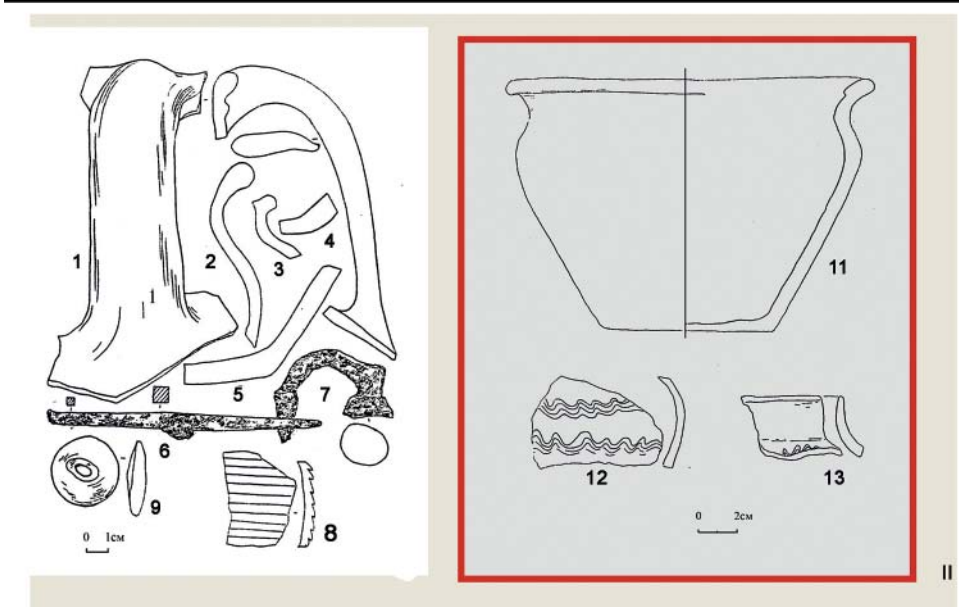
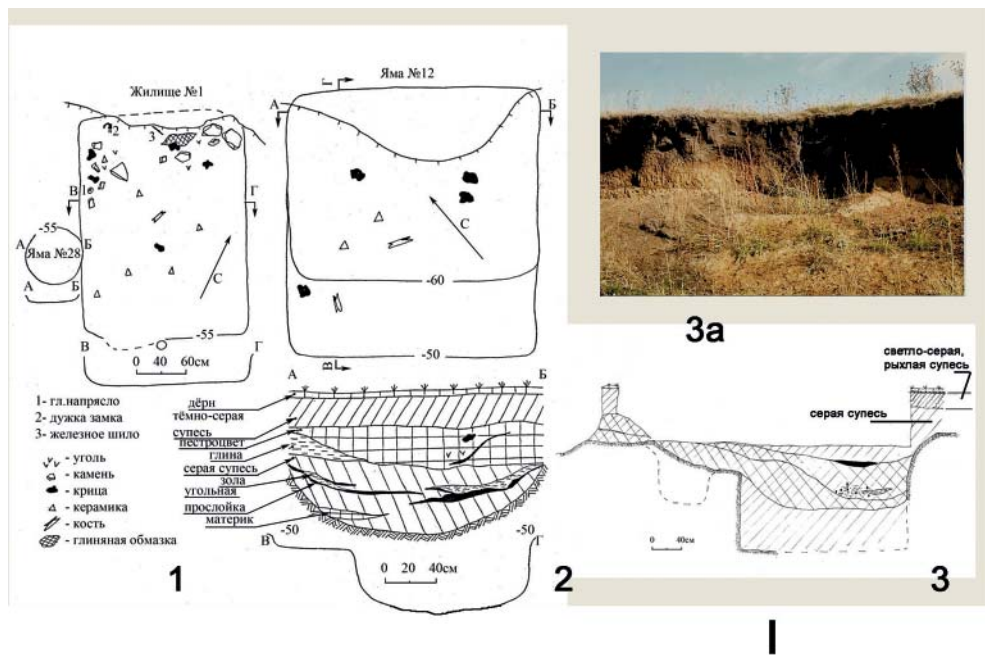

Рис. 2. Лаишевское селище. Восточная часть. I – планы жилища № 1 (1), ямы № 12 (2); фиксация профиля жилища № VI в обрыве берега (3); II – находки из жилища № 1: 1–5, 8 – керамика, 6, 7 – изделия из железа; 9 – глиняное прясло. II – находки из ямы № 17.

Fig. 2. Laishevo settlement. Eastern part. I – layouts of dwelling No. 1 (1), pit No. 12 (2); outline of the profile of dwelling No. 6 in the bank cliff (3); II – findings from dwelling No. 1: 1–5, 8 – ceramics, 6, 7 – iron products; 9 – clay spinning wheel. II – findings from pit No. 17.

сквозное отверстие диаметром 0,5 см. В нижнем горизонте заполнения котлована обнаружен крупный фрагмент стенки красноглиняного сосуда с линейным орнаментом, вероятно, от корчаги. Из других находок зафиксирована плоская железная пластина прямоугольной формы (4,5×1,2 см) с двумя отверстиями для шпеньков.

На частично разрушенной части сооружения в сохранившемся слое черноземного заполнения помимо нескольких фрагментов стенок круговых сосудов найдены (*in situ*) изделия из железа и цветных металлов (рис. 3). Это два ножа: первый – крупный (21×2×0,3 см), с изогнутой спинкой и коротким черешком; второй – короткий, с обломанным лезвием (12,5×1,5×0,3 см) (рис. 3: 1, 2). Заготовка изделия призматической формы (9×1×0,3 см), обрезок железной пластины, согнутой крючком (2,2×4,1×0,2 см) и звено двухсоставных кольчатых удил (10,2×2×0,7 см) (рис. 3: 3, 4, 5). Из крепежных деталей встречены две небольшие скобы с заостренными окончаниями (6×4×0,7 см) (рис. 3: 8). Ближе к краю котлована были найдены: дверной пробой (2×3,5×0,8 см), дужка навесного замка квадратного сечения (6×5×1,5 см) с круглым в плане основанием запорного трехпружинного механизма (рис. 3: 6, 7) и несколько ключей от навесных замков разного типа. Это ключ от одноцилиндрового замка типа «Е» (по Б.А. Колчину) с четырьмя пластинами (6,5×1,5×0,5 см), два ключа от двухцилиндровых замков типа «В» (13,4–11,6×2×1,4 см) с дисковидной петелькой для подвешивания и дровотным стержнем квадратного и прямоугольного сечения с раскованной нижней частью прямоугольного сече-

ния. Лопасть ключа сегментовидная (рис. 3: 12, 13).

Из инструментов найден рабочий проушный топор (15,6×5,5×9,4 см) с секировидным полотном шириной 9,4 см, толщиной 1,4 см; лезвие клина, несколько оттянутое вниз, заточено на ширину 0,6–0,8 см. Проух имеет диаметр 5,5 см; обух высотой 5,5 см (рис. 3: 15). Аналогичные топоры найдены на Семеновском острове и на Ага-Базаре (АМ ИА АНТ, инв. № п II Сем-71/1; АБ-73/16). Близкий по форме топор был обнаружен в Семеновском кладе железных изделий (Халиков, 1981, с. 103, рис. 1–12), датируемый второй половиной XIV – началом XV в.

Ближе к середине котлована найдены: нижняя часть загнутой рукояти ножниц с разомкнутым кольцом (14,2×4,6×0,6 см) (рис. 3: 10), свинцовый литой конический грузик, украшенный рельефным рисунком в виде равностороннего треугольника (диаметр 2,6, высота 1 см) (рис. 3: 9), медная, согнутая пополам пластина (4,4×2,2×0,6 см) (рис. 3: 11) и фрагмент стенки чугунного котла⁷ (7×4,2×0,4 см). Все изделия датируются золотоордынским временем, преимущественно XIV в., а аналогии им встречаются как на поселениях этого периода на Средней Волге⁸, так и в кочевнических древностях, например, удила и ножницы (Иванов, Кригер, 1988, с. 14, 15, 38, рис. 5–4; 14–21).

Также из заполнения котлована постройки VI происходит бронзовый четырехконечный крестик (2×1,2×0,4 см) со стержневидными окончаниями с двумя перетяжками на каждом, завершавшимися небольшими утолщениями (0,3×0,3 см). Средокрестие ромбическое (0,6×0,6 см); вероятно, оно было украшено эмалью.

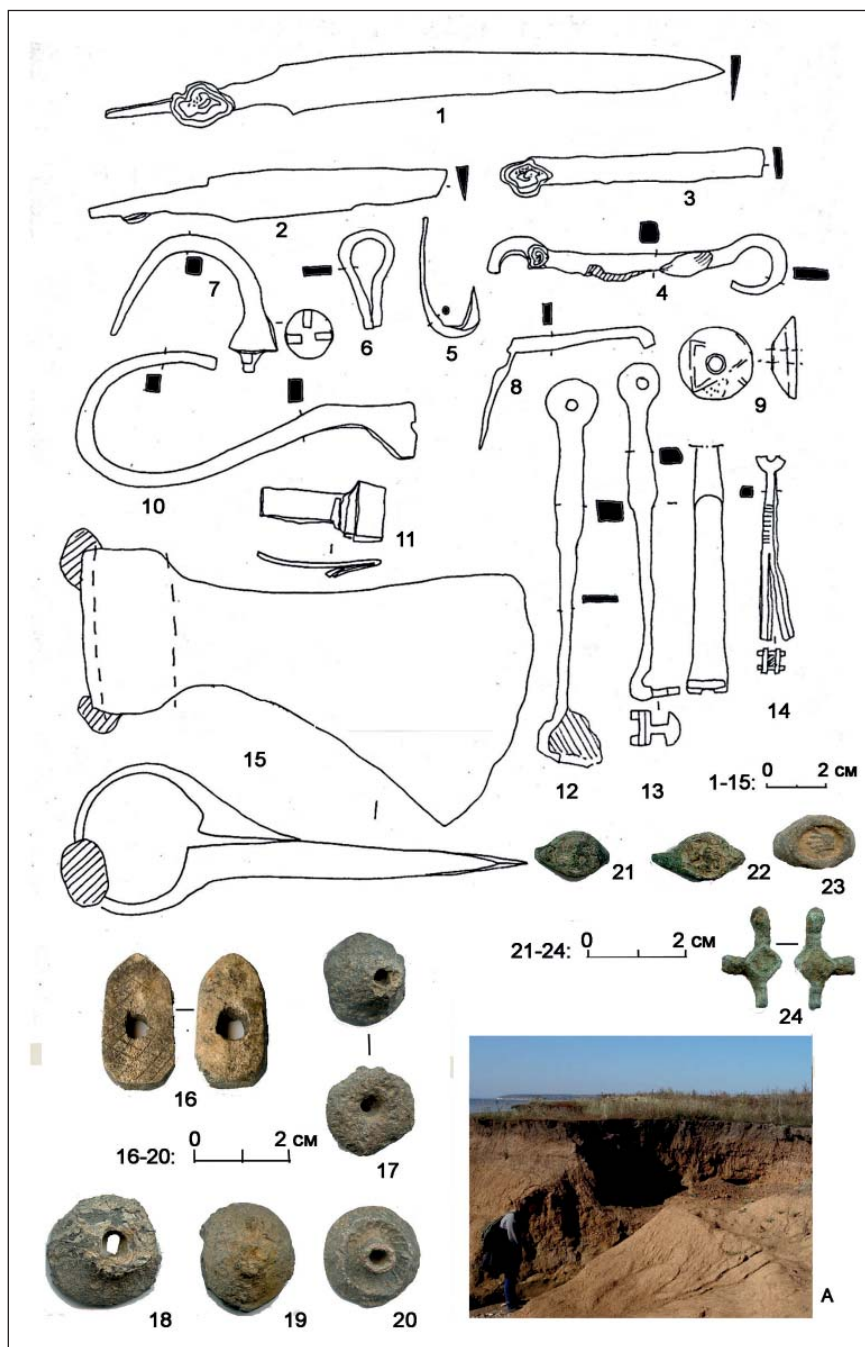

Рис. 3. Лаишевское селище. Восточная часть. А – вид на размытую постройку IX. 1–24 – находки из котлована постройки VI. 16–20 – находки из размытого культурного слоя у постройки VI. 1–9, 12–15 – железо; 9, 17–20 – свинец; 11 – медь; 16 – кость; 21–23 – свинцово-оловянистый сплав.

Fig. 3. Laishevo settlement. Eastern part. A – view of eroded construction No 9. 1–24 – finds from the foundation pit of construction No 6. 16–20 – findings from the eroded cultural layer near construction No 6. 1–9, 12–15 – iron; 9, 17–20 – lead; 11 – copper; 16 – bone; 21–23 – lead-tin alloy.

Ушко петлевидное, круглое в плане (рис. 3: 24). Тут же найден ключ от замка типа «Е» по Б.А. Колчину, несколько перстней из свинцово-оловянистого сплава и меди (рис. 3: 21, 22, 23) с изображениями раскрытой ладони и свастики, а также монеты последней четверти XIV в.

В 1960-х и 1990-х гг. ключи и фрагменты корпусов от замков типа «Е» встречались на восточной части селища в подъемном материале (Руденко, 2006а, с. 137, рис. 26: 18). Замки и ключи от замков типа «Е», аналогичные лаишевским изделиям, встречены на Камаевском городище и Русско-Урматском селище (ИКГИКПМЗ; инв. №№ А-43; А-94 (2-2); А-873 (48-37), вместе с замками типа «В». Здесь они относятся к XIII – началу XV в. Фрагменты замков типа «Е» встречены на Семеновском острове (АМ ИА АНТ, инв. №п II Сем-71/7). Аналогии им имеются в Новгороде, на Вятке (Хлыновский кремль). Датируются они со второй половины XIII и до середины XV в., но наибольшее распространение получили эти замки со второй половины XIV и до середины XV в. (Макаров, 2012, с. 498, рис. 2: 17а, б). В Твери замки этого типа встречаются в слое 1380–1400-х гг. (Лапшин, 2009, с. 93, рис. 82: 3).

Крестики и перстни вышеописанных типов характерны для древнерусских памятников XIV–XV вв. В частности, аналогии им встречены в Твери в слоях, датированных XIV в. (Лапшин, 2009, с. 97, 346, рис. 96: 4, 5).

В подъемном материале в этой части селища найдены бронзовые грузики конической и чашевидной формы с цилиндрической короткой втулкой (рис. 3: 17–20), а также костяной затыльник от деревянной рукояти

ножа миндалевидной формы (рис. 3: 16). Аналогии последнему имеются на Селитренном городище, на усадьбе 1330–1390-х гг. (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 217, рис. 31: 14). Свинцовые грузики такой формы встречены в Азове в комплексах XIV в. (Масловский, 2010, с. 204, 217, рис. 23: 18–28).

Более разнообразен вещевой комплекс, полученный на усадьбе, расположенной западнее вышеописанных построек. Это жилище I и яма № 43.

При выборке жилища № I⁹ (рис. 1: II, № I; 2: I–1) были найдены железные и глиняные изделия, а также керамика (рис. 2: II–1–10). Славяноидная керамика из заполнения представлена фрагментами плоскодонных кругловых сосудов горшковидной формы с утолщенным блоковидным венчиком (АКУ-267/335, 336) (рис. 2: II–2, 4, 5). Диаметр – 18–20 см, толщина стенок – 0,7–0,8 см. Здесь же встречен фрагмент древнерусского сосуда с невысокой шейкой и утолщенным венчиком (АКУ-267/336-1; диаметр венчика – 18,4 см) (рис. 2: II–3).

Пять фрагментов красноглиняных сосудов хорошего обжига были встречены вместе со славяноидной керамикой. Один из них – крупная ручка от кувшина (АКУ-267/309) длиной 14 см, шириной 4,5 см и толщиной 1,5 см (рис. 2: II–1); второй – фрагмент стенки от сосуда (4×4 см), украшенного глубоким горизонтальным рифлением (рис. 2: II–8). Остальные – фрагменты стенок и донца (АКУ-267/311, 334, 338). Помимо керамики было найдено лепное дисковидное прясло диаметром 3,3 см и толщиной 0,8 см (АКУ-267/332)¹⁰ (рис. 2: II–9).

Из железных изделий в заполнении были: дужка от навесного двух-

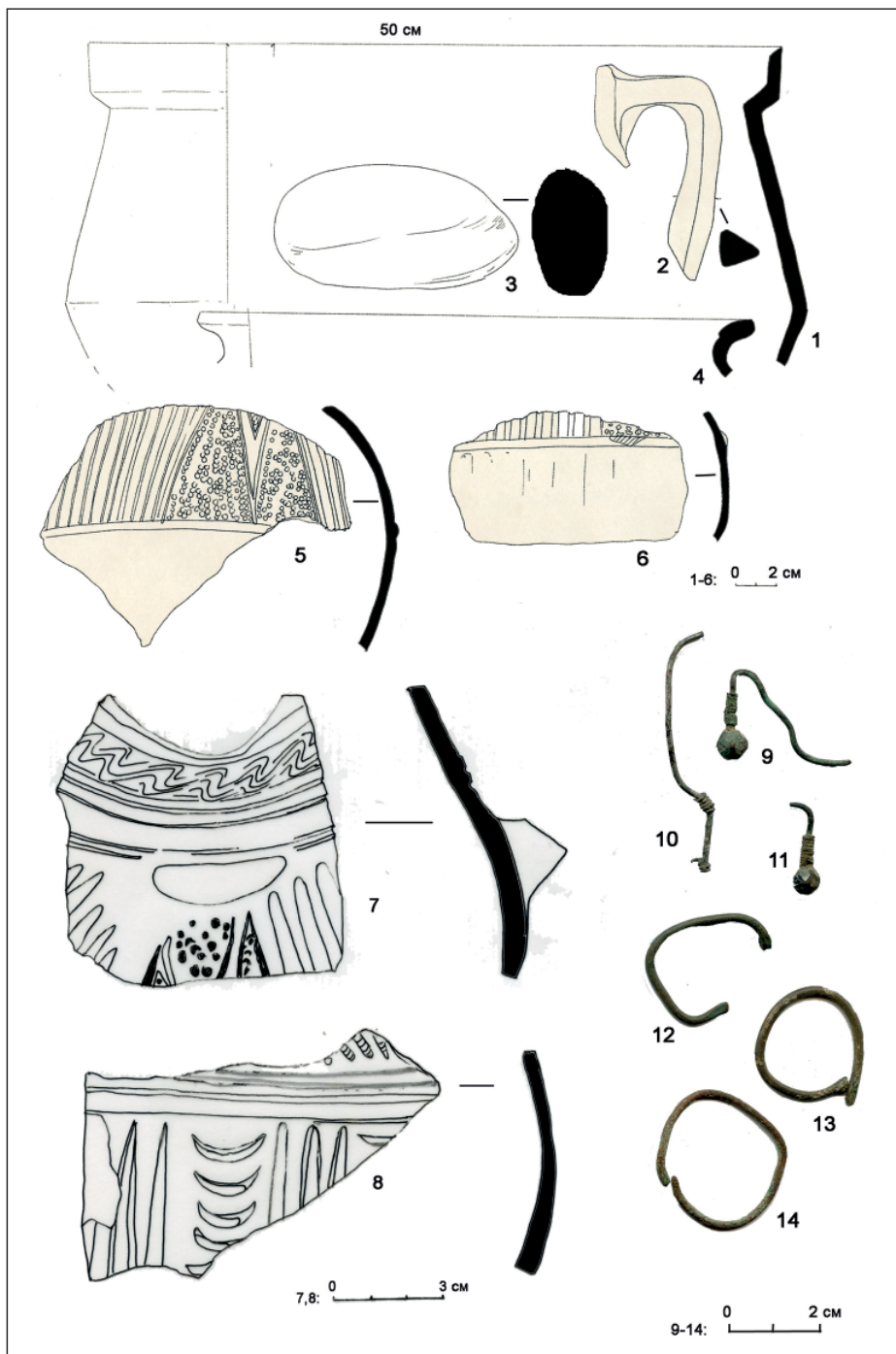

Рис. 4. Лаишевское селище. Восточная часть. Находки из ямы № 43 (1–8). 1, 2 – чугун; 3 – камень; 5–8 – керамика. 9–14 – находки из цветного металла из подъемного материала у ямы № 43.

Fig. 4. Laishevo settlement. Eastern part. Findings from pit No. 43 (1–8). 1, 2 – cast iron; 3 – stone; 5–8 – ceramics. 9–14 – non-ferrous metal findings from the excavated material near pit No. 43.

цилиндрического замка (АКУ-267/249) с круглым основанием, диаметром 2 см для крепления пружинного механизма (5,3×4,7 см) (рис. 2: П–7). Кроме того, здесь был найден специализированный инструмент (АКУ-267/304) в виде длинного стержня квадратного сечения (0,7×0,7 см) длиной 13 см, со сбитой обушковой частью и уплощенным рабочим окончанием толщиной 0,25 см, скорее всего использовавшийся в столярном деле¹¹ (рис. 2: П–6).

Яма № 43, расположенная в 10 м к востоку от жилища I, круглой формы, в нижней части заполнения которой были зафиксированы (*in situ*) изделия из чугуна, камня и керамики. Несколько фрагментов принадлежали крупному чугунному котлу диаметром около 50 см (рис. 4: 1). Венчик у него высотой 2,5 см, имеет Г-образную форму, с уступом изнутри шириной 1,7 см; толщина стенок 0,7–0,9 см.

Рядом с ним находился фрагмент ручки (10×6×2 см) треугольного сечения (2×2×1,7 см) от другого чугунного котла, судя по аналогиям с Болгарского городища, так же с Г-образным венчиком (тип Ч-4) (Руденко, 2006, с. 179, рис. 5-1). Чугунные котлы с Г-образным венчиком для крышки характерны для второй половины XIV в. (типы Ч-5, Ч-6) (Руденко, 2006, с. 176, рис. 2).

У стенки ямы был найден крупный голыш (11,5×6×7,5 см) (рис. 4: 3), а в центре – несколько фрагментов от кругового красноглиняного кувшина желто-оранжевого цвета, украшенного каннелюрами и несколькими равнобедренными треугольниками, заполненными точечными вдавлениями тонкой палочкой (АКУ-271/2290,2329) (рис. 4: 5, 6). Вместе с ними был расчищен фрагмент верхней части славяноидного сосуда (3,5×4,5×2,5 см), с блоко-

видным венчиком с напылом изнутри; диаметр венчика 27 см (рис. 4: 4).

Из размытой верхней части заполнения ямы происходит еще один фрагмент от этого сосуда (7,5×7,5×4 см) – место крепления ручки и перехода от стенки к шейке, на котором сохранился верхний орнаментальный пояс шириной 1 см с изображением однорядной волны (рис. 4: 7). Схожие по декору кувшины происходят из IV п слоя (середина–вторая половина XIV в.) Булгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 61, рис. 39: 9). Аналогичная техника нанесения орнамента встречается на двух фрагментах круговых сосудов с Коминтерновского II (Христофоровского) селища второй половины XIV – начала XV в. (АМ ИА АНТ, №п Х.с.-81-46,51) (Казаров, 1993, с. 124, рис. 2: 4, 5).

Здесь же были найдены еще два фрагмента от разных круговых сосудов: один (5,5×5,5×0,7 см), украшенный глубокими каннелюрами; второй (10×6×1,5 см) – серого цвета, от кругового сосуда с зональным орнаментом, где тройные каннелюры чередуются с дуговидными отрезками, выстроенными по вертикали. В верхней части, отделенной от орнаментальной зоны парными резными линиями, сохранились наклонные оттиски мелкого гребенчатого штампа длиной 1 см (рис. 4: 8).

Рядом с ямой в подъемном материале были найдены обломки проволочных сережек из серебра в виде знака вопроса, завершающиеся граненым грузиком диаметром 0,5 см и с обмоткой тонкой проволочкой в нижней части стерженька (рис. 4: 9, 11). Здесь же были обнаружены обломки еще одного серебряного проволочного украшения, разогнутая бронзовая проволочная сьюльгама, нескольких

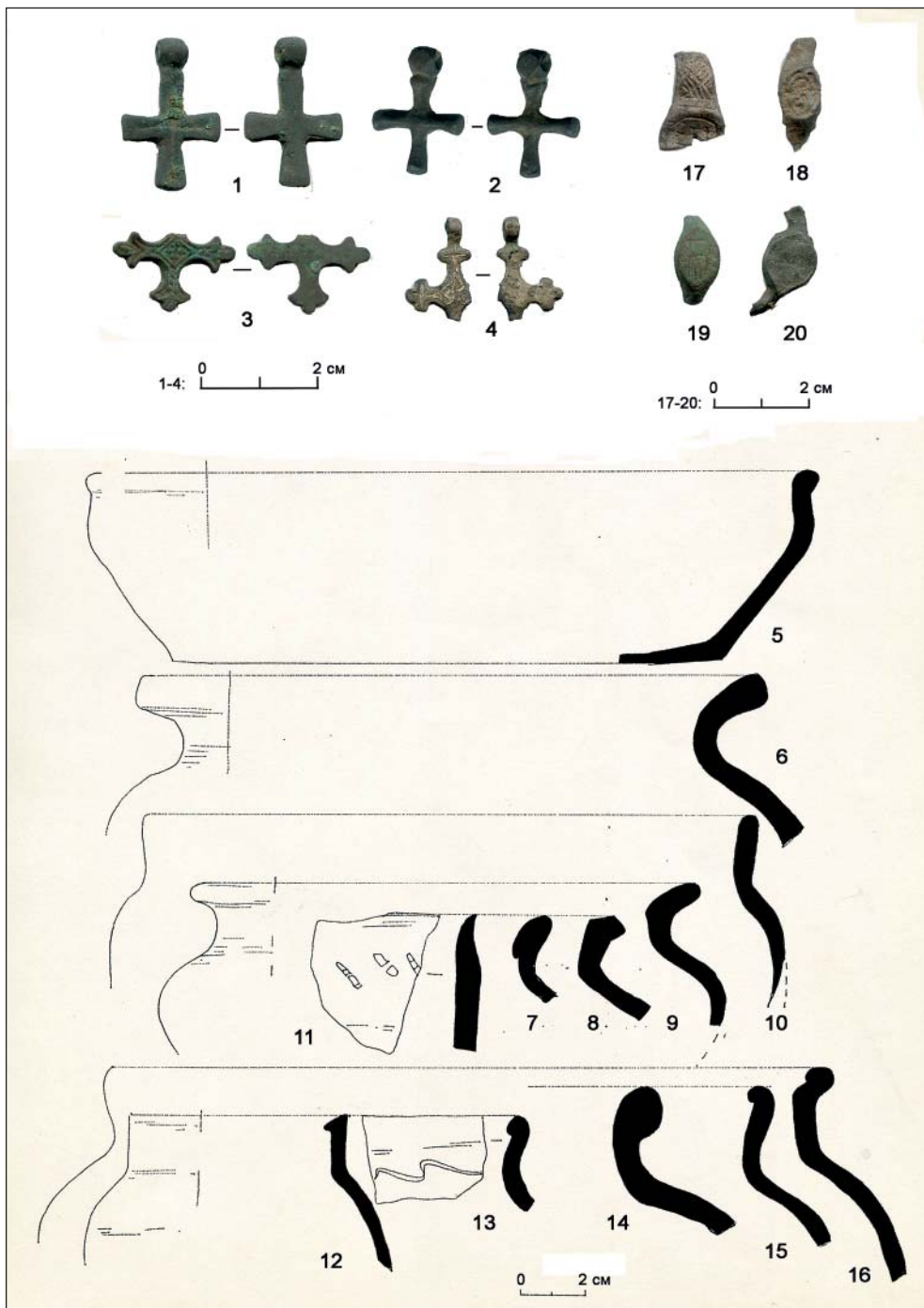

Рис. 5. Лаишевское селище. Восточная часть. Подъемный материал. 1-4, 17-21 – цветной металл; 5-13 – славяноидная керамика; 14-16 – древнерусская керамика.

Fig. 5. Laishevo settlement. Eastern part. Excavated material. 1-4, 17-21 – non-ferrous metal; 5-13 – Slavonic ceramics; 14-16 – Ancient Rus ceramics.

медных проволочных колечек-сережек (рис. 4: 10, 12, 13, 14), две монеты XIV в. и обломок чугунной втулки от колеса («цун»). Серьги дизайна в виде знака вопроса встречаются на многих памятниках Булгарской области Золотой Орды, в частности на Булгарском городище, где датируются преимущественно XIV в. (Руденко, 2015, с. 461, кат. №№ 299, 300). Фрагменты чугунных втулок для колес обнаружены на Селитренном городище на усадьбе 1330–1390-х гг. (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 221, рис. 29–13).

По нумизматическому материалу эта часть селища датируется временем правления Узбека – Хызра, что не противоречит и датирующим вещам из закрытых комплексов. Те из них, в которых заполнение содержит мало находок или в которых таковые вообще отсутствуют, – являются самыми поздними, относящимися к финальному периоду жизни в этой части поселения, т. е. к началу – первой половине XV в. Эти наблюдения подтверждаются и материалами, опубликованными в последней трети XX в., например, исследованный в 1987 г. комплекс постройки № 7 в восточной части селища, где зафиксированы фрагменты славяноидной керамики, а также фрагмент чугунного котла, железный ральник, бытовые изделия и рыболовные крючки (Старостин, Казаков, 1992, с. 128, рис. 1: 7; 2: 5–8, 10; 3: 8, 9).

С восточной части поселения в подъемном материале ассортимент посуды с толченой раковинной XIV – начала XV в. более широк. Помимо типичных для славяноидной посуды Булгарского улуса плоскодонных горшков с утолщенным венчиком с напылом (рис. 5: 6, 7, 9) встречаются плоскодонные миски (рис. 5: 5), горш-

ковидные формы (рис. 5: 10, 8), в том числе и с орнаментом в виде однорядной волны¹² (рис. 5: 12, 13). Интересен фрагмент сосуда с заостренным венчиком, декорированный оттисками гребенчатого штампа (рис. 5: 11). Примечательно, что вместе с ними зафиксированы находки фрагментов древнерусских горшков с примесью дресвы в тесте (рис. 5: 14–16). Отметим, что древнерусская посуда в этой части Лаишевского селища была зафиксирована еще в 1960-х гг. (Полубояринова, 1993, с. 83); встречается она и на западной части поселения в постройке XIII в. – сооружение 3 (Старостин, Казаков, 1992, с. 136, рис. 3: 6).

Также здесь найдены бронзовые литые кресты-тельники с утолщенными окончаниями и объемным ушком (в одном случае, ограненном), один крестик с криновидными концами и с изображением четырехконечного креста в средокрестии (рис. 5: 1–3), один серебряный крестик с остатками эмали по контуру рисунка, выгравированного на его лицевой части (рис. 5: 4). Помимо них здесь встречены кресты-тельники как с эмалью, так и без нее, но с круглыми лопастями, а также эмалевые крестики с заостренными окончаниями, бытовавшие с начала XIV и до середины XV в. (Руденко, 1999, с. 95, 98, рис. 10: 40, 45, 47; Полубояринова, 1993, с. 18, рис. 2: 2). Криноконечные кресты-тельники были широко распространены в Древней Руси в XIV – начале XV в. (Макаров, 2012, с. 514, 541, рис. 11: 150). Встречаются они на памятниках Марийского Поволжья этого периода, например, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (Никитина, Михеева, 2006, с. 130, рис. 56). Известны они из Болгарского городища, где датированы

XIV в., а также на селищах в пойме Камы золотоордынского времени (Полубояринова, 1993, с. 18, 78, рис. 2: 4; 28: 5).

Помимо предметов личного благочестия на этой части селища обнаружены перстни из свинцово-оловянистого сплава с изображением раскрытой ладони, стилизованным рисунком либо вообще без рисунков на щитках (рис. 5: 17–20). Обнаружены и обломки бронзовых пластинчатых браслетов, обоймы-фиксаторы рукояти ножей (Руденко, 1999, с. 98, рис. 10: 55, 56; 11–14). Датируются эти находки XIII–XIV вв. Перстни указанных типов встречены в Новгороде в слоях XIII – конца XIV в., причем изделия с овальными неорнаментированными щитками бытовали до середины XV в. (Седова, 1981, с. 134, 135, рис. 51: 13, 15, 20). Перстни с изображением ладони по материалам раскопок в Ростове Великом датируются XIV в. (Самойлович, 2012, с. 240, рис. 1: 29, 30).

В устье оврага Большая Чакма в восточной части селища (рис. 1: I, сектор F-1) предметный комплекс включает в себя серию бронзовых накладок разного дизайна XIII – середины XIV в. (Руденко, 1999, с. 96, рис. 10: 16, 25, 32, 38), не встречающихся в той части, которую мы рас-

сматривали выше (рис. 1: I, сектор F). Достаточно представительна там и серия стеклянных бус древнерусского производства XII–XIV вв. (Столярова, 2005, с. 62–63, табл. 10).

Анализ материалов Лаишевского селища (Чакма) показывает, что время бытования здесь славяноидной керамики приходится на вторую половину XIV – начало XV в. Она встречена на богатых усадьбах, располагавшихся в восточной части поселения на левом берегу оврага Большая Чакма, причем часть проживавших здесь людей, пользовавшихся этой посудой, а возможно, и производивших ее, была христианами, в том числе и русскими (судя по находкам древнерусской керамики). Отметим, что славяноидная керамика на других поселениях приустьевой части Камы отличается в деталях, например, оформлением венчика: с желобком по верхней кромке, острым гребнем на срезе (Коминтерновское II городище и III Коминтерновское селище), наличием ручки и высокой шейки (АКУ-278/377; АМ ИА АНТ, инв. №п НМ-II-73/14) (селища: Дамба II; Нижне-Марьянское), хотя есть и почти идентичные фрагменты (V Семеновское селище) (АМ ИА АНТ, инв. №п VСс-86; VСс-82/327).

Примечания:

¹ Под славяноидной керамикой мы понимаем горшковидные сосуды с отогнутым блоковидным округлым венчиком, плоским дном, изготовленные на гончарном круге или подправленные на круге. Основная примесь в тесте – крупная толченая раковина.

² Отсылка к славянской керамике в отношении материалов XIII–XIV вв. – явный анахронизм.

³ Мы не рассматриваем другие точки зрения, ограничившись только регионом Казанского Поволжья.

⁴ На селище известны немногочисленные находки русских монет XVI–XVII вв., но они имеют случайный характер и связаны с поселением XV–XVII вв. к западу от Чакмы – Лаишевским острогом, построенном в 1557 г.

⁵ А.Х. Халиков считал, что Чакма в золотоордынское время была поселением «городского типа» (Халиков, 1994, с. 94–95), однако существенных аргументов ученый не

привел. Упомянутые им следы различных производств в большинстве случаев относятся к домонгольскому времени. Для такого утверждения требуются дополнительные основания. Впрочем, и в отношении других поселений XIV – начала XV в. на территории Булгарской области Золотой Орды, имеющих признаки торгово-ремесленной деятельности, и особенно тех из них, которые существовали на месте или поблизости от городищ домонгольского времени, такие определения требуют серьезных аргументов.

⁶ Коллекция, полученная в результате археологических разведок и раскопок, хранится в учебном музее археологии исторического факультета (сейчас – Институт международных отношений) Казанского государственного университета (К(П)ФУ) до его закрытия в 2015 г. – полевые шифры АКУ-251, АКУ-267 и АКУ-271. Информация о коллекциях: «База данных: «Фонды археологического музея КГУ» на сайте «Археология Среднего Поволжья – Археологический музей КФУ» (автор: Е.А. Беговатов, 2002 г.): <http://old.kpfu.ru/amku/db/app/public/collections.phtml?order=0&page=14> (дата обращения: 17.10.2018).

⁷ Аналогичный фрагмент чугунного котла обнаружен на Донауровском II селище (АКУ-250/64) вместе с котлами с Г-образным венчиком и полочковидной ручкой. Разведки К.А. Руденко в 1988 г.

⁸ Например, на Христофоровском селище второй половины XIV – начала XV в. в Спасском районе РТ. Коллекция АМ ИА АНТ, инв. №п Х.с.-81/64.

⁹ Описание постройки и расположение находок см.: (Руденко, 1994, с. 109).

¹⁰ Отметим, что в этой части селища прясла, чаще всего лепные, в том числе и с примесью толченой раковины, являются наиболее распространенными.

¹¹ Не исключено, что он мог использоваться и как чекан в ювелирных работах.

¹² Интересный фрагмент крупного горшка с таким орнаментом имеется в фондах АМ ИА АНТ; сборы Е.П. Казакова в восточной части селища «Чакма» в 1987 г. Блоковидный венчик этого сосуда имеет узкую бороздку с внутренней стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С. 64–78.
2. Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 26–36.
3. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
4. Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 117–129.
5. Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.
6. Латшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) / Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
7. Макаров Л.Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широкова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 494–542.
8. Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовск. музея-заповедника, 2010. С. 182–242.

9. *Мухаметшин Д.Г.* Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском Улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 65–81.
10. *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 114–130.
11. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. 196 с.
12. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
13. *Руденко К.А.* Булгарская металлообработка в золотоордынский период // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1994. С. 107–110.
14. *Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.
15. *Руденко К.А.* Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2006а. № 3–4 (18–19). С. 28–137.
16. *Руденко К.А.* Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006. № 1–2 (16–17). С. 89–196.
17. *Руденко К.А.* Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 349–355.
18. *Руденко К.А.* Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2011. № 1–2 (20–21). С. 32–151.
19. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
20. *Руденко К.А.* «Черная смерть» и судьба Золотой Орды (археологические свидетельства) // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р.В. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 126–139.
21. *Самойлович Н.Г.* Металлические перстни Ростова Великого // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 236–243.
22. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
23. *Старостин П.Н., Казаков Е.П.* Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 125–142.
24. *Столярова Е.К.* Стекланные украшения булгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 43–66.
25. *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
26. *Халиков А.Х.* Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 102–107.
27. *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 168 с.
28. *Хлебникова Т.А.* Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

**CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ASPECT OF
SLAVONIC CERAMICS UTILIZATION IN THE 13TH-14TH CENTURIES.
IN THE BOLGAR REGION OF THE GOLDEN HORDE
(ON THE BASIS OF LAISHEVO SETTLEMENT MATERIALS)**

K.A. Rudenko

The paper considers the materials from Laishevo (Chakma) settlement located in Laishevsky District of the Republic of Tatarstan related to the discoveries of Slavonic ceramics resembling the ceramics of Ancient Rus, but containing an admixture of coarse crushed shell in molding mass. Fragments of this ceramics were concentrated in the eastern part of the settlement, separated from the western part by a deep wide gully. Numerous buildings of manors destroyed by long-term plowing and reservoir waters, which in accordance with numismatic material existed in the 14th – early 15th centuries, were discovered and studied at the site in the 1990s. The author describes the circumstances of the discovery of Slavonic ceramics, focusing on the complex of findings from the excavations of dwellings and household constructions located at its discovery site. The construction remains contained household items, tools, containers and table ceramic ware, and cast iron pots. The excavated material from this part of the village includes bronze and silver adornments and religious cult items. An analysis of available information demonstrated that Slavonic ceramics has been discovered within the foundation pits dating back to the middle and second half of the 14th century, and less frequently the early 15th century. The most representative complexes featuring Slavonic ceramics have been discovered in foundation pits of the 1350s–1360s erected prior to a plague epidemic. Their inhabitants were Christians, as evidenced by the discovered body crosses.

Keywords: archaeology, material culture, Bolgars, Slavonic ceramics, Golden Horde, Laishevo settlement.

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I., Rudenko K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 64–78 (in Russian).
2. Gribov, N. N., Akhmetgalin, F. A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 26–36 (in Russian).
3. Ivanov, V. A., Kriger, V. A. Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urале (XII–XIV vv.) (*Barrows of the Kypchak Time in the Southern Urals (12th–14th cc.)*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117–129 (in Russian).
5. Kokorina, N. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of the Volga Finns)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History Publ. , 185–213 (in Russian).
6. Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) (Tver in the 13th – 15th Centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, XXX. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State Universit (in Russian).
7. Makarov, L. D. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama*

Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 494–542 (in Russian).

8. Maslovskii, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 182–242 (in Russian).

9. Mukhametshin, D. G. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 1. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 65–81 (in Russian).

10. Nikitina, T. B. 2006. In *Finno-Ugrica* 9, 114–130. (in Russian).

11. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History Publ. (in Russian).

12. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bolgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

13. Rudenko, K. A. 1994. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of the Volga Region.)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 107–110 (in Russian).

14. Rudenko, K. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkhеologii Povolzh'ia i Priural'ia (Recent Researches in Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk-Glazov Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 73–102 (in Russian).

15. Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkhеologiia (Tatar Archaeology)* 3–4 (18–19). 28–137 (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkhеologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (16–17). 89–196 (in Russian).

17. Rudenko, K. A. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh sobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ., 349–355 (in Russian).

18. Rudenko, K. A. 2011. In *Tatarskaia arkhеologiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (20–21). 32–151 (in Russian).

19. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar). Vol. II. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

20. Rudenko, K. A. 2018. In Khautala, R. V. (ed.). *Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.) (Epidemics and Natural Disasters in the Golden Horde and the Neighbouring Territories (13th–16th cc.))*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 126–139 (in Russian).

21. Samoilovich, N. G. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkhеologiia Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 236–243 (in Russian).

22. Sedova, M. V. 1981. *Ivelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

23. Starostin, P. N., Kazakov, E. P. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 125–142 (in Russian).

24. Stoliarova, E. K. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and the Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 43–66 (in Russian).

25. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).

26. Khalikov, A. Kh. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 102–107 (in Russian).

27. Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatory, Zolotaia Orda i Bulgariia (Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria)*. Kazan: "Fan" Publ. (in Russian).

28. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902 + 666.3/7

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.114.129>

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОНЧАРНАЯ ПОСУДА С ПРИМЕСЬЮ РАКОВИНЫ ИЗ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2019 г. Н.Н. Грибов

В статье приведены результаты сравнительного технико-технологического и морфологического исследования двух групп средневековой гончарной керамики поселения Курмыш-4 – с примесью дресвы или песка и добавкой дробленой раковины. Публикуются данные для характеристики археологического и общеисторического контекстов распространения гончарной посуды с примесью раковины на памятниках Нижегородского Поволжья. Высказано предположение о сложении соответствующей гончарной традиции в местах компактного проживания русского населения за пределами земель Нижегородского княжества – в поволжских улусах Золотой Орды, на берегах Средней Волги или в Нижнем Прикамье. Автор предлагает рассматривать следы предварительной обработки примесных частиц отощителя (раковин моллюсков) в виде прокаливания для атрибуции соответствующей разновидности поволжской гончарной посуды.

Ключевые слова: археология, гончарная керамика, примеси в керамическом тесте, Борис Константинович городецкий, Нижегородское княжество, городище Курмыш, поселение Курмыш-4, микроскопическое исследование, технико-технологический анализ, венчики сосудов, Нижегородское Поволжье, Посурье.

Загадка происхождения выделенной Т.А. Хлебниковой керамической посуды Волжской Болгарии XVI этнокультурной группы («славяноидной» керамики) давно привлекает внимание исследователей памятников эпохи Золотой Орды. Эта группа объединяет гончарные сосуды с профилировкой русских горшков XIII–XIV вв., формовочная масса которых содержит нетипичные для русской гончарной традиции отощители – шамот или дробленую раковину (Хлебникова, 1967, с. 89, 90). Прерывистость ареала распространения, отчетливые параллели с древними гончарными традициями Прикамья (примесь толченой раковины), типично «русская» морфология – попытки непротиворечивого объяснения всех этих особенностей «славяноидной» керамики породили неоднозначность в решении вопроса об ее истоках. Дискуссия о происхож-

дении посуды XVI группы проходит преимущественно в плоскости поиска этнокультурной принадлежности ее производителей, редко и вскользь затрагивая исторический и социальный контексты места и времени ее распространения (Никитина, 2005–2006; Руденко, 2007).

В наиболее полном на сегодняшний день аналитическом обзоре существующих точек зрения среди основных районов распространения «славяноидной» керамики упоминается и Нижегородское Поволжье (Никитина, 2005–2006, с. 115). В последние годы по памятникам этого района получены новые материалы, представляющие определенный интерес для выяснения ее происхождения.

В настоящей статье освещены результаты исследования только одной разновидности керамики XVI группы – с формовочной массой,

включающей добавку дробленой раковины (в том числе – изделия со смешанной рецептурой). Выбор керамики с раковинной примесью в качестве отдельного объекта изучения обусловлен двумя причинами. Во-первых, рассмотрение гончарных изделий с одним характерным видом отощителя более соответствует задаче поиска происхождения производителей, чем рассмотрение группы изделий – однотипных по морфологии, но существенно отличающихся по составу формовочной массы. Как следует из этнографических наблюдений, навык составления формовочной массы может служить своеобразной меткой, указывающей на происхождение гончаров (Бобринский, 1978, с. 93). Во-вторых, в наиболее представительной коллекции керамики XVI группы из Нижегородского Поволжья посуда с дробленой раковинной примесью численно доминирует среди образцов других «реплик» русских средневековых сосудов с рецептурами теста – нехарактерными для русской гончарной традиции.

Земли Нижегородского Поволжья в целом нельзя поставить в один ряд с основными областями распространения гончарной керамики с примесью дробленой раковины, обозначенными как Марийско-Чувашское Поволжье, Волжская Болгария, Средняя Вятка (Никитина, 2005–2006, с. 115). На памятниках Нижегородской округи XIII–начала XV в., расположенных в пределах владений нижегородских князей к западу от устья р. Оки, она пока неизвестна. В самом Нижнем Новгороде находки ее единичны. Так, на одном из раскопов в Нижегородском кремле, заложенном (под руководством автора) на месте храма Святого Симеона Столпника в 2018 г. среди 6360 фрагментов средневековых сосудов выде-

лено всего четыре небольших обломка гончарных изделий с включением раковины. Все они происходят из слоя XVI – первой половины XVIII в., куда попали, очевидно, в результате перетолжения верхней части подстилающих средневековых напластований (профилировка единственного венчика указывает на традиции формовки XIII – начала XV в.). В редких нижегородских комплексах середины XV – начала XVI в., изученных пока только в городском предместье на городище Городок, образцы гончарной посуды с примесью раковины также единичны: тесто только одного сосуда из 720 (выделенных по венчикам) отличалось этой добавкой (Грибов, 2018, с. 164, 378, табл. 27).

В незначительном количестве осколки гончарных сосудов с раковинной примесью зафиксированы на плохо изученных памятниках XIV – начала XV в. низовий р. Сундовик – в 50–70 км к востоку-юго-востоку от Нижнего Новгорода. Здесь редкие фрагменты таких сосудов выделены в сборах с городища Оленья Гора и одного из селищ его ближайшей округи (Кириково-1, см.: Грибов, 2009, л. 65). В незначительном количестве фрагменты гончарных изделий с добавкой дробленой раковины отмечены среди русской средневековой керамики селища Красные Мары-1 в бассейне левобережного притока Суры р. Урги, удаленного от устья р. Оки на 100 км (Марьянкина, 2015, л. 155).

Иная ситуация прослеживается в 130–150 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода на поселениях левобережья р. Суры, тяготеющих к городищу Курмыш. В небольшом подъемном материале, собранном на самом городище, ее доля достигает 22%, на сели-

ще Кекино-3, расположенном в 10 км к северу от него – 12% (Грибов, 2008, л. 70), на поселении Курмыш-4 – 50,5%. В 60 км от г. Курмыша вверх по течению р. Суры, на поселении Мурзицы-1, доля гончарной посуды с примесью раковины составляет уже не более 4% (подъемный материал и шурф, см.: Грибов, 2008).

Таким образом, в настоящее время в землях Нижнего Новгорода гончарная посуда с дробленой раковиной как массовое явление фиксируется только в низовьях р. Суры, в районе устья ее небольшого левобережного притока р. Курмышки. Географически этот район можно определить как западную периферию одной из уже выделенных областей компактного распространения «славяноидной» посуды, обозначенной в обзоре Т.Б. Никитиной как Марийско-Чувашское Поволжье (Никитина, 2005–2006, с. 115).

Поселение Курмыш-4, лидирующее среди нижегородских памятников по находкам гончарной посуды с примесью раковины, располагается в 2,5–3 км к северу от города Курмыш, заложенного городцом удельным князем Борисом Константиновичем осенью 1372 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 100). Поселение Курмыш-4 располагалось в черте посурских владений этого представителя князей Суздальского дома: в соответствии с текстом жалованной грамоты 1394 г. на левобережье р. Суры они простирались от места впадения последней в р. Волгу до устья р. Курмышки (АСЭИ. Т. 3. С. 321). При обследовании крепости Курмыш выяснилось, что ее размеры (не более 1 га) более присущи укрепленным феодальным усадьбам, нежели городам. По площади «город» Бориса Константиновича существенно уступал одновремен-

ному неукрепленному поселению, удаленному на 2,7 км к северу от его укреплений (Грибов, 2011, с. 87, рис. 2). Следы этого поселения представлены двумя, разделенными узкой протокой, археологическими памятниками – поселением Курмыш-4 (18,6 га) и селищем Курмыш-2 (0,7 га). Вместе с городищем Курмыш их можно рассматривать в рамках единого поселенческого комплекса.

Удельным князем Борис Константинович стал, скорее всего, сразу после кончины своего отца в 1355 г., получив в удел Городец-на-Волге (Кучкин, 1984, с. 219, 223). В 1363 г., воспользовавшись тем, что наследный правитель великого Нижегородского княжества Андрей Константинович отошел от дел, а второй по старшинству брат Дмитрий (Фома) вовлечен в борьбу за удержание великого Владимирского княжения, Борис Константинович вероломно захватил Нижний Новгород (Кучкин, 1984, с. 226). Впоследствии его шаги на политическом поприще дважды пресекались московскими войсками, призванными нижегородскими князьями для удержания стольного Нижнего Новгорода и нижегородских волостей (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 78, 154). Предпосылкой противостояния Бориса Константиновича князьям Московского дома, вероятно, стала его женитьба (в 1352 г.) на дочери могущественного противника Москвы – князя Великой Литвы Ольгерда (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61). Летописи фиксируют три продолжительные поездки Бориса Константиновича в Орду: с осени 1382 по осень 1383, весной-осенью 1386 г. и 1389–1391 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 147, 149, 151, 156, 160). В общей сложности в ханской ставке он провел около трех

лет. После смерти старшего брата Дмитрия в 1383 г. по воле Токтамыша Борис Константинович «седе на княжении болшемъ на столе на своєї отчине» в Нижнем Новгороде (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149). Но в 1392 г. ярлык на Нижний Новгород «златом и серебром» взял Василий Дмитриевич Московский (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 162). При посредничестве ордынского посольства Борис Константинович был смещен с нижегородского стола, а спустя полтора года, 6 мая 1394 г., закончил жизнь удельным суздальским князем (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 164).

В настоящее время поселение Курмыш-4 является наиболее изученным среди памятников посурских владений Бориса Константиновича. На нем исследовано два раскопа общей площадью 107 кв. м и 26 малометражных шурфов.

Собранная коллекция насчитывает 530 индивидуальных находок и около 17800 фрагментов керамики. В ней отсутствует так называемый «домонгольский» инвентарь – выходящий из бытования вблизи рубежа XIII–XIV вв. Это позволяет очертить нижнюю датировочную границу памятника началом – первой половиной XIV в. Верхний рубеж датировки вряд ли выходит за пределы первого десятилетия XV в.: согласно летописному известию, зимой 1408–1409 гг. Посурье было тотально разорено при отходе из русских земель большого отряда войска Едигея, а материалы середины XV – начала XVI в. на поселении Курмыш-4 не обнаружены (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 484). Время археологизации нумизматических находок (трех пул и шести дангов чеканки поволжских улусов Золотой Орды) – от начала «великой замятни» (конца

50-х гг. XIV) до денежной реформы рубежа первых двух десятилетий XV вв. – вероятно, очерчивает наиболее активную фазу функционирования данного поселения.

Керамика поселения Курмыш-4 разделяется на несколько технологических групп (Грибов, 2011, с. 86–89). Доминируют обломки гончарной посуды с примесью дробленой раковины. К этой группе (с учетом образцов со смешанной рецептурой) относится, в среднем, каждый второй черепок, обнаруженный на поселении (50,5%). Второй по численности является обычная для нижегородских памятников русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы (29,7%). Влияние русских традиций в формообразовании сосудов прослеживается в профилировке круговых изделий с примесью шамота (9,2%). К более редким разновидностям относятся фрагменты лепных сосудов с примесью шамота (очень редко – толченой раковины) (7,7%), красноощенных изделий ремесленных центров Золотой Орды (2,2%).

Количественные соотношения керамики разных групп в подъемном материале и в разных горизонтах заполнения наиболее крупных материковых ям соответствуют друг другу, что, вероятно, свидетельствует о единовременном использовании местными насельниками посуды, изготовленной по разным гончарным традициям. По составу керамических групп, их количественным соотношениям поселение Курмыш-4 близко к единовременным памятникам Горномарийского района республики Марий Эл (Грибов, 2011, с. 89–91).

Учитывая вероятную владельческую принадлежность поселения, его положение на слабозаселенных

окраинных землях Нижегородского княжества, можно предположить, что доминирующая гончарная посуда с раковинной примесью представляет собой результат деятельности русских гончаров – слуг Бориса Константиновича, «выведенных» им из Городца или других русских областей. Изготавливая посуду в соответствии с набором форм, характерным для русского гончарства второй половины XIV – начала XV в., они, оказавшись в «окраинной» инокультурной среде могли перейти на нетрадиционную рецептуру формовочной массы (см.: Бобринский, 1978, с. 93, 94). В этом случае наборы разновидностей венчиков гончарных изделий с примесью раковины и дресвы (или песка) должны соответствовать друг другу по разнообразию и количественным соотношениям разных типов, а среди формовочных масс можно ожидать заметное распространение смешанных рецептов.

Таким образом, аргументы для подтверждения или отрицания этой гипотезы могут быть получены в результате сравнительного изучения двух групп гончарной керамики поселения Курмыш-4 – русской средневековой (с добавкой дресвы или песка) и посуды с примесью дробленой раковины. Соответствующее исследование предполагает два аспекта – технико-технологический и морфологический.

Технико-технологический анализ 70 образцов гончарной керамики поселения Курмыш-4 проведен к.и.н. И.Н. Васильевой и ее ученицей А.А. Швецовой по методике, разработанной А.А. Бобринским и развитой его последователями. Микроскопическому изучению подверглись 11 венчиков русской посуды и 59 фрагментов верхних частей сосудов

с примесью дробленой раковины. Целью исследования являлось выяснение особенностей подготовительной стадии гончарного производства, включающей в себя отбор и добычу исходного сырья, его обработку, составление формовочной массы.

Выяснилось, что сосуды обеих групп изготовлены преимущественно из ожелезненных слабозапесоченных глин. По составу и особенностям естественных примесей сырье посуды с раковинной менее разнообразно, чем сырье, использовавшееся для производства русской керамики: для первой выделены четыре условных «месторождения», для второй – семь. При этом 63% изученных образцов с примесью раковины были изготовлены из глины одного «месторождения», тогда как распределение по предполагаемым источникам сырья для русской посуды (при меньшем количестве изученных образцов) оказалось существенно более равномерным (табл. 1, 2).

Разнообразие формовочных масс русских сосудов ограничено составом со следами органического раствора с примесью дресвы (до 3–4 мм) или песка (0,5–1 мм), или со следами одного органического раствора (табл. 1). Концентрация песка: 1:3–1:4; дресвы: 1:4–1:6.

Основным исходным сырьем отщипателя теста сосудов второй группы служили прошедшие стадию предварительной обработки раковины моллюсков-двустворок (табл. 2). Раковины прокаливались и затем разминались до крупности частиц, не превышающей 4–5 мм. О существовании этой подготовительной стадии свидетельствуют разные температуры обжига примесных фрагментов раковин – в одном и том же образце при-

Таблица 1

Распределение образцов гончарной керамики с примесью дресвы или песка поселения Курмыш-4 по рецептуре формовочных масс и местам добычи глинистого сырья

РАЙОНЫ ДОБЫЧИ	РЕЦЕПТЫ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС			
	О	Д+О	П+О	ВСЕГО
P1M1		1	3	4
P1M2			1	1
P1M3		2		2
P1M4		1		1
P1M5			1	1
P1M6	1			1
P2M1	1			1
ВСЕГО:	2 (19%)	4 (36%)	5 (45%)	11 (100%)

О – органический раствор, Д+О – органический раствор и дресва, П+О – песок и органический раствор. P1, 2 – условные районы добычи 1, 2. M1...6 – условные месторождения 1...6.

сутствуют частицы как чешуеобразной округлой формы (рис.1: 1), так и угловатые со следами расслоения (рис. 1: 2). Концентрация дробленой раковины различна – от 1:6–1:7 до 1:4.

Образцы изделий, формовочную массу которых можно охарактеризовать как смешанную, для рассматриваемых групп посуды весьма мало численны. Их доля – 3%. Все они, кроме примеси раковины, отличаются заметной концентрацией песка, но не встречено ни одного образца, в котором бы примесь раковины дополнялась дресвой.

Сравнительное изучение *морфологических особенностей* гончарной посуды с примесью раковины и дресвы (или песка) выполнено автором настоящей статьи. По причине отсутствия в коллекции сколько-нибудь представительного количества реконструированных сосудов исследование было ограничено рассмотрением профилировки венчиков, верхних частей изделий, орнаментации и клейм.

Основное внимание уделено сравнительному изучению профилировки венчиков. Следует отметить, что для относительно узко датированных

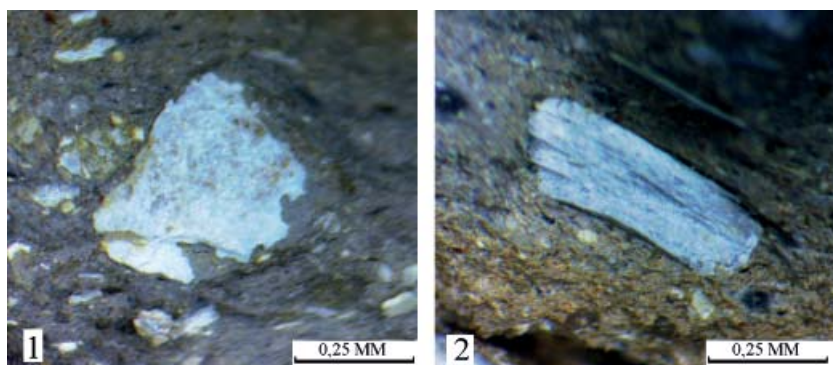

Рис. 1. Характерные формы частиц прокалённой дроблённой раковины из теста керамики поселения Курмыш-4 (1, 2). Фото А.А. Швецовой.

Fig. 1. Characteristic shapes of calcined crushed shell particles of the molding mass from Kurmysh-4 settlement ceramics (1, 2). Photograph by A.A. Shvetsova.

Таблица 2

Распределение образцов гончарной керамики с примесью дресвы или песка поселения Курмыш-4 по рецептуре формовочных масс и местам добычи глинистого сырья.

РАЙОНЫ ДОБЫЧИ	РЕЦЕПТЫ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС					ВСЕГО
	Р	Р+О	Р+П+О	Р+Ш+О	Р+П+Ш+О	
Р1М1	3	4	-	1	-	8
Р1М2	3	30	2	2	-	37
Р1М3	3	8	-	1	1	11
Р1М4	-	2	-	-	1	3
ВСЕГО:	7 (12%)	44 (76%)	2 (3%)	4 (6%)	2 (3%)	59 (100%)

Р – дроблёная раковина; Р+О – органический раствор и дроблёная раковина; Р+П+О – раковина, органический раствор и песок; Р+Ш+О – раковина, шамот и органический раствор; Р+П+Ш+О – раковина, песок, шамот и органический раствор. Р1 – условный район добычи. М1...4 – условные месторождения 1...4.

средневековых комплексов Нижнего Новгорода и памятников его ближайшей округи методом частотной корреляции установлены три группы разновидностей верхних частей гончарных сосудов, каждая из которых характерна для определенного временного промежутка (Грибов, 2006). Это позволяет соотнести каждую из рассматриваемых групп гончарной керамики поселения Курмыш-4 с нижегородской посудой определенного периода. Для выделения условных (эмпирических) типов использовался единый порядок систематизации, основанный на дифференциации материала по сочетанию степени отгиба венчика и технологии формовки его краевого окончания (Грибов, 2003).

Для сравнительного изучения из подъемного материала были отобраны 511 образцов с примесью дробленой раковины и 264 образца с примесью дресвы или песка. Так как основная масса отобранного материала происходит из сборов, проведенных на очень большой площади, – каждый образец с большой долей вероятности представляет только один сосуд.

Составленные классификационные таблицы с указанием встречаемости

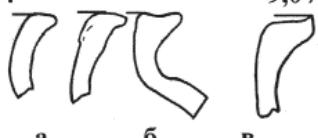

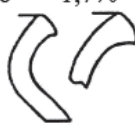
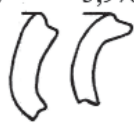
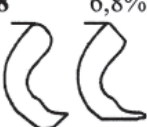
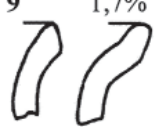
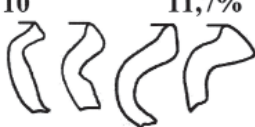

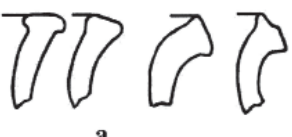
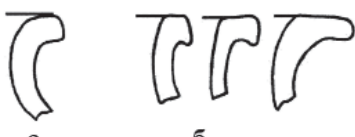
(доли в %) отдельных разновидностей демонстрируют сходство в разнообразии форм обеих групп: только два условных типа (№№ 22 и 23), выделенных для русских горшков, отсутствуют среди венчиков сосудов с примесью дробленой раковины (табл. 3, 4). Остальные разновидности (1–21 типы) встречаются среди оформлений верхних частей изделий обеих групп, зачастую варьируя в пределах узнаваемости одних и тех же вариантов (обозначенных литерами «а», «б», «в»). Однако по количественным соотношениям представленных типов, определяющих принадлежность керамического комплекса к той или иной «нижегородской» хронологической группе, сравниваемые совокупности существенно разнятся между собой.

Распределение типов венчиков русских горшков поселения Курмыш-4 характерно для наборов нижегородской керамической посуды середины XIV – начала XV вв. (рис. 2, 3; Грибов, 2006, с. 70). Этот результат ожидаем в контексте обозначенного выше периода наиболее активной фазы функционирования поселения, времени археологизации монетных находок на его территории, и скорее

Таблица 3

Классификационная таблица венчиков гончарных сосудов с примесью раковины поселения Курмыш-4 с указанием встречаемости (доли) каждого типа

1 а б 13,5%	2 а б в 13,7%	3 0,2%		
4 а б в 9,0%	5 а б 2,1%	6 1,7%	7 3,9%	
8 6,8%	9 1,7%	10 11,7%	11 0,8%	
12 1,9%	13 5,7%	14 11,4%		
15 3,5%	16 3,5%	17 6,4%	18 3,1%	19 2,1%
20 а 3,5%				
21 а б 3,1%				

подтверждает, чем противоречит, намеченной по письменным источникам истории освоения Посурья нижегородскими князьями (Кучкин, 1984, с. 227–229). Распределение венчиков гончарных сосудов с примесью раковины обнаруживает весьма отчетли-

вое своеобразие, отличающее его от каждого из трех хронологических наборов венчиков из узко датированных комплексов Нижнего Новгорода и его округи (см. рис. 2, 3).

Последнее наблюдение может означать либо то, что бытование посуды

Таблица 4

Классификационная таблица венчиков гончарных сосудов с примесью дресвы или песка поселения Курмыш-4 с указанием встречаемости (доли) каждого типа

1 а б 8,3%	2 а б в 13,2%	3 1,9%		
4 а б в 5,3%	5 а 0,7%	6 а б 4,5%	7 а б 1,1%	
8 а б 2,6%	9 а б 3,4%	10 а б 7,2%	11 а 0,4%	
12 а б в 2,2%	13 а б в 3,0%	14 а б 2,2%		
15 а 0,4%	16 а 1,1%	17 а б 20,1%	18 а б 7,2%	19 а б 0,4%
20 а б в 9,7%				
21 а 3,4%	22 а 0,4%	23 а б 1,1%		

с примесью раковины на поселении Курмыш-4 ограничивалось существенно иными временными рамками, чем распространение русской керами-

ки, что маловероятно по причине хронологической однородности сопутствующих индивидуальных находок, наличия керамики обеих групп в за-

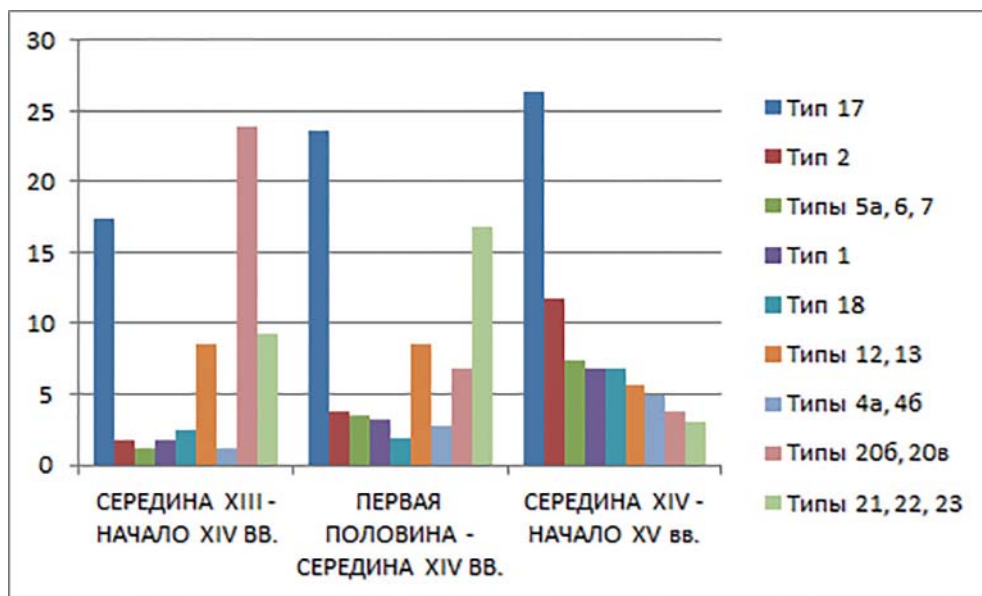

Рис. 2. Распределение типов венчиков русской керамики по хронологическим группам для Нижнего Новгорода и памятников его окружи.

Fig. 2. Distribution of the types of rims of Russian ceramics in chronological groups for Nizhny Novgorod and the sites located in its neighborhood.

полнении одних и тех же ям, либо то, что ее изготовители в традиционном плане были мало подвержены влиянию «гончарной среды» русской «метрополии» – в гораздо меньшей степени, чем мастера, с деятельностью которых можно связать присутствие на поселении Курмыш-4 образцов гончарной посуды с примесью дресвы или песка.

По профилировке горловины выделяются три основных варианта горшков, прослеживаемые в обеих сравниваемых группах (табл. 5): сосуды с коротким, отогнутым наружу венчиком и валикообразным переходом шейки в плечико; сосуды с переходом венчика в плечико через уступ с отчетливым «изломом» профиля; сосуды с плавным переходом венчика (горловины) в плечико (тулово). Крупные фрагменты гончарных изделий в рассматриваемой коллекции редки,

что не позволяет корректно провести количественное сопоставление выделенных разновидностей.

По характеру орнамента обе сравниваемые группы обнаруживают больше сходства, нежели различия (табл. 6). Для них, как и для нижегородских комплексов середины XIV – начала XV в. в целом, незначительна доля орнаментированных сосудов, волнистый орнамент при доминировании линейного имеет заметное распространение, отсутствуют образцы декора, нанесенного прокаткой зубчатого колесика. Не велика встречаемость фрагментов днищ со следами клеймения (менее 10%), но соответствующие находки присутствуют как среди образцов русской посуды, так и среди гончарных сосудов с примесью дробленой раковины.

Таким образом, в гончарной керамике с примесью раковины традиции

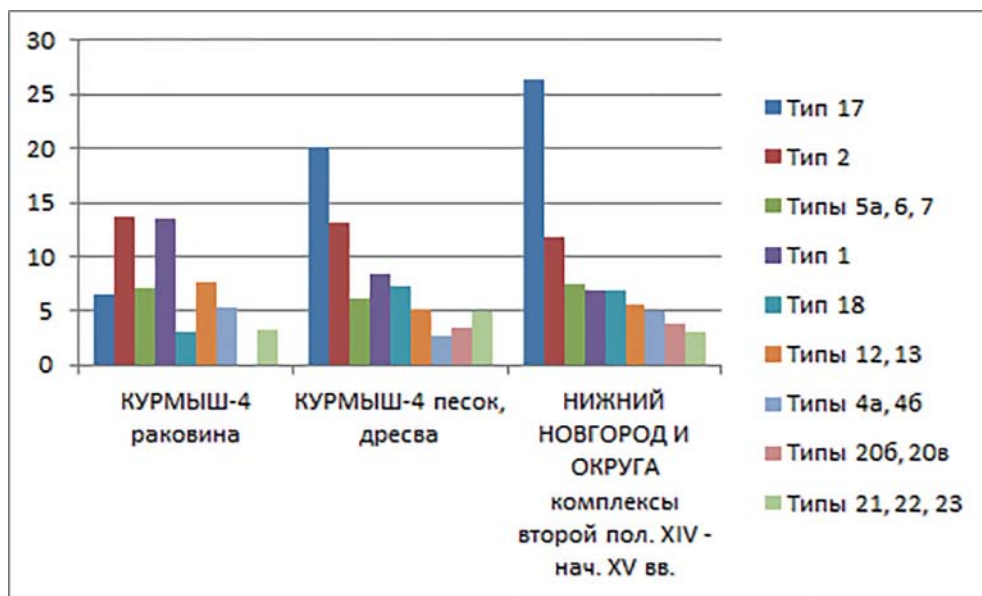

Рис. 3. Распределение типов венчиков гончарной керамики с примесью раковины, дресвы или песка поселения Курмыш-4 и нижегородской посуды середины XIV – начала XV вв.

Fig. 3. Distribution of types of pottery ceramics rims with shell, gruss or sand admixtures from Kurmysh-4 settlement and Nizhny Novgorod ware of the mid-14th – early 15th centuries.

русского гончарства прослеживаются в формах верхних частей сосудов, способах формовки краевых окончаний венчиков, орнаментации, выборочном клеймении днищ. Очевидно, данная посуда предназначалась для потребителей, предпочитающих видеть на своем столе обычные по формам и оформлению русские горшки, а не иные сосуды – традиционные для каких-либо других народов Поволжья.

Вместе с тем, весьма маловероятно, что ее изготовлением и изготовлением изделий с примесью дресвы (или песка) занималась одна и та же группа гончаров, переселенных на берега Суры из староосвоенных русских областей. Предварительная обработка материала отощителя, несоответствие количественных соотношений разновидностей венчиков единовременной русской посуде указывают на то, что

местная керамика с примесью раковины производилась мастерами, навыки которых заметно отличались от приемов гончаров, поставляющих на рынок городов и сел Северо-Восточной Руси традиционную посуду с примесью дресвы или песка. В керамике с примесью раковины обнаруживаются черты оригинальной гончарной традиции, объединившей морфологические особенности (профилировку, орнаментацию) русских гончарных изделий с навыками составления формовочных масс, присущими отдельным группам населения Прикамья и Среднего Поволжья.

Небольшая доля сосудов со смешанной рецептурой теста, весьма редкая встречаемость фрагментов лепных изделий с примесью раковины (их доля 0,3%), ограниченный выбор глинистого сырья, очень большой (учитывая размер и небольшой срок

Таблица 5

Основные разновидности профилировки верхних частей гончарных сосудов с примесью раковины и дресвы (или песка) поселения Курмыш-4

№	ОТОЩИТЕЛЬ	
	РАКОВИНА	ДРЕСВА ИЛИ ПЕСОК
1		
2		
3		

функционирования поселения) объем выпущенной продукции указывают на изготовление посуды с примесью раковины, скорее, профессионалами – сложившимися мастерами своего дела, чем «подмастерьями» русских гончаров, осваивающими новые производственные навыки.

Полученные результаты позволяют предположить, что эти мастера были выведены Борисом Константиновичем не из своей городецкой вотчины, а, скорее, из поволжских земель Золотой Орды. О практике выкупа пленных в Орде и заселении ими окраинных земель Нижегородского княжества по р. Сундовик в 60-х гг. XIV в. сообщает особая редакция Типографской летописи (Насонов, 1958, с. 247).

Появление за сравнительно короткий срок в слабо обжитом районе крупной поселенческой агломерации, связанной с городищем Курмыш, очевидно, было бы невозможно без административного вмешательства в процесс освоения посурских земель.

Нехватку рабочих рук, дефицит квалифицированных мастеров-ремесленников на малолюдном восточном пограничье Нижегородского княжества городецкий князь, очевидно, мог возместить выходцами из Среднего Поволжья или Нижнего Прикамья. Возможно, именно они составили костяк местного населения.

В этой связи обращает внимание широкое распространение в местных домохозяйствах чугунных котлов. Обломки этих изделий очень редко встречаются на русских памятниках XIV в. В отличие от ряда других предметов восточного происхождения (неполивной краснолощеной и кашинной посуды, стеклянных бирюзовых биконических бус) чугунные котлы, очевидно, не прижились в русском быту. Большое число фрагментов чугунных сосудов (81 ед.), обнаруженных на поселении Курмыш-4, может служить косвенным указанием на приверженность многих местных жителей бытовым традициям населения Золотой Орды.

Таблица 6

Распределение гончарной керамики с примесью раковины и дресвы (или песка) поселения Курмыш-4 по типам орнамента

ОРНАМЕНТ	ОТОЩИТЕЛЬ	
	РАКОВИНА	ДРЕСВА ИЛИ ПЕСОК
линейный разреженный	68,6% (81 фр.)	73,5% (267 фр.)
волнистый	29,7% (35 фр.)	21,5% (78 фр.)
линейно-волнистый	1,7% (2 фр.)	4,1% (15 фр.)
тычковый	0	0,9% (3 фр.)
ДОЛЯ ФРАГМЕНТОВ С ОРНАМЕНТОМ	1,4% (118 фр. из 8485 фр.)	7,4% (363 фр. из 4927 фр.)

По своему происхождению гончары, выбравшие дробленую раковину в качестве отошителя формовочной массы, возможно, являлись выходцами из областей, где использование такой добавки было давним и традиционным. Однако ограничивать зону поиска истоков соответствующей гончарной традиции только этими областями, наверное, было бы ошибочным. Очевидно, сочетание определяющих ее признаков могло сформироваться только в местах компактного проживания русского населения, где русский горшок был привычной и желанной формой столовой посуды.

Выясняя происхождение гончарной керамики с примесью раковины, приходится учитывать ее распространение в эпоху государственных образований развитого средневековья (см.: Васильева, 2013, с. 190, 191). На территории последних границы между этническими массивами размывались, что в материальной культуре приводило к появлению «гибридных» форм. С полным правом к феноменам

такого рода можно отнести и гончарную посуду с раковинной примесью. Поэтому ответ на вопрос о происхождении связанной с ней гончарной традиции следует искать, скорее, не в этнокультурной, а в социальной плоскости, в общеисторическом контексте места и времени ее распространения.

К уже выделенным признакам гончарной посуды с примесью раковины можно предложить добавить следы предварительной подготовки примесных частиц отошителя формовочной массы – их прокаливание. Если этот прием будет систематически прослежен в образцах из других памятников, его следы можно использовать для атрибуции. Это позволит вывести за рамки рассматриваемой гончарной традиции изделия, в тесто которых осколки раковин попали непреднамеренно вместе с глинистым сырьем, и более надежно очертить ареал этой разновидности керамики XVI группы – гончарной посуды с прокаленной дробленой раковинной.

Благодарности:

Автор выражает благодарность к.и.н. И.Н. Васильевой и А.А. Швецовоу за возможность публикации результатов проведенного ими микроскопического изучения керамических образцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (АСЭИ) Т. 3. М.: АН СССР, 1964. 321 с.

2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. *Васильева И.Н.* Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV века Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2013. С. 168–192.
4. *Грибов Н.Н.* Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. С. 16–32.
5. *Грибов Н.Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (па материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических материалов. Вып. 10 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2006. С. 62–91.
6. *Грибов Н.Н.* Русско-болгарское пограничье в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар). / Археология евразийских степей. Вып. 12 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 85–92.
7. *Грибов Н.Н.* Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.
8. *Грибов Н.Н.* Отчёт об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 г. / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 33498.
9. *Грибов Н.Н.* Отчёт об археологической разведке в Приокском, Советском, Нижегородском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Лысковском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2009 году / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 31268.
10. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.
11. *Марьенкина Т.А.* Отчёт о проведении научно-исследовательских археологических работ (разведки) в зоне строительства высокоскоростной железной дороги «Москва-Казань» (ВСМ-2) на территории Володарского, г.о. Дзержинск, Богородского, Кстовского, Лысковского, Спасского, Воротынского районов Нижегородской области в 2015 году. Том 1 / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № Л. 155.
12. *Насонов А.Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI / Отв. ред. А.А. Новосельский. М.: АН СССР, 1958. С. 235–276.
13. *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. № 9, 2005–2006. С. 114–130.
14. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. VII с., 504 стб.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1922. 186 стб.
16. *Руденко К.А.* Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 349–355.
17. *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведённой Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года) / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 85–92.

Информация об авторе:

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nnhora@yandex.ru

MEDIEVAL POTTERY WARE WITH AN ADMIXTURE OF CRUSHED SHELL FROM NIZHNY NOVGOROD VOLGA REGION

N.N. Gribov

The paper features the results of a comparative technical, technological and morphological study of two groups of medieval pottery ceramics from Kurmysh-4 settlement - with a gruss or sand admixture, and an addition of crushed shell. The author presents information characterizing the archaeological and general historical contexts of the distribution of pottery ware with a shell admixture across the sites of Nizhny Novgorod Volga region. It is suggested that the corresponding pottery tradition established in the areas densely inhabited by Russian population outside the territory of Nizhny Novgorod principality – in the Volga Uluses of the Golden Horde, on the banks of the Middle Volga or in the Lower Kama region. The author proposes to consider the traces of pretreatment of the leaner admixture particles (mollusk shells) in the form of calcination for the attribution of the corresponding variety of Volga pottery ware.

Keywords: archaeology, pottery, ceramic moulded mass inclusions, knyas Boris Konstantinovich of Gorodets, Principality of Nizhny Novgorod, site of ancient town Kurmysh, settlement Kurmysh-4, microscopic examination, technical and technological analysis, rims, Nizhny Novgorod Volga River region, Sura River area.

REFERENCES

1. 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of Late 14th – Early 16th cc.)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Vasil'eva, I. N. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 168–192 (in Russian).
4. Gribov, N. N. 2003. In Molev, E. A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniui i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)*. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii Gumanitarnyi Tsentrl Publ., 16–32 (in Russian).
5. Gribov, N. N. 2006. In Molev, E. A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniui i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)* 10. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii Gumanitarnyi Tsentrl Publ., 62–91 (in Russian).
6. Gribov, N. N. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Bolgarskii forum I. Materialy Mezhdunarodnogo Bolgarskogo Foruma (19–21 iunია 2010 g., g. Bolgar) (Bolgar Forum I. Proceedings of the International Bolgar Forum (June 19–21, 2010, Bolgar))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 12. Kazan: “Foliant” Publ., 224–230 (in Russian).
7. Gribov, N. N. 2018. *Nizhnii Novgorod v XV veke: poiski utrachennogo goroda (Nizhny Novgorod in the 15th Century: Search for the Lost Town)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of Rescue Archaeological Studies) 24. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
8. Gribov, N. N. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Priokskom i Sovetskom raionakh g. Nizhnego Novgoroda, v Kstovskom, Bogorodskom, Pil'ninskom i Sechenovskom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2008 g. (Report on Archaeological Exploration in Prioksky and Sovetsky Districts of Nizhny Novgorod, in Kstovsky, Bogorodsky, Pilninsky and Sechenovsky Districts of Nizhny Novgorod Oblast in 2008)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1. R. 1. no. 33498 (in Russian).

9. Gribov, N. N. *Otchet ob arkhеologicheskoi razvedke v Priokskom, Sovetskom, Nizhegorodskom raionakh g. Nizhnego Novgoroda, v Kstovskom, Bogorodskom, Lyskovskom i Pil'ninskom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2009 godu (Report on Archaeological Exploration in Prioksky, Sovetsky and Nizhegorodsky Districts of Nizhny Novgorod, in Kstovsky, Bogorodsky, Lyskovsky and Pilninsky Districts of Nizhny Novgorod Oblast in 2009)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1. R. 1. no. 31628 (in Russian).

10. Kuchkin V. A. 1984. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. (Formation of the State Territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

11. Mar'enkina, T. A. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkhеologicheskikh rabot (razvedki) v zone stroitel'stva vysokoskorostnoi zheleznoi dorogi «Moskva-Kazan'» (VSM-2) na territorii Volodarskogo, g.o. Dzerzhinsk, Bogorodskogo, Kstovskogo, Lyskovskogo, Spasskogo, Vorotynskogo raionov Nizhegorodskoi oblasti v 2015 godu. T. 1 (Report on the Archaeological Research Work (Exploration) in the Construction Area of the “Moscow-Kazan” High-Speed Railway (VSM-2) in the Territory of Volodarsky District, Dzerzhinsk, Bogorodsky, Kstovsky, Lyskovsky, Spassky and Vorotynsky Districts of Nizhny Novgorod Oblast in 2015. Vol. 1)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F. 1. R-1. no L. 155 (in Russian).

12. Nasonov, A. N. 1958. In Novoselskiy, A. A. (ed.). *Problemy istochnikovedeniia (Issues of Source Studies)* VI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 235–276 (in Russian).

13. Nikitina, T. B. 2005–2006. In *Finno-Ugrica* 9, 114–130. (in Russian).

14. 1863. *Letopisniy sbornik, imenuemyi Tverskoyu letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Tver Chronicle)*. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XV. Saint Petersburg (in Russian).

15. 1922. *Rogozhskii letopisets. (Rogozhskoe Chronicle)* 1. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XV. Petrograd (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ., 349–355 (in Russian).

17. Khlebnikova, T. A. 1967. In Arkhipov, G. A., Kazantsev, D. E. (eds.). *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 85–92 (in Russian).

About the Author:

Gribov Nikolay N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 903.25; 902.01; 669-1

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.130.143>

**ПРЕДМЕТЫ ИЗ ДЕРЕВА С ТЕРРИТОРИИ ремесленно-
торгового района Золотоордынского Болгара
(по материалам раскопов CLXXXIX, CXСII)¹**

© 2019 г. Д.Ю. Бадеев, Л.Н. Соловьёва

Среди категорий изделия с территории средневекового Болгара наиболее редкой являются предметы из дерева. Связано это, в первую очередь, с не возможностью сохранения органики (в том числе и древесины) в культурном слое Болгара. Исключением составляют предметы подвергшиеся воздействию огня. Данная работа призвана восполнить информацию о развитии ремесла по обработке древесины и токарного ремесленного производства Болгара в золотоордынский период. В статье рассмотрены находки из дерева с территории торгово-ремесленного квартала и здания городского базара: пенал для торгового инвентаря, детали мушараби (машарабии), двусторонние гребни. Все эти предметы происходят из объектов и слоя пожара, связанного с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г. Авторами представлена методика отбора, сохранения и исследования образцов из обугленной древесины. Образцы деталей мушараби и двусторонних гребней позволили определить породу древесины, из которой были изготовлены представленные изделия. Для этого с каждого из образцов было выполнено по три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях, а в ряде случаев использовался соскоб с образцов в указанных направлениях. В результате удалось установить, что мастерами по обработке древесины использовались как местные породы лиственных деревьев: клен, береза, так и привозная древесина – самшит.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Золотая Орда, деревообработка, токарное ремесло, порода древесины.

Город Болгар золотоордынского периода выступает одним из главных ремесленных и торговых центров на средней Волге. Обзор ремесленной деятельности средневекового Болгара в виде отдельных очерков был представлен в серии коллективных монографий «Город Болгар» (Город Болгар..., 1988; Город Болгар..., 1996). Среди материалов в ремесленной деятельности Болгара широко применялись глина, камень, кость, цветные металлы, железо, кожа, стекло, янтарь. Однако публикации, посвященные обработке древесины на территории Болгара, практически отсутствуют. Исключение составляет обзор

находок токарных инструментов, среди которых: скобели, пилы, долота, сверла, резцы (Савченкова, 1996, с. 22–26). Также в единичных отчетах и публикациях можно встретить редкие случаи, когда при описании отдельных построек, выявленных в ходе археологических исследований, упоминается информация о породе древесины, используемой в строительстве (Полубояринова, 2016, с. 82). При этом выводы и заключения о породе строительной древесины часто делались, что называется, «на глаз». Например, чем лучше сохранность археологической древесины, тем больше у нее шансов стать «остатками ду-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 18-09-00316\18)

бового бруса» или «столба из дуба». Кроме того, известно упоминание о породах строительной древесины из сообщения Ал-Гарнати, посетившего Волжскую Болгарию в XII в.: «весь (город – прим. наше) построен из сосны, а стены из дуба» (Путешествие ... 1971, с. 30).

Между тем, как показали исследования, основанные на материалах Великого Новгорода, древесина, применяемая для домового и хозяйственного строительства, существенно отличалась от сырья, которое использовалось для бытовых и декоративных изделий (Колчин, 1968, с. 8). Кроме того, нам практически ничего не известно о категориях изделий из дерева, которые изготавливали болгарские мастера. Безусловно, изделия из дерева занимали значимое место в материальной культуре средневекового Болгара. К сожалению, характер культурного слоя практически не позволяет сохраниться в нем предметам из органики, в том числе из дерева, тем самым вычеркивая целый пласт городской культуры исламского Поволжья. Однако в редких случаях удается получить информацию не только о категориальном составе деревянных изделий, но и установить породы древесины, которую использовали в производстве мастера в Болгаре.

Важным и наиболее интересным участком исследования на территории Болгарского городища является ремесленно-торговый район Болгара золотоордынского периода, который располагается к юго-западу от Соборной мечети второй половины XIII–XIV в. Входе многолетних археологических исследований здесь были выявлены остатки монументальной постройки городского базара (середины XIV в.) и усадьбы, на которых располагались

ремесленные мастерские медников, ювелиров, косторезов (Коваль, Бадеев, 2015; Бадеев, Коваль, 2018). На всей площади исследований, как и на большей части Болгарского городища, в верхней части напластований позднего золотоордынского слоя выделяется прослойка пожара (уголь с золой), которую принято связывать с событием 1361 г. – захват Болгара ордынским князем Булак-Тимуром (Жиромский, 1958). В результате этого пожара погибли как здание городского базара, так и примыкающие к нему усадьбы. Однако именно сильный пожар и воздействие огня позволили сохраниться отдельным изделиям из дерева. Рассматриваемые в статье деревянные предметы происходят из слоя и объектов, связанных именно с этим пожаром.

В сезоне 2015 г. на раскопе CLXXIX при разборе слоя разрушения городского базара, на его дощатом полу был найден деревянный предмет прямоугольной формы размерами 22×7×5 см (№ 179 по полевой описи). Предмет имел плохую сохранность и дошел до наших дней во многом благодаря тому, что, попав в пожар, его поверхность частично была обуглена (рис. 1). Внутреннее пространство объекта, похожего на небольшой лоток – пенал, было разделено на 3 отсека. Отсеки, которые располагались по краям предмета, имели квадратную форму со стороной 6,2 см. Центральное отделение имело округлую форму диаметром 8 см. Толщина стенок боковых и задней – 2 см, нижней – 1 см, между отделениями – 1,2–1,6 см. Судя по сохранившемуся небольшому фрагменту верхней (лицевой) поверхности, предмет имел по краю резной геометрический орнамент, представленный плетенкой из двух полос

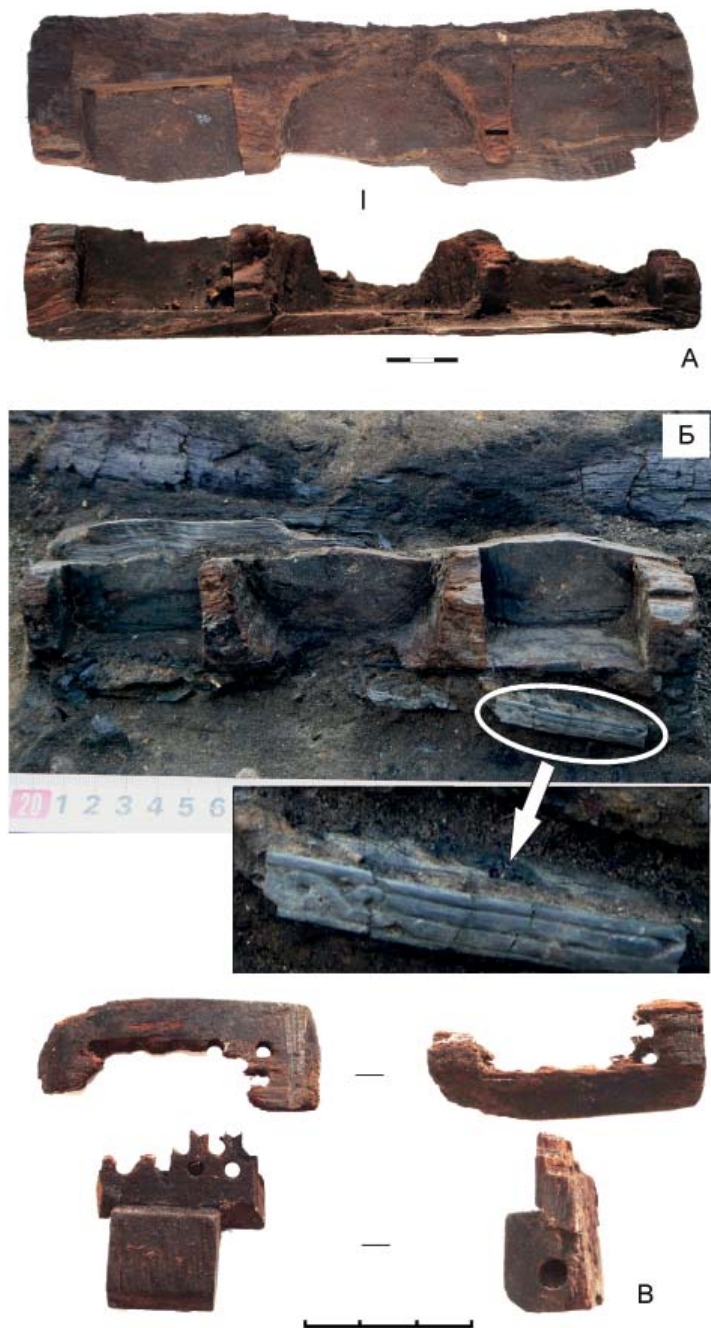

Рис. 1. Пенал деревянный с территории городского базара Болгара (раскоп CLXXIX, 2015 г.): А – общий вид; Б – вид «in situ» и фрагмент резного декора; В – створка крышки деревянная с шарнирным креплением.

Fig. 1. Wooden case from the territory of Bolgar marketplace (excavation 179, 2015): А – general view; Б – “in situ” view and a fragment of carved decoration; В – wooden cover panel with hinged fastening.

(рис. 1: Б). Кроме того, пенал мог иметь крышку на осевом креплении. Фрагмент крышки с подобным креплением (рис. 1: В) был найден также вблизи от описанного пенала в слое разрушения базара (№ 173 по полевой описи). Назначение и использование данного пенала мы можем только предполагать: учитывая место находки (территория городского базара), можно допустить, что он применялся для хранения весовых гирек. Подобные деревянные пеналы, вероятно, широко использовались в средневековой торговле: целый пенал был найден при раскопках затонувшего средневекового торгового судна IX в. в константинопольском порту Феодосия (Akkemik, Kocabaş, 2014; Holloway, 2014). Среди новгородских древностей подобные крупные пеналы с отдельными секциями выделяются в отдельный тип. Практически целый образец данного типа новгородских пеналов прямоугольной формы и размерами 15,5×4,8×3,8 см происходил из слоя XIII в. Он, как и болгарский экземпляр, имел 3 секции, в отличие от последнего, все его отделения имели квадратную форму (Колчин, 1968, с. 113, 114, рис. 72). К сожалению, определение породы древесины для пенала с территории болгарского городского базара проведено не было.

В сезоне 2017 г. на раскопе СХСII было обнаружено два скопления изделий из дерева: фрагменты деревянного декора окон или внутренних перегородок восточного (исламского) типа – мушараби (араб.) или панджара (тадж.), а также обломки двусторонних туалетных гребней. Обе категории находок сохранились в обугленном состоянии и происходили с территории усадеб, которые примыкали к базару с северо-востока. Око-

ло 42 обломков деталей мушараби из дерева залежали компактно в упомянутом выше слое пожара. Это не первая находка деревянных деталей мушараби с данного участка города: в непосредственной близости, от раскопа СХСII в 20 м к юго-западу (раскоп СХV), в том же слое разрушения было найдено несколько обломков деталей, автором раскопа они были интерпретированы как обломки обгоревших деревянных поделок (Полякова, 1992, рис. 47). Во всех случаях найденные детали были выточены на токарном станке, в продольном разрезе они имели цилиндрическую форму, в поперечном – круглую (диаметр 0,8–1 см). На различных участках детали в продольном сечении переходили в овальную (диаметр 1,2 см) или бипирамидную форму (диаметр 1–1,1 см). Максимальная зафиксированная длина деталей не превышала 5 см. В некоторых случаях детали имели конусовидное завершение, приспособленное для соединения с другими деталями (рис. 2). Аналогичной формы детали мушараби, выполненные из кости, также находят в золотоордынских слоях Болгара. Использование мушараби в архитектурном декоре характерно, прежде всего, для средневековой исламской городской культуры в Средней Азии, на Ближнем Востоке, Индии, Северной Африке и мавританской Испании. В Новое время данный элемент архитектурного декора получил распространение и в Европе, как часть колониального стиля.

Обломки туалетных двусторонних гребней происходили из заполнения погребя (яма 206), который по монетному материалу датируется 50–70 гг. XIV в. Прекратила свое существование постройка в результате того же разрушительного погрома, что и зда-

Рис. 2. Детали мушараби (раскоп СХСII, 2017 г.).

Fig. 2. Details of a moucharaby (excavation site 192, 2017).

ние городского базара. Всего из заполнения объекта происходило 22 обломка деревянных гребней. Все гребни представлены обломками различной степени сохранности (рис. 3). Гребни наилучшей сохранности позволяют предположить, что они имели прямоугольную или квадратную форму с прямыми стенками, максимальные

сохранившиеся размеры 6,2×5,1 см. По одной стороне гребней располагаются редкие крупные зубья, по другой – частые тонкие. Аналогичной формы деревянные гребни по новгородским материалам имеют широкие временные рамки бытования X–XV вв.

Для определения породы древесины, из которой были изготовлены най-

Рис. 3. Фрагменты гребней двусторонних (раскоп СХСЦ, 2017 г.).

Fig. 3. Fragments of double-sided combs (excavation 192, 2017).

денные изделия, в лабораторию естественно-научных методов ИА РАН было передано 15 фрагментов деталей мушараби и 11 обломков двусторонних гребней. Все представленные образцы находились в обугленном состоянии, но при этом полностью сохранили свою изначальную форму и вид. После сгорания структура древесины остается неизменной, но становится хрупкой и сыпучей, что затрудняет ее изучение. Поэтому для укрепления образца и уменьшения его хрупкости некоторые фрагменты были пропитаны горячим воском. Для

каждого из образцов было изготовлено по три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. В ряде случаев, когда получить корректный срез было невозможно, использовался метод соскоба с образца в указанных направлениях. Анализ строения древесины осуществлялся по подготовленным срезам при помощи бинокулярного микроскопа с целью выявления характерных признаков породы.

Изучение срезов показало, что фрагменты деталей мушараби из слоя пожара синхронного разрушению ба-

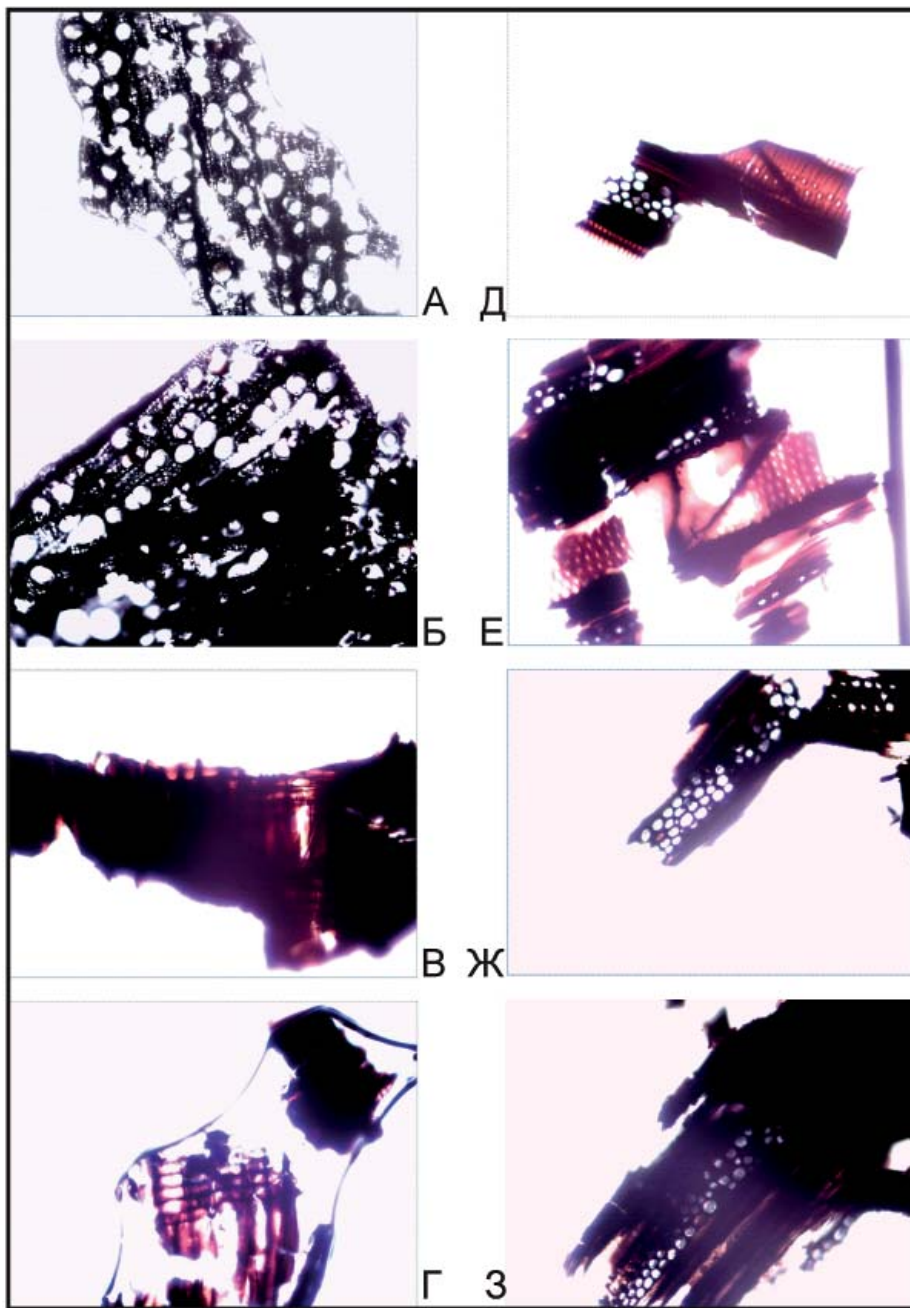

Рис. 4. Фрагменты деталей мушараби (раскоп СХСП, 2017 г.). Клён (*Acer*), уголь:
 А, Б – поперечный срез, увеличение 10х; В, Г – радиальный срез, увеличение 40х;
 Д, Е – тангенциальный срез, увеличение 40х; Ж, З – соскоб в тангенциальном направ-
 лении, увеличение 40х.

Fig. 4. Fragments of moucharaby details (excavation 192, 2017). Maple (*Acer*), coal:
 А, Б – cross-section, 10x magnification; В, Г – radial section, 40x magnification;
 Д, Е – tangential section, 40x magnification; Ж, З – tangential scraping, 40x magnification.

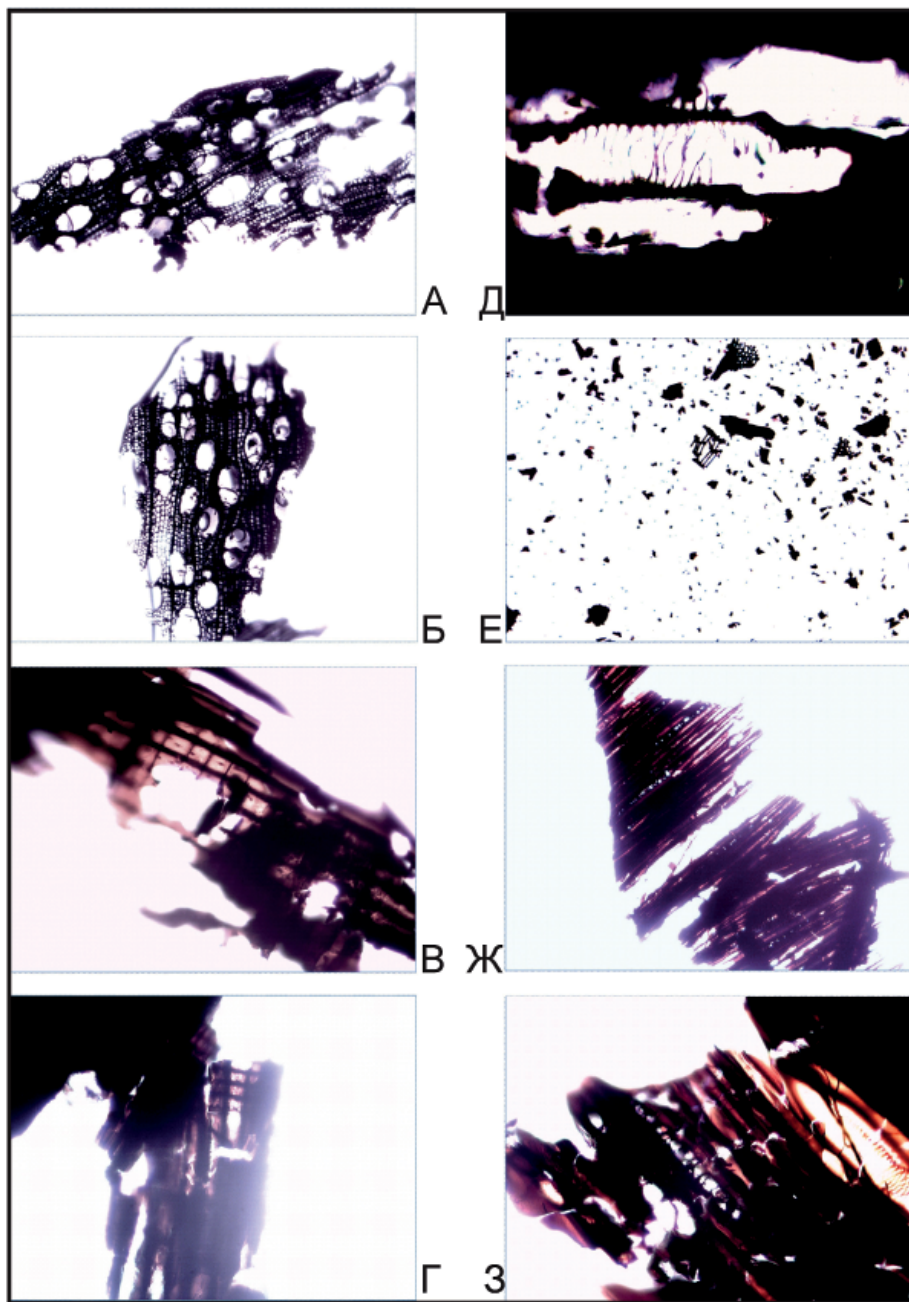

Рис. 5. Фрагменты деталей мушараби (раскоп СХСII, 2017 г.). Берёза (*Betula*), уголь: А, Б – поперечный срез, увеличение 10х; В, Д – радиальный срез, увеличение 40х; Г – радиальный срез, увеличение 10х; Ж – тангенциальный срез, увеличение 10х; З – тангенциальный срез, увеличение 40х;

Fig. 5. Fragments of moucharaby details (excavation 192, 2017). Birch (*Betula*), coal: А, Б – cross-section, 10x magnification; В, Д – radial section, 40x magnification; Г – radial section, 10x magnification; Ж – tangential section, 10x magnification; З – tangential section, 40x magnification;

зара (1360–1370 гг.) были сделаны из двух листовных пород местного происхождения, а именно из клена и березы. Как продемонстрировали палинологические исследования на территории Болгарского городища (раскоп CLXXIX), именно в этот период отмечается рост содержания пыльцы березы и широколиственных пород (Алешинская и др., 2018, с. 83), что, соответственно, свидетельствует об увеличении сырьевой базы. Все детали «решетки» были выполнены при помощи токарного станка. В XIV в. ремесленная традиция уже полностью сложилась, так что выбор подделочного материала при изготовлении тех или иных деревянных изделий не был случайным. Древесина листовных пород использовалась главным образом для производства различных предметов быта.

Клен (*Acer L.*) использовался при вытачивании предметов на токарном станке довольно часто. Он обладает блестящей белой, иногда чуть желтоватой древесиной. Годичные слои хорошо различаются на всех разрезах пограничной узкой, плотной и темной полоской, довольно ясно заметной на всех разрезах. Плотная, блестящая, однородного строения древесина клена отличается высокой декоративностью и хорошими механическими свойствами. Она тяжелая, умеренно усыхающая, прочная, твердая и умеренно вязкая. Береза (*Betula*) при работе на токарном станке использовалась гораздо реже, но, тем не менее, также является вполне подходящим материалом. Это заболонная порода, имеющая одинаковую окраску древесины по всему сечению ствола. Древесина белого цвета с легким желтоватым или красноватым оттенком, она легко обрабатывается режущими

инструментами и хорошо полируется. Годичные слои плохо заметны на всех разрезах. Древесина березы блестящая и плотная, умеренно тяжелая, сильно усыхающая, умеренно мягкая и умеренно вязкая.

Микроскопические признаки клена (*Acer*). На поперечном срезе представлена рассеянно-сосудистая древесина, сосуды округлые или слегка овальные, одиночные или собранные в небольшие радиальные группы по 2–5 сосудов. Большинство сосудов располагаются одиночно и равномерно по всей ширине годичного слоя. Годичные слои различаются хорошо, их разделяет широкая полоска, идущая вдоль внешней границы годичных слоев, она состоит из 4–7 сжатых в радиальном направлении клеток. В поздней древесине встречаются одиночные сосуды небольшого диаметра. Древесная паренхима скудная, вазоцентрическая, иногда метатрахеальная. Сердцевинные лучи однорядные и многорядные, от 3–10 рядов клеток. Сердцевинные лучи прямолинейные, многие клетки заполнены бурым содержимым. При пересечении годичных слоев лучи не расширяются, а годичная граница лучей совпадает с общей границей слоя (рис. 4: А, Б).

На радиальном срезе видны гомогенные сердцевинные лучи. Все клетки луча вытянуты в радиальном направлении и имеют одинаковую высоту. Членики сосудов короткие и удлиненные с короткими клювиками. Перфорации между члениками простые, с одним овальным отверстием, расположены на поперечных скошенных или нескошенных стенках. Стенки сосудов имеют крупные угловатые, чаще шестиугольные, окаймленные поры. Они расположены очередно и сомкнуто, внутри имеют оваль-

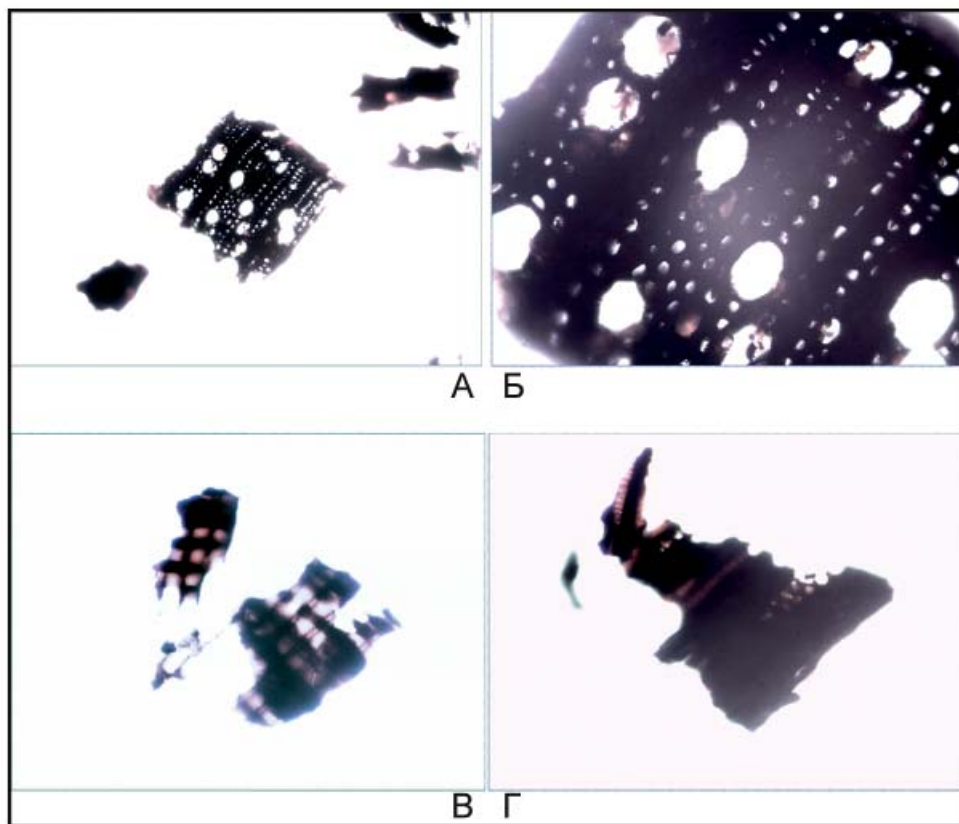

Рис. 6. Фрагменты гребня двустороннего (раскоп СХСII, 2017 г.). Самшит (*Buxus*), уголь: А – поперечный срез, увеличение 10х; Б – поперечный срез, увеличение 40х; В – радиальный срез, увеличение 40х; Г – тангенциальный срез, увеличение 40х.
 Fig. 6. Fragments of a double-sided comb (excavation 192, 2017). Boxwood (*Buxus*), coal: А – cross-section, 10x magnification; Б – cross-section, 40x magnification; В – radial section, 40x magnification; Г – tangential section, an 40x magnification.

ное отверстие, не достигающее до края окаймления (рис. 4: В, Г). На тангенциальном срезе представлены веретеновидные по форме однорядные и многорядные сердцевинные лучи. Лучи бывают чуть вздутыми посередине. Клетки лучей округлые, все одинаковой высоты, многие имеют темное содержимое (рис. 4: Д–З).

Микроскопические признаки Березы (*Betula*). Древесина рассеяно-сосудистая. Сосуды равномерно распределены по всей ширине годичного слоя, они тонкостенные, сомкнуты по 2–3 сосуда или одиночные. По всей

ширине годичного слоя густота и размер сосудов одинаковые. Граница годичных слоев четко выражена полоской плотной ткани из сдавленных в радиальном направлении трахеид. Серцевинные лучи однорядные и 2–3 рядные, многочисленные, уже диаметра сосудов. При пересечении границ годичного слоя лучи расширяются. Древесная паренхима скудная диффузная, иногда терминальная (рис. 5: А, Б).

Радиальный срез. Членики сосудов с короткими клювиками, длинные. Перфорационные пластины сосудов

лестничные, по 20–25 перекладин в перфорации. Межсосудовая поровость очередная, поры многочисленные, сомкнутые. Спиральных утолщений или спиральной штриховатости нет. Сердцевинные лучи гомогенные. Внутренние клетки лежащие, по краям иногда встречаются квадратные клетки (рис. 5: В–Е). Тангенциальный срез. Здесь представлены веретеновидные сердцевинные лучи, в 2–3 ряда шириной, реже 1-рядные, и до 20 клеток высотой (рис. 5: Ж, З).

Для изготовления туалетных двусторонних гребней средневековые мастера, как правило, брали самшит (*Buxus*), при изготовлении гребней для расчесывания пряжи использовались, как правило, древесины других лиственных пород, в частности, клена (Соловьева, 2013, с. 143). Так, из материалов раскопов последних лет в Великом Новгороде из 37 взятых на анализ деревянных гребней 36 оказались самшитовыми. Также, по данным Б.А. Колчина по Неревскому раскопу в Великом Новгороде, из 85 гребней 82 было сделано из самшита, а пик их производства приходится на вторую половину XIII–XIV в. (Колчин, 1968, с. 114, 115, рис. 73). Тоже самое мы видим и по материалам Житного раскопа в Переяславле Рязанском: из 7 взятых на определение породы двусторонних гребней все оказались изготовлены из самшита (Соловьева, 2013). Это заболонная порода со светло-желтой матовой и очень плотной, твердой и тяжелой древесиной. Наряду с прочностью, самшит имеет очень нарядную текстуру.

Микроскопические признаки самшита (*Buxus*). Древесина рассеяно-сосудистая. Мелкие сосуды равномерно рассеяны по всему годичному слою. Переход от ранней древесины

к поздней постепенный. Граница годичного слоя выражена узкой полоской волокнистых трахеид, чуть сдавленных в радиальном направлении. Сердцевинные лучи узкие 1–3 рядные. Ширина лучей меньше или равна диаметру сосудов. Лучи при пересечении границы годичного слоя не расширяются. Паренхима диффузная и метатрахеальная (рис. 6: А, Б). Члены сосудов короткие. Все перфорации лестничные, в 6–15 перекладин высотой. Межсосудовая поровость очередная, поры мелкие. Спиральных утолщений нет. Сердцевинные лучи гетерогенные. Крайние клетки лучей палисадные, неправильной формы (рис. 6: В). Сердцевинные лучи 1–3 рядные. Однорядные лучи линейные, а многорядные – веретеновидные. У многорядных лучей внутренние клетки округлые, а крайние высокие, вытянутые вдоль волокон. Лучи низкие, не более 15 клеток в высоту (рис. 6: Г).

Таким образом, изделия из дерева с Болгарского городища отличались не только, разнообразием производимых изделий, но и широким спектром использованных пород древесины. Среди предметов из дерева на территории золотоордынского Болгара встречаются предметы не только из местных породы древесины, но и из импортного сырья, например, самшита. Характер находок деревянных гребней в Болгаре, степень их сохранности достоверно не позволяет говорить о том, что их производство осуществлялось местными ремесленниками. Однако, учитывая традицию изготовления подобных гребней новгородскими мастерами из привозного по Волжскому торговому пути сырья с территории «северных склонов и Черноморского побережья Кавказа» (Колчин, 1968,

с. 115), нельзя исключать подобной практики и среди мастеров Болгара, которые проживали на территории торгово-ремесленного квартала. Вместе с тем найденные гребни могли выступать в качестве привозного товара, партия которых была предназначена, например, для реализации на территории близлежащего городского базара.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д.* Природная среда окрестностей Болгарского городища (по материалам палинологических исследований культурного слоя раскопа CLXXIX) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 80–86.
2. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.
3. *Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов.* М.: Наука, 1988. 280 с.
4. *Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов.* Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. 300 с.
5. *Жиромский Б.Б.* К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. 1958. № 1. С. 88–96.
6. *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. 2015. С. 188–199.
7. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1–55. М.: Наука, 1968. 217 с.
8. *Полубояринова М.Д.* Жилища Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 5–191.
9. *Полякова Г.Ф.* Отчет о работе на Болгарском городище в 1992 году. Раскоп СХV / Архив ИА РАН. Р–1. № 16963.
10. *Путешествие Абу Халиф ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт.* М.: Наука. 1971. 134 с.
11. *Савченкова Л.Л.* Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
12. *Соловьёва Л.Н.* Краткий обзор находок из дерева по материалам Житного раскопа в Переяславле Рязанском (2006–2011 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Завьялов. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 2013. С. 142–147.
13. *Akkemik Ü., Kocabaş U.* Woods of ebyzantine trade ships of Yenikapi (Istanbul) and changes in wood use from 6th to 11th century // Mediterranean Archaeology and Archaeometry, 2014. Vol. 14, № 2, pp. 317–327.
14. *Holloway A.* Ancient equivalent of tablet computer found in Turkey dig // Ancient Origins. 2014. URL: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/ancient-equivalent-tablet-computer-found-turkey-dig-001639> (дата обращения: 02.12.2018).

Информация об авторах:

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

Соловьёва Лидия Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lidia77-77@mail.ru

ITEMS MADE OF WOOD FROM THE TERRITORY OF THE CRAFT AND COMMERCIAL AREA AT BOLGAR DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD (ON MATERIALS OF EXCAVATIONS CLXXIX, CXCII)

D.Yu. Badeev, L.N. Solovyeva

Among the categories of products from the territory of medieval Bolgar the items made of wood are considered the most rare. It is connected, first of all, with not possibility of preservation of organic matter (including wood) in the cultural layer of Bolgar. The exception is considered for the items affected by fire. This study has been intended to fill in information about the development of the craft for the treatment of wood turning and craft production at Bolgar during the Golden Horde period. The findings made of wood derived from the territory of the trade and craft quarter and the building of urban market are examined in the paper: the case for sales of inventory, parts, moucharaby (mashrabia), double-sided ridges. All these items were found in objects and layer of fire which have been associated with the capture of the town by Bulak-Timur in 1361. The technique of selection, preservation and research of samples from charred wood are presented by the authors. Samples of parts, moucharaby and bilateral ridges allowed to determine the type of wood from which were made presented products. For this purpose, three sections in transverse, radial and tangential directions were made on each of the samples. In a number of cases scraping from samples in the specified directions was used. As a result, the authors are able to establish that the masters of wood processing used local species of deciduous trees: maple and birch as well as imported wood – boxwood.

Keywords: archaeology, Volga region, Golden Horde, woodworking, craft of turnery, types of wood.

REFERENCES

1. Alecshinskaya, A. S., Kochanova, M. D., Spiridonova, E. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 80–86 (in Russian).
2. Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 270–289 (in Russian).
3. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1988. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). 1996. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan Publ., 89–153 (in Russian).
5. Zhiromskii, B. B. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 88–96 (in Russian).
6. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. 188–199 (in Russian).
7. Kolchin, B. A. 1968. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannyye izdeliya (Novgorod Antiquities. Wooden Crafts)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–55. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (Town of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–191 (in Russian).
9. Poliakova, G. F. Otchet o rabote v Bolgarakh v 1992 godu (raskop CXV) (Report on the fieldworks in Bolgar in 1992 (Excavation Area CXV)). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1. no. 16963; (in Russian).

The study was conducted within the framework of a project supported by the RFBR (No. 18-09-00316\18).

10. In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khalif al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan Publ., 5–88 (in Russian).

12. Solov'eva, L. N. 2013. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Materialy po arkheologii Pereiaslavlia Riazanskogo (Materials on the Archaeology of Pereslavl-Ryazansky) 2*. Riazan': Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve Publ., 142–147 (in Russian).

13. Akkemik, Ü., Kocabaş, U. 2014. In *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. Vol. 14, no 2, 317–327 (in English).

14. Holloway, A. 2014. In *Ancient Origins*. URL: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/ancient-equivalent-tablet-computer-found-turkey-dig-001639> (accessed: 02.12.2018) (in English).

About the Authors:

Badeev Denis Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Solovyova Lydia N. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lidia77-77@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902/904 903.07

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.144.157>

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА КАЗАНИ И КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ Н.Ф. КАЛИНИНА

© 2019 г. А.И. Хазиев

Статья посвящена одному из этапов в истории изучения неполивной керамики средневекового Казанского кремля и Казани. В ней приводятся основные результаты археологических исследований 1923–1956 гг., проведенных Н.Ф. Калининым на территории Казанского кремля и посадской части города. В работах Калинина впервые предпринимались попытки классификации и систематизации неполивной керамики. Он впервые использовал в систематизации керамики технологические признаки: фактуру, цвет черепка, толщину и плотность, подразделяя по этим признакам всю болгаро-татарскую керамику на шесть групп, а русскую керамику на 4 группы. Н.Ф. Калинин выделял также лепную керамику. Полученные по исследованию неполивной керамики результаты важны не только для изучения истории Казани, но и для истории края в целом.

Ключевые слова: археология, средневековая Казань, раскопки Н.Ф. Калинина, неполивная керамика, история изучения.

В дореволюционное время археологические раскопки на территории Кремля не проводились. В археологические коллекции попадали лишь случайные находки, характеризующие материальную культуру населения, проживающего на территории средневековой Казани.

В 1879 г. при строительных работах в Кремле были обнаружены различные предметы, в том числе фрагменты болгаро-татарской гончарной и лепной керамики, а также обломки характерных для XIII–XIV вв. красноглиняных сфероконусов.

В 1892 г. казанский краевед В.И. Заусайлов при археологических работах в районе Старо-Стекольного завода зафиксировал находки болгарской керамики (Халиков, 1983, с. 115). Особого внимания массовому керамическому материалу в те времена не уделялось, исследователи делали ориентацию лишь на уникальные находки.

Начало проведения систематических археологических исследований Казанского Кремля и окрестностей Казани связано с именем археолога, крупнейшего знатока средневековой истории города Казани Н.Ф. Калинина. В Казани Николай Филиппович проработал многие годы и внес огромный вклад в изучение прошлого татарского народа. Его с полным основанием называют основоположником казанской школы археологов (Ситдииков, 1999, с. 41; Хузин, 2011).

В 1924–1944 гг. Н.Ф. Калинин занимал должность заведующего историко-археологическим отделом Государственного музея Татарской АССР. В 1941–1957 гг. преподавал в Казанском университете. Николай Филиппович был инициатором организации сплошных археологических разведок на всей территории республики и создания на основе их материалов «Археологической карты Татарстана». За 1945–1952 гг. им было обследовано

и открыто около 400 археологических памятников. Итоговой работой научной деятельности Николая Филипповича стала его докторская диссертация на тему: «История Казани с древнейших времен до XVI века», и этот многолетний труд ученого до сих пор не потерял своей научной ценности.

Начальный этап исследований Н.Ф. Калинина приходится на 1923–1927 гг. и связан с наблюдениями за строительными работами на территории Казани и Казанского кремля, накоплением подъемного материала и его осмыслением.

В 1925 г. Н.Ф. Калинин совместно с проф. В.Ф. Смолиным проводит наблюдения в траншее к юго-востоку от башни Сююмбике. Здесь исследователями была определена стратиграфия Казанского Кремля. Археологические исследования показали, что в этой части Кремля культурные напластования, накопленные в XVI–XX вв., имели мощность 160–198 см. Два первых слоя датировались XVIII–XX вв., третий был определен как напластование второй половины XVI–XVII вв. По мнению исследователей, четвертый и пятые слои образовались в первой половине XVI в. Пятый слой состоял из погребенной почвы (гумусированного суглинка) и культурного слоя первой половины XVI в. (Чертежи, разрезы траншеи водопровода, с. 3).

Для определения хронологии IV–V слоев основанием послужила красноглиняная булгаро-татарская керамика, среди которой встречалась желто-красная и темно-коричневая с полосчатым и крестообразным лощением, характерным для болгарской керамики домонгольского периода. В юго-восточной траншее (это ближе к дворцовому саду) были найдены

фрагменты кувшинообразного сосуда из желто-красной глины и фрагменты керамики с зеленой поливой. В.Ф. Смолин утверждал, что эти черепки «татарского типа» (Смолин, 1926).

В 1926 г., в период весеннего разлива Казанки, Н.Ф. Калининым и К.А. Губайдуллиным проводились наблюдения по северной подошве Кремлевского холма и левому берегу Казанки от Воскресенской до Тайницкой башни (Материалы по археологии Казанского кремля, с. 17). Была собрана интересная коллекция красноглиняной керамики в болгарских традициях, среди которой встречались хорошо лощеные, напоминающие болгарскую домонгольскую (Калинин. Археология Казанского кремля, с. 15).

В 1928–1929 гг. была организована первая экспедиция по изучению булгаро-татарской культуры (Халиков, 1983, с. 117). Наряду с раскопами на болгарских городищах началось археологическое изучение и Казанского Кремля. К северу и востоку от Благовещенского собора под руководством проф. И.Н. Бороздина была заложена серия шурфов, один из которых был расширен до масштабов раскопа (Бороздин, 1929). По словам И.Н. Бороздина, эти раскопки для истории древней Казани «почти ничего не дали». Позднее Н.Ф. Калинин отмечал, что во всех шурфах прослеживалась довольно четкая стратиграфия культурных напластований. Нижний слой, содержащий булгаро-татарскую керамику, исследователь датировал временем Казанского ханства (Хузин и др., 1995, с. 6).

В этом же году Н.Ф. Калининым были заложены шурфы за Благовещенским собором. За два года была вскрыта площадь около 100 кв. м (Ка-

линин. История Казани... до XVII в., с. 224; его же. Раскопки в Казанском кремле, с. 7). Практически во всех шурфах были прослежены слои болгаро-татарского времени. Нижний горизонт был зафиксирован на глубине 360–380 см и описан им как слой, состоящий из «черной, темно-коричневой почвы с включением извести и содержащий редкие фрагменты гончарной керамики» (Халиков, 1983, с. 118).

В указанных раскопах было обнаружено 214 фрагментов болгаро-татарской керамики – из мелкозернистого песочного теста, преимущественно красного цвета с разными оттенками, хорошего обжига. Выделялись фрагменты с белым ангобом. По цвету Н.Ф. Калинин выделил: красного цвета без лощения – 63, желтого цвета – 9, буровато-желтого грязно-песочного цвета, напоминающего болгарскую – 47, серого цвета – 74, черного цвета – 14 фрагментов керамики (Калинин. Классификация керамики, с. 134).

Особый интерес у исследователя вызвали найденные в шурфах № 4 и № 5 во дворе Наркомпроса и шурфах № 2 и № 6 в саду ТатЦИКа фрагменты коричневой и желтовато-коричневой керамики с лощением, аналогичной домонгольской болгарской (Халиков, 1983, с. 119).

В 1928 г. И.Н. Бороздиным был заложен небольшой раскоп в виде траншеи размерами 8×1 м, у церкви Киприана и Устинии (Бороздин, 1929, с. 1–2). Ему удалось зафиксировать культурные остатки Казани до 1552 г. Керамика этого слоя характеризовалась признаками, присущими керамике золотоордынского и более позднего периода.

В 1929 г. был расширен в раскоп размерами 480×300 м шурф № 8 пред-

шествующего года. Он был расположен к востоку от Благовещенского собора (Калинин. Материалы, с. 4–5). Были вскрыты культурные напластования ханской Казани, которые состояли из 3–4 культурных горизонтов и имели мощность до 125 см. В раскопе обнаружено около 60 фрагментов керамики, в том числе красноглиняной – 11 (из них 5 фрагментов с лощением), желтовато-серой – 17 (4 фрагмента с лощением), сероглиняной – 28 (3 фрагмента с лощением), лепной с примесью шамота 1 фрагмент. Особый интерес вызывают фрагменты красной керамики с ангобом и волнистым орнаментом по ангобу; желто-красной керамики с зеленой поливой и коричневой керамики с лощением, характерные для домонгольской болгарской культуры (Калинин. Материалы, с. 23).

В этом же году проводились археологические работы и у южной стены башни Сююмбике. На глубине 140–150 см от современной поверхности был выявлен слой Казани ханского периода, который был разделен на три горизонта. В нижнем слое были обнаружены фрагменты желтовато-красной, красноглиняной, светло-серой и желтовато-коричневой болгаро-татарской керамики. Встречались также фрагменты с вертикальным полосчатым лощением и с зеленой поливой (Калинин. Материалы, с. 3–4).

В 1935 г. интересные материалы были получены Н.Ф. Калининным из небольшого раскопа площадью 12 кв. м, заложенного у северной стены Кремля. В культурном слое было прослежено 11 стратиграфических горизонтов. IV «татарский» слой включал 9–11 прослойки на глубине от 3,3 до 5 м. Неполиваная керамика с IV слоя была представлена в количестве

250 фрагментов красноглиняной посуды в болгарских традициях, а также серо-мореной с лощением и белоглиняной русской керамикой (Калинин. История Казани... до XVI в., с. 232). Керамика из 9-й прослойки аналогична болгарской. Было обнаружено 29 фрагментов керамики желто-красного цвета хорошего обжига и 14 фрагментов от темно-серой и белой посуды XVI в.

Керамический материал с 10-й прослойки состоял из красноглиняной керамики золотоордынского времени (Калинин. История Казани... до XVI в., с. 233–234), а также фрагментов керамики «коричневого цвета, слабого обжига, с вертикальным лощением, датируемой XII–XIV вв. и ранее» (Калинин. Отчет о раскопках в Казанском кремле, с. 36; Ситдигов, 2006, с. 17).

Неполивная керамика с 11-й прослойки представлена 58 фрагментами посуды, 93% которых обычного болгаро-татарского типа и 7% относится к группе русской посуды. В одном из участков обнаружено скопление исключительно красной болгаро-татарской посуды крупного размера, с большими вертикальными ручками. Посуда украшена ленточным и волнистым орнаментом. Несколько фрагментов от нижних частей стенок имеют аккуратно просверленные круглые отверстия в 4–6 мм в диаметре. По мнению Н.Ф. Калинина, такие сосуды могли служить для откидывания творога, для выделки сыра (Калинин. История Казани... до XVI в., л. 233).

Археологические работы в Казанском Кремле Н.Ф. Калинин возобновил в 1947 г. В юго-восточной части Кремля, во дворе Министерства сельского хозяйства, была прорыта траншея протяженностью около 150 м.

Здесь исследователь впервые зафиксировал остатки двух мусульманских кладбищ (Калинин. Материалы, с. 80). Удалось зафиксировать ров в профиле траншеи 1947 г. По мнению исследователя, это следы оборонительного рва ханской Казани XV – первой половины XVI в. (Калинин. Материалы, л. 67). В болгаро-татарских слоях отмечено преобладание красноглиняной керамики, среди которой, по определению Н.Ф. Калинина, присутствовали образцы более ранней домонгольской посуды (Калинин. История Казани... до XVI в., с. 248).

В 1947 г. проводились археологические работы на проезде Шейкмана у северных ворот Юнкерского училища и в траншее во дворе училища с другой стороны ворот (Калинин. Материалы, с. 68). В IV стратиграфическом слое раскопа были обнаружены фрагменты красноглиняной лощеной керамики в болгарских традициях.

В 1948 г. Н.Ф. Калинин проводил археологические наблюдения в саду Губернаторского дворца у памятника В.И. Ленину (Калинин. Археологические наблюдения... 1948 г.). Было установлено полное отсутствие слоев XVI–XVIII вв., но в то же время зафиксировано 3 горизонта в нижнем слое мощностью 45–60 см. В них обнаружены фрагменты болгаро-татарской керамики – красная посуда с лощением, коричневая и темно-серая. Найдены также фрагменты грубой черной посуды с дресвой (Калинин. Археологические наблюдения... 1948 г., с. 16). В нижних напластованиях раскопа найдено 28 фрагментов характерной болгарской керамики, в том числе красной – 8 фрагментов (из них 4 с лощением); коричнево-красной с лощением – 3 фрагмента, коричневой с лощением – 5 фрагментов, желто-ко-

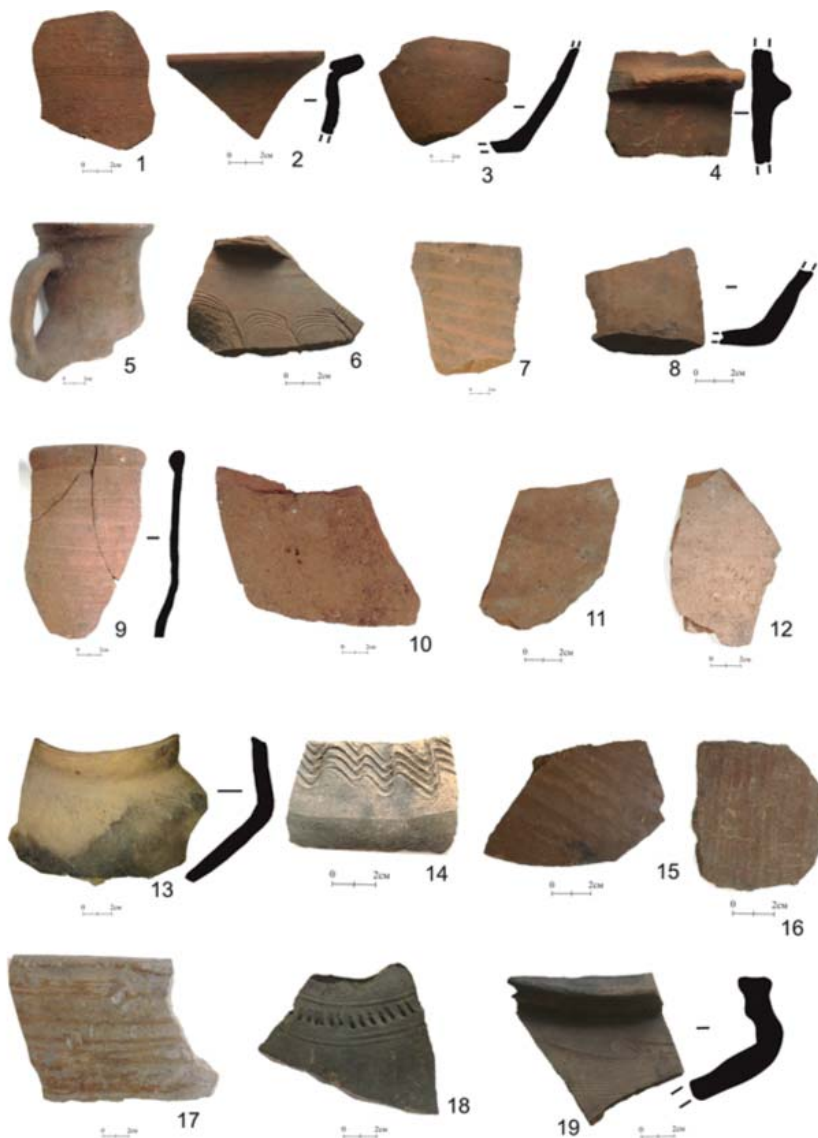

Рис. 1. Фрагменты болгаро-татарской керамики из раскопок Казанского Кремля.

Fig. 1. Fragments of Bolgar-Tatar ceramics from the excavations of the Kazan Kremlin.

ричневой – 2 фрагмента, желтой – 4 фрагмента (2 с лощением), лепной с примесью толченых раковин – 5 фрагментов (Калинин. Состав археологических коллекций 1948 г., с. 3).

Широкомасштабные археологические раскопки под руководством Н.Ф. Калинина проводились в 1953 г. (Калинин, 1955, с. 119). Было заложено

но два раскопа на спуске к Тайницкой башне общей площадью 176 кв. м. Здесь был зафиксирован слой Казани до 1552 г. и получен интересный болгаро-татарский материал. На раскопе были обнаружены фрагменты коричневой керамики, относящиеся к домонгольскому времени (Калинин, 1955, с. 135).

Рис. 2. Фрагменты русской керамики из раскопок Казанского Кремля.

Fig. 2. Fragments of Russian ceramics from the excavations of the Kazan Kremlin.

В 1948–1953 гг. Н.Ф. Калинин проводит археологические наблюдения в поисках первоначального местоположения города Казани на Зилантовском и Кабанском городищах. По его мнению, первоначальное место Казани могло находиться именно на территории этих памятников (Калинин, Халиков, 1954, с. 65–66; см. также: Хузин, 2001, с. 189).

За 1953–1954 гг. Н.Ф. Калинин был вскрыта в северо-западной части Кремля площадь в 313 кв. м. IV, татарский, слой XV–XVI вв. здесь был выявлен на глубине около 5 м, и сохранился он в ненарушенном виде. Раскопки 1953–1954 гг. дали богатый керамический материал. Н.Ф. Калинин считал, что, казанско-татарская посуда XV и первой половины XVI в.

очень похожа на поздне-булгарскую и иске-казанскую. Здесь представлены крупные сосуды типа хумов, корчаг и жбанов. Сосуды среднего размера представлены кувшинами, кумганами, горшками. Он отмечает, что среди кумганов интересны экземпляры, имеющие длинные узкие носики – трубки. Был также обнаружен носик кумгана в форме стилизованной птичьей головы. Над носиком возвышается узкий высокий гребень в виде пластинки со сквозными отверстиями. Калинин пишет, что это голова петуха, форма, бытовавшая в Казани и позже в глиняных русских кумганах XVI–XVII вв. По его мнению, это казанская древняя форма, перешедшая по традиции от булгарских форм XIII–XIV вв. (Калинин. История Казани... до XVI в.).

К самым миниатюрным сосудам исследователь относит чашечки и чернильницу. Н.Ф. Калинин еще отмечает, что орнаментация посуды очень похожа на булгарскую и иске-казанскую. Это – лощение полосами, чаще вертикальными, иногда в клетку. Особую форму лощения представляет скорописный орнамент. Он состоит из непрерывно чередующихся линий – волосных, поднимающихся вверх, и нажимных, опускающихся вниз. По мнению Калинина, гончар, нанесший на сосуд подобный орнамент, очевидно, имел навык в письме на основе арабской письменности. Отсюда он делает вывод о грамотности, о знакомстве с письменностью казанских гончаров XV–XVI вв. (Калинин. История Казани с... до XVI в.).

На Зилантовой горе Н.Ф. Калинин обнаружил всего несколько фрагментов позднебулгарской (?) керамики

(Хузин, 2001, с. 189; Ситдигов, 2006, с. 20).

Важное значение для археологии древней Казани и ее окрестностей имели исследования Н.Ф. Калинина в 1956–1957 гг. в «Иске-Казани» (Урматское селище и Камаевское городище) (Калинин, 1956, с. 4; Калинин, 1957, с. 48; Калинин. Материалы археологических раскопок, с. 16; Калинин. Состав археологических коллекций...). Исследователь считал, что этот город возник не раньше середины XIII в. и просуществовал до XV в., «когда соперницей ему окончательно стала Новая Казань» (История Казани с древнейших времен до XVI в., с. 103; Калинин, Халиков, 1954, с. 103). Калинин проанализировал весь найденный керамический материал из Иске-Казани и пришел к выводу, что она представляет полную аналогию булгаро-татарской посуды XIII–XVI вв.

Археологические исследования Н.Ф. Калинина в Казани в 1923–1957 гг. ознаменовали собой начало планомерных исследований Казанского Кремля (рис. 3). Им были сделаны первые попытки классификации и систематизации вещевого материала.

Основываясь на керамический материал из раскопок, Н.Ф. Калинин предпринял попытку создать классификацию булгаро-татарской глиняной посуды. Всю булгаро-татарскую керамику исследователь подразделил по цвету на 6 групп:

1. Красная – из тонкозернистой, хорошо отмученной глины, хорошего обжига. Данный тип керамики исследователь находит аналогичной булгарской посуде домонгольского периода (рис. 1: 1–4).

Рис. 3. Археологические исследования Н.Ф. Калинина на территории Казанского Кремля (по Ситдикову А.Г., 1999).

Fig. 3. Archaeological studies by N.F. Kalinin in the territory of the Kazan Kremlin (after A.G. Sitdikov, 1999).

2. Желто-красная. Аналогична болгарской керамике того же периода (рис. 1: 5–8).

3. Кирпично-красная (рис. 1: 9–12) с белым ангобом на внутренней поверхности тулова и с волнистым рисунком по ангобу. Калинин считал, что преобладание кирпично-красной

посуды хорошего качественного обжига говорит о позднем времени. По его словам, гончарное ремесло казанских мастеров XV–XVI вв. характеризуется именно этим признаком. Он также утверждает, что Казанские гончары ханского периода использовали ножной круг, как показывают найден-

ные образцы глиняной посуды. Встречаются те же формы сосудов: хумы, корчаги, жбаны, кувшины, кумганы, чашечки (Калинин. История Казани... до XVI в.).

4. Буро-красная, с большим количеством песка в глине, с неровной поверхностью, рыхлая среднего обжига (рис. 1: 13–14).

5. Коричневая лощеная. На Булгарском городище встречается преимущественно в домонгольских слоях (рис. 1: 15–17).

6. Серая, среднего обжига. В Булгарах встречается во всех слоях (рис. 1: 18–19).

В его классификации вызывает интерес четвертая группа – посуда буро-красного цвета, с большим количеством песка в глине, среднего обжига (это XIII группа керамики (Джукетау) по классификации Т.А. Хлебниковой) (Город Болгар, 1988, с. 30–31). Н.Ф. Калинин утверждал, что в Булгаре такая керамика встречается в домонгольский и в золотоордынский периоды (Калинин. История Казани... до XVI в.).

Пятую группу, которая состоит из «коричневой лощеной керамики», как отмечает исследователь, в Булгаре находят преимущественно в домонгольских слоях (История Казани... до XVI в., с. 227). На основе анализа керамического материала Н.Ф. Калинин делает вывод о возникновении булгарского поселения на Кремлевском холме не раньше середины XIV в., объяснив присутствие в слое домонгольских материалов «странным» сохранением здесь архаичных традиций (Калинин. История Казани... до XVI в., л. 225).

При описании керамики, происходящей из русских отложений культурного слоя, Н.Ф. Калинин пользовался

типологией, разработанной московскими археологами М.Г. Рабиновичем и Р.Л. Розенфельдтом для московской керамики (Рабинович, 1949, с. 57–106; см. так же: Розенфельдт, 1968).

Русскую керамику XVI–XVIII вв. Н.Ф. Калинин подразделяет на 5 групп:

1. *Черная лощеная* керамика (рис. 2: 1–2). По мнению исследователя, этот тип керамики появляется в Казанском кремле после 1552 г. и отложился в русских слоях второй половины XVI–XVIII вв.

Он также отмечает, что черная лощеная керамика бытовала еще в XIX в., так как ее фрагменты встречаются в слоях XIX–XX вв., хотя в слое XX в. они могли быть и переотложенными из более ранних слоев. Найденные фрагменты имеют, главным образом, серый цвет излома с некоторыми колебаниями от более темного до светло-серого. Поверхность черепка всегда темно-серого цвета, иногда почти черная.

Все найденные фрагменты имеют хороший обжиг и тонкие и средние стенки толщиной 4–7 см. Преобладают лощение вертикальными полосами и линиями и сплошное вертикальное, сетчатое и ромбическое пересечение линий. По формам определяются фрагменты среднего горшка с низким отогнутым закругленным венчиком, со сплошным горизонтальным лощением по стенке.

2. *Серая мореная* керамика (рис. 2: 3–8), восстановительного обжига, распадается на две разновидности: а) серая с шероховатой поверхностью, б) темно-серая с лощеной поверхностью. Лощение преобладает сплошное горизонтальное. Наиболее нарядная посуда парадная настольная украшена лощением в клетку. Подоб-

ная посуда, совершенно аналогичная московской, в большинстве случаев была привозная в Казань из Москвы и других городов (Калинин. История Казани... до XVI в., л. 225).

3. *Белоглиняная керамика* (рис. 2: 9–10), хорошего обжига, имеет цвет от белого до светло-серого, иногда с желтым оттенком. Она представлена средними и крупными горшками с довольно прямым венчиком с прочерченным горизонтальным линейным орнаментом по венчику или ниже его. Н.Ф. Калинин считал эту керамику привозной из центральных областей России и близкой к подмосковной *гжельской* керамике (Калинин, 1955). Но Н.Ф. Калинин не исключает вероятность изготовления ее придворными русскими гончарами, работавшими при ханском дворе.

4. *Коричневая керамика* близка к красноглиняной, но более слабого обжига, местная (рис. 2: 11–12).

Другие виды русской посуды (рис. 2: 13–16) *буро-красного* или *черного* цвета, по мнению Н.Ф. Калинина, имеют более обыденный вид, лишены «нарядности» и едва ли могли попасть в Казанский кремль в XV и первой половине XVI в. через рынок. Вероятнее всего, что они изготовлялись на месте русским населением для своего обихода. Исследователь считал, что такая посуда может свидетельствовать о наличии русского населения на территории татарского кремля, например, в составе слуг ханской резиденции (Калинин. История Казани... до XVI в., л. 226).

Н.Ф. Калинин выделяет и *лепную керамику* (рис. 2: 17–20) – посуду, сделанную от руки без применения гончарного круга. Сосуды изготовлены из глины с большим количеством крупного песка и с белыми кусочками

толченого известняка (дресва). В обжиге она имеет черный цвет. Форма его – невысокая чаша. Поверхность неровная, бугристая. Н.Ф. Калинин считал лепную керамику посудой домашней выделки, которая бытовала наряду с профессиональным гончарным производством довольно длительное время (Калинин, 1953, с. 135). По мнению ученого, найденные в Казанском Кремле фрагменты имеют ярко выраженное «генетическое сходство» с керамикой местного марийского поселения Казанского края (Архипов, 1973). Он также утверждает, что лепная керамика произведена не в городе, где существовали болгаро-татарские традиции, а в период русского развитого гончарного ремесла, в сельской местности у финского населения. Николай Филиппович считал, что на задворках ханского дворца вполне могло существовать некоторое количество бедного населения, которое для себя изготовляло посуду примитивным способом (Калинин. История Казани... до XVII в.).

Николай Филиппович внес огромный вклад в развитие татарской археологии. Надо учитывать тот факт, что на данном этапе развитие археологии было на низком уровне. Недостаточно была разработана хронология некоторых категорий археологических находок, в первую очередь наиболее массового материала – керамики (Хузин, 2001, с. 190). Несмотря на это он систематизировал весь накопленный керамический материал, выделил группы неполивной керамики, разбил их по хронологии и попытался связать их с выделенными слоями.

Археологические исследования Кремля, проведенные в 1928–1956 гг., дали возможность исследователям обозначить примерные границы

территории ханской Казани и локализовать несколько некрополей болгаро-тагарского и русского времени.

Результаты проведенных работ Н.Ф. Калинина по изучению керамики создали основу для ее дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
2. *Бороздин И.Н.* Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского. 1929. С. 37–40.
3. *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов.* М.: Наука, 1988. 280 с.
4. *Калинин Н.Ф.* Археологические наблюдения в Казанском кремле 12 сентября 1948 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 297. 7 л.
5. *Калинин Н.Ф.* Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти. Доклад на краеведческой конференции ГМТР 24.10.1949 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 298.
6. *Калинин Н.Ф.* Из жизни археологического отдела // Материалы ГМТР, № 2, Казань, 1930 г.
7. *Калинин Н.Ф.* История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп.1, ед. хр. 202. 433 л.
8. *Калинин Н.Ф.* История Казани с древнейших времен до XVII в. Рукопись докторской диссертации / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 203. 250 л.
9. *Калинин Н.Ф.* Классификация керамики (посуды) из раскопок в Казанском Кремле (двор Наркомпроса, ТатЦИКа) / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 288. 168 л.
10. *Калинин Н.Ф.* Материалы археологических раскопок Урматского селища 1956–1957 гг. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 51. 22 л.
11. *Калинин Н.Ф.* Материалы по археологии Казанского кремля / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 296. 106 л.
12. *Калинин Н.Ф.* Материалы по археологии Казанского кремля: чертежи, планы, фотоснимки раскопок у Сююмбикеной башни и у Дворцовой церкви, в саду ТатНарКомПроса / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 291.181 л.
13. *Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках в Казанском Кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 293.109 л.
14. *Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках на Камаевском городище в 1956 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 1333.78 л.
15. *Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках на Камаевском городище в 1957 г. / Архив ОПИ ИА РАН. Р-1 № 1488. 103 л.
16. *Калинин Н.Ф.* Отчет по археологической экспедиции в Камаево, Архиерейскую дачу, Зилантову гору. 1945 г. / Архив ОПИ ИА РАН. Р-1 № 33.19 л.
17. *Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском кремле 3–11 июня 1928 г. Доклад на юбилейном собрании, посвященном 50-летию юбилею Общества Археологии, Истории и Этнографии / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 290. 29 л.
18. *Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Труды КФАН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 1. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1955. С. 117–138.
19. *Калинин Н.Ф.* Состав археологических коллекций 1948 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 229.
20. *Калинин Н.Ф.* Состав археологических коллекций, собранных на селище Русский Урмат 29–30 апреля 1951 г. / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр.116. 33 л.

21. Калинин Н.Ф. Чертежи, разрезы траншеи водопровода у Сююмбекиной башни и другие материалы по археологии Казанского Кремля / Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 282. 7 л.
22. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
23. Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. № 12. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57–106.
24. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.
25. Ситдигов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 41–62.
26. Ситдигов А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2000. С. 22–40.
27. Ситдигов А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиант, 2006. 288 с.
28. Смолин В.Ф. Археологические заметки к топографии Кремля // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1926. № 4. С. 72–74.
29. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков, П.Н. Старостин. Казань: Ин-т языка, литературы и истории, 1983. С. 111–138.
30. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 408 с.
31. Хузин Ф.Ш. Н.Ф. Калинин – основатель казанской школы археологии // Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиант, 2011. С. 251–256.
32. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдигов А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 35 с.

Информация об авторе:

Хазиев Айназ Ильхамович, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ainaz.khaziev@mail.ru

NON-GLAZED CERAMICS FROM KAZAN AND THE KAZAN KREMLIN ON THE BASIS OF WORKS BY N.F. KALININ

A.I. Khaziev

The paper is dedicated to one of the stages in the history of studying glazed ceramics from the medieval Kazan Kremlin and Kazan. The main results of the archaeological studies of 1923–1956 conducted by N.F. Kalinin in the territory of the Kazan Kremlin and the suburban part of the city are demonstrated by the author. The works by Kalinin feature the first attempts to classify and systematize non-glazed ceramics. He was the first to use technological attributes in the systematization of ceramics: texture, shard color, thickness and density, using these parameters to classify all Bolgar-Tatar ceramics into six groups, and Russian ceramics - into 4 groups. N.F. Kalinin also distinguished molded ceramics. The results obtained during the study of non-glazed ceramics are important not only for studying the history of Kazan, but also for the history of the region in general.

Keywords: archaeology, medieval Kazan, excavations by N.F. Kalinin, non-glazed ceramics, study history.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Issue on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
2. Borozdin, I. N. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: “Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo” Publ., 37–40 (in Russian).
3. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). 1988. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Kalinin, N. F. *Arkheologicheskie nabludeniiia v Kazanskom kremle 12 sentiabria 1948 g. (Archaeological Observations in the Kazan Kremlin, September 12, 1948)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 297 (in Russian).
5. Kalinin, N. F. *Arkheologiia Kazanskogo kremlia za 30 let Sovetskoï vlasti. Doklad na kraevedcheskoï konferentsii GMTR 24.10.1949 g. (Archaeology of the Kazan Kremlin Over the 30 Years of Soviet Rule. Report at the Local History Conference of the State Museum of the Tatar ASSR on October 24, 1949)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 298 (in Russian).
6. Kalinin, N. F. 1930. *Iz zhizni arkheologicheskogo otdela (Essay on the Life of the Archaeological Department)*. Kazan: Materials of State Museum of the Republic of Tatarstan, no 2 (in Russian).
7. Kalinin, N. F. *Istoriia Kazani s drevneishikh vremen do XVI v. Rukopis' doktorskoï dissertatsii (History of Kazan from Ancient Times until the 16th c. Doctoral Thesis Manuscript)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 202 (in Russian).
8. Kalinin, N. F. *Istoriia Kazani s drevneishikh vremen do XVII v. Rukopis' doktorskoï dissertatsii (History of Kazan from Ancient Times until the 17th c. Doctoral Thesis Manuscript)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 203 (in Russian).
9. Kalinin, N. F. *Klassifikatsiia keramiki (posudy) iz raskopok v Kazanskom Kremle (dvor Narkomprosa, TatTsIKa) (Classification of Ceramics (Dishware) from Excavations in the Kazan Kremlin (the Yard of the People's Commissariat of Education, Tatar Central Executive Committee))*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 288 (in Russian).
10. Kalinin, N. F. *Materialy arkheologicheskikh raskopok Urmat'skogo selishcha 1956–1957 gg. (Materials of the Archaeological Excavations of Urmat Settlement Village in 1956–1957)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 51 (in Russian).
11. Kalinin, N. F. *Materialy po arkheologii Kazanskogo kremlia (Materials on the Archaeology of the Kazan Kremlin)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 296 (in Russian).
12. Kalinin, N. F. *Materialy po arkheologii Kazanskogo kremlia: chertezhi, plany, fotosnimki raskopok u Siuumbikenoi bashni i u Dvortsovoi tserkvi, v sadu TatNarKomProsa (Materials on the Archaeology of the Kazan Kremlin: Drawings, Plans, Photographs of Excavations at Soyembika Tower and Palace Church, in the Garden of the Tatar People's Commissariat for Education)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 291 (in Russian).
13. Kalinin, N. F. *Otchet o raskopkakh v Kazanskom Kremle v 1935 g. i materialy k otchetu (plany raspolozheniia, dnevnik raskopok) (Report on the Excavations in the Kazan Kremlin in 1935 and Materials for the Report (Layouts, Excavation Logbook))*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 8, inv. 1, dossier 293 (in Russian).
14. Kalinin, N. F. *Otchet o raskopkakh na Kamaevskom gorodishche v 1956 g. (Report on the Excavations at Kamaevo Hillfort in 1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. no 1333 (in Russian).
15. Kalinin, N. F. *Otchet o raskopkakh na Kamaevskom gorodishche v 1957 g. (Report on the Excavations at Kamaevo Hillfort in 1957)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. no 1488 (in Russian).
16. Kalinin, N. F. *Otchet po arkheologicheskoi ekspeditsii v Kamaevo, Arkhiereiskuiu dachu, Zilantovu goru. 1945 g. (Report on the Archaeological Expedition to Kamaevo, Archiereiskaya Dacha,*

Zilantova Gora. 1945). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. no 33 (in Russian).

17. Kalinin, N. F. *Raskopki v Kazanskom kremle 3–11 iunia 1928 g. Doklad na iubileinom sobranii, posviashchennom 50-letnemu iubileiu Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii (Excavations Conducted in the Kazan Kremlin on June 3–11, 1928. Report at the Jubilee Meeting Dedicated to the 50th Anniversary of the Society of Archaeology, History and Ethnography)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 290 (in Russian).

18. Kalinin, N. F. 1955. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 1. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 117–138 (in Russian).

19. Kalinin, N. F. *Sostav arkheologicheskikh kolleksii 1948 g. (Composition of the Archaeological Collections of 1948)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 229 (in Russian).

20. Kalinin, N. F. *Sostav arkheologicheskikh kolleksii, sobrannykh na selishche Russkii Urmat 29–30 aprilia 1951 g. (Composition of the Archaeological Collections Obtained at Russky Urmat Ancient Village on April 29–30, 1951)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 116 (in Russian).

21. Kalinin, N. F. *Chertezhi, razrezy transhei vodoprovoda u Siiumbekinoi bashni i drugie materialy po arkheologii Kazanskogo Kremliia (Drawings, Sectional Views of the Water Pipeline Trench near Soyembika Tower and Other Materials on the Archaeology of the Kazan Kremlin)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 282 (in Russian).

22. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: “Tatknigoizdat” Publ. (in Russian).

23. Rabinovich, M. G. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 12. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 57–106 (in Russian).

24. Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

25. Sitdikov, A. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 41–62 (in Russian).

26. Sitdikov, A. G. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Kazan’: vozniknovenie i razvitie (Medieval Kazan: appearance and development)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 22–40 (in Russian).

27. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml’: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

28. Smolin, V. F. 1926. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies)* 4. Kazan, 72–74 (in Russian).

29. Khalikov, A. Kh. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 111–138 (in Russian).

30. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar Town in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: “Master-Line” Publ. (in Russian).

31. Khuzin, F. Sh. 2011. In *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: “Foliant” Publ., 251–256 (in Russian).

32. Khuzin, F. Sh., Sharifullin, R. F., Khlebnikova, T. A., Nabiullin, N. G., Sitdikov, A. G. 1995. *Drevniaia Kazan’: nekotorye itogi i perspektivy arkheologicheskikh issledovani (Ancient Kazan: Summary of Results and Prospects of Archaeological Studies)*. Kazan (in Russian).

About the Author:

Khaziev Ainaz I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ainaz.khaziev@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.158.171>

**НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПОСАДСКОЙ ЧАСТИ
ГОРОДА-КРЕПОСТИ СВЯЖСК
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА «ТАТАРСКАЯ СЛОБОДКА»**

© 2019 г. Э.И. Карпов, А.С. Старков

В результате широкомасштабных раскопок позднесредневековых археологических памятников в Татарстане накоплена значительная коллекция наконечников стрел. В статье впервые публикуется коллекция железных наконечников стрел XVI–XVII вв. из раскопа «Татарская слободка» в посадской части города-крепости Свяжск 2012–2014 гг., среди которых выявлены уникальные экземпляры. В исследовании даны физические характеристики, конструктивно-морфологические особенности каждого предмета, приведены аналогии, обозначены хронологические и территориальные аспекты распространения. Подробное описание и комплексное исследование этих артефактов дает возможность в дальнейшем использовать данный материал в качестве основы для атрибуции и датировки подобных находок с других позднесредневековых памятников и их индивидуального изучения. Установлено, что наравне со схожими «одинаковыми» наконечниками стрел внутри одного типа, бытовали единичные оригинальные экземпляры с отличными особенностями.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Республика Татарстан, Свяжск, раскоп «Татарская слободка» 2012–2014 гг., комплекс вооружения, наконечники стрел, позднее средневековье.

Свяжская крепость на слиянии рек Волги и Свияги с 1551 г. до середины XVII в. являлась опорной военной базой Московского государства на присоединенных землях бывшего Казанского ханства. Значительная часть населения города была представлена служилым сословием, о чем свидетельствуют многочисленные находки деталей оружия и снаряжения. Одной из категорий, маркирующих дистанционное вооружение, являются наконечники стрел.

Наконечники стрел наравне с другими категориями датирующего материала дают представление о времени бытования археологического памятника. Одновременно они являются одним из самых представительных источников для реконструкции комплекса вооружения в целом и уровня развития военного дела.

За последние десятилетия накоплен значительный материал этой категории предметов, в частности, из узкодатируемых региональных (местных) памятников позднего средневековья. Они практически не введены в научный оборот. На это есть и объективные причины. Имеющиеся классические схемы атрибуции наконечников не всегда подходили для определения новых находок, а достаточно широкие датировки затрудняли анализ. Кроме того, наконечники стрел далеки от универсального стандарта в общих формах и, особенно, в деталях, что делает практически неосуществимым создание единой типологии. Использование обобщенных описаний осложняет детальную работу с первоисточником, поскольку в один тип могут попасть схожие по форме, но различающиеся в деталях

Таблица 1

Периоды строительства	№ наконечника*
III ярус – конец XVII вв.	8
IV ярус – вторая полов. XVII – серед. XVII вв.	2, 5, 6
V ярус – середина XVII – начало XVII вв.	3, 12
VI ярус – начало XVII - XVI вв.	1, 4, 7, 9, 10, 11

*Примечание: №№ наконечников соответствуют порядковым №№ в таблице 2.

изделия (Руденко, 2003, с. 142). Исследование наконечников стрел «Татарской слободки» в целом подтверждает вышеописанную ситуацию.

Археологический раскоп «Татарская слободка» располагался на северо-восточной оконечности села Свяжск. На участке береговой линии в 2012–2014 гг. был заложен раскоп площадью 2100 кв.м. (Старков, Карпов, 2013, с. 25; Старков, 2014, с. 26; Старков, Ситдииков, Федулов, 2015, с. 32–33). Коллекция предметов вооружения, отнесенных к метательному оружию, представлена комплексом, состоящим из: деревянных луков, саадаком из кожи, и 12 наконечниками стрел. Согласно стратиграфическим наблюдениям, верхняя хронологическая граница бытования представленных наконечников – вторая половина XVII в.

В раскопе выделены строительные горизонты, имеющие следующие хронологические отрезки накопления. Верхний пласт (ярус) связан с использованием территории под огородами в XX в.; второй ярус с периодом XVIII–XIX в.; III – конец XVII в.; IV – вторая половина XVII – середина XVII вв.; V – середина XVII – начало XVII вв.; VI ярус – начало XVII–XVI вв. Пласты III–VI представляют собой «влажный» культурный слой из слежавшихся остатков древесной щепы. Для определения относительных дат бытования жилых и хозяйственных деревянных конструкций применялись методы радиоуглеродно-

го датирования. Все это способствовало выделению узких хронологических периодов. В раскопе прослежена непрерывность накопления культурного слоя. Обнаруженные наконечники стрел происходили из III–VI ярусов (пластов) раскопа.

Большинство исследователей средневековой археологии Европейской части России при типологизации наконечников стрел опирается на схему предложенную А.Ф. Медведевым (Медведев, 1966). На территории Среднего Поволжья исследованиями средневековых наконечников стрел в разное время занимались В.Ф. Геннинг и А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин, И.А. Закирова, Е.П. Казаков, Л.Л. Савченкова, К.А. Руденко, А.Г. Ситдииков, С.И. Валиулина, Н.Г. Набиуллин, Д.У. Пальцева и З.Г. Шакиров.

В начале 2000-ых годов в Европейской части России появились специализированные работы по наконечникам стрел (Двуреченский, 2008а; 2008б; Руденко, 2010; 2014), в которых авторами предложены новые методы изучения наконечников стрел.

Целью данной статьи является ввод в научный оборот новых находок – наконечников стрел конца средневековой эпохи и начала Нового времени с их комплексным анализом, включающим датировку, морфологию, подбор аналогий, определение территории бытования. Детальное рассмотрение всех морфологических особенностей наконечника дает воз-

возможность в дальнейшем использовать полученный материал для атрибуции подобных находок с других позднесредневековых памятников и их индивидуального изучения.

Статья ограничена сравнением типов наконечников, которые были распространены на Средней Волге¹. Для анализа находок привлекаются материалы Восточной Европы и центральных районов России, представленные в исследованиях А.Ф. Медведева (Медведев, 1959; 1966) и О.В. Двуреченского (Двуреченский, 2007; 2008). Датировка рассмотренных наконечников стрел получена по материалам раскопа «Татарская слободка» 2012–2014 гг. села Свяжск. Аналогии приводились в сравнительном анализе формы пера по территориальным, морфологическим и физическим признакам.

Всего из слоев XVI–XVII вв. раскопа «Татарская слободка» нами изучено 12 наконечников стрел. Из них 11 – железные черешковые и 1 – костяной втульчатый. На основе конструктивно-морфологических особенностей и физических параметров среди обнаруженных наконечников стрел выделяется 8 групп, объединенные следующими признаками: материал, насад, характер поперечного сечения пера, форма пера.

1. Железные, черешковые, плоские. Проникатель² лавролистный с наибольшим расширением в нижней трети длины пера, в сечении ромбовидный уплощенный; стороны прямые выгнутые длинные; плечики вогнутые средней длины; основание пера представлено переходом плечиков под тупым углом в выраженный упор в разрезе формы равностороннего или слегка уплощенного восьмиугольника. Представлены

двумя экземплярами (см. табл. 2: 1, 2, рис. 1: 1, 2).

Похожие по форме пера наконечники стрел рассмотрены в работах А.Ф. Медведева – тип 40 (52 экз.) – ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (Медведев, 1966, с. 64), О.В. Двуреченского – тип 6в (61 экз.) – ромбовидные, уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении с расширением в нижней трети длины пера, универсальные (Двуреченский, 2007, с. 284; 2008, с. 163), Ф.Ш. Хузина – тип БП9 (15 экз.) – черешковые плоские ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (Хузин, 1985, с. 150), Е.П. Казакова (4 экз.) – плоские, листовидные с наибольшим расширением в нижней половине пера (Казаков, 1991, с. 93) и тип IA1ах (77 экз.) – плоские подромбические с наибольшим расширением в нижней трети пера, имеющие выпуклые стороны и овально вогнутые плечики (Казаков, 1992, с. 148), К.А. Руденко – тип Б42в (2 экз.) – из дротовой заготовки круглого сечения, с вытянутым, подтреугольным пером, с вогнутыми плечиками, с конической шейкой (Руденко, 2003, с. 99; 2010, с. 73–74), А.Г. Ситдикова (Ситдииков, 2006, с. 72, рис. 116: 8, 11, 18, 20; рис. 157: 26–29), С.И. Валиулиной (9 экз.) – ромбовидные и клиновидные с упором и расширением в нижней трети длины пера, имеют ромбическое, линзовидное или треугольное сечение пера, шейку граненую или круглую с перехватом или прямую (Валиулина, 2009, с. 18; 2015, с. 75).

По материалам раскопа наконечники датируются XVI – началом XVII вв. и серединой XVII – второй половиной XVII вв. (см. табл. 1: № 1, 2). Схожие наконечники известны на

синхронных памятниках Московского государства до конца XVII вв. Близкими по времени являются материалы с городища Казанский кремль и Торецкого поселения времени Казанского ханства XV – середины XVI вв. (см. табл. 2: 1, 2). Отмечается длительное время использования похожих наконечников стрел, что, вероятно, связано с практичностью изготовления и универсальностью применения подобной формы пера. Близкие формы широкого распространения имели и на более ранних памятниках X–XV вв. Древней Руси и Волго-Камского региона.

2. Железные, черешковые, плоские. Проникатель клиновидный с наибольшим расширением в нижней трети длины пера, в сечении ромбовидный уплощенный; стороны прямые длинные; плечики вогнутые средней длины; основание пера представлено переходом плечиков под тупым углом в выраженный упор в разрезе формы равностороннего восьмиугольника. Представлены двумя экземплярами (см. табл. 2: 3, 4, рис. 1: 3, 4).

Наконечники стрел со схожими формами пера в исследовании А.Ф. Медведева – тип 44 (вариант 2), О.В. Двуреченского – тип 6в, К.А. Руденко – тип Б39, отмечены А.Г. Ситдиковым и С.И. Валиулиной (Медведев, 1966, с. 67; Двуреченский, 2007, с. 284; 2008, с. 163; Руденко, 2003, с. 97; 2010, с. 70; Ситдиков, 2006, рис. 116: 14–15, 157: 5, 9, 20; Валиулина, 2009, с. 19; 2015, с. 75). По материалам раскопа наконечники датируются началом XVII – серединой XVII вв. и XVI – началом XVII вв. (см. табл. 1: № 3, 4). Похожие по форме пера наконечники встречаются на синхронных памятниках Московского государства до конца XVII в. В Казан-

ском крае близкими по времени являются материалы XIV–XVI вв. с городища Казанский кремль и Торецкого поселения. Схожие формы известны с IX в. (см. табл. 2: 3, 4).

3. Железные, черешковые, плоские. Проникатель клиновидный с наибольшим расширением в нижней трети длины, в сечении формы горизонтально направленной молнии или ромбовидный уплощенный; стороны слегка выгнутые длинные; плечики вогнутые короткие; основание пера представлено переходом плечиков под тупым углом в выраженный упор в разрезе формы равностороннего восьмиугольника. Представлены двумя экземплярами (см. табл. 2: 5, 6, рис. 1: 5, 6).

Похожие наконечники исследованы в работах А.Ф. Медведева – тип 39, О.В. Двуреченского – тип ба, Ф.Ш. Хузина – тип БП8, Л.Л. Савченковой – тип Б6, А.Г. Ситдикова (Медведев, 1966, с. 64; Двуреченский, 2007, с. 283–284; 2008, с. 162; Хузин, 1985, с. 150; Савченкова, 1996, с. 75; Ситдиков, 2006, с. 90, рис. 116: 16–17, 157: 7). Свяжские наконечники происходят с одного строительного горизонта, датируемого серединой XVII – второй половиной XVII вв. (см. табл. 1: № 5, 6). Похожие наконечники встречаются на синхронных памятниках Московского государства до конца XVII в. На территории Среднего Поволжья близкими по времени являются материалы второй половины XV–XVI вв. городища Казанский кремль. Ранние находки схожей формы известны на более ранних памятниках (см. табл. 2: 5, 6).

Наконечник 5 (табл. 2: 5) выделяется поперечным сечением пера – формы горизонтально направленной молнии. Обращает внимание центральная

продольная линия по всей длине пера, в том числе и по упору. Линия визуально делит перо наконечника на две составные части. Для четкого понимания способа изготовления наконечника требуется проведение металлографического анализа. По остальным признакам совпадает с характеристиками близких по форме наконечников стрел.

Появление и использование подобных оригинальных вариантов наконечников стрел наравне со стандартными формами пера, вероятно, обусловлено технологическими традициями местных оружейников.

4. Железные, черешковые, плоские. Проникатель ромбовидный с наибольшим расширением в средней трети длины пера, в сечении шестиугольные уплощенные; стороны прямые или слегка выгнутые средней длины или длинные; плечики вогнутые короткие или средней длины; основание пера представлено переходом плечиков под тупым углом в выраженный упор в разрезе формы уплощенного или равноугольного восьмиугольника. Также представлены двумя экземплярами (см. табл. 2: 7, 8, рис. 1: 7, 8).

Бликие формы пера описаны А.Ф. Медведевым – тип 43 (85 экз.) – ромбовидные с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1:3 и 1:4, О.В. Двуреченским – тип 6д (14 экз.), Ф.Ш. Хузиным – тип БП12; К.А. Руденко – тип: А15а, А15в, Б44а, Б44б, Б45б (Медведев, 1966, с. 66; Двуреченский, 2007, с. 285; 2008, с. 164; Хузин, 1985, с. 150; Руденко, 2003, с. 80, 100, 101; 2010, с. 34, 35, 76). По материалам раскопа наконечники стрел датируются XVI – началом XVII вв. и концом XVII вв. (см. табл. 1: № 7, 8). Схожие наконечники

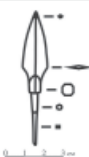

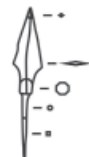
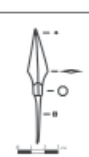
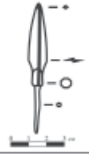
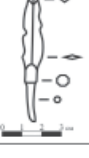
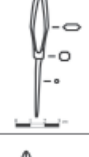

найжены на синхронных памятниках Московского государства XV–XVII вв. Близкими по времени являются материалы из г. Чебоксары. Похожие экземпляры хорошо представлены на ранних поселенческих памятниках (см. табл. 2: 7, 8).

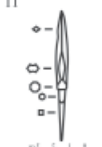
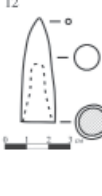
Отмечается вторичная обработка свияжских наконечников – широкая заточка наконечников по всему краю проникателя глубиной до 4 мм. Кроме этого, форма поперечного сечения пера в виде уплощенного шестиугольника делают эти наконечники отличными от других внутри условного типа. По остальным признакам формы пера наконечники 7 и 8 соответствуют характеристикам вышеописанных экземпляров. Подвергшиеся вторичной обработке, они являются образцами нестандартного оформления конструктивных частей метательных снарядов в регионе.

5. Железный, черешковый, плоский. Проникатель формы равноугольного ромба с наибольшим расширением в верхней половине длины; острие за счет сторон затуплено, широкое; стороны прямые короткие; плечики сильно вогнутые длинные; основание пера представлено переходом плечиков под тупым углом в выраженный упор в разрезе формы уплощенного ромба с закругленными углами. Представлен одним экземпляром (см. табл. 2: 9, рис. 1: 9).

Приближенные формы наконечников исследованы в работах А.Ф. Медведева – тип 55 (13 экз.) – секторовидные срезни (Медведев, 1966, с. 71), Ф.Ш. Хузина – тип БП22б, К.А. Руденко – тип Б54б (3 экз.) (Хузин, 1985, с. 153; Руденко, 2003, с. 104; 2010, с. 85). По материалам раскопа наконечник стрелы датируется XVI – началом XVII вв. (см. табл. 1: № 9). На

Таблица 2

Порядковый номер / Иллюстрации	Шифр предмета, местонахождение, датировка по материалам раскопа, сохранность	Физические характеристики	Аналоги	
			Исследователь / территория распространения	Датировка исследователя
1 	Св.05-14Я/442, ОГС КП-3050/20, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.И/17, шт.15, Н. XVII-XVI вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.	Длина Н.-68, длина П.-41, ширина П.-12, толщина П.-2, длина Уп.-8, ширина Уп.-5, толщина Уп.-5, длина Ч.-27, толщина Ч.- 3x2-3, пропорции П.-1:3 ¹	Медведев А.Ф. / Билляр, на Вятке Двуреченский О.В. / «происходит со всей территории Московского государства» Хузин Ф.Ш. / Билляр Клязов Е.П. / I Семеновское селище, I Изумерское селище	X-XIV вв. до вт. п. XVII в. X-п.п.XIII вв. X-XI вв.
2 	Св.05-13Я/1007, ОГС КП-3050/17, Р.Татарская слободка, 2013 г., Уч.Г/13, шт.9. Вт.п. XVII – с. XVII вв. Консервирован, удовлетворительная сохранность, фрагмент.	Длина Н.-60 (?), длина П.-40 (?), ширина П.-12 (?), толщина П.-2, длина Уп.-7, ширина Уп.-6, толщина Уп.-5, длина Ч.-20, толщина Ч.- 3x3, пропорции П.-1:3,5	Клязов Е.П. / Танкеевский могильник Руденко К.А. / Биллярское городище, Болгарское городище (Р.XL, IV слой, к. XIII-XIV вв.) Ситдиков А.Г. / Казанский кремль. Валиуллина С.И. / Торецкое поселение, Казань (III слой, ханский)	X век XI-XII вв. III-IV слой (вт.п.XIII-п.п.XVI вв.) к. XIV-XV вв.
3 	Св.05-14Я/497, ОГС КП-3050/25, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.В/16, шт.14. С. XVII - н. XVII вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.	Длина Н.-91, длина П.-51, ширина П.-16, толщина П.-2, длина Уп.-8, ширина Уп.-6, толщина Уп.-6, длина Ч.-40, толщина Ч.- 3x3, пропорции П.-1:3	Медведев А.Ф. / На Вятских городищах Двуреченский О.В. / «происходит со всей территории Московского государства» Руденко К.А. / Суварское городище, селище Чакома, Музрихинское селище, Билляр (р.XXII)	IX-XIV вв. до вт. п. XVII в. XI-XII вв.
4 	Св.05-14Я/356, ОГС КП-3050/23, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.В/12, шт.15. Н. XVII-XVI вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.	Длина Н.-84, длина П.-50, ширина П.-15, толщина П.-2, длина Уп.-8, ширина Уп.-6, толщина Уп.-6, длина Ч.-34, толщина Ч.- 3x3, пропорции П.-1:3,5	Ситдиков А.Г. / Казанский Кремль Валиуллина С.И. / Торецкое поселение	III слой (вт.п.XV-п.п.XVI вв.) к. XIV-XV вв.
5 	Св.05-12Я/1960, ОГС КП-3050/21, Р.Татарская слободка, 2012 г., Уч.К/22, шт.10. Вт.п. XVII – с. XVII вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.	Длина Н.-73, длина П.-45, ширина П.-10, толщина П.-2, длина Уп.-10, ширина Уп.-5, толщина Уп.-5, длина Ч.-28, толщина Ч.- 3x2, пропорции П.-1:4,5	Медведев А.Ф. Двуреченский О.В. / «происходит со всей территории Московского государства». Чебоксары Хузин Ф.Ш. / Билляр	VIII-IX вв. XV-XVII вв. X-п.п.XIII вв.
6 	Св.05-12Я/283, ОГС КП-3050/14, Р.Татарская слободка, 2012 г., Уч.Л/17, шт.9. Вт.п. XVII – с. XVII вв. Консервирован, удовлетворительная сохранность, фрагмент.	Длина Н.-64 (?), длина П.-45, ширина П.-10 (?), толщина П.-3, длина Уп.-9, ширина Уп.-6, толщина Уп.-6, длина Ч.-19 (?), толщина Ч.- 3x4, пропорции П.-1:4,5	Савченкова Л.Л. / Болгары, сборы Ситдиков А.Г. / Казанский Кремль	VIII-IX вв. III слой (вт.п.XV-п.п.XVI вв.)
7 	Св.05-14Я/702, ОГС КП-3050/26, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.В/19, шт.15. Н. XVII-XVI вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.	Длина Н.-92, длина П.-51, ширина П.-12, толщина П.-4, длина Уп.-6, ширина Уп.-7, толщина Уп.-6, длина Ч.-41, толщина Ч.- 4x3, пропорции П.-1:4,25	Медведев А.Ф. Двуреченский О.В. Хузин Ф.Ш. / Билляр Руденко К.А. / Янгильдинское селище	IX-XIII вв. п.п. XV-XVII вв. X-п.п.XIII вв. XII-п.XIII вв.,
8 	Св.05-12Я/284, ОГС КП-3050/15, Р.Татарская слободка, 2012 г., Уч.З/17, шт.6 (под настолом), сор.23. К. XVII в. Консервирован, удовлетворительная сохранность, фрагмент.	Длина Н.-54 (?), длина П.-47, ширина П.-11, толщина П.-3, длина Уп.-6, ширина Уп.-6, толщина Уп.-6, длина Ч.-7 (?), толщина Ч.- 3 (?), пропорции П.-1:4,25	Чебоксары Чакома, Янгильдинское селище, VI Алексеевское Старокуйбышевское городище Болгар Билляр	XIV-XVII в. XI-XII вв. XI-XII вв. XI-XIV вв. X-XIII вв.

	<p>Св.05-13Я/77, ОГС КП-3050/19, Р.Татарская слободка, 2013 г., Уч.Ж/26, шт.15. Н. XVII-XVI вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.</p>	<p>Длина Н.-50, длина П.-20, ширина П.-12, толщина П.-3, длина Уп.-6, ширина Уп.-5, толщина Уп.-3, длина Ч.-30, толщина Ч.-3х3, пропорции П.-1:1,5</p>	<p>Медведев А.Ф. Хузин Ф.Ш. / Билляр Руденко К.А. / Болгарское городище</p>	<p>IX-XI вв. X-п.п.XIII вв. XI-XIII вв.</p>
	<p>Св.05-14Я/729, ОГС КП-3050/22, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.И/7, шт.15. Н. XVII-XVI вв. Консервирован, удовлетворительная сохранность, фрагмент.</p>	<p>Длина Н.-77 (?), длина П.-54 (?), ширина П.-14 (?), толщина П.-3, длина Уп.-10, ширина Уп.-7, толщина Уп.-6, длина Ч.-23, толщина Ч.-4х3, пропорции П.-1:4</p>	<p>Медведев А.Ф. / у д.Таткеевки, на Вятских городищах IX-XII вв., в Сувае Двуреченский О.В. Хузин Ф.Ш. / Билляр Савченкова Л.Л. / Болгары, Р.22. LXXXV Руденко К.А. / Биллярское городище Измесское селище Болгары, с. Сокуры Мурихинское селище Валиулина С.И. / Топешское поселение</p>	<p>IX-XIII вв. к. XVI-XVII вв. X-XIII вв. XI-XIV вв. XI-XIII вв. XI-XII вв. XII-XIV вв. XI-XIII вв. к. XIV-XV вв.</p>
	<p>Св.05-14Я/715, ОГС КП-3050/24, Р.Татарская слободка, 2014 г., Уч.Г/9-10, шт.16 (выборка 4), соор.214 Н. XVII-XVI вв. Консервирован, хорошая сохранность, целый.</p>	<p>Длина Н.-82, длина Г.-49, ширина Г.-7, толщина Г.-5, длина Уп.-6, ширина Уп.-6, толщина Уп.-6, длина Ч.-33, толщина Ч.-4х4, пропорции Г.-1:4</p>	<p>Медведев А.Ф. / на Вятских городищах Двуреченский О.В. Казяков Е.П. / Танцевский могильник Руденко К.А. / Биллярское городище, Мурихинское селище, Идякар (XI-XIII вв.) Валиулина С.И. / Торешское поселение</p>	<p>X-XIV вв. до к. XVII в. IX-X вв. XI-XIII вв. к. XIV-XV вв.</p>
	<p>Св.05-13Я/960, ОГС КП-3050/18, Р.Татарская слободка, 2013 г., Уч.М/25, шт.11. С. XVII - н. XVII вв. Хорошая сохранность, целый.</p>	<p>Длина Н.-47, диаметр Н.-15, длина Вт.-27, диаметр Вт.-12 пропорции Н.- 1:3</p>	<p>Медведев А.Ф. / в Билляре, в косторезных мастерских Билляра есть заготовки таких стрел Хузин Ф.Ш. / Билляр Закирова И.А. / Волжская Болгария, Болгары Казяков Е.П. / Измесское I селище Ситдинов А.Г. / Казанский Кремль Пальцева Д.У., Шакиров З.Г. / Билляр, Болгарское городище</p>	<p>до XIV в. X-п.п.XIII вв. X-XI вв. IV-V слой (к. X-п.п. XV вв.) X-XIII вв. (?)</p>

¹ Принятые сокращения: Н. – наконечник, П. – перо, Г. – головка, Ш. – шейка, Уп. – упор, Ч. – черешок, Вт. – втулка. Цифровые значения физических характеристик, кроме пропорции пера или головки, даны в мм.

территории Древней Руси и Среднего Поволжья типы с близкими признаками использовались в IX–XIII вв. На археологических памятниках позднего средневековья схожие по форме наконечники не известны.

Свияжский наконечник (см. табл. 2: 9) оригинален формой пера и размерами, не имеет аналогий. Форма пера видоизменена, не соответствует многим характеристикам условного типа. Пропорции пера составляют всего 1:1,5. На территории Среднего Поволжья идентичных наконечников стрел позднего времени бытования не обнаружено.

6. Железный, черешковый, плоский. Проникатель иволистный с наибольшим расширением в верхней

половине длины, в сечении ромбовидный уплощенный; стороны сильно выгнутые средние; плечики выгнутые длинные; основание пера представлено плавным переходом плечиков в простой упор. Представлен одним экземпляром (см. табл. 2: 10, рис. 1: 10).

Схожие формы наконечников стрел исследованы в работах А.Ф. Медведева – тип 63 (90 экз.), О.В. Двуреченского – тип 13 (4 экз.), Ф.Ш. Хузина – тип БП25 (5 экз.), Л.Л. Савченковой – тип Б2 (3 экз.), К.А. Руденко – тип А11г (6 экз.), А21 (2 экз.), А24а (2 экз.), Б43б (2 экз.), С.И. Валиулиной (Медведев, 1966, с. 74; Двуреченский, 2007, с. 285; 2008, с. 166; Хузин, 1985, с. 154; Савченкова, 1996, с. 74; Руденко, 2003, с. 79, 82, 99; 2010, с. 33, 37–

38, 75; Валиулина, 2009, с. 18; 2015, с. 75). По материалам раскопа наконечник датируется XVI – началом XVII вв. Относится к распространенному и многочисленному типу. Похожие наконечники найдены на синхронных памятниках Московского государства конца XV–XVII вв. Близкими по времени являются материалы Торецкого поселения XIV–XV вв. (см. табл. 2: 10). Как и в большинстве вышеописанных случаев, отмечается востребованность данного типа наконечников стрел на продолжительном отрезке времени.

7. Железный, черешковый, граненый. Проникатель пулевидный вытянутый узкий массивный с наибольшим расширением в средней трети длины, в сечении имеют форму уплощенного ромба с долом (продольной ложбинкой) на лицевой и оборотной стороне головки; стороны слегка выгнутые длинные; плечики слегка выгнутые средней длины; основание головки представлено плавным переходом плечиков в простой равнобедренный упор восьмиугольного сечения. Представлен одним экземпляром (см. табл. 2: 11, рис. 1: 11).

Похожие наконечники стрел изучены в работах А.Ф. Медведева – тип 93 (59 экз.), О.В. Двуреченского – тип 1а (18 экз.), Е.П. Казакова (19 экз.), К.А. Руденко – тип Б34 (2 экз.), С.И. Валиулиной – (2 экз.) (Медведев, 1966, с. 84; Двуреченский, 2007, с. 281–282; 2008, с. 159–160; Казаков, 1992, с. 150; Руденко, 2003, с. 96; 2010, с. 67; Валиулина, 2009, с. 17; 2015, с. 72). По материалам раскопа наконечник стрелы датируется XVI – началом XVII вв. Схожие по форме наконечники встречаются на синхронных памятниках Московского государства до конца XVII в. На терри-

тории Среднего Поволжья близкими по времени являются материалы Торецкого поселения конца XIV–XV вв. (см. табл. 2: 11). Ранние формы наконечников этого типа на средневековых объектах известны с IX в.

Свияжский наконечник (см. табл. 2: 11) выделяется по форме поперечного сечения в виде уплощенного ромба с коротким долом (продольной ложбиной) на лицевой и оборотной стороне головки. По остальным признакам форма пера наконечник близка с характеристиками типов предыдущих исследователей. Вероятно, оригинальное оформление рассматриваемого наконечника стрелы отражает региональные особенности военного дела.

8. Костяной, втульчатый. Наконечник пулевидной формы – конический объемный с наибольшим расширением в нижней части длины, в сечении круглой формы; стороны выгнутые длинные; плечики отсутствуют; втулка сужается от основания к острию, в длину доходит до 2/3 длины наконечника; основание наконечника представлено ровным поперечным срезом круглого сечения. Представлен одним экземпляром (см. табл. 2: 12, рис. 1: 12).

Схожие по форме костяные наконечники рассмотрены А.Ф. Медведевым – тип 1 – пулевидные конические, Ф.Ш. Хузиным – тип I (95 экз.), И.А. Закировой – тип 1А (10 экз.), Е.П. Казаковым – (1 экз.), К.А. Руденко, А.Г. Ситдиковым, Д.У. Пальцевой и З.Г. Шакировым – тип 1 (подтип 1) (56 экз.) (Медведев, 1966, с. 87–88; Хузин, 1985, с. 26; Закирова, 1988, с. 226; Казаков, 1991, с. 142; Руденко, 2005, с. 69; Ситдинов, 2006, рис. 161: 3; Пальцева, Шакиров, 2012, с. 45).

Наконечник можно отнести к самому многочисленному типу костя-

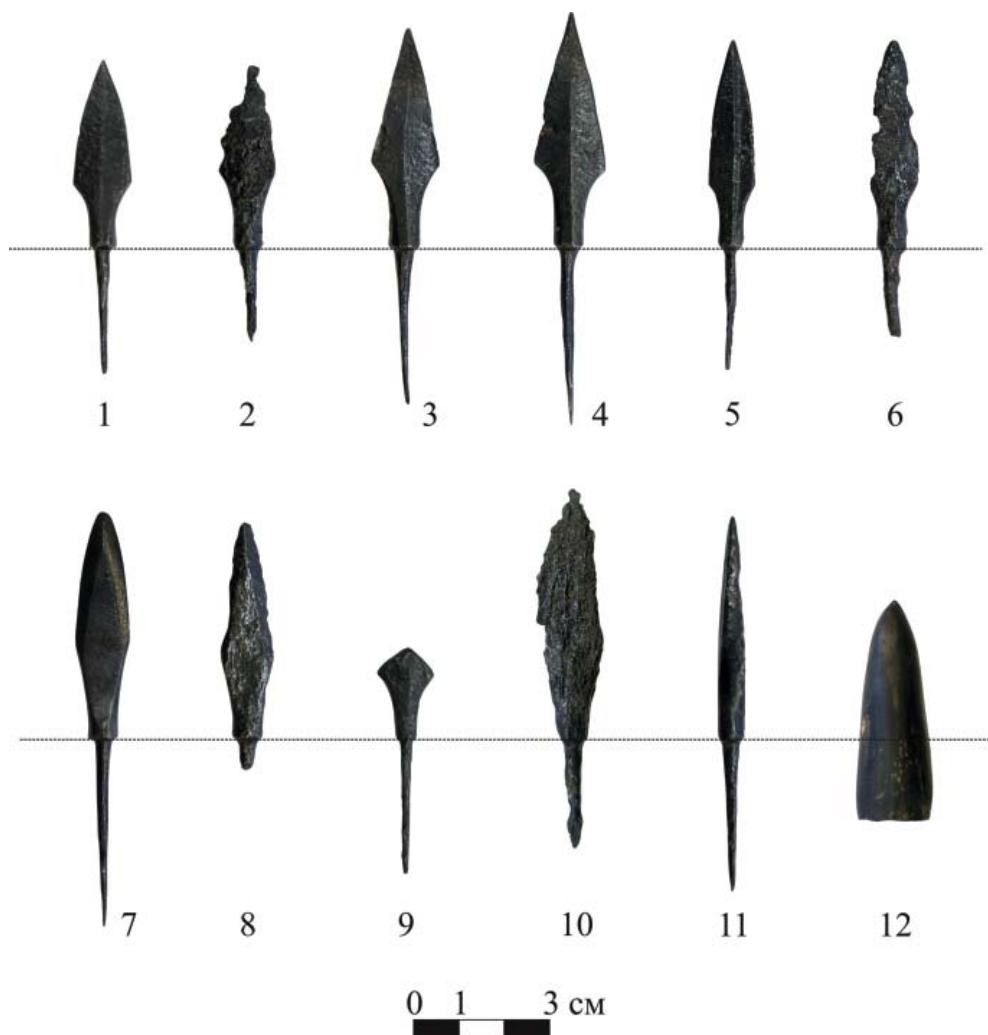

Рис. 1. Наконечники стрел из раскопа «Татарская слободка» 2012–2014 гг. острова-града Свияжск. 1–11 – железо; 12 – кость.

Fig. 1. Arrowheads from “Tatarskaya Slobodka” excavation of 2012–2014 on the Island Fortress of Sviyazhsk. 1–11 – iron; 12 – bone.

ных наконечников Волжской Болгарии. В Биляре обнаружены заготовки таких наконечников. По материалам раскопа костяной наконечник стрелы датируется началом XVII – серединой XVII вв. (см. табл. 1: 12). Наиболее близкими являются экземпляры из слоев конца X – первой половины XV вв. городища Казанский кремль (см. табл. 2: 12). Широкие границы бытования похожих костяных на-

конечников стрел, вероятно, связаны как со спецификой исходного сырья, использовавшегося для их изготовления, так и универсальностью формы. В центральных регионах схожие наконечники были распространены до XIV вв.

Все рассмотренные свияжские наконечники стрел происходят с территории посада средневекового города из слоя, датируемого XVI–XVII вв.,

что косвенно указывает на верхние границы использования лука и стрел жителями Свияжска. Для некоторых наконечников стрел, обнаруженных ранее на средневековых археологических памятниках Республики Татарстан, завьшается время бытования до XVI – конца XVII вв. (наконечники стрел 9, 10, 11, 12). При этом надо учитывать погрешность, которая может быть связана с переотложенностью напластований.

Несмотря на полученные узкие датировки по материалам раскопок позднесредневековых памятников, отсутствие выделенных ярко выраженных особенностей (индивидуальных признаков) формы пера внутри типа и одновременно слабая проработка накопленных за последнее время наконечников стрел не позволяют отнести их к категории узкодатирующего материала. Широкое время бытования близких форм наконечников стрел, вероятно, связано с их универсальностью и простотой изготовления.

Большинство свияжских железных наконечников по форме пера относятся к универсальным типам, что подтверждает общую тенденцию поздних восточноевропейских памятников археологии к универсализации приемов изготовления и «унификации» типов наконечников стрел. Разнообразие универсальных типов наконечников вероятно связано со спецификой появления города-крепости Свияжска, как военного опорного пункта с заселяющимися его многочисленными группами служилого населения.

Несмотря на эволюцию наконечников стрел в памятниках археологии позднего средневековья в сторону универсализации типов, в раскопе «Татарская слободка» получены наконечники с оригинальными и инди-

видуальными признаками (наконечники 5, 9 и 11), также с элементами вторичной обработки (наконечники 7 и 8), характеризующие местные особенности изготовления и применения метательного вооружения.

Наконечники с не стандартным набором типологических признаков составляют практически половину от общего количества найденных наконечников стрел в раскопе. Для рассматриваемой эпохи такое соотношение не характерно, так как многочисленные «узкоспециальные» наконечники стрел встречаются в более раннее время. Хотя подводить все уникальные наконечники под узкую специализацию или определенное функциональное назначение будет неправильно. Возможно, имело место некое усовершенствование или доработка (например, наконечники 7, 8).

В целом, время бытования «местных» типов наконечников стрел, к которым можно условно отнести и оригинальные свияжские наконечники, соотносятся с типами, распространенными в центральной части Московского государства, однако отсутствие деталей в публикациях не позволяет конкретизировать эти наблюдения.

Возрастающее количество средневековых уникальных наконечников требуют дальнейшего изучения и разработки современных методов их исследования. В частности, актуальны вопросы определения приемов изготовления (наконечники 5, 11) и функционального назначения оригинальных наконечников стрел (5, 7, 8, 9, 11).

Типологический и функциональный анализ новых находок наконечников стрел с региональных узкодатируемых памятников, при увеличении выборки, усилят информационные возможности для изучения особенно-

стей развития военного дела, а также для датирования культурного слоя и могут являться надежным источником объектов археологического наследия.

Примечания:

¹ В случаях отсутствия информации о времени существования археологических объектов в работах предыдущих исследователей датировка памятника осуществлялась с использованием Свода памятников археологии Республики Татарстан (том III) (Свод памятников, 2006).

² Проникатель – часть пера или головки от острия до места стыка с шейкой или упором (при отсутствии шейки).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валиуллина С.И.* Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 16–23.

2. *Валиуллина С.И.* Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской полиграфический комбинат детской литературы, 2015. С. 71–97.

3. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

4. *Двуреченский О.В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН; Министерство культуры Правительства МО, 2007. С. 277–304.

5. *Двуреченский О.В.* Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб, 2008а. 25 с.

6. *Двуреченский О.В.* Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века). Дисс... канд. ист. наук. СПб, 2008б. 649 с.

7. *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–244.

8. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

9. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

10. *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 121–191.

11. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.

12. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

13. *Пальцева Д.У., Шакиров З.Г.* Изделия из кости и рога средневекового Биляра // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 3 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2012. С. 37–65.

14. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

15. *Руденко К.А.* Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань-Яльчик. Казань: Школа, 2005. С. 67–97.

16. *Руденко К.А.* Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. 254 с.

17. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X–XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

18. *Савченкова Л.Л.* Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 89–153.

19. Свод памятников археологии Республики Татарстан / Т. 3 / Отв.ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Института Истории АН РТ, 2007. 528 с.

20. *Ситдииков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиантъ, 2006. 288 с.

21. *Старков А.С.* Археологические исследования 2013 г. в Свияжске // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 26–29.

22. *Старков А.С., Карпов Э.И.* Археологические исследования 2012 г. в Свияжске // Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители: Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Старков А.С. Казань, 2013. С. 21–28.

23. *Старков А.С., Ситдииков А.Г., Феодулов М.И.* Археологические исследования 2014 г. в Свияжске // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 32–36.

24. *Халиков Н.А.* Орудия охоты // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 26–33.

25. *Хузин Ф.Ш.* Предметы вооружения // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 130–170.

Информация об авторах:

Карпов Эдуард Ильич, научный сотрудник, Институт археологии им А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); eduard-karпов@inbox.ru

Старков Андрей Сергеевич, заместитель директора по научной работе, ООО «Поволжская археология» (г. Казань, Россия); 2647425@mail.ru.

ARROWHEADS FROM THE SUBURBAN AREA OF THE FORTRESS TOWN OF SVIYAZHSK ON THE BASIS OF “TATARSKAYA SLOBODKA” EXCAVATION AREA

E.I. Karpov, A.S. Starkov

A significant collection of arrowheads has been accumulated as a result of large-scale excavations of late medieval archaeological sites in Tatarstan. The paper features the first publication of a unique collection of iron arrowheads dating back to the 16th – 17th centuries discovered at “Tatarskaya Slobodka” excavation in the suburban area of the fortress town of Sviyazhsk in 2012–2014. The study has provided the physical characteristics, structural and morphological features of each item, as well as the counterparts, chronological and territorial aspects of distribution. A detailed description and comprehensive study of these artifacts facilitate the future use of this material as a framework for the attribution and dating of similar findings discovered at other late medieval monuments, and individual study thereof. The authors have established that single original items with different features existed within particular types of findings together with similar “identical” arrowheads. The obtained data indicate that exact dating is impossible without a thorough study of each arrowhead, and external “similarity” can result in erroneous dating.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Republic of Tatarstan, Sviyazhsk, “Tatarskaya Slobodka” excavation, 2012–2014, armament complex, arrowheads, Late Middle Ages.

REFERENCES

1. Valiulina, S. I. 2009. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 151, book 2, part 1. Kazan: Kazan State University, 16–23 (in Russian).
2. Valiulina, S. I. 2015. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* (8). Tver: Tver printing plant of children's literature Publ., 71–97 (in Russian).
3. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Dvurechenskii, O. V. 2007. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–304 (in Russian).
5. Dvurechenskii, O. V. 2008. *Kholodnoe nastupatel'noe vooruzhenie Moskovskogo gosudarstva (konets XV – nachalo XVII veka) (Cold offensive weapons of the Moscow state (late 15th – early 17th century))*. Abstract of PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
6. Dvurechenskii, O. V. 2008. *Kholodnoe nastupatel'noe vooruzhenie Moskovskogo gosudarstva (konets XV – nachalo XVII veka) (Cold offensive weapons of the Moscow state (late 15th – early 17th century))*. PhD. Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
7. Zakirova, I. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar: Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220–244 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bulgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Medvedev, A. F. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 121–191 (in Russian).
11. Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgars on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
13. Pal'tseva, D. U., Shakirov, Z. G. 2012. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy arkheologii i istorii Tatarstana (Issues of Archaeology and History of Tatarstan)* 2. Kazan: "Shkola" Publ., 37–65 (in Russian).
14. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
15. Rudenko, K. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bulgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 67–97 (in Russian).
16. Rudenko, K. A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII–XVII vv. n.e. (Medieval Weapons of the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th – 17th cc. AD)*. Ufa: Eastern Economics and Law Academy of Humanities (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th – the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ.
18. Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*.

Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).

19. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkhologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

20. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

21. Starkov, A. S. 2014. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 26–29 (in Russian).

22. Starkov, A. S., Karpov, E. I. 2013. In Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2012 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2012: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: Institute of History named after Mardzhani the Tatarstan Academy of Sciences, 21–28 (in Russian).

23. Starkov, A. S., Sitdikov, A. G., Fedulov, M. I. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviiazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost' 32–36 (in Russian).

24. Khalikov, N. A. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 26–33 (in Russian).

25. Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 130–170 (in Russian).

About the Authors:

Karpov Eduard I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; eduard-karpov@inbox.ru

Starkov Andrey S. Deputy Director, Volga Region Archaeology LLC. Nekrasov Str., 28, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; 2647425@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

К 100-летию российской академической археологии

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.172.188>

К ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН: МОСКОВСКАЯ СЕКЦИЯ РАИМК–ГАИМК

© 2019 г. И.В. Белозёрова, П.Г. Гайдуков, С.В. Кузьминых

Статья посвящена начальному периоду становления современного Института археологии РАН, связанному с деятельностью Московской секции РАИМК–ГАИМК в 1919–1929 гг. В организационных рамках этой секции, а также Института археологии и искусствознания РАНИОН, Государственного исторического музея и Института антропологии МГУ проходила в 1920-е годы самоорганизация и консолидация московских археологов. В те годы ее осуществить не удалось. К концу этого десятилетия ИАИ РАНИОН и МС ГАИМК как организационные и научные структуры прекратили свою деятельность. Короткое время, до 1932 г., Исторический музей и Институт антропологии оставались базовыми научными подразделениями московских археологов, пока ГАИМК вновь решилась на открытие Московского отделения. Основное внимание в статье обращено на организацию и этапы развития МС РАИМК–ГАИМК, ее практическую деятельность. История Московской секции рассмотрена в контексте взаимосвязей с головным учреждением в Ленинграде и на фоне общественно-политической ситуации в стране, особенно на рубеже 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: археология, Российская / Государственная Академия истории материальной культуры, Московская секция, Музейный отдел НКП РСФСР, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, Государственный исторический музей, Институт антропологии МГУ, Комиссия по археологии, В.В. Богданов, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров.

18 апреля 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров была учреждена Российская Академия истории материальной культуры, подчиненная Научному отделу Народного комиссариата просвещения РСФСР. Функции Императорской археологической комиссии (1859–1917 гг.) и ее преемницы Российской государственной археологической комиссии (1917 – начало 1919 г.) перешли к РАИМК (рис. 1, 2). История преобразования ИАК и деятельность РАИМК–ГАИМК в Петрограде–Ленинграде отражена в ряде фундаментальных трудов, изданных ИИМК РАН (Платонова, Мусин, 2009; Платонова, 2010, с. 219–225; Носов, 2013). В этом отношении исто-

рия современного Института археологии АН СССР/РАН (ранее Московская секция РАИМК–ГАИМК, Московское отделение ГАИМК–ИИМК) еще ждет своего исследования. Она кратко освещалась в связи с более ранними юбилеями института (Киселев, 1944; Рыбаков, 1968; Шелов, 1991; Гуляев, 2000; Макаров, 2007). Настоящий очерк посвящен предыстории современного ИА РАН – его существования в организационных рамках РАИМК–ГАИМК вплоть до 1929 г., когда деятельность Московской секции прервалась.

Московская секция (МС) РАИМК упоминается уже в первоначальном уставе Академии, при этом конста-

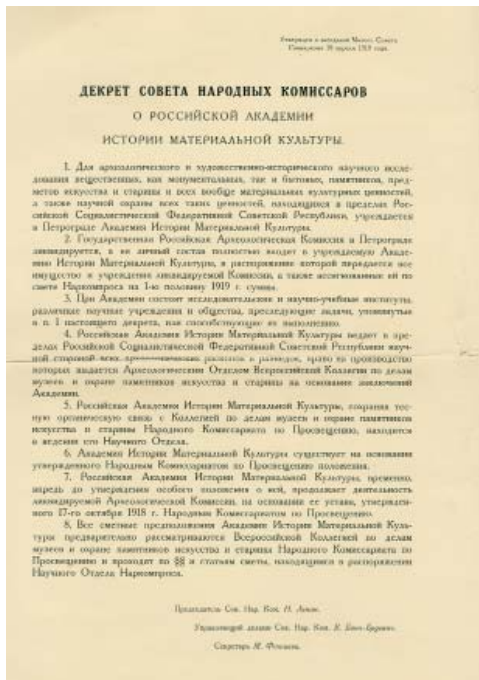

Рис. 1. Декрет Совета народных комиссаров о Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). 18 апреля 1919 г. (Архив РАН. Ф. 2. 1919. Д. 1).

Fig. 1. Decree of the Council of People's Commissars on the Russian Academy for the History of Material Culture. April 18, 1919. (Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. 1919. Dossier 1).

тируется, что ее члены, ученые и научные сотрудники, ассистенты, пребывающие в Москве, образуют Совещание МС, которое является «органом связи» с РАИМК (Устав... 1919, с. 27). Первое заседание Совета МС состоялось 28 августа 1919 г. Возглавлял секцию в 1919–1921 гг. этнолог В.В. Богданов; обязанности ученого секретаря исполнял Н.Б. Бакланов; 18.08.1921 г. новым председателем МС стал Ю.В. Готье (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК), оп. 1 (1921 г.), д. 62, л. 31 об.) (рис. 3).

Московская секция на первых порах представляла собой объедине-

ние штатных сотрудников РАИМК (Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, П.Д. Барановский, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, И.Э. Грабарь, А.А. Захаров, В.К. Клейн, А.П. Мюллер, А.А. Новосадский, Н.Д. Протасов, Д.Н. Эдинг), работавших в самых разных учреждениях Москвы. К 1 января 1922 г. в МС числилось 32 научных сотрудника (там же, л. 59). В соответствии с «Инструкцией», утвержденной Советом секции 11.03.1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 18, л. 3), в ее составе предусматривалось три отделения: этнологическое, археологическое, историко-художественное и две постоянные комиссии – по изучению древностей Центральной России, карт и древних путей, пользующихся в «научно-административном отношении» правами отделений (Бухерт, 2005, с. 409). С самого начала в деятельности МС предполагался широкий спектр историко-гуманитарных исследований (рис. 4, 5).

Все первые годы своей деятельности Московская секция не обладала теми же правами, как петроградская РАИМК, оставаясь у нее на положении «падчерицы». РАИМК «не очень-то заботилась о формах и способах существования московского «меньшого брата», что чуть не привело к гибели МС» (Сорокина, 2015, с. 331). Н.Я. Марр и руководство РАИМК своих обязательств перед коллегами не выполняли, хотя положение о МС, утвержденное ее Советом в марте 1921 г., ясно свидетельствовало о стремлении московских археологов к самоорганизации и готовности к сотрудничеству в непростых реалиях послереволюционного времени. В феврале 1923 г. на Совете РАИМК

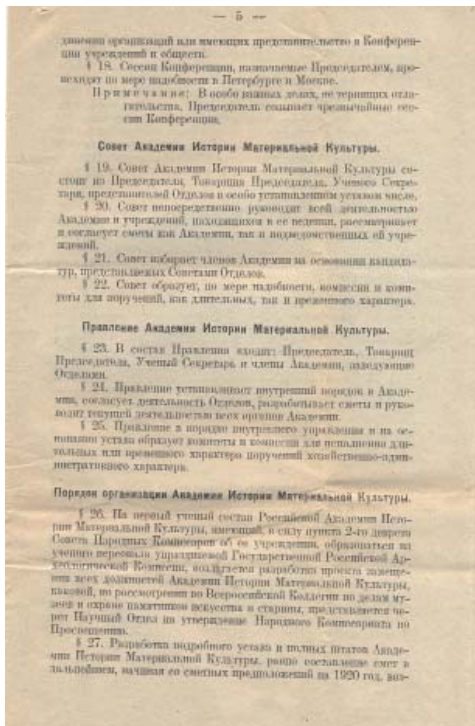
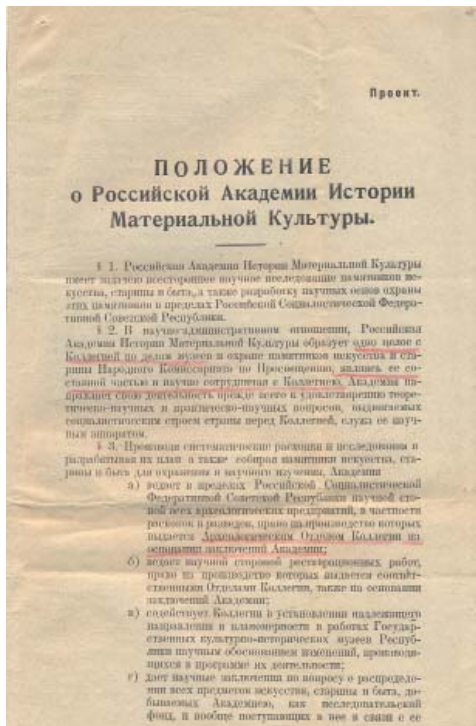

Рис. 2 (а, б). Проект Положения о РАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 1, 4).

Fig. 2 (a, b). Draft Regulation on the Russian Academy for the History of Material Culture (Written Source Department of State Historical Museum. Fund 431. Dossier 113. Sheet 1, 4).

был поставлен вопрос о реорганизации структуры Академии, но из-за отсутствия средств и помещений для работы Московская секция с 1 июля 1922 г. фактически прекратила свою деятельность (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК), оп. 1 (1922 г.), д. 47, л. 4; ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 18, л. 3), хотя официально она не была расформирована и к тому же несколько ее членов оставались в качестве представителей РАИМК в Москве (Кагагощина, 1993, с. 88).

Прекращение деятельности Московской секции выглядело неестественным шагом, учитывая ее востребованность и контакты с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР (далее Музейный отдел), который в 1919–1922 гг. постоянно обращался в

МС за справками и экспертными заключениями по весьма важным и неотложным вопросам (Сорокина, 2015, с. 331, 332). Секция исправно исполняла роль консультативного органа, тем более что их территориальная близость позволяла оперативно осуществлять эти контакты и откликаться на запросы государственных структур.

Возобновление деятельности Московской секции произошло в 1924 г. Ключевую роль в ее возрождении сыграл Музейный отдел и лично Н.И. Седова (Троцкая). Руководитель отдела неоднократно обращалась к Н.Я. Марру, подчеркивая необходимость и важность возобновления работы подразделения РАИМК в Москве. Музейный отдел ожидал от МС продолжения активной экспертной

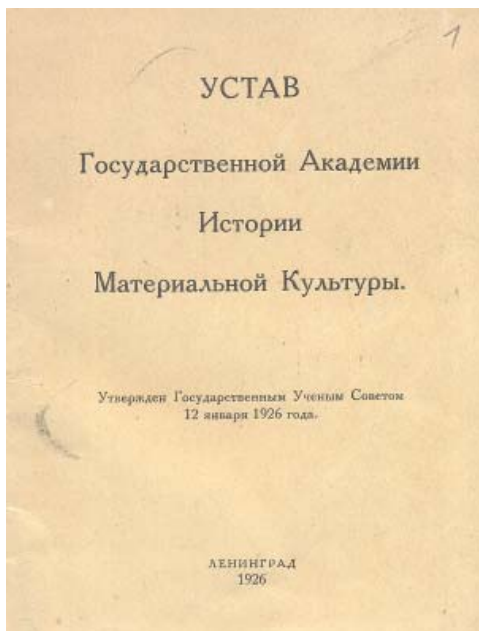

Рис. 3. Устав Государственной Академии истории материальной культуры (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 1. Л. 1).

Fig. 3. Charter of the State Academy for the History of Material Culture (Written Source Department of State Historical Museum. Fund 540. Dossier 1. Sheet 1).

деятельности по неотложным вопросам культурного и музейного строительства в стране, включая регламентацию полевых исследований (там же, с. 335). По ходатайству Н.Я. Марра перед НКП РСФСР 14 февраля в помещении ГИМ состоялось общее собрание (Пленума – в дальнейших документах) членов Московской секции, положившее начало восстановления ее деятельности (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК), оп. 1 (1922 г.), д. 47, л. 4; ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 18, л. 3). Причиной, побудившей РАИМК пойти на этот шаг, была необходимость иметь в Москве «достаточно компетентное учреждение не только научное, но и консультативное для центральных ведомств по надобности» (цит. по: Сорокина, 2015, с. 335). На оживле-

ние ученой и научно-консультационной работы в Москве, как основной причины воссоздания МС, указывал ее руководитель Д.Н. Егоров (1928, с. 3). В июле 1924 г. на защиту секции встали ГИМ, Центральное бюро краеведения, Научная ассоциация востоковедов, направившие обращения в Главнауку (Сорокина, 2015, с. 336).

На втором собрании Московской секции (28 февраля) была определена ее структура из четырех комиссий (археологическая, этнологическая, по истории быта, по истории искусства) и утвержден руководящий состав (президиумы) комиссий (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК), оп. 1 (1922 г.), д. 90, л. 10, 10 об.); пятая комиссия – по музееведению – учреждена на заседании 13 марта. Весной 1925 г. начала работу научно-исследовательская лаборатория по изучению древних тканей (Клейн, 1928, с. 29; ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 129). На том же заседании, 13 марта, был принят проект «Положения» и «Инструкции» МС (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 90, л. 11, 12). И.А. Сорокина обратила внимание на последний пункт «Положения»: «Подробности взаимоотношений РАИМК и МС в ведении научных дел нормируются инструкциями, вырабатываемыми Академией и ее Московской частью. МС даже получила право на создание новых научных учреждений и управление ими. Таким образом, была заложена основа превращения Московской секции в крупное научное учреждение» (Сорокина, 2015, с. 337).

Совет РАИМК утвердил первый личный состав Московской секции одновременно с «Положением» о ней. Из архивных документов следует, что помимо сотрудников ликвидированной в 1922 г. секции в состав воссоз-

Рис. 4. Руководители и члены Московской секции РАИМК.

Fig. 4. Heads and Members of the Moscow Section of the Russian Academy for the History of Material Culture.

данного научного учреждения «вошли виднейшие научные специалисты Москвы с числом 55 человек». К апрелю 1925 г. МС «закончила свою внутреннюю организационную работу, определившую ее структуру как научно-исследовательского учреждения по вопросам археологии, этнологии, истории быта, искусства, музееведения, и путем привлечения в свою среду виднейших специалистов Москвы приняла форму того научно-консультативного органа, каким она должна

быть согласно п. 2 Инструкции, принятого Пленумом Секции 13.03.1924 г.» (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 92, л. 22).

В 1926 г. РАИМК была реорганизована в Государственную Академию истории материальной культуры в системе НКП РСФСР. В Москве продолжилась деятельность Московской секции ГАИМК. До закрытия секции в 1929 г. ею руководил Д.Н. Егоров, заместитель председателя – Ю.В. Готье, ученый секретарь – Н.Д. Протасов. Структурно к 1928 г.

Список членов и сотрудников Моск. С. Р. А. И. М. К.
получающих академический паек.

Имя	по паяку	Имя	по паяку
1) Якуши В. И.	Чибераф.	16) Ревкин В. А.	Хриб
2) Баламанов Н. П.	Академ.	17) Куркин В. А.	Чибера
3) Сарасовский Н. Д.	Муз. отд.	18) Соболевский В. А.	Красный
4) Бахрушин С. А.	Чибераф.	19) Макаров Н. П.	Академ.
5) Бодальев В. В.	Академ.	20) Малицкий Г. Л.	Муз. отд.
6) Бородин М. И.	Красный	21) Новосельский А. А.	Чибераф.
7) Бунак В. В.	Чибераф.	22) Прокопьев А. В.	Красный
8) Готье Ю. В.	Чибераф.	23) Прокопьев Н. Д.	Муз. отд.
9) Грабарь В. Э.	Муз. отд.	24) Сергиевский А. А.	Чибераф.
10) Григорьев М. И.	Красный	25) Шварцман М. И.	Красный
11) Жуков Б. С.	Чибераф.	26) Шварцман Н. Д.	Муз. отд.
12) Захаров А. А.	Чибераф.		
13) Захаров А. И.	Муз. отд.		

Моск. С. Р. А. И. М. К.
И. М. К.

Рис. 5. Список членов и сотрудников Московской секции РАИМК, получающих академический паек (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 61. Л. 35).

Fig. 5. List of members and specialists of the Moscow section of the Russian Academy for the History of Material Culture receiving an academic allowance (Written Source Department of State Historical Museum. Fund 540. Dossier 61. Sheet 35).

МС состояла из пяти комиссий: археологии (Ю.В. Готье, секретарь А.А. Захаров), этнологии (В.В. Богданов), истории быта (М.М. Богословский, с 1928 г. С.В. Бахрушин), истории искусства и музееведения (Б.П. Денике и Г.Л. Малицкий); научно-техническая лаборатория по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (В.К. Клейн). Секцией руководил президиум, избранный ее пленумом. Также президиумы стояли во главе комиссий. В совокупности они образовывали Совет Московской секции. В секциях состояли их члены (список утверждался в Ленинграде) и сотрудники (Бухерт, 2005, с. 414).

Д.Н. Егоров, подводя в 1928 г. итоги работы Московской секции, основной

ее задачей (как и РАИМК–ГАИМК в целом) видел «нахождение, хранение и изучение памятников материальной культуры» (Егоров, 1928, с. 3). Среди особых условий деятельности секции он отмечал «близость к практическим заданиям центральных органов», имея в виду, прежде всего, тесные взаимоотношения с Музейным отделом НКП РСФСР. Это, в свою очередь, накладывало на МС обязательства «с особой внимательностью отзываться на многочисленные учено-консультационные запросы и вопросы реформы и рационализации строительства, охраны, хранения, популяризации археологических и историко-бытовых древностей нашей страны, все время заостряя теоретические проблемы в жизненно-практический уклон» (там же).

На положении «падчерицы» у головной РАИМК–ГАИМК в Ленинграде Московская секция оставалась и после воссоздания в 1924 г. В том же обзоре о деятельности секции Д.Н. Егоров с сожалением констатировал, что «крайняя скудость средств <...> не могла не затруднить ее работ» (там же, с. 4). И.А. Сорокина, опираясь на архивные документы, раскрыла это лаконичное замечание руководителя МС, отметив, что большинство сотрудников работало в секции на общественных началах, получая лишь небольшие пособия; полный оклад был только у 4 членов; при этом к 1929 г. в штате МС состояло 9 членов и 136 сотрудников – «аппарат полноценного научно-исследовательского института» (Сорокина, 2015, с. 337).

Другая сложность работы Московской секции заключалась в том, что у нее «не было и не могло быть собственного помещения» (Егоров, 1928, с. 4). В начале 1920-х гг. сек-

Рис. 6. Титул сборника МС ГАИМК «К десятилетию Октября».

Fig. 6. Title page of the “10th Anniversary of October Revolution” Collection of the Moscow section of the State Academy for the History of Material Culture.

ция недолго размещалась на Малой Никитской, 12. После этого ее «приютил» Российский (с 1925 г. Государственный) исторический музей. Обращения в Главнауку с ходатайством о предоставлении МС бывшего здания Московского археологического общества на Берсеневской набережной (д. 18) оказались безуспешными (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 39). То же произошло с библиотекой и архивом МАО (Бухерт, 2005, с. 411, 412; Серых, 2012; Городцов, 2015а, с. 351, 352). В итоге секция осталась без собственной библиотеки. К счастью, вновь оказал содействие ГИМ, предоставив сотрудникам МС право пользования библиотекой музея. Отсутствие ассигнований свело практически к нулю самостоятельную издательскую

деятельность (ОПИ ГИМ.Ф. 540, д. 130–139). Единственный труд, вышедший под грифом Московской секции, – «К десятилетию Октября» (1928); сборник удалось опубликовать только благодаря финансовой поддержке Главнауки (Егоров, 1928, с. 4) (рис. 6). Несмотря на издательские проблемы, труды сотрудников МС регулярно публиковались в различных российских и зарубежных журналах (Магнус, 1931; Добрынин, 1936; Советская..., 1965). Секция поддерживала активный книгообмен с учреждениями СССР, стран Европы и Америки, а также с отдельными лицами (ОПИ ГИМ.Ф. 540, д. 140–142). Полевые археологические, этнографические и исторические исследования велись МС в основном в кооперации с другими организациями в различных регионах СССР (Археологические..., 1962, с. 25–59). Некоторое финансирование от РАИМК–ГАИМК выделялось на научно-техническую лабораторию тканей и шитья. Она смогла «приступить к лабораторным работам, хотя и в весьма скромном объеме...»; ГИМ предоставил два помещения – для химических и технологических работ (Клейн, 1928, с. 29). Научными сотрудниками лаборатории стали специалисты Центральных государственных реставрационных мастерских и хранители тканей московских музеев: Т.Н. Александрова-Дольник, Н.П. Шабельская, М.Н. Левинсон-Нечаева, Е.А. Георгиевская-Дружинина, Л.И. Свионтковская-Воронова, Е.П. Муратова (рис. 7).

Исследования начались с изучения экспонатов музея, при этом внимание было привлечено как к стилистическим особенностям древних тканей, так и к технологии их производства. В лаборатории были проведены анали-

Рис. 7. В.К. Клейн и сотрудники научно-технической лаборатории по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (НВА ГИМ).

Fig. 7. V.K. Kleyn and the specialists of the scientific and technical laboratory for the study of fabric and needlework storage and restoration methods (scientific departmental archive of State Historical Museum).

зы и реставрация тканей, найденных в элитных гуннских захоронениях могильника Ноин-Ула (раскопки Монгольской экспедиции П.К. Козлова), средневековых курганах Калужской и Смоленской губерний (раскопки Н.И. Булычева и А.А. Спицына), а также итальянского шелка XVII в. (там же, с. 33–41). К исследованию тканей Ноин-Улы были привлечены также специалисты технологического, политехнического, текстильного вузов и гистологической лаборатории Института опытной агрономии.

Д.Н. Егоров высоко оценивал деятельность лаборатории, отмечая, что ей удалось «осуществить длинный ряд сложнейших анализов и технологических точных характеристик, создавая постепенно тот метод, который

является, в полном его объеме, новостью не только у нас, но и на Западе» (Егоров, 1928, с. 4). В 1926–1927 гг. в Государственном историческом музее была развернута выставка «Ткани VII–XIX вв.», основную часть экспонатов для которой как раз подготовила лаборатория В.К. Клейна (Катагощина, 1993, с. 94).

По общему признанию специалистов археология являлась ведущим направлением в деятельности Московской секции. По сравнению с другими ее структурными подразделениями, работа Комиссии по археологии оценивается как наиболее результативная и организованная (Сорокина, 2015, с. 336). Комиссия оформилась и работала с 24 февраля 1924 г. и первоначально имела следующий

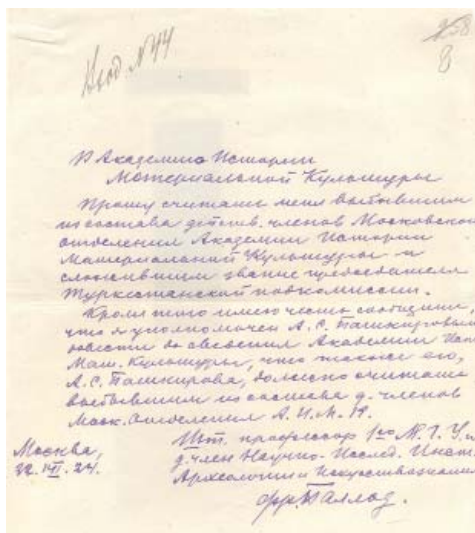

Рис. 8. Заявление Ф.В. Баллода о выбытии из действительных членов МС РАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 29. Л. 8).

Fig. 8. Letter by F.V. Ballod on withdrawal from the active members of the Moscow section of the Russian Academy for the History of Material Culture (Written Source Department of State Historical Museum. Fund 540. Dossier 29. Sheet 8).

состав: В.А. Городцов (председатель), И.Н. Бороздин (заместитель председателя), А.А. Захаров (секретарь), Ф.В. Баллод, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Н.Д. Протасов, Ф.И. Шмит, Д.Н. Эдинг. Вскоре В.А. Городцов и Ф.В. Баллод выбыли из состава комиссии; ее председателем стал Ю.В. Готье. Кроме того, в мае 1924 г. в составе археологической комиссии была выделена особая подкомиссия по изучению памятников трипольской культуры (рис. 8).

В 1928 г. Комиссия по археологии состояла из 4 сотрудников и 22 членов-сотрудников, своего бюджета она не имела. В 1924–1928 гг. состоялось 61 заседание комиссии. Часть из них были объединенными, т. е. с участием 2–3 комиссий МС, иногда совместно

с другими научными коллективами Москвы: Комиссией по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа и Комиссией по изучению татарской культуры Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, Институтом археологии и искусствоведения РАНИОН, Историко-бытовой секцией Общества изучения Московской губернии и др. (Бухерт, 2005, с. 412). В основном доклады касались археологических работ в разных регионах страны, заметно меньше было докладов об общих проблемах развития археологической науки в СССР и за рубежом (Захаров, 1928, с. 6). Среди докладчиков – Н.В. Бакланов, Е.Н. Басова, А.С. Башкиров, В.Д. Блаватский, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, Б.Н. Граков, К.Э. Гриневич, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, А.В. Збруева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Куфтин, Е.Г. Пчелина, П.С. Рыков, Л.П. Семенов, Н.В. Сибилев, В.Ф. Смолин, А.А. Фомин, М.Е. Фосс, Ф.И. Шмит, Д.Н. Эдинг, Н.Л. Эрнст и др. (Бухерт, 200, с. 415–419).

Выступавшие представляли не только столичные (Москва, Петроград–Ленинград), но и региональные научные центры СССР (Ереван, Минск, Саратов, Казань, Симферополь, Владикавказ, Луганск, Вологда, Минусинск и др.). Активно участвовали в заседаниях комиссии археологи Ленинграда (Б.Л. Богаевский, В.К. Шилейко, Л.А. Мацулевич, А.А. Спицын, А.А. Миллер, В.В. Струве, В.В. Гольмстен, С.А. Теплоухов и др.), и это являлось реальным подтверждением консолидации археологических сил страны. Обе части РАИМК являлись единым коллективом, и согласно последнему пункту

«Положения» о Московской секции, «члены МС и «большой» РАИМК имеют право участвовать в заседаниях обеих частей, прибывая из Москвы в Ленинград и наоборот» (Сорокина, 2015, с. 337). В то же время крайне редко выступали в Москве зарубежные коллеги. В протоколах зафиксированы лишь доклады эстонца Эрика Лайда и шведа Туре Арне (Бухерт, 2005, с. 418).

В 1920-е гг. экспедиции, организованные МС РАИМК–ГАИМК и другими учреждениями при участии сотрудников секции (в том числе не состоявших в ее постоянном штате), провели разведочные обследования и раскопки в различных районах страны, но в основном в центре Русской равнины. Лишь несколько примеров. Работы в Волго-Окском междуречье, осуществленные Б.С. Жуковым, Б.А. Куфтиным и О.Н. Бадером, увенчались важными полевыми и научными достижениями (см. подробнее: Бадер, 1963, с. 20–37). Оценивая результаты этих исследований, О.Н. Бадер в конце 1960-х гг. отмечал, что «еще тогда, в конце 20-х годов, были выделены основные культуры и сформулированы некоторые положения, лежащие в основе наших современных представлений об окской бронзе» (Бадер, 1970, с. 10). Работы этих ярких представителей московской палеоэтнологической школы в 1920-е гг. в корне изменили представления об эпохах неолита и раннего металла Волго-Окского междуречья. Особенно важные результаты принесли масштабные раскопки поселений с послойной фиксацией и полной выборкой керамики для последующей камеральной обработки. Это позволило Жукову и Бадеру построить периодизацию, основанную

на стратиграфическом распределении керамических комплексов поселений (Жуков, 1929; Joukov, 1929; Bahder, 1929). Данный опыт стал шагом вперед по сравнению с предшествующими разработками В.А. Городцова и А.М. Тальгрена, которые при характеристике окской бронзы – и прежде всего погребальных древностей – опирались на культурно-хронологические сопоставления с южными, восточными и западными культурами (Кузьминых и др., 2014).

П.П. Ефименко, до 1923 г. состоявший в этнологическом разряде МС РАИМК, провел в 1920–1921 гг. раскопки могильников эпохи раннего средневековья на Средней Оке у с. Гавердово, Шатрищи, Вакино (Археологические... 1962, с. 8, 12). В дальнейшем они были отнесены к культуре рязано-окских могильников. Современное понимание этой культуры в значительной степени восходит к работам Ефименко тех лет (Ахмедов, Белоцерковская, 2015, с. 152). Важно также подчеркнуть, что при обработке материалов данных могильников Петр Петрович одним из первых в отечественной археологии (наряду с А.В. Арциховским и М.П. Грязновым) опирался на методы статистико-комбинаторного анализа (Ефименко, 1926).

Ю.В. Готье в 1921 г. вместе со студентами 1 МГУ возобновил раскопки Дьякова городища (Археологические... 1962, с. 12). Эти материалы нашли отражение в его обобщающих трудах о железном веке в Восточной Европе (Готье, 1925а; 1930а). В 1927–1929 гг. экспедиция под руководством Готье провела обследование Судакской крепости и связанных с ней сооружений (Археологические... 1962, с. 52, 53). Результаты этих работ легли

в основу серии научных и популярных трудов об истории и памятниках Судака. Научные исследования Юрия Владимировича в годы руководства Московской секцией были обращены к самым разным проблемам. Среди них – хазарская культура, готские древности, ранняя колонизация Ростово-Суздальского края и др. (Готье, 1925б; 1926; 1928). Его перу принадлежит один из первых в советское время очерков об археологии в России и СССР (Готье, 1930б).

Возвращаясь к судьбе Московской секции, отметим, что этот вопрос вновь стал предметом обсуждения в начале 1929 г. Толчком к тому послужила планируемая реорганизация и «чистка» ГАИМК (Платонова, 2010, с. 232–235). В МС поползли слухи о ее слиянии с Институтом археологии и искусствознания РАНИОН (см. подробнее об ИАИ: Кузьминых, Белозерова, 2018). 12 февраля 1929 г. в Ленинграде состоялось производственное совещание, посвященное работе Московской секции. После отчетного доклада Д.Н. Егорова развернулись дебаты и, главным образом, о судьбе секции. Прозвучали два мнения: объединить МС с ИАИ (перетянув его из РАНИОН в ГАИМК) или оставить все как есть, но разделить организации по выполняемым задачам (ОПИ ГИМ. Ф. 540. д. 19, л. 1–2). Председатель ГАИМК Н.Я. Марр был сторонником того, чтобы «объединить МС, НИИ археологии и искусствознания [РАНИОН] и Объединение доисториков Антропологического общества МГУ и подчинить это новое образование Академии [истории материальной культуры]» (Цит. по: Сорокина, 2015, с. 338). По итогам дискуссии на совещании в его протоколе работа МС была при-

знана успешной, но отмечено, что в дальнейшем необходима «теснейшая увязка с работами Академии», в частности с Раскопчной комиссией (там же).

Вопрос о «параллелизме» учреждений археологического профиля в Москве, неоднократно поднимавшийся в ГАИМК и Музейном отделе НКП РСФСР на протяжении 1920-х гг., тем не менее, вновь «всплыл» спустя два месяца. Государство стремилось реорганизовать гуманитарные науки и сократить расходы на их содержание (Платонова, 2010, с. 234), и ГАИМК, посчитав МС за балласт, предпочла его сбросить. Московская секция после февральского совещания по-прежнему не получала финансирования. В ответ на запрос о дальнейшей судьбе МС (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 18) из ГАИМК был получен ответ за подписью Н.Я. Марра, гласивший, что в связи с реорганизацией Академии по постановлению Президиума РАНИОН от 23.04.1929 г. Московская секция прекращает существование «в ее настоящем виде»; в дальнейшем Президиум ГАИМК решит, как будет организован филиал в Москве (цит. по: Сорокина, 2015, с. 338). Руководитель МС Д.Н. Егоров был освобожден от должности 20.11.1929 г., в августе следующего года арестован по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу», в августе 1931 г. приговорен к ссылке в Ташкент, начал работать там в Республиканской библиотеке, но ослабленный после тюремного заключения скончался в ноябре того же года (Горяинов, 1991). Репрессии не обошли стороной других известных сотрудников бывшей Московской секции: в начале 1930-х гг. были арестованы А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, Ю.В. Готье, Б.С. Жуков, А.А. Захаров,

Б.А. Куфтин и др. (Формозов, 2006, с. 185–217).

После освобождения от должности Д.Н. Егорова бывшие сотрудники МС провели 25.11.1929 г. совещание и обратились к руководству ГАИМК с вопросом: «Продолжит ли существовать Московская секция как таковая?» (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 20). Официальной телеграммой (27.11.1929) за подписью Н.Я. Марра бывшие сотрудники оповещались о том, что ГАИМК и Президиум РАНИОН вынашивают мысль о реорганизации Московской секции и Института археологии и искусствознания РАНИОН в единое отделение ГАИМК в Москве (цит. по: Кондратьева, 2005, с. 185).

Подводя итоги деятельности Московской секции РАИМК–ГАИМК, отметим, что в ее задачи, как и головного отделения в Ленинграде, входило исследование материальной культуры во всех видах и формах. Численность (за счет внештатных сотрудников) позволяет считать МС крупным научно-исследовательским центром. Протоколы заседаний за 1924–1928 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 540, д. 88–97) свидетельствуют о том, что секцией была выполнена огромная научно-исследовательская работа по разным направлениям археологии и смежных наук. Московская секция находилась в постоянном и тесном контакте с Музейным отделом НКП РСФСР как в методических аспектах (подготовка и рассмотрение инструктивных документов), так и в консультативных (заклучения по заявкам на выдачу Открытых листов и иным вопросам). Не имея собственных средств на проведение полевых исследований, секция «работала над

материалами, добытыми на средства ряда аналогичных учреждений <...> внося, таким образом, свою долю в дело кооперированного исследования археологического и этнологического материала» (там же, д. 92, л. 47).

Деятельность Московской секции – вследствие отсутствия самостоятельного финансирования и в этой связи добровольного (не оплачиваемого) статуса большинства работавших в ней ученых – «была организована скорее по принципу научного сообщества, а не научно-исследовательского учреждения» (Сорокина, 2015, с. 339). В ситуации рубежа 1920–1930-х гг., когда резко усилилось идеологическое давление со стороны государства, когда подверглась реформированию вся свита институтов и учреждений гуманитарного и общественного профиля, не могла избежать этой участи и Московская секция. По своей организационной структуре и научному потенциалу она заметно уступала Институту археологии и искусствознания РАНИОН, где В.А. Городцову удалось объединить круг своих учеников и единомышленников. Руководство ГАИМК, безусловно, пугал процесс консолидации московских археологических учреждений в рамках единой структуры, и оно приложило все усилия, чтобы сначала нейтрализовать этот процесс, а затем взять его под свой контроль. Вслед за реорганизацией РАНИОН пришел черед и Московской секции, которой в 1929 г. не нашлось места в новой реформируемой структуре ГАИМК. Все изменится в 1932 г., когда Академия пойдет на создание своего Московского отделения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
2. *Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Рязано-окских могильников культура // БРЭ. 2015. Т. 29. С. 151–152.
3. *Бадер О.Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
4. *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
5. *Бухерт В.Г.* Московская секция Государственной Академии истории материальной культуры (1919–1929) // Археографический ежегодник за 2004 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 409–427.
6. *Горяинов А.Н.* Человек неукротимой энергии // Советская библиография. 1991. № 2. С. 49–59.
7. *Готье Ю.В.* Хазарская культура // Новый Восток. 1925б. № 8–9. С. 277–294.
8. *Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства Т. 1. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1925а. 271 с.
9. *Готье Ю.В.* К вопросу о готских древностях. Тезисы доклада // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: Крымохрис, 1926. № 6. С. 5.
10. *Готье Ю.В.* Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 138–144.
11. *Готье Ю.В.* Археология в России и СССР // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1930б. Т. 3. Стб. 539–542.
12. *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М.-Л.: ГИЗ, 1930а. 280 с.
13. *Гуляев В.И.* Введение // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 3–23.
14. *Добрынин А.Ф.* Указатель работ Государственной Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, изданных в 1921–1935 гг. / Отв. ред. В.И. Селиванов / ИГАИМК; вып. 135. М.-Л.: ОГИЗ, 1936. 123 с.
15. *Егоров Д.Н.* Общий очерк деятельности Московской секции // К десятилетию Октября: Сборник. М.: МС ГАИМК, 1928. Вып. I. С. 3–5.
16. *Ефименко П.П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926. С. 59–84.
17. *Жуков Б.С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.
18. *Захаров А.А.* Обзор деятельности Комиссии по археологии // К десятилетию Октября: Сборник. М.: МС ГАИМК, 1928. Вып. I. С. 6–11.
19. К десятилетию Октября: Сборник. М.: МС ГАИМК, 1928. Вып. I. 69 с.
20. *Катагощина М.В.* Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: Материалы по истории культуры и науки в России / Труды ГИМ. Вып. 84 / Отв. ред. А.К. Афанасьев. М.: ГИМ, 1993. С. 88–95.
21. *Киселев С.В.* 25 лет советской археологии: (К юбилею Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР) // ВАН. 1944. № 9. С. 24–44.
22. *Клейн В.К.* Попыты лабораторного исследования древних тканей // К десятилетию Октября: Сборник. М.: МС ГАИМК, 1928. Вып. I. С. 29–41.
23. *Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа: международный альманах. Вып. 5 / Отв. ред. С.В. Кондратьев. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 185–188.
24. *Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 321–341.

25. Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41.
26. Магнус О.А. Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918–1928 гг. / ИГАИМК; т. 8, вып. 4–7. Л.: ОГИЗ, 1931. 116 с.
27. Макаров Н.А. Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13.
28. Носов Е.Н. Введение: ИИМК РАН на волнах истории... // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Ред., сост. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 9–14.
29. Платонова Н.И., Мусин А.Е. Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред., сост. А.Е. Мусин, Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 1065–1115.
30. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
31. Рыбаков Б.А. Советская археология за 50 лет // ВИ. 1968. № 1. С. 28–37.
32. Серых Д.В. Как ликвидировали Московское археологическое общество // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб.: СПбФ АРАН; Красноярск: КГПУ, 2012. С. 124–130.
33. Советская археологическая литература. Библиография. 1918–1940 / Отв. ред. М.К. Каргер. Сост. Н.А. Винберг и др. М.–Л.: Наука, 1965. 376 с.
34. Сорокина И.А. Московская секция Академии истории материальной культуры // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 329–341.
35. Устав Российской Академии истории материальной культуры. Пг.: РАИМК, 1919. 30 с.
36. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.
37. Шелов Д.Б. 70 лет Институту археологии // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс» / Ред. В.П. Алексеев и др. М.: ИА АН СССР, 1991. Вып. I. С. 9–30.
38. Bahder Otto. Zur Erforschung der neolitischen Wohnpldtze im Okatale // ESA. 1929. T. IV. Pp. 90–101.
39. Joukov V. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est // ESA. 1929. T. IV. Pp. 61–81.

Информация об авторах:

Белозёрова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (г. Москва, Россия); irina.belozero@yandex.ru

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); russianchange@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); чл.-корр. Германского археологического института (г. Берлин, Германия); зарубежный член Финского общества древностей (г. Хельсинки, Финляндия); kuzminykhsv@yandex.ru

**ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: MOSCOW SECTION
OF THE RUSSIAN / STATE ACADEMY
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

I.V. Belozerova, P.G. Gaydukov, S.V. Kuzminykh

The paper is dedicated to the initial period of establishment of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences associated with the activity of the Moscow section of the Russian / State Academy for the History of Material Culture in 1919–1929. The self-organization and consolidation of Moscow archaeologists proceeded in the 1920s with the organizational framework of this section, as well as the Institute of Archaeology and Art Studies of RANION, State Historical Museum and the Institute of Anthropology of Moscow State University. It could not be accomplished in those years. By the end of this decade, the Institute of Archaeology and Art Studies of RANION and Moscow section of the State Academy for the History of Material Culture ceased to operate as organizational and academic structures. For a short time until 1932 the Historical Museum and the Institute of Anthropology remained the main academic units for Moscow archaeologists, until the State Academy for the History of Material Culture made a decision to reestablish the Moscow section. The authors focus on the organization and development stages of the Moscow section of the Russian / State Academy for the History of Material Culture and its practical activities. The history of the Moscow section is reviewed in the context of interactions with the head institution in Leningrad and against the background of the social and political situation in the country, especially at the turn of the 1930s.

Keywords: archaeology, Russian / State Academy for the History of Material Culture, Moscow section, Division of Museums of the People's Commissariat for Education of the RSFSR, Institute of Archaeology and Art Studies of RANION, State Historical Museum, and the Institute of Anthropology of Moscow State University, Archaeological Commission, V.V. Bogdanov, Yu.V. Gotye, D.N. Egorov.

REFERENCES

1. In Voronin, N. N., Tikhanova, M. A. (eds.). 1962. *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): Ukazatel' (Archaeological Expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
2. Akhmedov, I. R., Belotserkovskaia, I. V. 2015. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Vol. 29. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 151–152 (in Russian).
3. Bader, O. N. 1963. *Balanovskii mogil'nik: iz istorii lesnogo Povolzh'ia v epokhu bronzy (Balanovo Burial Ground: from the History of the Forested Volga Region in the Bronze Age)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Bukhert, V. G. 2005. In Shmidt, S. O. (ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2004 god (Archaeographic Yearbook for 2004)*. Moscow: "Nauka" Publ., 409–427 (in Russian).
6. Goriainov, A. N. 1991. In *Sovetskaia bibliografiia (Soviet Bibliography)* 2. 49–59 (in Russian).
7. Got'e, Yu. V. 1925. In *Novyi Vostok (New East)* 8–9. 277–294 (in Russian).
8. Got'e, Yu. V. 1925. *Ocherki po istorii material'noi kul'tury Vostochnoi Evropy do osnovaniia pervogo russkogo gosudarstva. T. 1. Kamennyi vek. Bronzovyi vek. Zheleznyi vek na iuge Rossii (Essays on the History of Material Culture of Eastern Europe until the Foundation of the First Russian State. Vol. 1. Stone Age. Bronze Age. The Iron Age in the South of Russia)*. Leningrad: "Brokgauz–Efron" Publ. (in Russian).

9. Got'e, Yu. V. 1926. In *Biulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi (Bulletin of the Conference of USSR Archaeologists in Kerch)* 6. Kerch: "Krymokhris" Publ., 5 (in Russian).
10. Got'e, Yu. V. 1928. In *Trudy sektiis arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovnaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)* 4. Moscow: Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences, 138–144 (in Russian).
11. Got'e, Yu. V. 1930. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. 3. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya" Publ. (in Russian).
12. Got'e, Yu. V. 1930. *Zheleznyi vek v Vostochnoi Evrope (Iron Age in Eastern Europe)*. Moscow; Leningrad: "GIZ" Publ. (in Russian).
13. Guliaev, V. I. 2000. In Guliaev, V. I. (ed.). *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology: History and Contemporaneity. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 3–23 (in Russian).
14. Dobrynin, A. F. 1936. In Selivanov, V. I. (ed.). *Ukazatel' rabot Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury im. N.Ia. Marra, izdannykh v 1921–1935 gg. (Index of Works of the State Academy for the History of Material Culture named after N.Ya. Marr published in 1921–1935)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)* (135). Moscow-Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).
15. Egorov, D. N. 1928. In *K desiatiletiiu Oktiabria: Sbornik (The 10th Anniversary of October Revolution: Collection)* 1. Moscow: State Academy for the History of Material Culture, 3–5 (in Russian).
16. Efimenko, P. P. 1926. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 1 (III). Leningrad, 59–84 (in Russian).
17. Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* 1. 54–77 (in Russian).
18. Zakharov, A. A. 1928. In *K desiatiletiiu Oktiabria: Sbornik (The 10th Anniversary of October Revolution: Collection)* 1. Moscow: State Academy for the History of Material Culture, 6–11 (in Russian).
19. 1928. *K desiatiletiiu Oktiabria: Sbornik (The 10th Anniversary of October Revolution: Collection)* 1. Moscow: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).
20. Katagoshchina, M. V. 1993. In Afanas'ev, A. K. (ed.). *Pis'mennye istochniki v sobranii GIM: Materialy po istorii kul'tury i nauki v Rossii (Written Sources in the Collection of State Historical Museum: Materials on the History of Culture and Science in Russia)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 84. Moscow: State Historical Museum, 88–95 (in Russian).
21. Kiselev, S. V. 1944. In *Vestnik Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR)* 9. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 24–44 (in Russian).
22. Klein, V. K. 1928. In *K desiatiletiiu Oktiabria: Sbornik (The 10th Anniversary of October Revolution: Collection)* 1. Moscow: State Academy for the History of Material Culture, 29–41 (in Russian).
23. Kondrat'eva, T. N. 2005. In Kondratiev, S. V. (ed.). *Evropa: mezhdunarodnyi al'manakh (Europe: International Almanac)* 5. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 185–188 (in Russian).
24. Kuzminykh, S. V., Belozerova, I. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 321–341 (in Russian).
25. Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T., Safonov, I. E. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 7–41 (in Russian).
26. Magnus, O. A. *Bibliograficheskii ukazatel' literatury po arkheologii, vyshedshei v SSSR za 1918–1928 gg. (Bibliographic Index of Archaeological Literature Published in the USSR in 1918–1928.)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)*. Vol. 8. Issue 4–7. Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).

27. Makarov, N. A. 2007. In Makarov, N.A. (ed.). *Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 6–13 (in Russian).
28. Nosov, E. N. 2013. In Nosov, E. N. (ed.). *Akademicheskaja arkheologija na beregakh Nevy (ot Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury do Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk, 1919–2014 gg.) (Academic archaeology on the Banks of the Neva River (from the Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the History of Material Culture under the Russian Academy of Sciences, 1919–2014))*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 9–14 (in Russian).
29. Platonova, N. I., Musin, A. E. 2009. In Musin, A. E., Nosov, E. N. (eds.). *Imperatorskaia Arkheologicheskaja Komissija (1859–1917): K 150-letiju so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledija (The Imperial Archaeological Commission (1859–1917) To the 150th Anniversary of Foundation at the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 1065–1115 (in Russian).
30. Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaja tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th– first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).
31. Rybakov, B. A. 1968. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 1. 28–37 (in Russian).
32. Serykh, D. V. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoarsk: Krasnoarsk State Pedagogical University Publ., 124–130 (in Russian).
33. Vinberg, N. A. et al. (comp). 1965. In Karger, M. K. (ed.). *Sovetskaia arkheologicheskaja literatura. Bibliografija. 1918–1940 (Soviet Archaeological Literature. Bibliography. 1918–1940)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
34. Sorokina, I. A. 2015. In *Kratkie soobshchenija Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240. 329–341 (in Russian).
35. 1919. *Ustav Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Charter of Russian Academy for the History of Material Culture)*. Petrograd: Russian Academy for the History of Material Culture (in Russian).
36. Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie očerki (Russian Archaeologists in the Totalitarianism Period: Historiographic Essays)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).
37. Shelov, D. B. 1991. In Alekseev, V. P. et al. (eds.). *Materialy konferentsii «Arkheologija i sotsial'nyi progress» (Proceedings of the Conference “Archaeology and Social Progress”)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology, 9–30 (in Russian).
38. Bahder Otto. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 90–101 (in German).
39. Joukov, B. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV. 61–81 (in French).

About the Authors:

Belozerova Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

Gaydukov Petr G. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; russianchange@yandex.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Corresponding member of the German Archaeological Institute. Im Dol 2-6, Haus II, D-14195 Berlin, Germany; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

К 50-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

© 2019 г. В.С. Баранов

В статье представлена краткая история создания и функционирования Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника, начавшаяся практически с посещения городища и осмотра его памятников X–XIV вв. российским императором Петром I в 1721 г. Систематические археологические раскопки на территории городища ведутся с 1938 года. Масштабные исследования проводились в 2010–2017 гг. по проекту «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», инициированному первым Президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым. В 2014 году Болгарское городище было включено в Список культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Площадь заповедника занимает 424 га и включает в себя 26 объектов историко-культурного наследия, в том числе 8 памятников федерального значения.

Ключевые слова: средневековая археология, охрана памятников, реставрация и музеефикация, инфраструктура туризма.

Музеи-заповедники, как форма сохранения историко-культурного наследия, представляет собой группу музеев под открытым небом, которые формируются на основе недвижимых памятников, музеефицированных на месте их нахождения с сохранением или восстановлением культурной и природной среды, и получают ввиду особой ценности соответствующий статус. Появившись в нашей стране в 1950–1960 гг., к концу XX в. эта категория музейных учреждений становится широко распространенной. К 1990 г. на территории СССР насчитывалось около 80 музеев-заповедников (Никишин, 2001, с. 393). В настоящее время, по мнению многих музейных специалистов, эта наиболее перспективная и активно развивающаяся группа музеев Российской Федерации является «оптимальной формой музейных учреждений для сохранения и актуализации историко-культурного и природного наследия в их единстве» (Каулен, 2015, с. 34).

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, расположенный в Спасском районе Республики Татарстан, на месте Болгарского городища X–XV вв., был образован в 1969 г. по постановлению Совета министров ТАССР: № 404 от 14.08.67 «Об организации на базе Болгарского городища государственного архитектурно-археологического и исторического государственного заповедника республиканского значения», № 222 от 14.04.69 «Об открытии в Татарской АССР на базе Болгарского городища государственного историко-архитектурного заповедника» во исполнение постановления Совета Министров РСФСР № 77 от 09.02.68 «О практике руководства Совета Министров ТАССР культурным строительством в республике» (Гусев и др., 2010, с. 48–54).

Учреждение музея-заповедника на месте Болгарского городища было «связано, в первую очередь с тем, что именно здесь с эпохи древности

Панорама Болгарского городища: Соборная мечеть, Успенская церковь, Восточный мавозлей (церковь Св. Николая). Вид с юго-востока.
Фото середины XX в. из собрания БГИАМЗ.

Panorama of the Bolgar fortified settlement: the Cathedral Mosque, the Assumption Church, Eastern mavozley (Church of St. Nicholas). View from the south-east. Photo middle of the 20th century. from the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve collection.

сложился настоящий узел контактных зон и пересечений культур» при участии проживавших здесь многочисленных народов, сыгравших выдающуюся роль в формировании и развитии уникальной евразийской цивилизации (Ситдииков и др., 2013, с. 356). Архитектурный комплекс музея-заповедника является самым северным в мире памятником средневекового мусульманского зодчества, уникальным и единственным образцом болгаро-татарской архитектуры середины XIII–XIV вв. (Болгарский музей-заповедник..., 2013, с. 219).

Это событие стало закономерным результатом длительного и сложного пути, начатого в 1722 г. с подписания Петром I Указа о ремонте и сохранении древностей Болгарского городища, который считается одним из первых документов, регламентирующих охрану памятников в России (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 93. Л. 362).

В 1869 г. на I Археологическом Съезде в Москве членом Импера-

торского Казанского экономического общества, действительным членом Псковского Губернского Статистического Комитета К.Г. Евлентьевым был предложен для реализации в селе Болгары, расположенном на месте руин древнего городища, план «археологического музея татарско-болгарских древностей» по образцу музеев в гг. Вильно и Керчи, и создания здесь «просвещенного» надзора за «целостностью развалин, археологическая почва которых представляет в Казанской губернии наибольшую добычу как в отношении монет, так и в отношении татарско-болгарских изделий» (Евлентьев, 1869, с. 89–95). План содержал целый ряд практических предложений, среди которых устройство древлехранилища, проведение систематических раскопок культурного слоя, собирание, скупка и концентрация в одном месте болгарских древностей, реставрационные работы, широкое привлечение средств мусульманских паломников и попечи-

Панорама Болгарского городища. На переднем плане – центральная часть Болгарского историко-археологического комплекса. Вид с северо-запада. Фото «Казанский альбом». 2015 г.

Panorama of the Bolgar fortified settlement. In the foreground is the central part of the Bolgar Historical and Archaeological Complex. View from the north-west. Photo "Kazan Album". 2015.

телей из казанских татар для сохранения памятников Болгара. Собирателя и хранителя музея предполагалось «снабдить археологической инструкцией и обязать отчетностью», чтобы проводить раскопки «болгарской археологической почвы», следуя «указанием науки и преданиям туземцев» (Евлентьев, 1869, с. 94). Были в этом плане предложения, которые в настоящее время показались бы неприемлемыми. Например, на содержание музея предполагалось использовать, в том числе, и выручку от продажи части археологических предметов. В приложенной к плану смете рассчитывалось получение от этой продажи ежегодно суммы 25 руб.

Вместе с тем, часть действий, предложенных в плане, актуальны и сейчас, например: систематическая форма исследований городища, привлечение к собиранию древностей учащихся (Тетюшского уездного училища и Спасского училищного дома), введение в курс преподавания учебных заведений краеведческих дисциплин («науки о древностях»), работа с паломниками, для которых предла-

галось даже построить караван-сарай с мечетью. Хотя данный проект и не был реализован, он без сомнения выражал настроения той части образованного общества, которая хорошо понимала значение болгарских древностей для науки и необходимость сохранения их в том или ином виде для потомков, а так же осознавала пагубные последствия разрушения памятников и культурного слоя Болгара, что вело к невозможным утратам для историко-культурного наследия страны. Вместе с тем на протяжении всего XIX в. при недостаточности необходимой законодательной базы и отсутствии отработанной административной системы охраны, происходит дальнейшее разрушение археологических памятников городища в хозяйственных целях и не прекращается незаконное кладоискательство (Ситдииков и др., 2013, с. 356).

Среди прочих предложений плана К.Г. Евлентьева было «создание временной археологической комиссии для исследования и изучения восточной полосы России в археологическом отношении» (Евлентьев, 1869,

с. 94). В определенной степени оно было реализовано в 1878 г. путем создания при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии (Корсаков, 1877, с. 3–14; Археологические общества..., 1890, с. 238, 239). На IV Археологическом съезде, прошедшем в Казани в 1877 г., был выработан проект сохранения древнего города, по которому предполагалось: место, на котором расположены главные развалины города, исключить из общественного надела государственных крестьян села Успенское и взамен наделить общество другим участком; блюстителем за сохранностью памятников назначить Казанское археологическое общество; для охранения памятников назначить из казны единовременное пособие в двести рублей и сто рублей на обнесение развалин деревянной стеной (Протоколы..., 1885, с. 1–2). В начале 1880-х гг. после многочисленных обращений Обществу была передана часть территории городища площадью 852 кв. сажени (Протоколы, 1885, с. 21), где были сделаны попытки наладить охрану находящихся на ней памятников. Начинания Общества осложнялись недостаточным финансированием и тем, что неконтролируемую хозяйственную деятельность так и не удалось пресечь окончательно. Памятники, находившиеся на территории частных владений и не попавшие в зону ответственности Общества, продолжали разрушаться и гибнуть. Попытки расширения территории охранной зоны не удавались из-за отсутствия средств на переселение крестьян с заповедных земель. Вместе с тем в дореволюционный период, в 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг., на памятниках Болгара неоднократно проводились

реставрационно-ремонтные работы, а в 1888 г. в здании Черной палаты, где были складированы и представлены для всеобщего обозрения крупные археологические находки – надгробные плиты, фрагменты архитектурных деталей, керамические трубы, появилось подобие музея. Оцениваемые в настоящее время как полумеры, не способные кардинальным образом поменять ситуацию в охране и реставрации памятников Болгара из-за недостатков финансирования и отсутствия необходимой государственной поддержки, эти действия, тем не менее, смогли затруднить массовый отток в Москву и Петербург, а также в руки частных лиц археологических находок (Хайрутдинов и др., в печати).

После Октябрьской революции 1917 г. работа по спасению памятников Болгара стала важной частью деятельности созданного в Татарской республике Казанского подотдела Всероссийского Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины НКП РСФСР (Улемнова, 2015, с. 49), а затем Отдела по охране памятников при Наркомате просвещения ТАССР. Его деятельность привела к тому, что в 1919 г. в Болгаре был создан музей, а в 1923 г. Болгарское городище было признано историко-культурным заповедником местного значения, а в 1926 г. удалось провести на многих памятниках ремонтные работы. В 1934 г. Болгар был объявлен заповедником, а Биляр и Сувар заказниками республиканского (РСФСР) значения. Научно-методическую и административную помощь новообразованию оказывали такие видные деятели науки и культуры как И.Э. Грабарь, А.П. Смирнов, Л.А. Давид. Вместе с тем положение городища и расположенных на его

территории архитектурных памятников смогло кардинально поменяться только в конце 1960-х гг., когда было принято решение об открытии Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Подготовка этого решения способствовали систематические археологические исследования на территории Болгарского городища, начатые под руководством А.П. Смирнова еще в 1938 г. и планомерно проводимые с небольшими перерывами на протяжении 1940–1960 гг.

С середины 1960-х гг. под эгидой Министерства культуры ТАССР и силами СНРПМ начинаются масштабные реставрационные и музеефикационные работы под руководством С.С. Айдарова, в результате которых удалось сохранить неповторимый исторический облик архитектурных памятников Болгара и создать возможность их широкого туристического показа.

Территория заповедника на момент образования включала Болгарское городище X–XV вв. с комплексом архитектурных зданий в пределах укреплений XIV в., Суварское городище, Танкеевский могильник. В качестве филиалов в него вошли городища Билярское и Камаевское (Иски-Казанское) (ныне самостоятельные музей-заповедники). Основные принципы развития заповедника были сформулированы А.П. Смирновым: заповедник должен иметь свои собственные фонды, собственную экспозицию, которая отражала бы историю Болгара (Мухаметшин, 2001, с. 75; Мухаметшин, 2003, с. 210).

Структура заповедника изначально была выстроена таким образом, чтобы решать основные задачи, связанные с обеспечением надежной охраны и бе-

режным использованием памятников, находящихся на его территории. Это предполагало организацию их реставрации, консервации, реконструкции и инженерной защиты, для чего при заповеднике постоянно работала бригада реставраторов СНРПМ. Исполнение функции научного документирования происходящих на территории Болгарского городища систематических археологических исследований и охранно-спасательных работ подразумевало формирование музейного фонда, состоящего, прежде всего, из предметов и коллекции археологии, материалов научных отчетов. На 2001 г. в фондах музея находилось более 77 тыс. единиц хранения, в т. ч. предметы археологии, эпиграфики, произведения изобразительного искусства, фотографии (Мухаметшин, 2001, с. 75).

Постепенно решались вопросы, связанные с созданием инфраструктуры туризма, необходимой для приема посетителей. Демонстрация архитектурных памятников дополнялась созданием постоянных экспозиций: археологического музея, выставочного зала, где демонстрировались графические и живописные работы художников, посещавших Болгар. В 1975 г. вышел путеводитель по Болгарскому городищу, где были кратко охарактеризованы его основные достопримечательности и составлены варианты экскурсионных маршрутов (Айдаров, Аксенова, 1975).

Научно-исследовательская деятельность БГИАМЗ в 1970–1980-ые гг. и в последующие годы осуществлялась в плане изучения Болгарского городища и его окружи. Заповедник в этот период стал проводить самостоятельные археологические раскопки и разведки, организационно и методи-

Панорама Болгарского городища. На переднем плане – здание Музея Болгарской цивилизации и Речного вокзала. Вид с северо-запада. Фото «Казанский альбом». 2015 г.

Panorama of the Bolgar fortified settlement. In the foreground is the building of the Museum of the Bulgarian Civilization and the River Station. View from the north-west. Photo "Kazan Album". 2015.

чески интегрированные в работу Болгарского отряда ПАЭ и Болгарской археологической экспедиции (Аксенова Н.Д., Кавеев М.М.; руководство: Г.А. Федоров-Давыдов, Т.А. Хлебникова, Р.Ф. Шарифуллин). В 1980–2000-е гг. эти работы осуществлялись также в рамках археологической экспедиции БГИАМЗ: исследования Кожаевского археологического комплекса (Кавеев, 1994, с. 94–99; Газимзянов, 1991, с. 106–110), охранные исследования на территории Болгарского городища (Кавеев, Баранов, 1991; Кавеев, 2001, с. 58–59), разведки и раскопки на территории Спасского района (Мухаметшин, 2001, с. 68–71).

Способствовало повышению уровня исследовательской и иной деятель-

ности БГИАМЗ создание Ученого Совета заповедника, членами которого в разное время были А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, С.С. Айдаров и значительное увеличение финансирования, сопоставимое с вложениями в реставрацию Казанского Кремля (Ситдииков и др., 2013, с. 359). В связи с появлением новых материалов неоднократно обновлялась археологическая часть экспозиции, разработанная в середине 1980-х гг. под руководством Д.Г. Мухаметшина и Н.Д. Аксеновой, при активном участии М.М. Кавеева.

В 1990-е гг., несмотря на общие кризисные явления в стране, Болгарский заповедник сумел сохранить возможность поступательного развития,

благодаря широчайшему интересу посетителей, заинтересованной работе сотрудников и исследователей, поддержке правительства Татарстана. Общественным фондом «Болгар» в 1992 г. были проведены работы по углублению фарватера от русла Волги до Болгара, что позволило принимать речные суда всех типов и значительно увеличить туристический поток. Болгар становится крупным паломническим центром, принимающим мусульман со всей России и из стран зарубежья, продолжая тем самым традицию, наметившуюся еще в XVII – XIX вв. (Абдуллин и др., 2016, с. 87).

Многочисленные общественные мероприятия (1989 – торжества, посвященные 1100-летию официального принятия ислама в Волжской Болгарии; 1991 – съезд учредителей фонда «Болгар», Форумы молодежи Татарстана и др.), научные конференции и исследования, проводимые на территории заповедника, способствовали выполнению музеем функций консолидирующего и интегрирующего ядра общественной жизни, позволили ему остаться в центре общественного внимания и научного дискурса.

В 1995 г. Болгарское городище приобретает статус памятника федерального значения, а в 1999 г. Болгарский историко-архитектурный комплекс заносится в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО по Российской Федерации. С этого времени начинается планомерная и последовательная работа по признанию его выдающейся универсальной ценности Болгара (Валеев, 2013, с. 378–383) и превращения Болгара в современный туристический центр международного уровня.

По инициативе первого Президента Республики Татарстан

М.Ш. Шаймиева, поддержанной высшим руководством Российской Федерации, был разработан комплексный проект «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», в основу которого легли Постановление Правительства Республики Татарстан № 590 от 24.10.2007 г. «О перспективах развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника» и Программа развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника на 2009–2019 гг., разработанная Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. Для реализации этих планов правительством РТ был создан фонд «Возрождение», который позволил аккумулировать необходимые для достижения цели материальные средства.

Эта работа дала свои результаты в 2014 г., когда на 38 сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Доха (Катар) произошло включение Болгара в Список культурного и природного наследия, как «свидетельство взаимоотношений и исторического взаимообогащения культурных традиций тюркских, финно-угорских, славянских и других народов, в особенности в период развития Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Российского государства» (Bolgar Historical and Archaeological Complex.; Валеев и др., 2016, с. 5–13).

Площадь Болгарского историко-археологического комплекса (Болгарское городище с Малым городком и Греческой палатой) в настоящее время составляет 424 га. На территории музея-заповедника находится 26 объектов культурного наследия, из них:

8 – федерального и 26 – регионально-го (республиканского) значения (Болгарский заповедник..., 2013, с. 219).

Фонды включают на 01.01.2019 г. 113 579 единиц хранения основного фонда: в том числе предметы археологии, нумизматики, этнографии, живописи, скульптуры, изделия прикладного искусства, фотографии, документы (Отчет..., 2019, с. 32).

В процессе выполнения программы «Возрождения» 2010–2018 гг. на территории Болгарского музея-заповедника в последние годы произошли существенные инфраструктурные и логистические изменения, новации, позволившие существенно изменить облик городища, создать благоприятные условия для развития музея-заповедника и выполнения его миссии и социальных функций.

Разработана система управления объектами Болгарского историко-архитектурного комплекса, включая определение стратегических целей, атрибутов выдающейся универсальной ценности, законодательной базы, планов мероприятий, мониторинга и иные детали использования Болгара как объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО (Валеев и др., 2016, с. 353–415). Определено своеобразие культурного и природного ландшафта историко-архитектурного комплекса и буферной зоны, проведена оценка природного наследия данной территории (Калуцков, Шульгин, 2013, с. 30–39).

Реализована программа отселения части жителей с. Болгары и высвобождения значительной части территории памятника для дальнейших исследований, музеефикации и ландшафтного проектирования.

Значительно увеличена территория буферной зоны (до 11 677 га) за

счет включения акватории Куйбышевского водохранилища с островами и прилегающих к береговой полосе живописных природных комплексов высокого правого берега Волги. Общая площадь комплекса составляет 12 101 га.

Построены новые объекты туристической инфраструктуры: речной вокзал, Памятный знак в честь принятия ислама, комплекс «Музей хлеба», палаточный лагерь для паломников, фестивально-событийный комплекс, комплекс Белой мечети с медресе, ремесленные мастерские, сувенирные лавки, стоянки для автотранспорта, места отдыха, дороги.

Существенно расширены площади музейных помещений: административные, фондовые, экспозиционно-выставочные.

Реализованы многочисленные экспозиционные и ландшафтные проекты: Музей Болгарской цивилизации, Дом лекаря (музей болгарской медицины), Музей истории Успенской церкви, Музей письменности, Археопарк, Историческая набережная, Музей «Болгарское чаепитие», Музей дворянства Спасского уезда, Музей Абдуллы Алиша, Музей Город на реке и др.

Музеефицированы архитектурные памятники средневекового мусульманского зодчества, в том числе для двух объектов: археологизированных остатков горнов для изготовления керамической посуды и общественной бани № 2 – выбран закрытый способ музеефикации в специально построенных павильонах. Интерьеры Северного и Восточного мавзолеев использованы для размещения выставки намогильных болгарских плит (Северный мавзолей) и демонстрации объектов археологического раско-

па (Восточный мавзолей). Комплекс объектов, связанных с изучением так называемого «Дома с башнями» XIII в., перекрыт сверху куполом из современных материалов и использован в качестве выставки под открытым небом малых архитектурных форм.

В результате археологических исследований на территории Болгарского городища зафиксировано около 80 археологических объектов XIII–XV вв., из них выявлено, законсервировано и отреставрировано 30 монументальных каменных и кирпичных построек золотоордынского времени XIII–XIV вв. культового и общественно-светского характера. Среди них здание рынка, мечети, минареты, мавзолеи, представляющие собой усыпальницы различных типов, здания общественных бань и админи-

стративные постройки. В центральной части городища, юго-восточной части, а также в районе Малого городка они составляют сложившиеся архитектурные ансамбли (Болгарский музей-заповедник, 2013, с. 216–223; Отчет, 2019, с. 3; Ситдииков, Измайлов, 2018, с. 8–9).

Следует констатировать, что благодаря планомерной, скоординированной и комплексной работе на всех уровнях, при грамотном использовании главного преимущества музеев-заповедников – симбиоза исторического, архитектурного, художественного и природного комплексов, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник стал в настоящее время одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся музейных центров Татарстана и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. Открытие древнего Болгара. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
2. *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары: Путеводитель по Булгарскому историко-архитектурному заповеднику, Казань: Татарское кн. изд-во, 1971. 68 с.
3. Археологические общества в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). т. II: Араго – Аутка / Ред. И.Г. Андреевский. Спб.: Семеновская Типо-Литография, 1890. С. 230–243.
4. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник // Изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Информационный сборник. Вып. 9, 10 / Ред. И.Р. Кузьмина. Казань: Фолиант, 2013. С. 216–223.
5. *Валеев Р.М.* Болгар – объект всемирного наследия // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 378–383.
6. *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. Болгар – объект всемирного наследия ЮНЕСКО. Казань: Главдизайн, 2016. 400 с.
7. *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Рудольф Б., Персова С.Г., Шульгин П.М.* Болгарский историкоархеологический комплекс. Т. 2. Управление объектами Всемирного культурного и природного наследия: Болгарский историко-археологический комплекс. Культурный ландшафт Болгарского историко-археологического комплекса (с приложениями). Казань: Главдизайн, 2016. 508 с.
8. *Газимзянов И.Р.* Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: изд-во КГУ, 1991. С. 106–110.

9. *Калинина И.В.* Гребенчатая керамика неолитических поселений Прикамья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Ред. И.Б. Васильев. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 17–18.

10. *Гусев С.В., Загорюлько А.В., Минеева И.М., Ожередов Ю.И.* Археологические музеи-заповедники Российской Федерации: Проблемы формирования и функционирования. Т. I: Европейская часть России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. 256 с.

11. *Евлентьев К.Г.* Об учреждении Археологического Музеума в Булгаре // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. 1. М.: Синодальная типография, 1871. С. 89–95.

12. *Кавеев М.М.* Некоторые итоги исследования IV Кожаевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 94–99.

13. *Кавеев М.М.* Охранно-спасательные работы в 2000 году на Болгарском городище // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 58–59.

14. *Кавеев М.М., Баранов В.С.* Отчет об исследовании CVII раскопа на Болгарском городище в 1990 году / Док. фонд БГИАМЗ. № 556-1/93.

15. *Калуцков В.Н., Шульгин П.М.* Природный ландшафт Болгарского городища // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полуобяринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 30–39.

16. *Каулен М.Е.* Музеи под открытым небом: многообразие моделей и проблема выбора // Музеи-заповедники – музеи будущего: Международная научно-практическая конференция. Елабуга, 18–22 нояб. 2014 г.: материалы и доклады / Отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. Елабуга: ЕлГИК, 2015. С. 10–34.

17. *Корсаков Д.А.* Об основании в Казани ученого общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского края // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 3–14.

18. *Мухаметшин Д.Г.* Разведочные работы экспедиции Болгарского заповедника // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: «Мастер Лайн», 2001. С. 68–71.

19. *Мухаметшин Д.Г.* Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник // Российская музейная энциклопедия: в двух томах. Т. 1. А–М. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. с. 128.

20. *Мухаметшин Д.Г.* Болгарский заповедник – хранитель культурного наследия // Спасские сказания. Казань: По городам и весям, 2003. С. 208–219.

21. *Никишин Н.А.* Музеи заповедники // Российская музейная энциклопедия: в двух томах. Т. 1. А–М. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. С. 393.

22. Отчёт о деятельности Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника за 2018 год: <https://vbolgar.ru/dok/otchet18.pdf> (дата обращения: 24.05.2019)

23. Протоколы заседаний совета и Общих собраний членов Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете за 1880–1881 год // ИОАИЭ. Т. IV. Казань, 1885. С. 1–91.

24. Ведение о полатном Болгарском строении / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 93. Л. 362.

25. *Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л.* Музейный парк: Путеводитель по музейному парку БГИАМЗ. Казань: ГЛАВДИЗАЙН, 2018. 112 с.

26. *Ситдиков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Махмутов Р.З.* Создание Болгарского музея-заповедника // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полуобяринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 356–363.

27. *Улемнова О.Л.* Музейное дело, охрана и изучение памятников искусства и старины // Академический центр Наркомпроса ТАССР: документы и материалы /

Сост. О.Л. Улемнова, Л.Ш. Давлетшина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 2015. С. 49–59.

28. Bolgar Historical and Archaeological Complex: <http://whc.unesco.org/en/list/981> (дата обращения: 24.05.2019).

Информация об авторе:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

THE 50TH ANNIVERSARY OF BOLGAR STATE HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM-RESERVE

V.S. Baranov

The paper presents a brief history of the establishment and operation of Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve, which actually started with the visit of the settlement and examination of its 10th–14th century monuments by the Russian Emperor Peter the Great in 1721. Systematic archaeological excavations have been conducted at the fortified settlement since 1938. Large-scale investigations were carried out in 2010–2017 under a project “Cultural Heritage of Tatarstan: Ancient Town of Bolgar and the Island Town of Sviyazhsk” initiated by the first President of the Republic of Tatarstan Mintimer Sharipovich Shaimiev. In 2014, Bolgar fortified settlement was included in the UNESCO List of Cultural and Natural Heritage Sites. The Reserve occupies an area of 424 ha and accommodates 26 sites of historical and cultural heritage, including 8 monuments of federal significance.

Keywords: medieval archaeology, protection of monuments, restoration and museum affairs, tourism infrastructure.

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M., Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 3. Otkrytie drevnego Bolgara (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 3. Discovery of Ancient Bolgar)*. Kazan: “Glavdizain” Publ. (in Russian).
2. Aidarov, S. S., Aksanova, N. D. 1971. *Velikie Bulgary: Putevoditel' po Bulgarskomu istoriko-arkhitekturnomu zapovedniku (Great Bolgar: A Guide to Bolgar Historical and Architectural Reserve)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
3. In Andreevskii, I. G. (ed.). 1890. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. II: Arago – Autka (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 2: Arago - Autka)*. Saint Petersburg: “Semenovskaia Tipo-Litografiia”, 230–243 (in Russian).
4. In Kuz'mina, I. R. (ed.). 2013. *Izuchenie, okhrana, restavratsiia i ispol'zovanie pamiatnikov istorii i kul'tury v Respublike Tatarstan. Informatsionnyi sbornik (Study, Protection, Restoration and Use of Historical and cultural Monuments in the Republic of Tatarstan. Reference Book) 9, 10*. Kazan: “Foliant” Publ., 216–223 (in Russian).
5. Valeev, R. M. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: “Feoriia” Publ., 378–383 (in Russian).
6. Valeev, R. M., Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R. 2016. *Bolgarskii istoriko-arkheologicheskii kompleks. T. 1. Bolgar – ob'ekt vsemirnogo nasledii UNESCO (Bolgar Historical and Archaeological Complex. Vol. 1. Bolgar - UNESCO World Heritage Site)*. Kazan: “Glavdizain” Publ. (in Russian).
7. Valeev, R. M., Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R., Rudol'f, B., Persova, S. G., Shul'gin, P. M. 2016. *Bolgarskii istoriko-arkheologicheskii kompleks. T. 2. Upravlenie ob'ektami Vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo nasledii: Bolgarskii istoriko-arkheologicheskii kompleks. Kul'turnyi landshaft Bolgarskogo istoriko-arkheologicheskogo kompleksa (s prilozheniiami) (Bolgar Historical and Archaeological Complex. Vol. 2. Management of World Cultural and Natural Heritage*

Sites: Bolgar Historical and Archaeological Complex. Cultural Landscape of Bolgar Historical and Archaeological Complex (with enclosures)). Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).

8. Gazimzianov, I. R. 1991. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Archaeological Issues of the Middle Volga Area)*. Kazan: Kazan State University, 106–110 (in Russian).

9. Kalinina, I. V. 1976. In Vasilyev, I. B. (ed.). *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek) (Archaeological Issues of the Volga and Ural Regions (Neolithic and Bronze Age))*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 17–18 (in Russian).

10. Gusev, S. V., Zagorul'ko, A. V., Mineeva, I. M., Ozheredov, Yu. I. 2010. *Arkheologicheskie muzei-zapovedniki Rossiiskoi Federatsii: Problemy formirovaniia i funktsionirovaniia. T. I: Evropeiskaia chast' Rossii (Archaeological Museums-Reserves of the Russian Federation: Issues of Establishment and Operation. Vol. I: European Part of Russia)*. Tomsk: "TML-Press" Publ. (in Russian).

11. Evlent'ev, K. G. 1871. *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (Proceedings of the 1st Archaeological Congress in Moscow)* I. Moscow: "Sinodal'naia tipografiia" Publ., 89–95 (in Russian).

12. Kaveev, M. M. 1994. In Zelenev, Yu. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of the Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 94–99 (in Russian).

13. Kaveev, M. M. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 58–59 (in Russian).

14. Kaveev, M. M., Baranov, V. S. *Otchet ob issledovanii CVII raskopa na Bolgarskom gorodishche v 1990 godu (Report on the Investigation of Excavation 107 at Bolgar Fortified Settlement in 1990)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 556-1/93 (in Russian).

15. Kalutskov, V. N., Shul'gin, P. M. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 378–383 (in Russian).

16. Kaulen, M. E. 2015. In Kaulen, M. E., Rudenko, G. R., Chuvilova, I. V. (eds.). *Muzei-zapovedniki – muzei budushchego: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia. Elabuga, 18–22 noiab. 2014 g. (Museum Reserves - Museums of the Future: International Scientific and Practical Conference. Elabuga, November 18–22, 2014)*. Elabuga: "EITIK" Publ., 10–34 (in Russian).

17. Korsakov, D. A. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: Imperial Academy of Sciences, 3–14 (in Russian).

18. Mukhametshin, D. G. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 68–71 (in Russian).

19. Mukhametshin, D. G. 2001. In *Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia: v dvukh tomakh. T. I. A–M (Russian Museum Encyclopaedia: In 2 Volumes. Vol. 1. A–M)*. Moscow: "Progress", "RIPOL KLASSIK" Publ., 128 (in Russian).

20. Mukhametshin, D. G. 2003. *Spasskie skazaniia (Spassky Tales)*. Kazan: "Po gorodam i vesiam" Publ., 208–219 (in Russian).

21. Nikishin, N. A. 2001. In *Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia: v dvukh tomakh. T. I. A–M (Russian Museum Encyclopaedia: In 2 Volumes. Vol. 1. A–M)*. Moscow: "Progress", "RIPOL KLASSIK" Publ., 393 (in Russian).

22. *Otchet o deiatel'nosti Bolgarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeia-zapovednika za 2018 god (Report on the Activity of Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve for 2018)*. <https://vbolgar.ru/dok/otchet18.pdf> (accessed: 24.05.2019)

23. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* IV. Kazan, 1–91 (in Russian).

24. *Vedenie o polatnom Bolgarskom stroenii (Information on Bolgar Urban Development)*. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 9, Cabinet of Peter I. Otd. II. Kn. 93. L. 362 (in Russian).

25. Sitdikov, A. G., Izmailov, I. L. 2018. *Muzeinyi park: Putevoditel' po muzeinomu parku BGIAMZ (Museum Park: A Guide to the Museum Park of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area)*. Kazan: "GLAVDIZAIN" Publ. (in Russian).

26. Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R., Makhmutov, R. Z. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 356–363 (in Russian).

27. Ulemnova O.L. 2015. In Ulemnova, O. L., Davletshina, L. Sh. (comp.). *Akademicheskii tsentr Narkomprosa TASSR: dokumenty i materialy (Academic Center of the TASSR People's Commissariat of Education: Documents and Materials)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 49–59 (in Russian).

28. Bolgar Historical and Archaeological Complex: <http://whc.unesco.org/en/list/981> (accessed: 24.05.2019).

About the Author:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.202.209>

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАРСТАНА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

© 2019 г. Р.М. Валеев

Автором раскрываются вопросы исследования и сохранения такого важного вида объектов культурного наследия как памятники археологии. Их выявлено и обследовано в Татарстане более 5 тысяч и они представляют огромный пласт, раскрывающий историю человечества на территории Среднего Поволжья. Определены направления по сохранению археологического наследия для наших потомков и внедрению их в современную жизнь. Государственная историко-культурная экспертиза проводимая в зоне земляных работ при строительстве, реставрации и реконструкции, нефтегазовых разработках позволили поднять на более высокий уровень сохранность археологического наследия. Активно внедряются международные принципы сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: археологическое наследие, направления сохранения археологических памятников, палеолит, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, Волжская Булгария, Золотая Орда, Археологическая карта, Куйбышевское и Нижнекамского водохранилища.

Республика Татарстан обладает богатым историко-культурным наследием. В настоящее время выявлено и обследовано 7750 различных типов памятников – памятники истории, архитектуры и градостроительства, археологии, искусства. Среди них наиболее значительное место занимает археологическое наследие – это стоянки, курганы, могильники, селища, городища и т.д.

На территории Татарстана выявлено и документировано более пяти тысяч археологических памятников, датированных от эпохи среднего палеолита до позднего средневековья. Такого количества памятников нет ни в одной из соседних областей и республик. Это объясняется тем, что Татарстан расположен в благоприятных природно-географических условиях. Наш край – это район слияния крупнейших рек Восточной Европы – Волги, Камы и Вятки, и стыка двух природных зон – леса и степи. Рассма-

триваемые места в древности, судя по имеющимся находкам, изобиловали дичью и рыбой, привлекая к себе с незапамятных времен охотников и рыболовов. Наличие широких пойм и участков степи благоприятствовало развитию скотоводства. Плодородные земли позволяли осваивать земледелие.

Немаловажное значение имела также местная база сырья для выплавки меди и железа. Нельзя не учитывать и того, что в археологическом отношении наша республика неплохо изучена. Указанное выше число археологических памятников – это результат деятельности нескольких поколений исследователей, работавших в регионе.

Однако следует заметить, что проблемы выявления археологических памятников этим не ограничиваются. В ходе археологических разведок открываются новые памятники. Так, при разведках д.и.н. Е.П. Казакова

были открыты интересные захоронения древних тюрков V–VI вв. В ходе строительства дорог, газопроводов, нефтяных месторождений также встречаются такие памятники. И хорошо, если при этом принимают участие археологи, что приводит к открытию многих уникальных памятников. Так, при строительстве дороги около с. Б. Тиганы Алексеевского района был открыт крупнейший могильник древних венгров, относящийся к VIII–IX вв. Это открытие имело огромное значение для доказательства древней прародины венгров – *Magna Hungaria*. Среди памятников археологии многие представляют бесценный источник в изучении проблем древней и средневековой истории народов региона (татар, башкир, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов).

Так, по истории татарского народа мы можем узнать по более чем 200 городищам и 800 селищам, относящимся к истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Археологические раскопки, которые проводились на территории Казанского Кремля в 1994–2005 гг. дали богатый материал по истории Казанского ханства и его столицы, и стали основой доказательства 1000-летия г. Казани. Приведу только одну деталь, которая подчеркивает большую значимость находок для проведения широких исторических обобщений. Это вопрос об архитектуре памятников эпохи Казанского ханства. При раскопках в 1995 году была найдена стена первоначальной цитадели Казани и стратиграфически она относится к XII–XIII вв. (Хузин, 2011, с. 164–165). Найденное небольшое кирпичное здание, к сожалению плохо сохранившееся, относится к XVI веку. В сквере перед Благовещенским собо-

ром были изучены руины комплекса исторически известной мечети-медресе Кул Шарифа (Хузин, Ситдииков, 2005). И таких примеров можно привести много.

Археологические памятники – наше национальное достояние, и большинство руководителей, и просто население это понимают. В результате в некоторых районах археологические памятники, особенно кладбища, относящиеся к XIII–XVI вв. окружаются бережной заботой. Так, в Альметьевском районе известное Елховское кладбище с его эпитафическими памятниками, относящимися к XVII–XVIII вв. обнесено оградой и охраняется местными органами власти. Но, к сожалению, так происходит не везде. Археологи Академии наук Республики Татарстан, Казанского университета, охранных памятниковедческих структур нашей республики осуществили инвентаризацию памятников археологии во многих районах – в Актанышском, Алексеевском, Сармановском, Муслумовском, Нурлат-Октябрьском, Сабинском, Тукаевском и других районах. Обнаруженные факты возмущают многих специалистов, поскольку уничтожаются ценнейшие свидетельства о далекой эпохе. Так, в Актанышском районе, в непосредственной близости от с. Миниярово, скотомогильником уничтожена часть интересного комплекса памятников, относящегося к эпохе неолита (IV–III тыс. до н. э.), черкакульской (VII–VI в. до н. э.), кушнаренковской (III–IV вв. н. э.) и болгарской культуре (X–XII вв.), в Рыбно-Слободском районе карьером около с. Б. Елга уничтожен могильник, относящийся к VIII в. до н. э., в Муслумовском районе карьером разрушены городища около с. Русские Шуганы, Кряш-

Шураны, Меллятамакский комплекс – памятник эпохи неолита, бронзы, кушнаренковской культуры и булгаро-татарское селище XIII–XIV вв. Особое возмущение вызвало разрушение строящейся дорогой в Алексеевском районе, на территории Билярского заповедника, селища, относящегося к XIII–XIV вв. И даже когда работы были приостановлены и продолжены лишь после проведения охранно-спасательных археологических работ, карьером на следующий год разрушили культурный слой на площади более 500 м².

Все эти примеры показывают, что отношение к памятникам археологии далеко не соответствуют общепринятым международным принципам сохранения культурного наследия.

В Татарстане в области выявления и сохранения археологических памятников сделано в последние годы многое. В первую очередь следует отметить издание «Археологической карты Татарстана» в 6 книгах (Археологическая карта..., 1981; Археологическая карта..., 1985; Археологическая карта..., 1986; Археологические памятники..., 1988; Археологические памятники..., 1989; Археологические памятники..., 1990). Кроме того, созданы серия заповедников (Булгарский, Билярский, Иске-Казанский, Елабужский, «Казанский Кремль», Свяжский, Чистопольский и др.). Однако в целом состояние археологических памятников республики вызывает значительное беспокойство. Памятники археологии очень ранимы, потому что находятся в большинстве случаев в земле. Небывалые по размерам стройки послевоенного времени привели к гибели многих объектов. В первую очередь следует отметить строительство Куй-

бышевского и Нижнекамского гидроузлов.

Только водохранилищем Куйбышевской ГЭС уничтожено более 700 археологических памятников всех эпох, при этом почти полностью смыты памятники неолита и эпохи раннего металла. Береговая линия водохранилища до сих пор не сформировалась. Местами рукотворное море за год «отодвигает» край берега до 10 метров. Поэтому разрушение и уничтожение археологических памятников продолжается. Учитывая это, еще в 1961 году под руководством А.Х. Халикова начаты обследования памятников в зоне Куйбышевской ГЭС. Следует заметить, что работы подобного типа нашими археологами были начаты впервые в СССР. Опыт работ Казанских исследователей был использован специалистами Урала, Сибири, Украины. Финансирование данных работ осуществлялось по линии АН СССР, а в последние годы Министерством культуры Республики Татарстан (данные исследования включены в программу культурного строительства Татарстана).

Из года в год проводившиеся обследования дали возможность выявить сотни новых археологических объектов, отдельные из них получили всемирную известность: это могильники эпохи раннего железного века (Новомордовский II, Полянский II), памятники именьковской культуры, торгово-ремесленные поселения булгар в низовьях рек Ахтай и Бездна и другие. На разрушающихся памятниках удалось зафиксировать остатки многих объектов (жилища, древних мастерских: сыродутных и гончарных горнов, погребений, оборонительных сооружений и т.д.), а также собрать большой вещевой материал, включа-

ющий орудия труда, оружие, украшения и принадлежности костюма.

В последние годы поступает много сведений о разрушающихся археологических памятниках в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. К сожалению, из-за отсутствия средств вести работы на этих объектах практически невозможно.

Где-то с середины шестидесятых годов в связи с использованием мощных механизмов при обработке земель, стали распахиваться многие курганные насыпи, стоявшие нетронутыми тысячелетия. Многие курганы сегодня трудно различить. В настоящее время, пожалуй, трудно найти нераспаханные курганы на полях южных районов нашей республики.

На территории Татарстана в последние десятилетия развернулись широкомасштабные работы, связанные со строительством новых городов, заводов, нефтепромыслов и т.д. При этом следует отметить, что детально археологическому обследованию не подверглись зоны Набережных Челнов, Нижнекамска, новых районов Елабуги и другие районы строек. Вся документация на эти стройки утверждалась без экспертов-археологов. На исторической части городов Татарстана, в том числе г. Казани, идут строительные работы. К великому сожалению они тоже почти не контролировались археологами и специалистами, и лишь введение на законодательном уровне государственной историко-культурной экспертизы позволило поставить на иной уровень охрану археологических памятников.

Есть ряд сведений о том, что в республике появились археологи-браконьеры. Это коллекционеры, которых интересуют древние вещи и которые

занимаются сборами исторических монет, древних вещей на разрушающихся памятниках зоны водохранилищ Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС. Осуществлять какой-то контроль в данном случае чрезвычайно трудно, потому что многие территории зон водохранилищ труднодоступные, там практически нет населения.

Завершение и публикацию «Археологической карты Татарстана» нельзя считать последней точкой в археологических разведках региона. Следует заметить, что выявление археологических памятников ведется традиционными способами (главным образом путем личного осмотра археологами территории). Практика показывает, что нужны повторные обследования, которые позволят выявить новые памятники. При этом следует обследовать и зоны водоразделов. Нужно признать, что слабо обследованы в археологическом отношении юго-восточные районы республики (Бугульминский, Альметьевский, Бавлинский и др.). Наконец, нужно провести просмотр аэрофотоснимков нашего региона, который может открыть интересные объекты. Кроме того, предстоит осуществлять перевод археологических памятников в земли историко-культурного назначения, включать их в Земельный кадастр Республики Татарстан и на этой основе составлять проекты зон охраны этих памятников.

Археологические исследования в нашей республике выходят на новую ступень (речь о применении и использовании современных методов естественных наук). В г. Казани есть база для освоения новых методов датировок древних вещей. Археологические коллекции в Татарстане сосредоточены в разных местах. Они богаты и разнообразны. Кроме того, в резуль-

тате проведения археологических исследований на памятниках археологии пополняются музейные фонды нашей республики.

Какие же меры необходимы для того, чтобы не только сохранить археологическое наследие нашей республики для потомков, но и широко внедрять в практику повседневной жизни не только специалистов, но и широких слоев населения международные принципы сохранения культурного наследия?

В настоящее время в Республике Татарстан определен целый ряд направлений, который позволит решить поставленную выше проблему. В первую очередь сюда необходимо отнести вопросы повышения общей культуры населения. Если мы не сумеем привить интерес к истории своего народа, своего города или села, бережное отношение к археологическому и историческому наследию, любые меры – правовые или административные – не будут иметь действия. Конечно, повышение культуры – дело, требующее не одного года, а десятилетий и сотен лет. Но тем не менее, если эта работа начнется в школе, гимназии, колледже, можно будет надеяться на успехи в этой области.

Ярким проявлением активного участия граждан, органов власти и управления, религиозных, общественных организаций и осуществления принципа «всем миром» стало создание и деятельность в 2010–2018 гг. Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан под патронажем первого Президента РТ М.Ш. Шаймиева. Была проведена огромная работа по осуществлению реставрации Древнего Болгара и острова-града, аккордом которого стало включение

Болгарского историко-археологического комплекса, единственного на тот момент памятника археологии от Российской Федерации и Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО и избрание М.Ш. Шаймиева специальным посланником ЮНЕСКО по укреплению межкультурного диалога.

Второе направление по сохранению культурного наследия – это решение вопросов законодательного обеспечения сохранности памятников археологии. В республике подготовлен и в 1996 г. принят Закон «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей». В 2005 г. принят Закон РТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан». Но одновременно необходимо уже сегодня ставить вопрос о принятии и специального Закона «Об охране археологического наследия», который бы учитывал специфику памятников археологии и их особую ранимость.

Третье направление связано с осуществлением государственной экспертизы при строительстве дорог, газо- и нефтепроводов, карьеров и других крупных хозяйственных, строительных, земляных работ. В конце 90-х г. XX в. эта работа начала осуществляться специалистами-археологами Управления госконтроля охраны памятников Республики Татарстан и Академии наук Республики Татарстан. И она приносит хорошие результаты. Так, при проектировании строительства продуктопровода из Перми до Альметьевска, проходящего по территории пяти районов, экспертиза показала, что в результате этих работ может быть уничтожено 23 памятника археологии, поэтому в проектно-смет-

ную документацию на строительство продуктопровода включены мероприятия по проведению охранно-спасательных археологических работ на этих памятниках. Находятся в постоянном внимании вопросы сохранения памятников археологии в юго-восточных нефтяных районах, где проводит работы акционерное объединение «Татнефть» и малые нефтяные предприятия.

Четвертое направление определяет проведение мероприятий по сохранению археологических памятников в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. Известно, что в зависимости от уровня подъема воды этих водохранилищ, уничтожается до 800 памятников археологии. Кроме того, в случае принятия решения о поднятии уровня воды Нижнекамского водохранилища будет уничтожено до 500 памятников. Учитывая это, по предложению Министерства культуры, Правительством Республики Татарстан принято постановление о проведении охранно-спасательных работ в зоне абразионного уступа этих водохранилищ.

В создании системы и механизма обеспечения сохранности археологического наследия республики важное значение уделяется переводу памятников археологии в земли историко-культурного назначения, предусмотренное Законами «О земле» и «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей». Переведены в земли историко-культурного назначения территории Булгарского, Иске-Казанского, Кремлевского, Елабужского, Билярского заповедников.

Придать значительный импульс вопросам исследования и сохранения археологического наследия и решению организационных структурных

преобразований, помогло принятие Правительством РТ в 2010 г. Комплексной программы по древнему Болгару и острову-граду Свияжску. При ее осуществлении за основу были приняты подходы, определенные не только российским и республиканским законодательствами, но и Венецианской Хартией (1964 г.), Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО (1972 г.) и Европейской конвенцией по охране археологического наследия.

Были осуществлены комплексные междисциплинарные исследования не только с использованием историко-археологических методов, но и аэрокосмическое дистанционное зондирование земли, геофизические, химико-технологические, антропогенетические, археозоологические, геоинформационные и другие современные методы, позволившие вытащить из археологического наследия Болгар и Свияжска много новой информации по их истории, которые раньше невозможно было осуществить только с использованием старых методов. Исследование культурного слоя с помощью неразрушающих методов позволило поднять содержание и научный уровень историко-археологической информации.

Выведению на новую ступень музеефикации археологических памятников способствовали возможность консервации выявленных архитектурно-археологических объектов и артефактов с помощью опробированных методов, а также создание, внедрение современных методов показа историко-археологической информации, новых экспозиций и презентационных изданий, веб-сайтов, широкое представление результатов работ в

ведущих российских и мировых научных изданиях и включение Болгарского историко-археологического комплекса и Острова-града Свияжка в российское и мировое культурное и музейное пространство (Валеев и др., 2016).

В конце XX – начале XXI в. были осуществлены серьезные структурные изменения в управлении исследованием и сохранением археологического наследия Татарстана. Первоначально был реорганизован отдел археологии Института истории им. Ш. Марджани в Национальный центр археологических исследований, а затем поэтапно в 2014 г. в са-

мостоятельный Институт археологии им. А.Х. Халикова. В 2018 г. был создан при Правительстве РТ Комитет по культурному наследию, ставший логическим завершением 100-летней истории государственных органов Республики Татарстан по охране памятников истории и культуры.

И последнее, сохранить богатое археологическое наследие Татарстана возможно лишь в том случае, когда это будет делом не только специалистов – археологов в области охраны памятников, но и руководителей разного ранга, широких слоев общественности, иными словами, если эту работу мы будем осуществлять всем миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
2. Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.
3. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред.: П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 112 с.
4. Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.
5. Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.
6. Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
7. Валеев Р.М., Ситдигов А.Г., Хайрутдинов Р.Р. Болгарский историко-археологический комплекс. Болгар – объект всемирного наследия ЮНЕСКО. Т. 1. Казань: ГЛАВДИЗАЙН, 2016. 400 с.
8. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань (о времени возникновения и ранних этапах развития // Исследования по болгаро-татарской археологии / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань: Фолиант, 2011. 138–171 с.
9. Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2005. № 2 (41). С. 10–23.

Информация об авторе:

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие» Казанский (Приволжский) федеральный университет; проректор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF TATARSTAN AND THE ISSUES OF ITS STUDY AND PRESERVATION

R.M. Valeev

The author considers the issues of study and preservation of such important cultural heritage sites as archaeological monuments. A total of over 5 thousand monuments have been identified and examined in Tatarstan, and they represent a vast source of information on the history of people inhabiting the territory of the Middle Volga region. The author has determined the directions for preservation of the archaeological heritage for our descendants and their introduction into contemporary life. State historical and cultural expert review conducted in the area of earthworks during construction, restoration, reconstruction, oil and gas development activities have allowed to bring the preservation of archaeological heritage to a higher level. International principles for the cultural heritage preservation are being actively implemented.

Keywords: archaeological heritage, branches in protection of archaeological sites, Palaeolithic, Bronze Age, Iron Age, Medieval, Volga Bulgaria, Golden Horde, Archaeological map, Kuybyshev reservoir, Nizhnekamsk reservoir.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
3. Starostin, P. N. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
4. Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Central Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
5. Kazakov, E. P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Monuments of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
6. Khalikov, A. Kh (ed.). 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Monuments of the Cheremshan Basin)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
7. Valeev, R. M., Sitdikov, A. G., Khairutdinov, R. R. *Bolgarskii istoriko-arkheologicheskii kompleks. Bolgar - ob'ekt vsemirnogo nasledia UNESCO. (Bolgar Historical and Archaeological Complex. Bolgar – UNESCO World Heritage Site)*. Vol. 1. Kazan: "GLAVDIZAIN" Publ. (in Russian).
8. Khuzin, F. Sh. 2011. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: "Foliant" Publ., 138–171 (in Russian).
9. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2005. In *Ekho vekov = Gasirlar avazi (Echo of Centuries)* 2(41), 10–23 (in Russian).

About the Author:

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Vice-President of the National Council of ICOMOS. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК75.052(477.75)+72.684(477.75) <https://doi.org/10.24852/2019.2.28.210.223>

ФРЕСКОВЫЕ РОСПИСИ ПЕЩЕРНОЙ ЦЕРКВИ ЮЖНОГО МОНАСТЫРЯ МАНГУПА: СПЕЦИФИКА ИКОНОГРАФИИ И ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННОГО РЕШЕНИЯ¹

© 2019 г. Ю.М. Могаричев, А.С. Ергина

В статье рассматриваются специфика иконографии и особенности композиционного решения стенописи (первая половина XV в.) пещерной церкви Южного монастыря Мангупского городища, являвшегося во второй половине XIV в. – 1475 г. столицей княжества Феодоро. В интерьере монастыря не выявлено заметных переделок. Росписи располагались в апсиде (в нише и конхе), на арке, окаймляющей алтарь и фризе над аркой. Несмотря на то, что Южный монастырь и его пещерная церковь уже со второй половины XIX в. упоминаются в путеводителях и иной популярной литературе, посвященных стенописи серьезных научных публикаций известно не много. Авторы анализируют и сопоставляют описания композиции фресковых росписей церкви, составленные А.С. Уваровым, Н.И. Репниковым, О.И. Домбровским, рядом других исследователей со своими натурными наблюдениями. На основе известных описаний фресковых росписей пещерного храма Южного монастыря Мангупа авторами определено, что лейтмотивом является тема искупительной жертвы Иисуса Христа. Вероятно, это богословско-литургическое содержание было чрезвычайно актуально для феодоритов. Изучение программы росписи пещерной церкви Южного монастыря Мангупского городища позволило представить схему-реконструкцию росписи.

Ключевые слова: археология, иконография, христианство, пещерные церкви, монастырь, фресковые росписи, Крым, Мангуп.

Первенство среди пещерных сооружений Мангупа, несомненно, принадлежит культовым памятникам, а именно пещерным церквям и монастырям (Герцен, Могаричев, 1996; 2017а, с. 119–125; Могаричев, 1997, с. 54–76; 2005, с. 131–140, 144; 2015, с. 79–81; и др.).

В ряду последних выделяется Южный монастырь (рис. 1: 9). В него можно попасть по искусственному туннелю из небольшого естественного грота в подножье обрыва. Проход заканчивается на краю площадки обширного, также естественного, грота. В восточной стороне грота находится пещерная зальная церковь (рис. 2).

Храм был украшен фресковой росписью, которая покрывала апсиду с нишей и конхой, арку, окаймляющую алтарь и фриз над аркой. Важной особенностью комплекса является его цельность с точки зрения планировочных решений. В храме монастыря не выделяется заметных переделок и перепланировок (Герцен, Могаричев, 1996, с. 21–26, 37–41; 2017а, с. 102–124; 2017б; Могаричев, 1997, с. 64–66, с. 71–73; 2005, с. 138–139; 2015, с. 80–81).

Впервые описание объекта выполнил А.С. Уваров во время научной поездки на Юг России в 1848 г. По мнению исследователя, сначала, в пе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-50001.

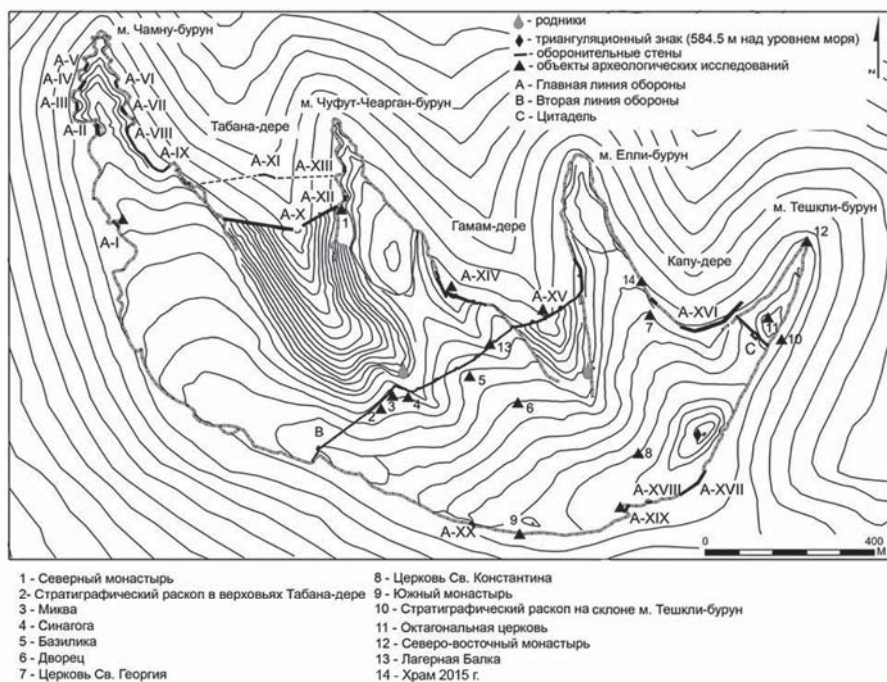

Рис. 1. План Мангупа с указанием расположения основных памятников (по А.Г. Герцену).

Fig. 1. Plan of Mangup indicating the location of the significant monuments. After A.G. Gertsen.

риод гонений на христиан, в данном месте был вырублен небольшой храм с ведущей к нему лестницей. А после победы христианства церковь расширили (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 180–181). Сопровождавшим ученого художником М. Вебелем было сделано несколько рисунков памятников. В числе сюжетов присутствуют изображения интерьера и фресок пещерного храма Южного монастыря (рис. 3; 4).

В 1888 г. был издан «Отчет об учебной экскурсии Симферопольской гимназии», одним из объектов посещения которой был Мангуп. Текст сопровождался иллюстрациями А.А. Архипова. Одна из них изображает в фас (развертка) алтарную часть церкви, где достаточно четко, правда без проработки деталей, представлены основ-

ные сюжеты росписи (Попов, 1888, с. 124–125).

В ноябре 1889 г. инженер Агеенко отправил в Археологическую комиссию чертежи и описания церкви Южного монастыря, а она, в свою очередь, обратилась в Таврическую ученую архивную комиссию с просьбой осмотреть памятник. Осмотр произвели известные крымские ученые А.Х. Стевен и А.И. Маркевич, которые датировали памятник XIV–XV вв. (Дело Императорской, л. 9).

В 1890 г. в Известиях Таврической ученой архивной комиссии А.И. Маркевич опубликовал очерк «Экскурсия на Мангуп», в котором много внимания было уделено и рассматриваемому объекту (Маркевич, 1890, с. 106). Тот же А.И. Маркевич отмечал удовлетворительную сохранность фресок еще в 1911 г. (Протоколы, 1912, с. 35).

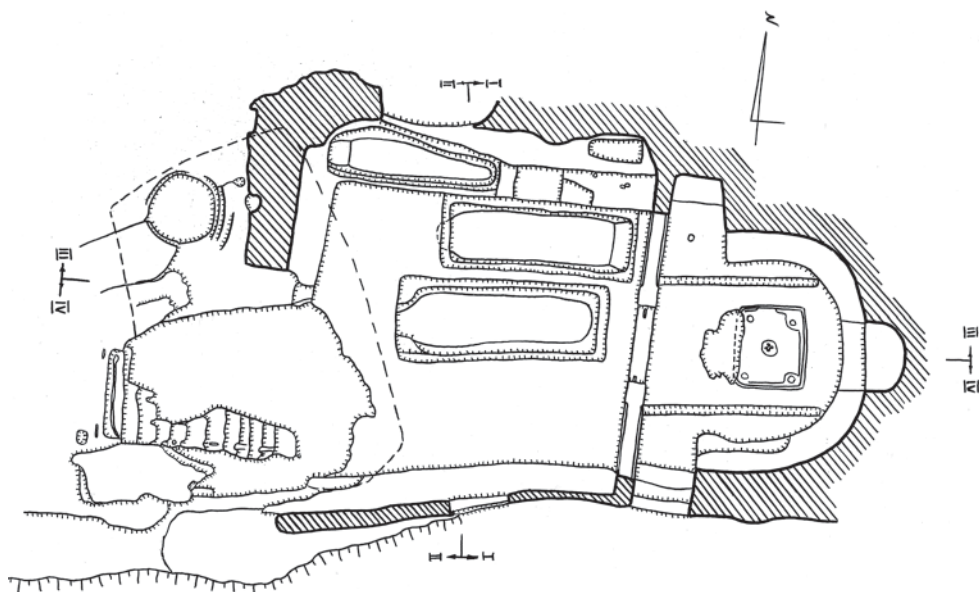

Рис. 2. Храм Южного Монастыря. План.

Fig. 2. Temple of the South Monastery. Plan.

В.В. Латышев, основываясь на данных А.Л. Бертье-Делагарда, опубликовал в 1897 г. надписи, сохранившиеся тогда на фреске церкви Южного монастыря. Среди имен под изображениями святых он отмечал «св. Григория, Феодора, арх. Гавриила и Михаила, Параскеву, Марину, Иоанна и Марию» (Латышев, 1897, с. 154).

Детальное описание памятника составил Н.И. Репников в «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма». По стилистическим особенностям росписей исследователь датировал церковь и ее росписи концом XIV в. (Репников, Архив ИИМК, л. 230–231).

И.Е. Грабарь, в 1927 г. посетивший Мангуп, отмечал, что фресковая роспись была создана в XIV в., а в XV–XVI вв. обновлялась (Грабарь, 1966, с. 256).

О.И. Домбровский провел подробный анализ композиции фресок и,

в ряде случаев, предложил свою интерпретацию изображений. В целом он датировал росписи концом XIV–XV вв. (Домбровский, 1966, с. 88–89) (рис. 5).

А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев детально проанализировали памятник в своих работах. Они попытались сопоставить описание фресковых композиций Н.И. Репникова с предложенными коррекциями О.И. Домбровского, обратив внимание на уязвимые места концепции последнего. По их мнению, монастырь следует датировать первой половиной XV в., и он являлся семейной усыпальницей княжеской династии Феодоро (Герцен, Могаричев, 1996, с. 21–26, 37–41; 2017а, с. 123–124; 2017б; Могаричев 1997, с. 64–66, с. 71–73; 2005, с. 138–139; 2015, с. 80–81).

По мнению Е.М. Осауленко, храм был расписан приглашенными в начале XV в. из-за пределов Крыма (но

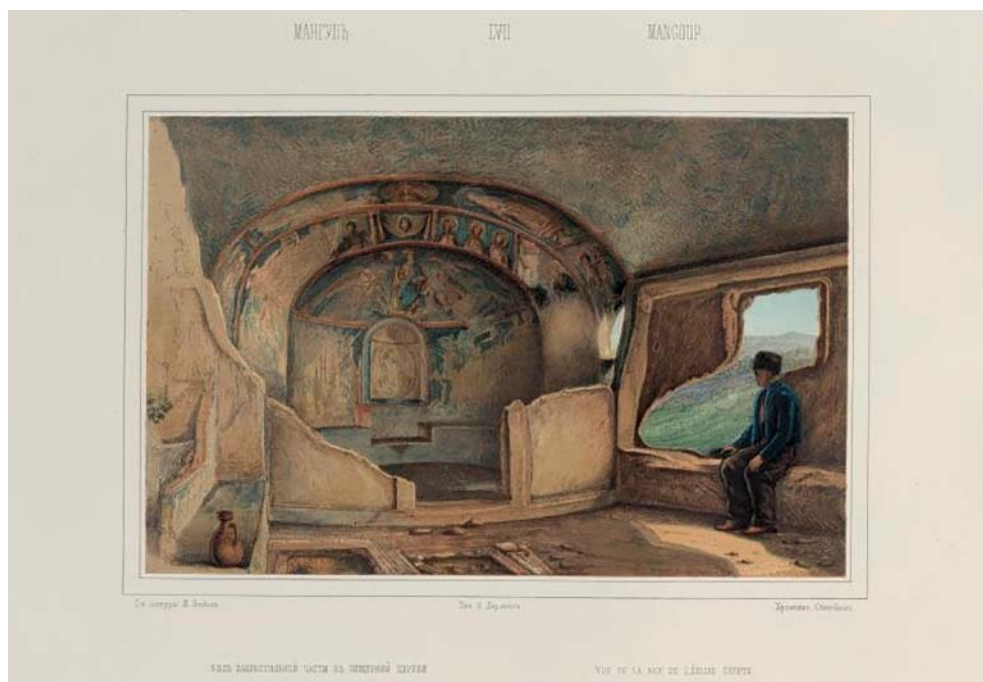

Рис. 3. Храм Южного монастыря. Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Fig. 3. Temple of the South Monastery. After unedited album of A.S. Uvarov.

не из Трапезунда) живописцами (Осауленко, 2007, с. 109).

Таким образом, в историографии прочно закрепилось представление о церкви Южного монастыря как о памятнике, время создания которого не выходит за пределы конца XIV – первой половины XV в. Однако до сих пор отсутствуют представления о специфике содержания системы росписей храма и особенностях композиционного решения отдельных сюжетов.

Авторы поставили перед собой задачу провести сравнительный анализ известных на данный момент описаний и графической фиксации рассматриваемых фресок и, в итоге, представить цельное видение композиции фресковых росписей, их идейное и литургическое значение. Мы также публикуем новую графическую схему-реконструкцию стенописи, кото-

рая впервые в полной мере передает возможное содержание росписи, такое, каким его видел средневековый зритель.

Как отмечалось, стенопись церкви Южного монастыря сконцентрирована в алтарной части. В целом ансамбль росписи по расположению основных сюжетов условно можно разделить на три группы: композиции апсиды; роспись карниза алтарной арки; изображения святых на сводах церкви. Красная полоса, окаймленная белым, отделяет один сюжет от другого.

Роспись апсиды. Центральным сюжетом, передающим литургическое значение всей системы росписей, является композиция «Деисус» в апсиде. А.С. Уваровым представлено ее подробное описание. Центральная фигура Спасителя, сидящая на троне, серафимы шестикрылые, Богородица, Иоанн Предтеча, Св. император

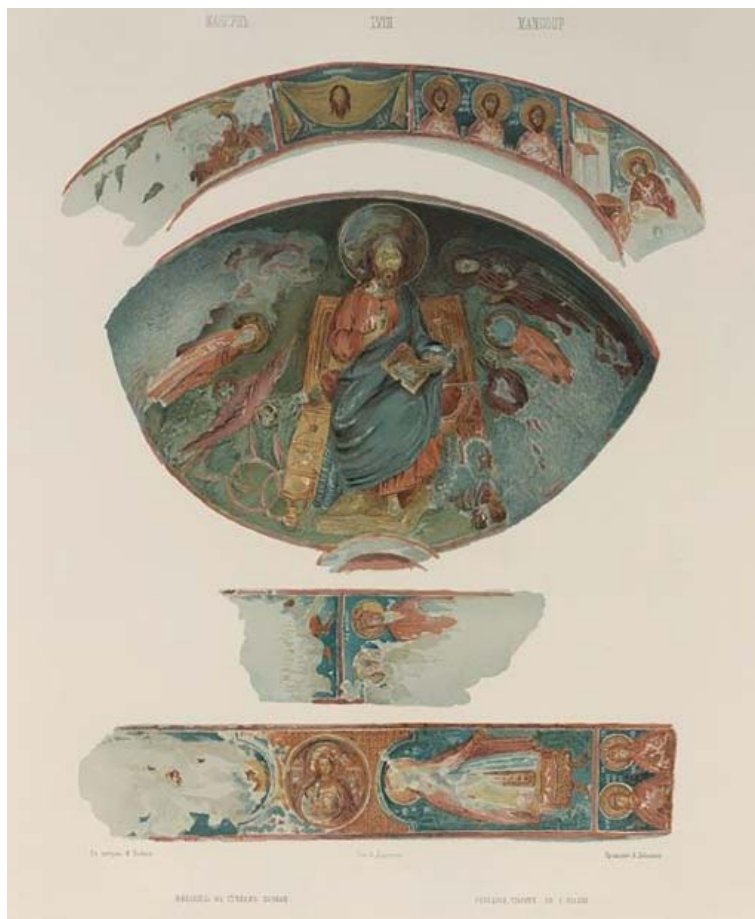

Рис. 4. Фресковые росписи из храма Южного монастыря.
Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Fig. 4. Fresco paintings from the temple of the South Monastery.
After the unedited album of A.S. Uvarov.

Константин и Св. царица Елена, выделенные и отмеченные исследователем, указывают, что сюжет росписи, несомненно, относится к чину «Деисус». Правда, А.С. Уваров по каким-то причинам не отметил сей факт в рукописи (Герцен, Могаричев, 20176, с. 180–181). Интересной деталью является изображение двух книг у Христа: «Риза красная, мантия голубая, левою ногою он наступает на закрытую книгу. Символическое значение окончания завитка, закрытая Книга Предсказаний, теперь открывается

Книга Откровений» (Герцен, Могаричев, 20176, с. 181).

По мнению Н.И. Репникова, помимо канонических изображений в «Деисусе» Спасителя, небесных сил, Богородицы, Иоанна Предтечи, в алтаре церкви Южного монастыря так же присутствуют еще две фигуры в нимбах (мужская и женская) – канонизированные донаторы церкви (Репников, Архив ИИМК, л. 231).

Обследуя в 1953 г. церковь, О.И. Домбровский смог распознать здесь только фигуру Христа в окру-

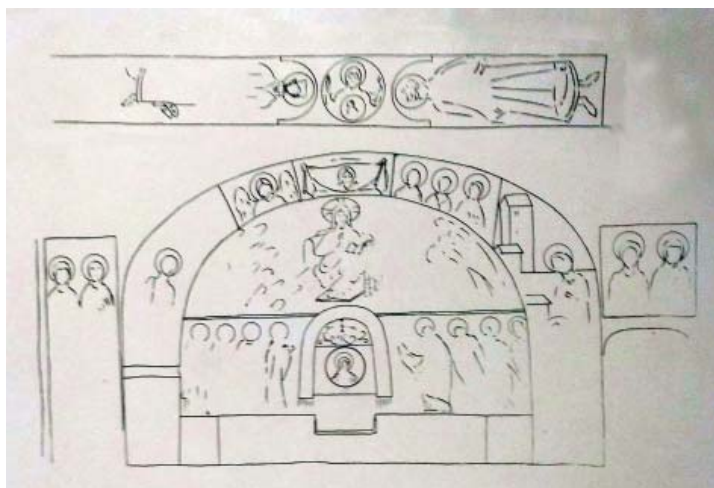

Рис. 5. Схема росписи храма Южного монастыря Мангупа по О.И. Домбровскому.

Fig. 5. The scheme of the painting of the Temple of the Southern Monastery by O.I. Dombrovski.

жении шестикрылых серафимов (херувимов) и пять человеческих фигур (Домбровский, 1966, с. 80).

Е.Н. Осауленко полагает, что данная композиция – многофигурный «Деисус»; кроме канонических фигур Христа-Вседержителя, Небесных Сил (престолы или офонимы, тетраморф, серафима), Богородицы, Иоанна Крестителя введены дополнительные фигуры, которые плотно заполняют пространство композиции. По его мнению, художник изобразил в уменьшенном масштабе фигуры ангелов, а композиционная схема – компромиссный вариант комниновского и палеологовского времени (Осауленко, 2007, с. 97).

Нами были проведены натурные исследования росписей (рис. 6). Очевидно, что композиция «Деисус» занимает верхний регистр апсиды (конху). Образы представлены на темно-синем фоне светлыми силуэтами. Доминанта данной композиции – фигура Спасителя на престоле, правильных пропорций. На основе имеющихся описаний и наших наблюде-

ний, мы предполагаем, что Христос был изображен в светло-пурпурном хитоне с темно-багряными складками и темно-синем гиматии. Плащ идет наискось и оставляет открытым большую часть грудной клетки и правую руку. Гиматий ниспадает складками с левого плеча, его левый край огибает левую ладонь, которая держит открытую книгу. В книге сохранилось несколько строк греческого текста. Его правая рука в благословляющем жесте. Голова Иисуса Христа с крещатым нимбом, напоминающим о крестной смерти, цвета желтой охры была окаймлена белой полосой. У Спасителя (сохранилась только нижняя часть лица) темные, спадающие до плеч волосы. Борода густая, разделенная на локоны, дугообразные усы и небольшой круглый подбородок.

Христос сидит на престоле охристого цвета, который украшен светлым орнаментом, имитирующим инкрустацию драгоценными камнями. Декоративные мешкообразные подушки красного цвета с завязанными концами, покрыты орнаментом.

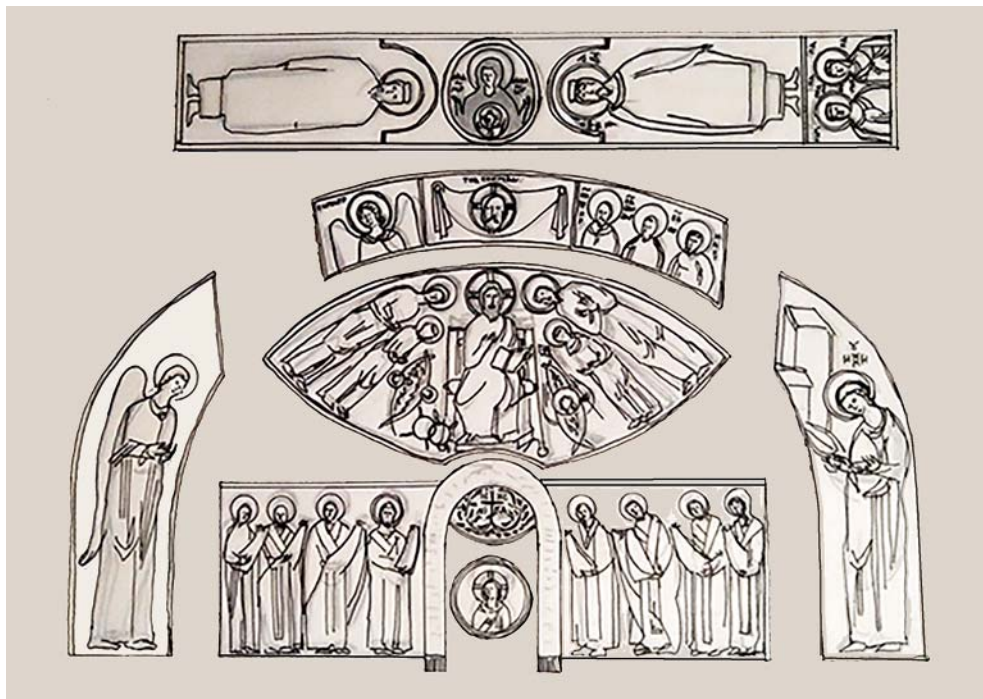

Рис. 6. Схема-реконструкция росписи храма Южного монастыря Мангупа.

Fig. 6. The scheme-reconstruction of the painting of the Temple of the South Monastery.

Нижняя часть композиции сейчас утрачена, поэтому нет возможности подтвердить или опровергнуть наличие закрытой Книги Предсказаний, о которой упоминал А.С. Уваров. С обеих сторон престола изображены небесные силы – представители первой группы иерархии ангельских чинов. Слева от Спасителя сохранились остатки изображения Серафима с красными крыльями, держащего лабор. Справа от Спасителя два Херувима. Рядом с изображениями Херувимов возле ножек престола в процессе визуального обследования росписи нами были замечены остатки изображения маленьких крылышек. Эта часть стенописи сейчас не просматривается из-за сильных повреждений. Сопоставляя рисунки М.В. Вебеля и немногочисленные описания росписи церкви Южного монастыря

Мангупа, мы можем утверждать, что это остатки изображения богоносных Престолов. Представители земной церкви предстают в молении перед Вседержителем. Наиболее убедительной на сегодняшний день является гипотеза А.С. Уварова, которой независимо от него (отметим, уваровский текст раньше 2017 г. не был введен в научный оборот) также придерживаются А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев (Герцен, Могаричев, 1996, с. 23–24): направо от Спасителя – Богородица и Святой император Константин Великий, налево – Иоанн Креститель и Святая царица Елена.

На плоскости алтарной апсиды по сторонам от ниши сохранились остатки изображения восьми святых епископов. В 1848 г. данный сюжет уже был в плохом состоянии. А.С. Уваров выделял на южной стороне апси-

ды – Василия Великого, Св. Кирилла Александрийского, двух других не определил; на северной – Иоанн Златоуст, за ним Григорий Богослов, от двух других святителей он зафиксировал лишь нижние части фигур (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 180–181). Н.И. Репников кратко упоминает изображения святителей в крещатых облачениях (Репников, Архив ИИМК, л. 231). Этот сюжет так же отмечают О.И. Домбровский (Домбровский, 1966, с. 80–81) и Е.Н. Осауленко (Осауленко, 2007, с. 98). Они указали на сильно поврежденную композицию Службы святых отец.

Наше обследование подтвердило, что указанные росписи действительно почти не просматриваются, а сохранившиеся детали омофора забелены известью. Вероятно, на стене апсиды был помещен сюжет «Служба святых отец»: святители во весь рост – символическое изображение богослужения. Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и две фигуры, которые не идентифицируются, изображены на северной стороне от ниши; Василий Великий, Кирилл Александрийский и две фигуры, изображения которых совсем не сохранились, представлены на южной стороне от ниши. Этот сюжет соответствует алтарному пространству.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет ниша в апсиде, которая обрамлена дугообразным выступом. Эта архитектурная форма олицетворяет миниатюрную апсиду в алтаре церкви. Описания А.С. Уварова свидетельствуют, что там был изображен юный Христос-Эммануил (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). В свою очередь, Н.И. Репников отмечал, что в нише изображена в медальоне поясная фигура Богоматери (Репников,

Архив ИИМК, л. 231). О.И. Домбровский полагал, что в круге, очерченном пятью концентричными полосами (белого, желтого, красного, желтого и белого цветов), все же изображен Христос-Эммануил (Домбровский, 1966, с. 80). Отталкиваясь от символического значения изображения юного Христа как символа евхаристической жертвы, Е.Н. Осауленко так же видит здесь наличие образа Спаса-Эммануила. Помещенное в медальоне ниши изображение Эммануила, по его мнению, выступает единой композицией с сюжетом «Служба святых отец» и несет литургическое значение евхаристической жертвы Спасителя (Осауленко, 2007, с. 98). На сегодняшний день изображение в нижнем регистре ниши бесследно утрачено, а его место занял оловянный крест, грубо вбитый гвоздями.

В конхе ниши изображен процветший восьмиконечный крест. А.С. Уваров, О.И. Домбровский, Е.Н. Осауленко едины во мнении и видят здесь сохранившуюся монограмму Христа – ІСХСНІКА «Иисус Христос победитель». Данный сюжет не пострадал и находится в хорошей сохранности под слоем копоти. Сплетенные в виде вензеля буквы дополнены патриаршим крестом, из которого прорастает растительный орнамент. Ниша обрамлена дугообразным выступом, который украшен убрисом, синей широкой полосой и двумя красными полосами по бокам, по нему черной краской нанесен орнамент – текст святого писания, предположительно из Евангелия, от которого остались лишь отдельные литеры. Снизу остатки бахромы, что придает нише вид убруса – материи.

Роспись арки, окаймляющей алтарь (рис. 6). На замке тяги карни-

за алтарной арки выделяется образ Спаса Нерукотворного («Убрус» или «Мандилион»). Этот сюжет однозначно атрибутирован всеми исследователями, которых мы упоминаем. На данном фрагменте росписи живописец изображает лик Спасителя на фоне плата, ткань которого собрана в складки, а концы его завязаны узлами, края ниспадают вниз. Темный силуэт лика Спасителя с запавшими глазами, сужающейся и слегка раздвоенной бородой, длинными локонами волос. Вокруг головы – нимб, в колористическом решении преобладает охра. В византийской иконографии образ Спаса Нерукотворного связывался с темой Воплощения, вследствие этого размещение живописного Убруса над престолом в алтаре храма отражает понимание образа как евхаристической жертвы.

А.С. Уваров указывал на наличие Нерукотворного образа (TONAGIONMAN) на плоскости арки алтарного свода, за которым изображены Св. Георгий, Св. Феодор и неизвестный святой; слева помещен Архангел Михаил (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). Н.И. Репников описал этот сюжет кратко, указав лишь на наличие образа «Убрус» и по три бюста святых (Репников, Архив ИИМК, л. 231). О.И. Домбровский более подробно исследовал центр арки с изображением Нерукотворного образа, за которым он видел фигуру Федора Тирона и двух юношей, которые к тому времени были уже неопределимы (Домбровский, 1966, с. 83–84).

Е.Н. Осауленко отметил сходство алтарной арки с иконным рядом, в центре которого Христос, представленный в иконографическом типе – «Мандилион», в окружении святых воинов: правее – Архангел Михаил;

левее – один из двух святых Федоров (Федор Тирон или Федор Стратилат) и Дмитрий Солунский (Осауленко, 2007, с. 104).

По обе стороны от центрального образа Спаса Нерукотворного А.С. Уваров наблюдал две фигуры в полный рост – Архангел Гавриил и Богоматерь (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). Н.И. Репников писал, что на южном краю арки просматривается фигура сидящей Богоматери на фоне палаты, а соответствующая ей фигура на северном краю – Архангела Гавриила утрачена (Репников, Архив ИИМК, л. 231). Композицию подобно исследовал О.И. Домбровский. Он рассмотрел здесь часть крыла, нимб и надпись рядом с ним, которая свидетельствует, что перед нами Архангел Гавриил, а с противоположной стороны – фигура Богоматери с пряжей (Домбровский, 1966, с. 84–95). Е.Н. Осауленко отметил уже фрагментарные остатки фигуры Гавриила и нечеткий силуэт Девы Марии на фоне башни с достройкой (Осауленко, 2007, с. 109). Как видим, в атрибуции этого сюжета исследователи единогласны – Архангел Гавриил и Богоматерь.

Таким образом, перед нами традиционная композиция Благовещения. Изображение Спаса Нерукотворного, которое перемещено в пределы алтарного пространства, объединяет других святых воинов. Оно, по своему содержанию и глубинному смыслу, становится центральным элементом композиции Благовещения, разделяя ее на две равные части.

Роспись свода. У самой арки центр свода украшает медальон с изображением образа Богоматери типа «Знамение». А.С. Уваров отмечал подпись Н ПΑΝΑΓΙΑ (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). Н.И. Репников

(Репников, Архив ИИМК, л. 231) и О.И. Домбровский (Домбровский 1966, с. 86–87) также подтверждают наличие данного образа на плоскости центра свода. О.И. Домбровский также указывает на одну особенность – опущенные веки Богородицы, проводя аналогии такой трактовки «Знамения» с итальянской живописью XV в. (Домбровский, 1966, с. 86–87).

По мнению Е.Н. Осауленко, изображение Богородицы в медальоне принадлежит к типу Одигитрия («Оранта», или «Великая Панагия», или Влахернская икона Божией Матери, или «Влахернетисса») (Осауленко, 2007, с. 96).

Мы различаем здесь поясное изображение Богородицы с молитвенно воздетыми руками на красном фоне. Она одета в темно-пурпурный мафорий. На груди Богоматери диск, где изображен Младенец Иисус Христос, знак таинственного воплощения от Богоматери всемогущего Бога (рис. 6). Таким образом, как видим, на медальоне представлен иконографический тип изображения образа Богородицы – «Знамение».

По обе стороны от «Знамения» А.С. Уваров на южной стороне видел Св. Диакона с кадильницей. На северной стене он так же отметил наличие изображений, но конкретных описаний не представил (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). Н.И. Репников только обозначил присутствие фигуры в рост в обрамлении без идентификации, видимо, в связи с сильными утратами (Репников, Архив ИИМК, л. 231). О.И. Домбровский по обе стороны от «Знамения» в декоративных аркосолиях отмечал две фигуры в рост библейских пророков в царских облачениях (Домбровский, 1966, с. 86–87). Е.Н. Осауленко считает, что

с правой и левой стороны от «Знамения» в арках помещены изображения пророка Моисея в образе царя аскета (на северном своде) и пророка Аарона на южном своде (Осауленко, 2007, с. 101).

На южной стене под сводом с изображениями пророков А.С. Уваров видел образы Св. Параскевы и Св. Марины (Герцен, Могаричев, 2017б, с. 181). Н.И. Репников указывал на наличие здесь двух бюстов святых (Репников, Архив ИИМК, л. 231). О.И. Домбровский трактовал данные образы как изображение жемчужницы (Домбровский, 1966, с. 88). Е.Н. Осауленко отметил, что изображение двух мучениц сильно повреждено, и по этой причине невозможно провести иконографического и художественного анализа фрески (Осауленко, 2007, с. 110).

Северная стена уже при обследовании церкви А.С. Уваровым была сильно повреждена. Соответственно и Н.И. Репников там изображений не видел. Е.Н. Осауленко предположил, что на северной стене могло быть парное изображение полуфигур святых мужей (Осауленко, 2007, с. 109).

Таким образом, приведенная нами графическая схема реконструкция (рис. 6), основанная на опубликованных и архивных источниках, а также натурных наблюдениях, впервые представляет цельно иконографию церкви Южного монастыря Мангуца и позволяет судить о богословско-литургическом содержании живописного ансамбля росписи: лейтмотивом фресковых росписей пещерного храма Южного монастыря Мангуца являлась тема искупительной жертвы Иисуса Христа. Вероятно, это богословско-литургическое содержание было чрезвычайно актуально для феодоритов.

Что касается датировки фресковых росписей, то, на основании исключительно искусствоведческого анализа не представляется возможным определить их узкую хронологию и даже однозначно отнести их только к XV в. Немногочисленный фрагментированный археологический материал, обнаруженный при зачистке монастыря, датируется XIV–XV вв. (Герцен, Могаричев, 1996, с. 21–26, 37–41). Однако наши представления об истории и культурных напластованиях Мангупского городища исключают XIV в. как время возможного появления церкви и фресок в ней. Напомним, уже во второй половине XIV в., вероятно с начала 60-х гг., письменные, археологические и эпиграфические источники фиксируют становление на плато Мангупа центра княжества Феодоро, находившегося в системе золотоордынских владений в Крыму (Герцен, Науменко, 2016). Но уже в конце этого столетия данное государственное образование и его столица были разорены войсками самаркандского правителя Тимура. Отметим, ни архитектурные особенности монастыря, ни фресковые росписи не позволяют выделить там следы тимуровского разгрома и последующего запустения, подробно описанного иеромонахом Матфеем (Герцен, 2003). Крайне маловероятно, что сооружение храма могло произойти после захвата столицы Феодоро турками-османами (1475 г.), когда погибла значительная

часть христианского населения, а город превратился в центр кадылыка (Руев, 2014, с. 187–264). Поэтому, скорее всего, гипотеза А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева о датировке комплекса первой половиной XV в. и его связи с правящей династией Феодоро представляется наиболее аргументированной. Вероятно, монастырь был основан, а его церковь впервые расписана во время «строительного бума» 20–30-х гг. XV в., развернувшегося на Мангупе в период правления князя Алексея. Тогда существенно реконструируется цитадель, возводится Вторая линия обороны, основательно перестраивается базилика, строится дворец (Герцен, 2017, с. 360). Кроме того, были построены крепости Фуна и Каламита, реконструирована базилика в Партените (Степаненко, 2018, с. 111). Мы не исключаем отдельных обновлений фресок и при последующих правителях Феодоро. Если верна версия о связи Южного монастыря с княжеской династией Феодоро, то, соответственно, каждый последующий ктитор обители мог оставить о себе память в виде новых росписей в церкви или обновления старых. Отметим, что, например, мангупский дворец основательно перестраивался в 50–60-е гг. XV в. (Герцен, Науменко, Душенко, 2018, с. 57). По мнению В.П. Кирилко, в его современном виде возводится донжон цитадели (Кирилко, 2005, с. 229).

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея / А.Г. Герцен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. X. 2003. С. 562–589.
2. Герцен А.Г. Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. XXII. 2017. С. 348–368.
3. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.

4. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения Мангупа // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». Том 3 (69). № 3. Симферополь, 2017а. С. 102–129.

5. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Мангуп в описании А.С. Уварова // История и археология Крыма (ИАК). Вып. VI / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Феникс, 2017б. С. 177–207.

6. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. Вып. 9 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш. Марджани АН РТ, 2016г. С. 247–258.

7. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава 28 мая– 1 июня 2018 г.) Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеев. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 53–58.

8. Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. Исследование, реставрация и охрана памятников. М.: Наука, 1966. 386 с.

9. Дело Императорской археологической комиссии о древнем христианском храме открытом на горе Мангуп, близ города Бахчисарая Таврической губернии / Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 104.

10. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова Думка, 1966. 110 с.

11. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: ИД «Стилос», 2005. 269 с.

12. Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма (По сообщению А.Л. Бертье-Делагарда) // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. XX. Одесса, 1897. С. 149–162.

13. Маркевич А.И. Экскурсия на Мангуп // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1890. № 9. С. 101–107.

14. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия. 1997. 384 с.

15. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.

16. Могаричев Ю.М. Скальные церкви Горного Юго-Западного Крыма // Наследство и культурен пейзаж. Известия на регионален исторически музей Русе. Кн. XVIII / Ред. А. Калоянов. Русе, 2015. С. 67–104.

17. Осауленко С.М. Відображення візантійської аскетичної естетики в мистецтві Кримської Готії початку XV століття на прикладі розписів печерної церкви „Південного монастиря” на Мангупі // Лаврський альманах. Вип. 17 / Отв. ред. С. Кролевец. Київ: Фенікс, 2007. С. 92–111.

18. Попов А.Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1888. 131 с.

19. Протоколы заседаний ТУАК от 26.08.1911 // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 47 / Ред. А.И. Маркевич. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1912. С. 29–40.

20. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.

21. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь: Антиква, 2014. 306 с.

22. Степаненко В.П. К реконструкции мангупской базилики на рубеже XIV–XV вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70). № 3. Симферополь, 2018. С. 106–117.

Информация об авторах:

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН; профессор, заведующий кафедрой, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (г. Симферополь, Россия); mogara@gambler.ru

Ергина Алена Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица (г. Санкт-Петербург, Россия); yergina.alyona@gmail.com

**THE MURALS OF THE CAVE CHURCH OF THE SOUTH MANGUP
MONASTERY: THE SPECIFICS OF THE ICONOGRAPHY
AND THE FEATURES OF THE COMPOSITION²**

Yu.A. Mogarichev, A.S. Ergina

In the paper the specifics of iconography and features of the compositional solution of fresco paintings (first half of the 15th century) of the cave church of the Southern monastery of Mangup fortification are studied. The Mangup settlement was the capital of the principality of Theodoro during the second half of 15th – 1475. The interior of the monastery did not reveal any noticeable alterations. The murals were located in the apse (in the niche and the conche), on the arch, bordering the altar and the frieze above the arch. The Southern Monastery and its cave church from the second half of the 19th century mentioned in guide-books and other popular literature. Nevertheless, not so much serious scientific literature is known about the murals of the cave church of the South Mangup monastery. The authors analyze the description of the iconography of the fresco paintings, compiled by A.S. Uvarov, N.I. Repnikov, O.I. Dombrowski and other scholars with their field observations. The research was based on the studied historical and scientific descriptions of the frescos of the cave church of the South Mangup monastery. It was determined by the authors that the theme of the atoning sacrifice of Jesus Christ is the leitmotif. Probably, this theological and liturgical content was extremely important for the Theodorites. The study of the painting program of the cave church of the Southern monastery of the Mangup settlement allowed presenting a scheme for the reconstruction of the painting.

Keywords: archaeology, iconography, Christianity, cave churches, monastery, the murals, Crimea, Mangup.

REFERENCES

1. Gertsen, A. G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (10). 562–589 (in Russian).
2. Gertsen, A. G. 2017. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (22). 348–368 (in Russian).
3. Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1996. *Peshchernye tserkvi Mangupa (Mangup Cave Churches)*. Simferopol': "Tavriia" Publ. (in Russian).
4. Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2017. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T. 3(69) (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. V. 3(69))* (3). 102–129 (in Russian).
5. Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 2017. In Majko, V.V. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* VI. Simferopol': "Phoenix" Publ., 177–207 (in Russian).
6. Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2016. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 9. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 247–258 (in Russian).

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-312-50001"

7. Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Dushenko, A. A. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonos femata: imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii (Χερσωνος Θεματα: Empire And Policy)* X. Sevastopol'-Simferopol', 53–58 (in Russian).
8. Grabar, I. E. 1966. *O drevnerusskom iskusstve. Issledovanie, restavratsiia i okhrana pamiatnikov (On Ancient Rus Art. Study, Restoration and Protection of Monuments)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. *Delo Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii o drevnem khristianskom khrame otkrytom na gore Mangup, bliz goroda Bakhchisaraya Tavricheskoi gubernii (Case of the Imperial Archaeological Commission on an Ancient Christian Church opened on Mount Mangup, near the town of Bakhchisaray in Taurida Governorate)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 104 (in Russian).
10. Dombrovskii, O. I. 1966. *Freski srednevekovogo Kryma (Frescoes of Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova Dumka" Publ. (in Russian).
11. Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy 1423–1475 gg. (Fortress Ensemble of Funa in 1423–1475)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
12. Latyshev, V. V. 1897. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti (Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 20. Odessa, 149–162 (in Russian).
13. Markevich, A. I. 1890. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 23, 101–107 (in Russian).
14. Mogarichev, Yu. M. 1997. *Peshchernye tserkvi Tavriki (Cave Churches of Tauris)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
15. Mogarichev, Yu. M. 2005. «Peshchernye goroda» v Krymu ("Cave Towns" in Crimea). Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
16. Mogarichev, Yu. M. 2015. In Kaloyanov, A. (ed.). *Nasledstvo i kulturen peizazh. Izvestiia na regionalen istoricheski muzei Ruse (Heritage and Cultural Landscape. Proceeding of Rosse Regional Museum of History)* XVIII. Ruse, 67–104 (in Russian).
17. Osaulenko, C. M. 2007. In Krolevets', S. (ed.). *Lavr's'kii al'manakh (Lavra Almanac)* 17. Kiiv: "Phoenix" Publ., 92–111 (in Ukrainian).
18. Popov, A. N. 1888. *Vtoraia uchebnaia ekskursiia Simferopol'skoi muzhskoi gimnazii v Bakhchisarai i ego okrestnosti (The Second Study Tour of the Simferopol Male Gymnasium in Bakhchisaray and its Surroundings)*. Simferopol: "Tavriya provincial printing" (in Russian).
19. In Markevich, A. I. (ed.). 1912. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 47, 29–40 (in Russian).
20. Repnikov, N. I. *Materialy k arkheologicheskoi karte Iugo-Zapadnogo nagor'ia Kryma (Materials for Archaeological Map of South-Western Highland of Crimea)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 10, dossier 10 (in Russian).
21. Ruev, V. L. 2014. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 g. (Turkish Invasion of Crimea in 1475)*. Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).
22. Stepanenko, V. P. 2018. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T. 4(70) (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. V. 4(70))* (3). 106–117 (in Russian).

About the Authors:

Mogarichev Yu. M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; Professor, Head of the Department, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education; Lenin Str., 15, Simferopol, 295000, Crimea, Russian Federation; mogara@rambler.ru

Ergina Alena S. Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Steiglitz. Solyanoy pereulok, 13, Saint Petersburg, 191028, Russian Federation; yergina.alyona@gmail.com

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

УДК 903.4; 903.2; 551.8

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.224.236>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ – АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА «БОСРА»

© 2019 г. Ш. АлАсаад

Автором представлена история становления и современное состояние музея – археологического объекта «Босра» в Сирии. Сирия обладает огромным археологическим наследием, значимым не только для страны, но и для мира в целом. Это привело к тому, что археологические музеи здесь имеют различные типы и формы, включая и музеи под открытым небом. Самым важным из этих музеев является музей на территории Босры. Ему присущи некоторые особенности с точки зрения сохранения археологических артефактов, история которых восходит к различным цивилизациям. Данная территория постоянно населялась, начиная с бронзового века и вплоть до конца исламской эры. Археологический памятник и музей представляют собой единое целое, дополняют друг друга. Автором анализируются проблемы и перспективы его развития, пути его превращения в пример для других музеев – археологических объектов Сирии.

Ключевые слова: археологический объект, музей, всемирное культурное наследие, ЮНЕСКО, Босра, Сирийская Арабская Республика.

Сирийская Арабская Республика – одна из богатейших стран мира по своему археологическому, историческому, культурному наследию, на протяжении тысячелетий сформированному различными древними цивилизациями и народами. Это стало толчком для масштабных археологических исследований на ее территории и, как следствие, роста числа музеев. Значительное количество сохранившихся в хорошем состоянии древних сооружений: храмов, дворцов, крепостей, скульптур и т. д., относящихся к разным эпохам, предопределило широкое распространение здесь такого типа музеев, как музей – археологический объект.

Особое место по количеству проводимых раскопок, хорошо сохранившихся археологических объектов и древних сооружений, занимает южный регион страны Хоран (Босра, Дараа, Шагба, Канават, возвышенность Аль-Аш'ари, долина Шаррар). Соответственно, эта область выделя-

ется и по количеству археологических музеев, привлекая исследователей и туристов со всего мира. Археологические объекты широко распространены в различных уголках Хорана. Практически в каждом поселении обнаруживаются остатки древних культур, отлично сохранившиеся большие массивы артефактов, относящиеся к различным периодам истории (Sartre, 1989).

Одним из важнейших и крупнейших музеев – археологических объектов Хорана и всей Сирии является Босра в провинции Дараа (рис. 1). Этот город исторически отличался выгодным положением благодаря плодородным почвам и нахождению на перекрестке главных торговых путей. Впервые он упоминается в надписях из древнегипетского города Амарна уже в 1350 г. до н. э. Его удачное месторасположение привело к основанию здесь во II в. до н. э. первой столицы Набатейского царства. Позднее город являлся политическим, админи-

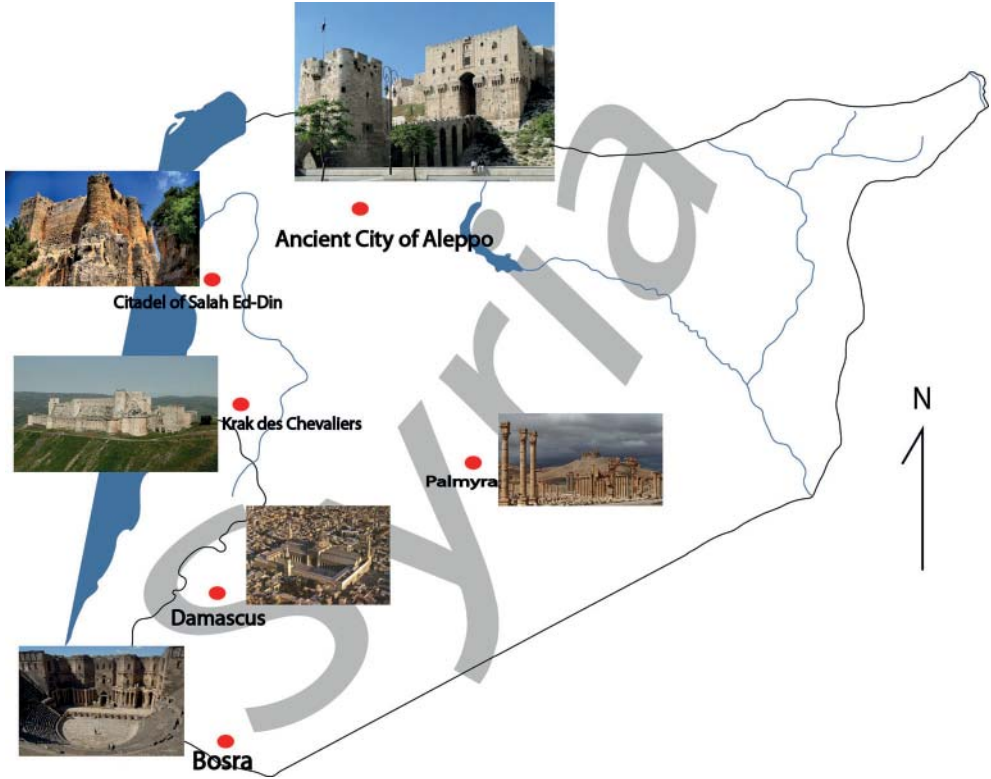

Рис. 1. Карта Сирийской Арабской Республики и объектов, включенных в Список всемирного наследия.

Fig. 1. Map of the Syrian Arab Republic and the sites included in the World Heritage List.

стративным, военным и экономическим центром аравийских провинций Римской империи. Во времена Византии он стал храмовым ансамблем, затем превратился в крупный мусульманский город и играл важную роль во времена расцвета ислама. Главным среди его многих достоинств являются сохранившиеся артефакты различных культур, последовательно и непрерывно сменявших друг друга от эпохи бронзового века и до периода расцвета средневековой исламской культуры (рис. 2). Такое сочетание образовало неповторимый древний город, привлекающий исследователей и туристов со всего мира, что побудило оказать ему должное внимание и раз-

личные государственные и частные структуры (рис. 3). Непрерывные раскопки и исследования, приводящие к регулярным уникальным находкам, подтолкнули ответственных чиновников к созданию здесь полноценного музея редкостей (Sartre, 2002).

Проводимые здесь с 1946 г. непрерывные археологические изыскания позволили открыть ряд основных древних улиц и важнейших зданий; в тоже время большая часть улиц города не изучена до сих пор. Археологические раскопки в Босре осуществляются под руководством Генерального департамента археологии и музеев Министерства культуры Сирии в сотрудничестве с

Рис. 2. Общий вид археологических раскопок Босры с воздуха.

Fig. 2. General aerial view of the archaeological excavations of Bosra..

Французским археологическим институтом Ближнего Востока (IFAO). Он приступил к исследованиям в 1974 г. в рамках экспедиции, работавшей на юге Сирии и финансируемой Министерством иностранных дел Франции. В Босре также проводили раскопки, в т. ч. совместно с сирийской, другие иностранные экспедиции: итальянская, немецкая, польская, Американского университета в Бейруте (Dentzer, 2002).

Первые шаги по оборудованию музея – археологического объекта «Босра» были сделаны в соответствии с планом, предложенным в 1968 г. инженером-архитектором из ЮНЕСКО Робертом Эмми. Прежде чем приступить к исследованиям территории, были снесены все современные жилые по-

стройки. Проект шел в несколько этапов: первые раскопки полосой в 40 м начались по оси восток–запад от ворот Баб-Эль-хава до ворот Баб-Эн-набит, затем аналогичные работы проводились в направлении север–юг. Требовалось, чтобы все работы были закончены в установленное время, найденные крупные артефакты перемещены в юго-западную часть за пределы деревни с помощью железной дороги и повозок, чтобы перейти к исследованиям осевых улиц города древнеримского периода. Р. Эмми настаивал на проведении отдельного исследования также и поселения, предполагая детальное изучение каждого дома с приложением планов построек и фотографий. После окончания исследования требовалось приведение в

Рис. 3. Общий вид археологических памятников на месте Босры.

Fig. 3. General view of archaeological monuments in Bosra.

порядок зоны, окружающей постройки, которую было решено сохранить. Предполагалось установление охранной зоны шириной более 200 м, свободной от каких-либо сооружений, постройка нового города для переселения туда местных жителей к юго-востоку от зоны древних строений.

Реставрационные работы и новая застройка начались в Босре одновременно с раскопками и продолжаются по сей день. Босра отличается тем, что до настоящего времени здесь проживают местные жители, переоборудовавшие старинные постройки из базальта и использовавшие каменные фрагменты старинных зданий для своего жилья. Поэтому были приняты закон, по которому снос и реставрация старинных и современных построек в археологической зоне возможны только с ведома и под наблюдением археологического управления Босры, а также государственная программа по национализации зданий в зоне археологических памятников, переселению жителей за ее пределы (Аму, 1969).

В ходе исследования и обустройства объекта проводились мероприятия по его сохранению и реставрации, в т. ч. установка нескольких каменных

колонн вдоль главных улиц и реставрация некоторых частей важнейших городских зданий. Но эти работы были сильно ограничены относительно основной массы старинных построек в городе.

Музей – археологический объект Босра принадлежит к числу немногих музейных комплексов мира, которые были населены непрерывно с древних времен, и где до настоящего времени продолжается жизнь. В результате здесь скопилось и перемешалось множество археологических и архитектурных памятников, относящихся к множеству цивилизаций и народов. Сегодня археологический комплекс Босра включает многочисленные хорошо сохранившиеся древние постройки набатейской, древнеримской, византийской и исламской эпох, расположенные вдоль главных улиц города (Sulaiman M., 1978). Археологический объект и музей образуют единое целое, дополняя друг друга, обеспечивая наилучшие и наиболее полноценные впечатления от посещения.

Центральным сооружением Босры является римский амфитеатр, вокруг которого в исламские времена поэтапно была построена крепость с 12

Рис. 4. Римский театр в археологических раскопках Босры.

Fig. 4. Roman theater at the site of archaeological excavations in Bosra.

башнями. Теперь амфитеатр и прилегающая крепость, дополняя друг друга, образуют архитектурный ансамбль неповторимой привлекательности и важности (Mukdad, 2000). Министерством культуры САР каждые два года в амфитеатре, вмещающем около 30000 зрителей (Dantzer, 1989), проводился фестиваль народных искусств, в рамках которого проходили сопутствующие мероприятия, например, ярмарка изделий народных умельцев (рис. 4).

Внутри крепости создан музейный комплекс для хранения ценностей, обнаруженных при археологических раскопках. Осмотр музейных экспонатов осуществляется путем перемещения вокруг древних сооружений под открытым небом. Основными местами показа являются музей народных традиций, открытый музей, музей классических и исламских артефактов (рис. 5).

Музей народных традиций основан в 1975 г. в башне № 5. В нем представлены сцены из жизни населения Хорана, которое занималось сельским хозяйством (AL-Khoga, 2008), предметы старинного быта различных групп жителей, инструменты и при-

надлежности. Картину дополняют фотографии, сделанные в городе Босра. Первая часть показа – это помещение, где принимали гостей и проходили собрания. Затем представлены кухня с утварью, процесс выпечки хлеба, далее – склад, где хранились крупы, запасы продуктов и инструменты для работы в поле. Также показаны образцы злаков, которые выращивались населением, чучела птиц и животных, населявших Хоран. Завершает музей комната невесты, где показаны свадебные приготовления, элементы традиционных костюмов местных жителей (рис. 6).

Открытый музей расположен на площадке между башнями №№ 4, 10 и 11. Его создание началось после окончания реставрации этой площадки в 70-х гг. 20 в. Основные экспонаты – это перенесенные с мест археологических раскопок статуи, фрагменты надписей и резных орнаментов на камне (рис. 7), относящиеся к различным периодам истории города. По краям площадки расставлены мраморные и каменные статуи на бетонных постаментах, некоторые каменные фрагменты на металлических основаниях. Фрагменты с надписями и орнамен-

Рис. 5. Исламская крепость в археологических раскопках Босры.

Fig. 5. Islamic fortress at the site of archaeological excavations in Bosra.

тами разложены непосредственно на полу вдоль окружающих площадку стен. На одной из стен представлено мозаичное панно. В последнее время изучался вопрос о реставрации второго уровня башни № 8 для помещения в него отдельно каменных фрагментов с исламскими надписями.

В башне № 7 в 1969 г. основан Музей классических и исламских артефактов с разнообразными находками, среди которых фрагменты глиняных и керамических изделий, украшения, драгоценности, монеты, резьба по мрамору, каменные и стеклянные предметы, относящимся к бронзовому веку (рис. 8) и последующим периодам: набатейскому, римскому, византийскому и исламскому временам. Экспонаты музея сгруппированы по видам материалов, из которых они изготовлены (историческая культура, к которой они принадлежат при распределении не принималась во внимание), и помещены в деревянные шкафы со стеклянными витринами. Площадь музея составляет около 150 кв. м. Она разделена на 5 залов, расположенных вокруг открытой центральной площадки, соответствующих нишам, где расположены 12 настенных, напольных и напольно-

пирамидальных шкафов. Из недостатков этого музея следует отметить отсутствие на экспонатах табличек с описанием, музейных указателей. Кроме того, экспонаты неправильно сгруппированы по категориям, недостаточно освещены – в целом экспозиция требует большой работы по ее улучшению. С основания музея никаких мероприятий по ее оптимизации или обновлению не проводилось. В связи с нехваткой площадей и большим количеством артефактов, которые нужно экспонировать, Главный департамент археологии и музеев постановил изучить проект по оборудованию второго этажа башни № 10, сообщающегося с площадкой, которую занимает музей под открытым небом (Al- Najî, 2008).

На основе приведенной информации можно сформулировать ряд основных предложений по развитию музейного комплекса Босра. Конечной целью в долговременной перспективе должно стать создание нового музея, который включил бы все обнаруженные и еще не открытые артефакты, имел помещения для проведения сопутствующих культурных мероприятий (конференций, лекций), специализированную библиотеку и

Рис. 6. Музей народных традиций в археологических раскопках Босры.

Fig. 6. Museum of Folk Traditions at the site of archaeological excavations in Bosra.

лабораторию. Здание музея должно соответствовать современным требованиям как для постоянной экспозиции, так и для временных выставок, иметь оборудованные места хранения для экспонатов, средства для обеспечения их сохранности в залах и в фондах, безопасности от краж и других факторов риска, места приема посетителей и другие службы. Археологический объект и музей должны оснащаться и управляться как единое целое, взаимно дополняя друг друга, взаимосвязано с окружающей природой (Al- Ean, 2005).

Необходимо возвращение артефактов, перемещенных из Босры в Национальный музей («Аль-Ватани») в Дамаске, в первую очередь тех, которые связаны с основанием города и его

постепенным развитием, и чей показ имеет символическое значение и поможет построить реалистичные музейные экспозиции для посетителей, например, коллекции монет со времени основания Босры, раскрывающие исторические названия города, имена его правителей.

В недостаточной мере приняты во внимание требования по оборудованию объекта всем необходимым для принятия посетителей. Установленные перед важнейшими древними постройками металлические указательные таблички на арабском и английском языках не выдержали влияния климата и быстро пришли в негодность. Имеется множество туристических изданий, рассказывающих о городе и его артефактах, но они никак не привязаны к местности и указателям, что значительно облегчило бы посетителям обзор. Вблизи крепости создан туристический центр, предоставляющий ряд услуг, но он не достиг намеченной цели, так как посетители в своей массе не знают о его наличии, и его посещение обычно происходит случайно.

Маршрут обхода достопримечательностей в Босре до сих пор не определен и, из-за слабой деятельности туристического центра, зачастую ограничивается посещением амфитеатра и крепости. Поэтому необходимы совершенствование работы последнего, оборудование точек с туристической информацией на входах в древний город, имеющий большую площадь и смешение современных и старинных построек, формирование и обучение команды гидов, способных проводить экскурсии для различных туристических групп, в т. ч. школьников как на арабском, так и на иностранных языках. Возможно открытие

Рис. 7. Открытый музей в археологических раскопках Босры.

Fig. 7. Open-air museum at the archaeological excavations of Bosra.

специализированного отдела для изучения мнения посетителей, опросов и регулярной оценки, что путем сбора данных позволит улучшить работу, отношение к посетителям, устранить недостатки, а также предоставить новые виды услуг, максимально удовлетворяющих гостей при посещении экспозиций, выставок, культурно-развлекательных мероприятий (Shettet, 2002).

Необходимо разработать маршруты в зависимости от имеющегося у туристов времени на посещение и их возможности по перемещению:

1 – короткий маршрут для тех посетителей, которые не располагают достаточным временем для обзора археологического объекта полностью;

2 – длинный и детальный маршрут, для школьных экскурсий и посетителей, желающих осмотреть весь музей-объект (Gob, 2006).

Построение туристических маршрутов должно выполняться в едином ключе, доносящем до посетителя определенную идею показа артефактов, быть связанным с экспонатами и указателями в точках туристической информации. Необходимо поместить определенные символы, связанные с экспонатами музея, на протяжении ту-

ристических маршрутов которые сформируют бы посетителей об особенностях древнего города, особенные знаки у артефактов, описание которых можно найти в туристическом путеводителе или на информативной табличке, расположенной вблизи экспоната. Эти указатели должны быть пронумерованы, номера даны в указателях, информативных табличках и туристических путеводителях так, чтобы облегчить продвижение посетителей от начала и до конца маршрута. Также можно использовать аудиоаппаратуру, установленную в точках туристической информации, предоставляя посетителям наушники, чтобы они включали и выключали запись в соответствии с номерами заявленных артефактов, избавив их от необходимости чтения во время передвижения. Нужно создание плана археологического объекта Босры с окружающими его территориями и другими археологическими объектами этой местности для увеличения туристического потока (Al-Naji, 2008).

На базе Босры возможно создание специального маршрута для паломничества, включающего наиболее важные исламские артефакты и здания, имеющие символическое религиоз-

Рис. 8. Музей классических и исламских артефактов в археологических раскопках Босры.

Fig. 8. Museum of Classical and Islamic Artifacts discovered at archaeological excavations of Bosra.

ное значение, например, монастырь несторианского монаха VII в. Бахиры, который, по преданию, в детском возрасте посетил пророк Мухаммед.

Необходимо учитывать особую важность школьных и молодежных групп, составляющих более 50% посетителей музеев, именно их нужно сделать приоритетом при разработке программ, расписания работы музея, цены билетов и др. Программы для молодежи подразумевают детский туристический маршрут, издание образовательных и развлекательных журналов, организацию праздничных и развлекательных мероприятий, проведение мастер-классов по раскопкам на протяжении нескольких дней, создание мастерских для детей по производству, реставрации и рисованию артефактов в специальном зале, разрешение для детей посещать в отдельные часы места раскопок и реставрации во время сезонных работ. Совокупность этих воспитательных, образовательных и, в то же время развлекательных мероприятий – перво-степенная задача музеев и одна из его целей по воспитанию сознательной и образованной молодежи, заинтересованной в бережном отношении и познании археологического наследия

и культуры своей Родины, что будет содействовать его сохранению, составлять основу их гражданского сознания. В результате развития этого направления уже появился международный образовательный проект «Молодежь и музей», финансируемый Европейским Союзом, в рамках которого идет сотрудничество и обмен опытом и информацией по теме роли музеев в образовании молодежи.

С учетом существующих недостатков по ряду моментов в области науки и археологических исследований, необходимо основание археологического исследовательского центра, координирующего деятельность всех экспедиций, научных организаций, занимающихся музейной деятельностью. Успех исследовательского и культурного проекта в Босре возможен лишь при должном взаимодействии между группой раскопок и командой, управляющей объектом и музеем, создании крепких связей между учеными и специалистами, которые представят наилучшие проекты по развитию и организации как археологического объекта, так и музея (Deledalle, 2003). Необходимо разрешение студентам и исследователям посещения запасников музеев и других складов артефактов для про-

ведения изучений и исследований, поощрение студентов-археологов, историков и искусствоведов за участие в работах на объекте Босры.

Важным представляется расширение использования информационно-коммуникационных технологий в залах экспозиций и на археологическом объекте для информирования посетителей, создание электронно-светового журнала на входе в музей или в зале приемов, представление информации о мероприятиях, деятельности и результатах археологических исследований, установка компьютеров в залах показа, создание специализированного зала со средствами мультимедиа с использованием широкоформатных или мини-экранов для показа фото-видеоматериалов, предоставление посетителям возможности самостоятельно выбирать тему для просмотра путем установки специальных кнопок или сенсорных экранов на маршруте осмотра музея. Совокупность этих средств поможет сделать информацию о коллекциях артефактов, выставленных в музее или на археологическом объекте, доступной для всех посетителей, которые смогут выбирать вид данных, необходимых и подходящих для них.

Для более эффективной защиты древних строений в Босре и на прилегающих территориях по причине их значительного количества, создающего трудности и увеличивающее время для сбора информации о них, нужно создание компьютерной базы данных, куда будет собрана вся документированная информация об экспонатах и артефактах как в музее, так и не перенесенных из зданий и построек на археологическом объекте, с детализированной информацией об этих артефактах и о результатах исследо-

ваний, проведенных по ним. Этих данные разместятся на интернет-сайте музея-объекта Босры, связанном с другими Интернет-ресурсами археологических объектов и музеев Сирии. Это поможет, в частности, устраивать виртуальные выставки с использованием компьютерных технологий и виртуальной реставрацией фрагментов, зданий и др. на основании археологических исследований, сделает возможным путешествие в прошлое с помощью виртуальной реальности на персональных компьютерах или больших экранах. Развитие в области музейных выставок и сохранения археологических ценностей сегодня невозможно без использования передовых технологий, которые сопровождают современное общество в повседневной жизни. Современный музей должен принимать во внимание его особенности, нужды и требования, чтобы прийти к успеху. Требуется обеспечение достаточного освещения, ночного и дневного, в местах показа экспонатов, внутри затемненных древних зданий как для удобства посетителей, так и для придания большей художественной выразительности старинным зданиям.

Повышение эффективности работы подразумевает создание группы помощников и друзей из числа жителей города, сотрудничество с мэрией города Босры. Как указано в докладе Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС, 1990), сотрудничество на каждом этапе с местными жителями любой возрастной группы – это важная часть в успешном выполнении программы сохранения археологических объектов, поэтому они должны играть важную роль в про-

движении объекта-музея и привлечении общественности.

Разработка стратегии по развитию и обновлению комплекса Босры подразумевает взаимодействие с международными организациями на местном и мировом уровнях, сотрудничество с арабскими и другими иностранными музеями, использование их опыта работ, постоянный обмен студентами и наработками, совместную деятельность по созданию музейных экспозиций и коллективные археологические экспедиции. Необходимо широко учитывать мировой опыт и координировать усилия со специальными международными организациями и центрами, всемирной организацией ЮНЕСКО, что, безусловно, будет способствовать достижению успеха и поставленным целям.

Музей-объект Босры до сих пор таит в себе археологические открытия, которые со временем придадут ему еще большую значимость в области культурного туризма. Необходимо продолжение археологических и музейных работ, начавшихся в 50-х гг. XX в., и, с перерывами, продолжающиеся до сих пор, полное открытие древнего города. Те особенности, которыми обладает древний город Босра, и выполнение перечисленных выше рекомендаций могут сделать его примером для археологических музеев Сирии, подлинным центром для ученых и исследователей, крупным пунктом мирового туризма, стать основой воплощения в жизнь любых проектов высокого качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиян Д. Сохранение культурного наследия. К арабской школе по сохранению и управлению культурным наследием // Мир знаний. Вып. 322. Кувейт, 2005. 36 p.
2. Аль-Кожак И. Мир музеев. Дамаск, 2008. 21 p.
3. Муганнад М. Управление археологическими объектами и переселение в старом городе на примере города Босра. Дамаск, 2009. 157 p.
4. Сулейман М. Босра. Дамаск, 1978. 53 p.
5. AL-Haji S. Les méthodes d'expositions des collections archéologiques romaines au musée, nature et mise en scène // Etudes comparative entre les musées en France et les musées en Syrie. Thèse de doctorat en muséologie, université de Bourgogne, France, 2008. P. 353–357.
6. Amy R. Mise en valeur de Bosra – Cham // Archéologie October 1968, rapport no. 1228/BMS, RD/CLT, Paris (UNESCO), 1969. P. 23–30.
7. Appear M. Mise en valeur des sites archéologiques en milieu urbain, Guide pratique, Rapport de recherche n° 30/3 // Commission Européenne: Direction Générale de la Recherche, Belgique, 2005. P. 45–48.
8. Dentzer J.-M. Archéologie et histoire de la Syrie II // La Syrie de l'époque schéménide à l'avènement de l'Islam, édité en coopération avec // la Direction Générale des Antiquités-Damas, Saarbrücker Druckerei und Verlag, Allemagne, 1989. P. 76–88.
9. Dentzer J.-M., Blanc P.-M., Fournet TH. Syrie le développement urbain de Bosra de l'époque nabatéenne à l'époque byzantine: bilan des recherches françaises, 1981–2002, revue d'art oriental et d'archéologie, publiée par. l'Institut français du Proche-Orient, Tome 79, Beyrouth, 2002. 21 p.
10. Gob A., Drouguet N. La muséologie: Histoire, développements, enjeux actuels, 2e édition, Armand Colin, Paris, 2006. 92 p.
11. Gob A., Drouguet N. La muséologie: Histoire, développements, enjeux actuels, 2e édition, Armand Colin, Paris, 2006. 19 p.

12. ICOMOS, Charte internationale pour la gestion du patrimoine archéologique, Préparée par le Comité International pour la Gestion du Patrimoine Archéologique (ICAHM) et adoptée par la 9ème Assemblée Générale de l'ICOMOS à Lausanne en 1990 . P 210– 235.

13. Morel-Deledalle M. Musées de sites et de reconstitutions, in Vestiges archéologiques en milieu extrême, Institut National du Patrimoine. Edition du patrimoine, Paris, 2003. 213 p.

14. Mukdad Kh. Le théâtre de Bosra (Syrie), thèse de doctorat Paris IV, Paris, 2000. P. 125–148.

15. Sartre M. La Syrie a l'époque hellénistique, in Archaeologie et histoire de la Syrie, Allemagne, 1989. 44 p.

16. Sartre M. La Syrie antique, Gallimard, France, 2002. 55 p.

17. Shettet H., Bitgood St. Les pratiques de l'évaluation des expositions: quelques études de cas, in publics et musées: 1994, n° 4, PUL, Lyon, 2002. P. 19.

Информация об авторе:

АлАсаад Шаза, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Дамасский университет (г. Дамаск, Сирийская Арабская Республика); shathaasaad88@gmail.com

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF “BOSRA” MUSEUM AND ARCHAEOLOGICAL SITE

Sh. AlAsaad

The author considers the history of establishment and contemporary state of “Bosra” museum and archaeological site in Syria. Syria has a vast archaeological heritage with a significance not only for the country, but also for the world in general. This has resulted in the fact that local archaeological museums feature various types and forms, including open-air museums. The most significant of these museums is the museum in Bosra. It is characterized by a number of particular features in terms of the preservation of archaeological artifacts, the history of which dates back to various civilizations. This territory was continuously populated starting from the Bronze Age until the end of the Islamic period. The archaeological monument and museum represent a single entity and complement each other. The author analyzes the issues and prospects of its development, and the means of becoming an example for other museums and archaeological sites of Syria.

Keywords: archaeological site, museum, World Cultural Heritage, UNESCO, Bosra, Syrian Arab Republic.

REFERENCES

1. Aliian D. 2005. *Sokhranenie kul'turnogo nasledia. K arabskoi shkole po sokhraneniui i upravleniui kul'turnym naslediem*(Seriia «Mir znaniui»). Vypusk 322) (*Preserving cultural heritage. To the Arab school for the preservation and management of cultural heritage. Series World of knowledge 322*, Kuwait, 2005 (in Russian).

2. Al'-Kozhak I. 2008. *Mir muzeev (World of museums)*. Damask (in Russian).

3. Mugannad M. 2009. *Upravlenie arkheologicheskimi ob"ektami i pereselenie v starom gorode na primere goroda Bosra (Management of archaeological sites and resettlement in the old city on the example of the city of Bosra)*. Damask (in Russian).

4. Suleiman M. 1978. *Bosra*, Damask (in Russian).

5. AL-Haji S. 2008. In *Etudes comparative entre les musées en France et les musées en Syrie. Thèse de doctorat en muséologie, université de Bourgogne*, France, 353–357 (in French).

6. Amy R. 1969. In *Archéologie*. October 1968, rapport no. 1228/BMS, RD/CLT, Paris (UNESCO), 23–30 (in French).

7. Appear M. 2005. In *Commission Européenne: Direction Générale de la Recherche, Belgique*, 2005. P. 45–48 (in French).

8. Dentzer J.-M. 1989. In *La Syrie de l'époque schéménide à l'avènement de l'Islam, édité en coopération avec*. la Direction Générale des Antiquités-Damas, Saarbrücker Druckerei und Verlag, Allemagne, 76–88 (in French).
9. Dentzer J.-M., Blanc P.-M., Fournet TH. 2002. *Syrie le développement urbain de Bosra de l'époque nabatéenne à l'époque byzantine: bilan des recherches françaises, 1981–2002, revue d'art oriental et d'archaeologie, publiée par*. l'Institut français du Proche-Orient, Vol. 79, Beyrouth (in French).
10. Gob A., Drouguet N. 2006. *La muséologie: Histoire, développements, enjeux actuels*, 2e édition, Armand Colin, Paris (in French).
11. Gob A., Drouguet N. 2006. *La muséologie: Histoire, développements, enjeux actuels*, 2e édition, Armand Colin, Paris (in French).
12. 1990. *ICOMOS, Charte internationale pour la gestion du patrimoine archéologique, Préparée par le Comité International pour la Gestion du Patrimoine Archéologique (ICAHM) et adoptée par la 9ème Assemblée Générale de l'ICOMOS à Lausanne en 1990*. P 210–235 (in French).
13. Morel-Deledalle M. 2003. *Musées de sites et de reconstitutions, in Vestiges archéologiques en milieu extrême, Institut National du Patrimoine*. Edition du patrimoine, Paris (in French).
14. Mukdad Kh. 2000. *Le théâtre de Bosra (Syrie)*, thèse de doctorat Paris IV, Paris, 125–148 (in French).
15. Sartre M. 1989. *La Syrie a l'époque hellénistique, in Archaeologie et histoire de la Syrie*, Allemagne (in French).
16. Sartre M. 2002. *La Syrie antique*, Gallimard, France (in French).
17. Shettet H., Bitgood St. 2002. *Les pratiques de l'évaluation des expositions: quelques études de cas, in publics et musées 1994*, n° 4, PUL, Lyon (in French).

About the Author:

AlSaad, Shaza. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Damascus University. Damascus, 30621, Syrian Arab Republic; shathaasaad88@gmail.com

Статья поступила в номер 01.03.2019 г.

Хроника

УДК 94/904 «04/14»

<https://doi.org/10.24852/2019.2.28.237.242>

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «АРХЕОБИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В БОЛГАРЕ И НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЗОЛОТОЙ
ОРДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

© 2019 г. Л.В. Яворская, С.Г. Бочаров

В статье представлена информация о проведении междисциплинарного семинара «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы». Семинар состоялся 10–14 апреля 2019 г на территории Международного центра археологических исследований Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в г. Болгар (Спасский район, Республика Татарстан). Участниками мероприятия стало более 30 ученых археологов и археобиологов, из России, Молдавии и Румынии. Цель мероприятия – демонстрация новых возможностей использования археобиологических материалов в качестве археологического источника для реконструкции процессов освоения человеком природных ресурсов и особенностей систем жизнеобеспечения на примере города Болгара и других поселенческих памятников Золотой Орды. В ходе семинара прозвучало 16 докладов в рамках 5 тематических сессий: археоботаника, палинология, исследование археологической древесины, археозоология и палеоантропология. Итогом мероприятия стало налаживание продуктивного взаимодействия археобиологов всех специальностей как между собой, так и с археологами. Впервые в России удалось заслушать и обсудить результаты археобиологических исследований в хронологических и территориальных рамках одной культурно-исторической общности, в данном случае – крупного средневекового государства Золотая Орда.

Ключевые слова: археология, археобиологические исследования, археоботаника, палинология, исследования археологической древесины, археозоология, палеоантропология, Золотая Орда, Болгар.

Междисциплинарный семинар с международным участием «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» состоялся 10–14 апреля 2019 г на территории Международного центра археологических исследований Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в г. Болгар. Цель мероприятия – демонстрация новых возможностей использования археобиологических материалов как археологического источника для реконструкции процессов освоения

человеком природных ресурсов, особенностей систем жизнеобеспечения на примере Болгара и других поселенческих памятников Золотой Орды (середина XIII–XIV вв.). На семинаре, проводимом Лабораторией естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН (ИА РАН, г. Москва), Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (ИА АН РТ, г. Казань) и Марийским государственным университетом (МарГУ, г. Йошкар-Ола), прозвучало 16 докладов. Участниками стало более 30 ученых

Рис. 1. Обложка программы Междисциплинарного семинара с международным участием «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» (<http://archtat.ru/content/uploads/2019/04/Programma-.pdf>)

Fig. 1. Cover of the program of Interdisciplinary Seminar with International Participation “Archaeobiological Studies in Bolgar and in the Settlements of the Golden Horde: Issues and Prospects” (<http://archtat.ru/content/uploads/2019/04/Programma-.pdf>)

археологов и археобиологов, из трех стран (Россия, Молдавия, Румыния) и различных городов Евразии от Владивостока до Ясс.

Особая ценность данного научного мероприятия состоит в том, что удалось заслушать и обсудить археобиологические исследования в хронологических и территориальных рамках одной культурно-исторической общности, в данном случае – крупного средневекового государства Золотая Орда. Уникальные специалисты – авторы и последователи большинства современных методических схем археобиологических исследований, используемых как в России, так и за рубежом, исследовали материалы из раскопок золотоордынских памятников, зафиксировали полученные результаты, выявили круг актуальных

проблем, вынесли на обсуждение свои новейшие теоретические и методические наработки. Работа семинара проходила в несколько заседаний по сессиям.

Анализ палинологических материалов, полученных на Болгарском городище из культурных напластований нескольких горизонтов и объектов разного типа, выполненный А.С. Алешинской и ее соавторами М.Д. Кочановой и О.В. Ушаковой (ИА РАН, Москва) в докладе «Археологические объекты разного типа на Болгарском городище: палинологический аспект», показал совпадение пыльцевых спектров конкретного хронологического периода в культурном слое и в датированных этим же временем объектах. Тем самым были продемонстрированы возможности палиноло-

Рис. 2. Участники семинара на экскурсии по Болгарскому городищу. Слева-направо: Л.В. Яворская, О.В. Ушакова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Л.Н. Соловьёва, А.Н. Бабенко, А.Ю. Сергеев, Е.Ю. Лебедева.

Fig. 2. Seminar participants on a tour of Bolgar fortified settlement. Left to right: L.V. Yavorskaya, O.V. Ushakova, A.S. Aleshinskaya, M.D. Kochanova, L.N. Solovieva, A.N. Babenko, A.Yu. Sergeev, E.Yu. Lebedeva.

гического метода для реконструкции не только изменений природной среды Среднего Поволжья в средневековую эпоху, но и для фиксации антропогенного воздействия на нее на конкретном участке городища. В докладе А.Н. Бабенко и А.Ю. Сергеева (ИА РАН, Москва) «Археоботанические исследования городища Маджары» на основе двух групп археобиологических методик: палинологических и археоботанических, примененных к материалам с городской мощеной улицы, было убедительно показано антропогенное воздействие, в частности, активный выпас скота в округе города Маджар.

Е.А. Сергушевой (ДВО РАН, Владивосток) в докладе «Междисциплинарное изучение киданьских городищ Монголии: опыт применения археоботанического подхода» удалось показать изменения в археоботанических спектрах, появление новых видов культурных растений в связи с приходом нового населения и изменением хозяйственной жизни в регионе.

В докладе Е.Ю. Лебедевой «Необычные «зерновые» скопления Болгарского городища – что в основе?» рассматривались карбонизированные скопления макроостатков растений, полученных из различных раскопов городища 2012–2015 гг. Впервые для

средневековой эпохи был тщательно рассмотрен состав таких скоплений и отчетливо зафиксировано, что они представляют собой не просто зерновые, а фуражные накопления. Изучение непыльцевых палиноморфов, макроостатков сорных и дикорастущих растений, и применение сферулитного анализа, озвученные в совместном докладе А.Ю. Сергеева и Е.Ю. Лебедевой «Семена дикорастущих и сорных растений из скоплений с зерном Болгарского городища» и в докладе А.Н. Бабенко «Проблема навозной составляющей в скоплениях с зерном на Болгарском городище: непыльцевые палиноморфы и сферулитный анализ», подтвердили выявленную специфику таких скоплений.

Долгое время считалось, что для золотоордынских памятников с сухим культурным слоем изучение изделий из дерева невозможно. Доклады Д.Ю. Бадеева и Л.Н. Соловьёвой (ИА РАН, Москва) «Предметы из дерева с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара (по материалам раскопов CLXXIX, СХСII)», а также доклад Л.Н. Соловьёвой (ИА РАН, Москва) и Д.А. Кубанкина (Исторический парк «Россия – Моя история», Саратов) «Находки деревянных изделий с Увекского городища (XIII–XIV вв.)», показали, что сгоревшие остатки сооружений и артефактов из дерева вполне определимы, и бережное отношение к ним при полевых исследованиях необходимо.

На археозоологических коллекциях, полученных из девяти городов Золотой Орды, было показано, что основным мясным продуктом в городах была говядина. Продукция степного скотоводства – баранина и конина – играла вспомогательную роль. Как показало исследование Л.В. Явор-

ской и Е.Е. Антипиной «Структура обеспечения мясными продуктами Болгара и городов Золотой Орды, расположенных в различных природно-ландшафтных зонах (по археозоологическим материалам)», специфика мясного обеспечения каждого города зависела от широты ресурсной зоны, пригодной для выпаса крупного рогатого скота. Именно поэтому в городах Нижнего Поволжья с узкой полосой азональных ландшафтов доля продукции степного скотоводства была выше, чем в других, компенсируя недостаток говядины. Специфика заполнения костями животных культурных напластований золотоордынских городов с высокой долей остатков мелкого рогатого скота была отчетливо продемонстрирована в докладе Л. Беженару (Alexandru Ioan Cuza University of Yassi, Yassi, Romania) и Л.В. Бакуменко-Пырнау (Институт культурного наследия Академии наук Молдовы, Кишинев, Молдова) об археозоологических материалах, полученных на городище Старый Орхей. Докладом С.Г. Бочарова, Л.В. Яворской и Р.С. Зори «К вопросу о торговле кожей в Золотой Орде: письменные свидетельства, археологические и археозоологические исследования» была выявлена особая роль кожевенного производства в экономических процессах в Золотой Орде.

На докладах палеоантропологической сессии были представлены широкие возможности применения известных методов палеоантропологии к изучению населения Золотой Орды и выявлению специфики заселения различных ее регионов. Успешный опыт интеграции краниометрических и остеометрических данных, а также популяционно-генетическая характеристика населения были продемон-

стрированы в докладах Д.В. Пежемского и Е.А. Вагнер-Сапухиной (МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр палеоэтнологических исследований, Москва) «Опыт интеграции краниометрических и остеометрических данных на примере городского населения Золотой Орды», «Популяционно-генетическая характеристика населения средневекового Болгара по данным об анатомических аномалиях черепа». Доклад Е.М. Макаровой (К(П)ФУ, Казань), Д.В. Пежемского (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), С.Г. Бочарова и Д.В. Иोजицы (ИА АН РТ, Казань) «Санитарное захоронение в керамическом горне XIV века в городе Болгар: археологический и палеоантропологический аспекты» познакомил со случаем преднамеренной казни одной из золотоордынских семей в эпоху междоусобиц.

Важной задачей семинара стало налаживание продуктивного взаимодействия археобиологов всех специальностей как между собой, так и с археологами. Отмечена необходимость археологических и археобиологических исследований золотоордынских сельских поселений, поскольку для палеоэкономических реконструкций существенно недостает этой информации. Обсуждалось необходимое минимальное количество проб для археоботанического и палинологического исследований с одного раскопа и памятника, с конкретных изучаемых объектов и естественных разрезов без антропогенного воздействия, археоло-

гической трансформации коллекций различных археобиологических материалов для получения существенного научного результата.

К тематике семинара удачно была сформирована экскурсионная программа. Перед началом научного мероприятия коллеги археологи и археобиологи «погрузились в эпоху», познакомившись с выставкой «Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи» в центре Эрмитаж-Казань в Казанском Кремле. В процессе работы семинара была предусмотрена обширная программа, состоящая из посещения Музея Болгарской цивилизации, архитектурных памятников и открытых экспозиций памятника культурного наследия ЮНЕСКО Болгарского историко-археологического комплекса. Завершение семинара ознаменовалось знакомством с музеями другого памятника культурного наследия ЮНЕСКО – «Острова-града Свяжск», в котором участники мероприятия особо отметили великолепно выполненные экспозиции Музея археологического дерева «Татарская Слободка».

Доклады, заслушанные в ходе работы семинара «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы», в связи с их важностью для средневековой археологии Восточной Европы, решено оперативно ввести в научный оборот, опубликовав в журнале «Поволжская археология».

Информация об авторах:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lilechka.yavorska@list.ru

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC SEMINAR WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “ARCHAEOBIOLOGICAL STUDIES IN BOLGAR AND THE SETTLEMENTS OF THE GOLDEN HORDE: ISSUES AND PROSPECTS”**L.V. Yavorskaya, S.G. Bocharov**

The paper contains information on the conduct of the interdisciplinary seminar “Archaeobiological Studies in Bolgar and in the Settlements of the Golden Horde: Issues and Prospects”. The seminar was held on April 10–14, 2019 at the International Center for Archaeological Research of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in Bolgar (Spassky District, Republic of Tatarstan). The event was attended by over 30 archaeologists and archaeobiologists from Russia, Moldova and Romania. The purpose of the event was to demonstrate the new possibilities of using archaeobiological materials as an archaeological source for the reconstruction of human development of natural resources and the specific features of life subsistence systems using the example of the Bolgar town and other settlement monuments of the Golden Horde. The seminar featured 16 reports within the framework of 5 thematic sessions: archaeobotany, palynology, archaeological wood research, archaeozoology and paleoanthropology. The event resulted was the establishment of productive cooperation of archaeobiologists from all fields of expertise with each other, as well as with archaeologists. For the first time in Russia, the participants familiarized with and discussed the results of archaeobiological studies in the chronological and territorial aspects of a single cultural and historical community, in this case a large medieval state of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, archaeobiological studies, archaeobotany, palynology, archaeological wood studies, archaeozoology, paleoanthropology, Golden Horde, Bolgar.

About the Authors:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lilechkayavorska@list.ru

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 20.04.2019 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
 АКУ – Археологические коллекции Казанского государственного университета
 АМУ – Археологический музей университета
 АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
 АО – Археологические открытия
 АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- ВАН – Вестник Академии наук СССР. М.
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВИ – Вопросы истории. М.
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ГИМ – Государственный исторический музей
 ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИА АН РТ – Институт Археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан
- ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА МГУ – Институт антропологии 1-го МГУ
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАИ – Институт археологии и искусствоведения РАНИОН
 ИГАИМК – Известия ГАИМК. М.; Л.
 ИГИЛ – Исламское Государство Ирака и Леванта.
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
- ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИКОМОС – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) ([англ.](#) International Council on Monuments and Sites)
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
- ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) Федеральный университет
 КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
- КемГУ – Кемеровский государственный университет
 КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
 МА К(П)ФУ – Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета
- МА МГУ – Музей антропологии 1-го МГУ
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России

- МО ГАИМК – Московское отделение ГАИМК
МО ИИМК – Московское отделение ИИМК
МС ГАИМК – Московская секция ГАИМК
н. э. – наша (новая) эра
НКП, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР
ООН – Организация Объединенных Наций;
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
ПГУ – Пермский государственный университет
ПЗОЕКазанУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань
ПМК – Постмаклашеевская культура
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПФУ – Приволжский федеральный университет. Казань
РА – Российская археология
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РО НА ИИМК – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САР – Сирийская Арабская Республика;
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
СНРПМ – Специальная научно-реставрационная производственная мастерская
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СЭ – Советская этнография
СЭ – Советская этнография. М.
ТА – Татарская археология
ТГИМ – Труды ГИМ. М.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЭОН – Экспедиции особого назначения
ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона
ЮНЕСКО – (от англ. UNESCO — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ИСАНМ – Научный комитет ИКОМОС
IFARO – Французский археологический институт Ближнего Востока;
ИКОМОС – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест
RAS – Russian Academy of Sciences
RFBR – Russian Foundation for Basic Research
TAS – Tatarstan Academy of Sciences

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–30 тысяч знаков (с пробелами), включая список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8 иллюстраций или таблиц.

ДИСКУССИИ. 5–15 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 5 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстрации.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf. (формат *.docx не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– **УДК**;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и **ключевые слова** (6–10 слов) на русском языке;

- **Список литературы (библиография)**
- **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;
- **Название статьи** на английском языке;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;
- **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;
- **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;
- **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);
- **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологии», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. М.: Наука, 1966. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразий-

ских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындынское II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 "04/14"

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия);
airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")****A.M. Gubaydullin**

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)**About the Author:**

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, .Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

*Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям,
к изданию в журнале не принимаются!*

**Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале
и на сайте журнала.**

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Технический редактор Хамидуллин Б.Л.

Подписано в печать 25.06.2019 г. Формат 70×108 1/16

Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.

Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+